

Фонд «Русский мир»
Министерство культуры Российской Федерации
Администрация Кемеровской области
Кемеровский государственный университет культуры и искусств
Совет молодых ученых
Координационный совет по культуре межрегиональной ассоциации
«Сибирское соглашение»
Кузбасский межвузовский совет по духовно-нравственному образованию
и воспитанию студенческой молодежи
Секция «Творчество» Российской академии естественных наук
Санкт-Петербургское отделение Российского института культурологии
Даляньский университет иностранных языков (КНР)

РУССКОЕ СЛОВО В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ И СОЦИАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

Сборник статей

по материалам Российской научно-практической конференции
с международным участием
«Русское Слово в культурно-историческом контексте»
(Кемерово – Далянь, 22 октября 2010 г.)

Том II

Кемерово – Далянь
2010

УДК 801.001
ББК 81.001.2
Р89

Председатели редакционной коллегии:

Е. Л. Кудрина, ректор Кемеровского государственного университета культуры и искусств,
доктор педагогических наук, профессор;

Сунь Юйхуа, ректор Даляньского университета иностранных языков,
профессор

Редакционная коллегия:

Г. Н. Миненко, директор центра исследований духовной антропологии, доктор культурологии, профессор КемГУКИ, *А. С. Двуреченская*, и. о. зав. кафедрой культурологии, кандидат культурологии, старший преподаватель КемГУКИ (Т. 1, раздел 1); *А. В. Шунков*, проректор по научной и инновационной деятельности, кандидат филологических наук, доцент КемГУКИ (Т. 1, раздел 2, глава 2.1, глава 2.2, глава 2.3, глава 2.4); *Н. Л. Прокопова*, заведующая лабораторией теоретических и методических проблем искусствоведения, доктор культурологии, профессор КемГУКИ (Т. 1, раздел 3, глава 3.1); *И. Г. Умнова*, зав. кафедрой теории и истории искусств, кандидат искусствоведения, доцент КемГУКИ (Т. 1, раздел 3, глава 3.2); *Г. С. Елисеенков*, зав. кафедрой дизайна, доцент КемГУКИ (Т. 1, раздел 3, глава 3.3); *Ю. В. Клецов*, зав. кафедрой философии, права и социально-политических дисциплин, кандидат философских наук, доцент КемГУКИ (Т. 2, раздел 1); *М. В. Межова*, и. о. зав. кафедрой иностранных языков, кандидат культурологии, доцент КемГУКИ (Т. 2, раздел 2); *М. Г. Ильина*, зав. кафедрой французской филологии, кандидат филологических наук, доцент КемГУ (Т. 2, раздел 3, глава 3.1); *М. В. Белозерова*, директор НИИ толерантности и межкультурных коммуникаций, доктор исторических наук, профессор КемГУКИ (Т. 2, раздел 3, глава 3.2); *Жэнь Сюемэй*, заместитель директора института китайского языка Даляньского университета иностранных языков, руководитель русского центра фонда «Русский мир» (г. Далянь, КНР), *Е. Е. Рыбникова*, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка и славяно-русского языкознания КемГУ, *А. А. Лушпей*, старший преподаватель кафедры литературы и русского языка КемГУКИ (Т. 2, раздел 4)

Ответственный редактор:

О. Ю. Астахов, ведущий научный сотрудник научного отдела,
кандидат культурологии, доцент КемГУКИ

Рецензенты:

Ю. И. Минералов, зав. кафедрой русской классической литературы и славистики, заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук, профессор Литературного института им. М. Горького (г. Москва);

Ирина Кантарбаева-Билл, преподаватель Университета Тулузы II (Франция);

Лю Хун, профессор факультета русского языка Даляньского университета иностранных языков (КНР);

Йоланта Митурска-Бояновска, доктор филологических наук Щецинского университета (Польша)

Р89 Русское Слово в культурно-историческом и социальном контексте [Текст]: сборник статей по материалам Российской научно-практической конференции с международным участием «Русское Слово в культурно-историческом контексте» (Кемерово – Далянь, 22 октября 2010 г.): в 2 т. / Кемеровский государственный университет культуры и искусств, Даляньский университет иностранных языков (КНР); редкол.: Е. Л. Кудрина, Сунь Юйхуа, А. В. Шунков, Г. Н. Миненко, А. С. Двуреченская, Н. Л. Прокопова, И. Г. Умнова, Г. С. Елисеенков, Ю. В. Клецов, М. В. Межова, М. Г. Ильина, М. В. Белозерова, Жэнь Сюемэй, Е. Е. Рыбникова, А. А. Лушпей, О. Ю. Астахов (отв. ред.). – Далянь; Кемерово: КемГУКИ, 2010. – Т. II. – 319 с.

ISBN 978-5-8154-0205-8

Во II том сборника включены статьи, посвященные рассмотрению актуальных вопросов изучения развития Слова как первоосновы русской культуры в контексте институциональных форм его бытования, межкультурных коммуникаций. Рекомендуются ученым-гуманитариям, студентам, аспирантам, преподавателям учебных заведений.

УДК 801.001
ББК 81.001.2

Сборник издан при финансовой поддержке Фонда «Русский мир», договор № 480 ГР/II-155-10

ISBN 978-5-8154-0205-8

© Кемеровский государственный университет
культуры и искусств, 2010

Раздел 1. СЛОВО В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИКАХ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В. И. Красиков

Кемеровский государственный университет

ЛИТЕРАТУРНЫЕ КРУЖКИ И ПЕРВЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ «КРИСТАЛЛИЗАЦИИ» В РОССИИ (10–30-е годы XIX в.)

Складывание единого сообщества интеллектуалов в России специфично. В большинстве исторических прецедентов ранняя философия в виде самостоятельного образования появляется среди других форм общественного сознания относительно поздно – прежде всего, под влиянием кардинальных изменений внешних организационных основ существующих духовных практик. Другими важными условиями ускоренного роста интеллектуального сообщества являются: развитие коммерции, политический плюрализм, космополитизм в сфере духа (интенсивный «импорт» идей из развитых регионов), кризис традиционных религиозных практик. В России начала XIX в. мы обнаруживаем своеобразное соединение всех этих изменений и условий.

В связи с усилением цензурного гнёта частная периодика к началу 1820-х годов, фактически, потеряла право освещать общественно-политическую жизнь страны, зарубежная же информация была до предела сокращена. Это привело к тому, что журнальная публицистика, как таковая, исчезла со страниц изданий. Отклики и рассуждения на злободневные темы читатель теперь должен был искать в научных статьях по истории, философии, политической экономии, географии, а также в беллетристике, литературной и художественной критике.

Вот потому-то науки, философия и литературная критика стали – и оставались, практически, 200 лет (до 90 гг. XX в.) – столь востребованными и процветающими в России, вызывая изумление западных интеллектуалов. Но данное обстоятельство явилось и причиной замедления развития самой философии, препятствуя её специализации и «академизации», сохраняя невнятицу и размытость форм на пограничье с литературной критикой, историей, социально-экономическими проблемами и нравоучительными трактатами: философы уходили в публицистику из-за административного ущемления их прав на свободу мысли и слова, а журналисты-публицисты охотно «философствовали».

Именно декабристы создали, впервые в России, свой «медийный» лагерь, став модными, очень хорошо продаваемыми авторами, «мэтрами» демократии. «Мозговым штабом» лагеря стали две полутайные литературные организации – «Зелёная лампа» (Ф. Глинка, С. Трубецкой, Я. Толстой, А. Пушкин, Н. Гнедич, А. Дельвиг) и «Вольное

общество любителей российской словесности» (К. Рылеев, А. и Н. Бестужевы, А. Корнилович, В. Кюхельбекер, Н. Тургенев, О. Сомов, П. Вяземский). Рупорами «штаба» были журналы «Сын отечества», «Соревнователь просвещения и благотворения», «Невский зритель», а также альманахи «Полярная звезда» и «Мнемозина».

Мировоззренческие пристрастия и нравственные идеалы определялись в литературной форме и через борьбу литературных форм, а во след литературе уже тихо и исподволь подкрадывалась философия. Дискуссии, в которых вырабатывались и определялись позиции, привлекали к себе внимание широкой публики, становясь фокусными. «Фокусными» мы называем их потому, что к ним стягивалось внимание образованной и общественно активной публики того времени, а их участники были «привилегированными спорщиками», т. е. людьми, имевшими авторитет и влияние на умы своих современников (в этих дискуссиях формировались и они сами, и разделяемые ими в более позднее время общественные позиции).

Взгляды этих «привилегированных спорщиков» не были едиными – равно, как и их «резонансность», т. е. степень общественной известности и публичного признания. Таковыми их делала совокупность исторически обусловленных обстоятельств, выдвигавших на передний край общественного внимания те или иные вопросы, в силу тех или иных причин приобретающие статус «злободневных». Конечно, нередко мы склонны задним числом приписывать всему случившемуся строгую детерминацию, объясняя прошлое неизбежным ходом событий. В данном случае, как представляется, указанные обстоятельства следует интерпретировать именно в духе «вот так случившегося».

Ещё в первом десятилетии XIX в. дискуссия между «шишковистами» и «карамзинистами» была, как мы бы сейчас сказали, исключительно лингвистической (по поводу соотношения старых стилей выражений, живого разговорного языка и иностранных языковых заимствований). Интеллектуалы «новой волны», имевшие, в отличие от своих предшественников, идейную общность, впервые спаянную крепкой организационной основой, вывели литературные споры на новый уровень обобщений – уже явственно связывая их и с национальным менталитетом, и с задачами выстраивания новых общественных идеалов в подготовке будущих решительных изменений. Складываются основы социально-инженерных установок конструирования «национальных идей» и воспитания «новых людей». Однако и эти интеллектуалы были «литературоцентричны» и оставались таковыми, за редкими исключениями, вплоть до рубежа XIX – XX вв. Основными «фокусными» дискуссиями с их участием стали [1]:

– Полемика вокруг баллады Жуковского «Людмила», в которой тот подражал балладе немецкого поэта Бюргера «Ленора» (толчок к спору дал Катенин, опубликовавший в «Сыне отечества» переделку последней – балладу «Ольга»). В отличие от Жуковского, придавшего своей «Людмиле» таинственную, мистическую окраску, Катенин создал «Ольгу» как национальную русскую балладу. За Жуковского высказался Гнедич, а за Катенина – Грибоедов, остроумно высмеявший сентиментально-

мечтательный характер баллады Жуковского, в которой даже мертвец «сбивается на тон аркадского пастушка». При этом критики декабристского лагеря (Бестужев, Рылеев, Кюхельбекер, Сомов) проповедовали «истинный», «гражданский» романтизм и народность в духе пушкинских «Руслана и Людмилы», «Кавказского пленника» и «Бахчисарайского фонтана», а не элегический, мечтательный, чувствительный романтизм, где воспеваются чувства грусти, тоски, уныния.

– Полемика вокруг комедии Грибоедова «Горе от ума», по поводу которой критик из противоположного декабристам лагеря М. Дмитриев в «Вестнике Европы» (1825, № 6) доказывал, что она написана в подражание комедии Мольера «Мизантроп» и что всё изображенное в ней совсем не характерно для России. Согласно Дмитриеву, Чацкий – это «сумасброд», который «умничает» перед другими. Защиту общественно-политического пафоса пьесы организовали лучшие силы «Зелёной лампы» и «Вольного общества». При этом «обличительство» Чацкого, его идеализм и романтизм были приняты почти восторженно.

Приоритет и заслуга в публичной деятельности дворян-интеллектуалов – в пропаганде работы по, выражаясь современным языком, «конструированию национальной идентичности» и созданию национальной литературы, которая бы не копировала европейские образцы, а выражала бы национальное самосознание в духе гражданственности и патриотизма. И, заметьте, об этом говорили, в основном, именно «роевропейски» настроенные мыслители. Эта исходная органичность сочетания преклонения перед Западом и любви ко всему русскому возникла до «великого размежевания» славянофилов и западников, последовавшего через полтора-два десятилетия.

Примечательно, что в литературно-критической практике дворянских интеллектуалов сложились также некоторые основные жанры публицистической деятельности последующих поколений радикалов – в частности, аналитический обзор в духе идеологии «прогрессивное – реакционное» и статьи в жанре наставления-указания о критериях «прогрессивного». Бестужев опробовал и популяризовал обзоры «Взглядов на русскую словесность», ставшие не столько собственно литературными, сколько политическими (притом, как правило, выраженными «эзоповым языком») манифестациями, что позднее воспримет и «неистовый Виссарион». Кюхельбекер много писал в духе наставлений, исходя из того, что общественно значимые идеи должны быть выражены, прежде всего, в таких жанрах, как гражданская ода, героическая поэма, трагедия, народно-патриотическая дума, сатира и комедия. Уже в подобных проповедях нетерпимости начинает проявляться складывающийся социальный типаж и характер русской интеллигенции. Показательно, что тогдашние «властители дум» довольно прохладно отнеслись к реализму первой главы «Евгения Онегина» и к мечтательности пушкинских элегий, считая это движением вспять.

Однако и на сугубо литературных по своему характеру дискуссионных площадках того времени неожиданно появляются первые провозвестники «чистого философствования». В отделе «Философия» альманаха «Мнемозины» стали появляться статьи

В. Одоевского, а также была опубликована статья профессора Московского университета М. Павлова «О способах исследования природы», в которой доказывалось преимущество умозрительного метода перед эмпирическим и которая произвела сильное впечатление не только на современников, но и на представителей последующего поколения. Именно «Мнемозина» стала звеном, связывающим отечественных «политических мудрецов» и родоначальников политического радикализма с частью университетской профессуры и с кружками студенческой молодёжи новой генерации.

Одновременно происходили серьёзные, хотя и менее заметные, события в университетской сфере, которые существенно повлияли на формирование философских интересов значительной части российских интеллектуалов в течение почти всего XIX века. Произошла своеобразная «смена вех» в отношении великих европейских философов. Один из свидетелей и основных участников этого поворота В. Одоевский приветствовал его в 1824 г. по-юношески максималистски и восторженно: «...До сих пор философа не могут представить себе иначе, как в образе французского говоруна XVIII века; много ли таких, которые могли бы измерить, сколько велико расстояние между *истинною, небесною философиею* – и философиею Вольтеров и Гельвециев? (курсив мой – В. К.)» [3, с. 94]. Итак, как же произошло знакомство, а потом и «заражение» этой философией?

«Немецкий поворот» в предпочтениях российских интеллектуалов и начало нового этапа в развитии отечественной философской мысли были теснейшим образом связаны со становлением в России академической («университетской») философии, основными вехами которого стали:

- научная и преподавательская деятельность ряда приглашенных в начале XIX века из-за рубежа талантливых философов, оказавших заметное влияние на духовное становление и развитие формирующегося русского академического сообщества;
- массовое увлечение идеями немецкой философии передовых представителей русской студенческой молодёжи, стоявших у истоков «основания» в 30-40 гг. XIX в. отечественной философской традиции.

Наиболее известными профессорами-миссионерами, популяризовавшими в первом десятилетии XIX века идеи немецкой классической философии, были: в Москве – немец И. Буле, воспитавший И. Давыдова и дававший частные уроки П. Чаадаеву; в Санкт-Петербурге – приехавший из Австрии П. Лодий, учитель А. Галича; в Харькове – немец И. Шад, лекции которого посещали М. Павлов и Д. Велланский [2]. Хотя, как известно, под преимущественным влиянием идей «новомодных» немецких философов находились, прежде всего, сыны Германии, однако и П. Лодий, при всей его приверженности французскому материализму и деизму, также был настоящим знатоком и ценителем философии Канта. Эти профессора привили своим слушателям и ученикам, помимо прочего, стремление к активной публицистической и издательской деятельности. Следует отметить, что ко времени приезда в Россию это были люди среднего возраста (рождённые в конце 50-х – первой половине 60-х гг. XVIII в.).

Однако главными популяризаторами немецкой философской традиции в России 20-х гг. XIX в. стали молодые русские профессора философии, ученики названных выше миссионеров, почти всем из которых (за исключением П. Велланского, самого старшего из них) тогда было от 20 до 30 лет. Безусловно, это были яркие личности, оставившие после себя большое и интересное печатное наследие, но не отличавшиеся, впрочем, особой философской глубиной и оригинальностью (увы, пропагандисты учений других мыслителей, как правило, редко отличаются этими качествами). Пожалуй, главное, что они сделали – вооружили своих великих в будущем учеников самой передовой тогда «технологией» рефлексивно-критического и системного мышления, сформировав поколение российских интеллектуалов, стоявших вровень с их европейскими коллегами-сверстниками. Отсюда и основные достоинства этих наставников, отмечаемые в мемуарах (впрочем, нередко связанные с увлечением шеллингианством): пророческая одержимость, глубина и широчайший охват материала, целостность и органичность, которые вызывали в молодых, зачарованных душах настроения, родственные откровению и экстазу. Ученики оказались достойными своих учителей: М. Павлов оказал значительное влияние на философские взгляды Герцена, Грановского, Белинского и Станкевича; И. Давыдов и Д. Велланский – на философские предпочтения Одоевского, Веневитинова, Киреевского, Шевырёва и Погодина; А. Галич – на мировоззрение Пушкина и Кюхельбекера.

Кружки 20 - 30 гг. XIX века, наиболее известные из которых стали настоящими «инкубаторами» для последующего поколения «идеалистов сороковых годов», объединялись вокруг своих лидеров и носили отпечаток их личности – удивительных своих романтизмом, идеализмом и чистотой юношей, которыми традиционно богата Россия, но которым так нечасто даётся исторический шанс реализовать себя. В связи с этим следует упомянуть, прежде всего, имена Д. Веневитинова, Н. Станкевича и А. Герцена. Именно в кружках Герцена и Станкевича сформировался тот тип русского идеалиста («практического метафизика»), который повлиял впоследствии на всю русскую общественную жизнь. Первые два умирают, не дожив даже до тридцати лет (Веневитинов – в 22 года, Станкевич – в 27 лет). Белинский умер в возрасте 37 лет, а Писарев и Добролюбов – в 28-летнем и в 25-летнем возрасте соответственно. Их образ мыслей и образ жизни, отмеченные идейной убежденностью, феерической работоспособностью и презрением к быту, практически полностью совпадали. Поистине это были своего рода «философы нового жизненного стиля», романтико-подвижнические образы которых потом будут художественно воплощены Тургеневым (Базаров) и Чернышевским («новые люди»).

Как представляется, первым сугубо философским объединением в России было «Общество любомудрия» (1823 – 1825). Молодёжь в возрасте от 17 до 30 лет (самому «старому», П. Черкасскому, было 35 лет) собиралась в доме Одоевского и Ланской для совместного чтения и обсуждения произведений Канта, Фихте, Шеллинга и Окена. В общество входили В. Одоевский (председатель) и Д. Веневитинов (секретарь),

И. Киреевский, А. Кошелев, Н. Мельгунов, А. Норов, М. Погодин, Н. Рожалин, С. Шевырёв, В. Титов, А. Хомяков, П. Черкасский. Как видно из списка состава, в общество входили практически все ведущие в будущем «славянофилы».

Юноши были настроены профетически, как и подобает этому возрасту (многие из тех, кто помнит времена своего студенчества, могут рассказать о таком же настрое), а потому философия была для них священнодействием, высоким призванием избранных, от чьих духовных усилий зависит будущее России. Похоже именно в кружке «любомудров» впервые была высказана мысль о необходимости конструирования самобытной национальной идентичности и формирования собственной, отличной от европейской русской философской традиции. Бесспорным лидером был трагически рано ушедший из жизни Д. Веневитинов, со смертью которого и распался кружок.

Любое молодое поколение обладает мощнейшим ресурсом веры и идеализма, способным создавать значительное из любого подходящего материала. Родившаяся в Германии «вторая классическая эпоха» в истории мировой философии намечала в то время действительно многообещающие цели – проникновение в тайны бытия, и, возможно, его коренное преобразование (достаточно вспомнить младогегельянцев и Маркса, получивших от своих великих соотечественников мощный заряд веры в возможность «конструирования» социальной реальности с помощью новых, великих идей). Российские последователи основоположников немецкой классической философии (и будущие славянофилы, и будущие западники) также восприняли и усвоили её идеи, поставив своей целью обратить их во благо России и всего человечества. «Моя юность, – вспоминает Одоевский в «Русских ночах», – протекала в ту эпоху, когда метафизика была такой же общей атмосферой, как ныне политические науки. Мы верили в возможность такой абсолютной теории, посредством которой возможно было бы строить (мы говорили – конструировать) все явления Природы, точно так, как теперь верят в возможность такой социальной формы, которая удовлетворяла бы вполне всем потребностям человека... Как бы то ни было, но тогда вся природа, вся жизнь человека казалась нам довольно ясной, и мы немного свысока посматривали на физиков, химиков, на утилитаристов, которые рылись в грубой материи».

Применительно к сказанному выше, пожалуй, вряд ли можно говорить о наличии в то время у русских последователей «великих немцев» собственной, сколько-нибудь чётко сформулированной и надлежащим образом обоснованной философско-мировоззренческой позиции (таковой только предстояло появиться в будущем десятилетии, после первой в русской истории публичной дискуссии общеполитического характера). Данное обстоятельство позволяет с известной долей условности охарактеризовать эту одну из первых «кристаллизаций» в первичном «протофилософском бульоне» как «протославянофильскую».

Другая же подобная «кристаллизация» произошла в кружке Н. Станкевича (1831 – 1839). Характерно, что собрания кружка проходили в доме уже упомянутого

нами ранее профессора Павлова. В кружок входили: К. Аксаков, филолог и историк О. Бодянский, Я. Неверов (впоследствии – видный деятель народного просвещения), историк С. Строев, поэты В. Красов, И. Ключников, А. Беер (позднее – известный академик-славист). В «послеуниверситетский», наиболее активный, период в деятельности кружка Станкевича участвовали В. Белинский, М. Бакунин, П. Петров (известный учёный-востоковед), В. Боткин, М. Катков, Ю. Самарин. Близок к кружку был и Т. Грановский.

Кружок сначала был также шеллингианский; в нём изучались и обсуждались философские системы Шеллинга (частично – Канта и Фихте), а позднее – Гегеля. В то же время, по существу, формировалось во многих аспектах самостоятельное, «цельное» личностное мировоззрение большинства его участников. С 1835 г. начинается гегелевский период в жизни кружка, проходивший под лозунгом стремления к «жизни в абсолюте», что не только горячо обсуждалось, но и испытывались практикой. Частная жизнь, личные переживания и любовные драмы рассматривались в свете умозрительных и нравственных категорий, за которыми признавалось значение всеобщности – ведь их носителем был человек, «божественный сосуд» вселенской жизни и разума. Споры о последних тайнах бытия происходили в атмосфере открытого и свободного общения «на равных». По воспоминаниям К. Аксакова, «кружок этот был трезвый и по образу жизни не любил ни вина, ни пирушек», а «на вечерах Станкевича выпивалось страшное количество чая и съедалось страшное количество хлеба».

В кружок Герцена и Огарёва (1831 – 1834) входили 11 человек – по преимуществу, студенты Московского университета. Кружок был тайным и носил политический характер. Собирались по вечерам (чаще всего – в просторном доме Огаревых), пели революционные песни, произносили речи и читали стихи революционного содержания, вели речь о конституции. «Идеи были смутны, – пишет Герцен в «Былом и думах», – мы проповедовали французскую революцию, мы проповедовали сен-симонизм и ту же революцию. Мы проповедовали конституцию и республику, чтение политических книг и сосредоточение сил в одном обществе. Но пуще всего мы проповедовали ненависть ко всякому насилию, ко всякому произволу».

Агент полицейского отделения, засланный в кружок, донёс, что на одной студенческой вечеринке ему довелось услышать песни, наполненные «гнусными выражениями против верноподданнической присяги». Дело, которое завели на Огарева и Герцена, официально назвали «О лицах, певших в Москве пасквильные стихи». В 1834 г. члены кружка были арестованы. Двое из них – Соколовский и Уткин – были заключены в Шлиссельбургскую крепость (через некоторое время Уткин умер в каземате, а Соколовский – в ссылке в Пятигорске); Герцен был сослан в Пермь, а Огарёв и Оболенский – в Пензу. Власти могли бы рассматривать кружок как не представляющую особой опасности группку радикально настроенных молодых «студизусов» (каковых и тогда, и потом было немало) – если бы не руководство Герцена и Огарёва, которые затем сыграли

одну из ключевых ролей в оформлении знаменитой дуальной оппозиции российской интеллектуальной жизни «славянофильство – западничество».

Обобщая всё сказанное выше, следует отметить, что значение упомянутых выше объединений и причина нашего интереса к ним – культурно-исторический процесс формирования первых контуров последовавшей в дальнейшем тематизации и институционализации русской философии. При этом бесспорным представляется наличие не только различных, но и общих русско-немецких корней отечественной философской традиции. Лишь многим позже, уже в XX столетии, в нашей стране произошла своеобразная «партийная приватизация» основоположников немецкой классической философии: Шеллинг стал душой и символом славянофилов, а Гегель – западников, тогда как Кант был признан вечным «камнем преткновения», неудобным для обоих указанных течений. В связи с этим следует отметить, что Герцен лишь после ссылки включился в процесс самоорганизации интеллектуального сообщества, а его ранний кружок тяготел, скорее, к идеологии «фармазонов» и «карбонариев». Лишь занявшись после ссылки философией Гегеля и Фейербаха, а также после полемики с Белинским он сумел реально стать лидером возникающей «западной партии» и центром притяжения колеблющихся и не определившихся. По воспоминаниям самого Герцена, «...между ними и нами, естественно, должно было разделиться общество Станкевича. Аксаковы, Самарин примкнули к славянам, то есть к Хомякову и Киреевским. Белинский, Бакунин – к нам. Ближайший друг Станкевича, наиболее родной ему всем существом своим, Грановский был нашим с самого приезда из Германии».

Библиографические ссылки

1. История русской журналистики XVIII – XIX вв. / под ред. проф. А. В. Западова. – 3-е изд., испр. – М.: Высшая школа, 1973.
2. Панибратцев А. В. Взлёт и падение И. Б. Шада, или О превратностях судьбы одного немецкого фихтеанца на русской службе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.philosophy.ru/iphraas/library/i_ph_4/05.html
3. Песков А. М. У истоков русского философствования: шеллингианские таинства любомудров // Вопросы философии. – 1994. – № 5.

Л. Т. Зауэрвайн

Департамент культуры и национальной политики Кемеровской области

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ФУНКЦИЙ РУССКОЙ РИТОРИКИ

Русская риторика прошла долгий путь становления и развития – и этот процесс в настоящее время продолжается. В различные периоды своего становления и развития она выполняла различные функции, характер и количество которых изменялись в зави-

симости от характера доминирующих в обществе интересов, представлений и нравов, целей и задач политики государства.

Исследованию ранней русской риторики посвящены труды А. Беловецкого, С. Лихуда, М. Усачёва, С. Яворского и др., в которых отмечается её, по преимуществу, религиозный (вероисповедный) характер. Анализ характера и социальных функций русского светского ораторского искусства уделено немало внимания в трудах М. В. Ломоносова, Н. Ф. Кошанского, И. И. Давыдова. Наиболее полно вопросы истории и теории русской риторики рассматриваются в работах известных русских учёных XIX в. – К. П. Зеленецкого, А. Ф. Мерзлякова, М. М. Сперанского, Я. В. Толмачёва и др. Проблемам становления и развития отечественной риторики, её влияния на культуру России XVII - XIX вв. посвящены работы современных российских исследователей – В. И. Аннушкина, В. П. Вомперского, Л. К. Граудиной, А. С. Елеонской, Т. А. Ладыженской, М. Р. Львова, И. В. Пешкова, Ю. В. Рождественского, В. П. Чихачёва и др. Результаты исследований по теории современного ораторского искусства («неориторика» конца XX – начала XXI вв.) представлены в работах Д. Н. Александрова, Н. А. Безменовой, Н. Б. Вершининой, Н. Н. Кохтева, О. И. Марченко, А. К. Михальской, Г. Г. Хазагерова, В. П. Шенова, Л. С. Шириной, Е. А. Юниной и др.

Трактовка риторики как искусства построения и публичного произнесения речи с целью воздействия на аудиторию, предполагающего мастерское владение устным словом как средством выражения и передачи собственных мыслей, внушения и убеждения, является общепринятой и не вызывает сомнений у российских и зарубежных исследователей. В то же время вопрос о месте и роли риторики в процессах социальной и межкультурной коммуникации, системе средств и методов социального регулирования во многом остаётся если не «открытым», то, по меньшей мере, дискуссионным.

История отечественной риторики тесно связана с историей русской идеологии и культуры, российского общества и государства. Если проанализировать время создания и выхода в свет наиболее крупных и широко известных научных трудов, произведений литературы, художественной критики и публицистики, посвящённых интересующему нас предмету, то можно констатировать, что они появляются, как правило, именно в периоды масштабных социальных преобразований, конфликтов и бедствий.

В древнерусском сборнике под названием «Пчела» (сборник пословиц и афоризмов XIV – XV вв.) содержится множество изречений о житейской мудрости и добродетели, при этом почти половина из них может быть отнесена к правилам практической риторики – то есть правилам и нормам речевого поведения, записанным в наставлениях античных и христианских писателей.

Уже на самом раннем этапе становления русской риторики обнаруживается её отчётливо выраженная этико-нормативная функция, то есть функция регулирования

поведения людей согласно принятым и одобряемым обществом традиционным и (или) новым морально-нравственным принципам, правилам, ценностям и образцам поведения. В «Сказании о семи мудростях» (первом древнерусском трактате, содержащем систематизированный перечень наук, или «свободных мудростей») воспроизводится «классическая» для раннего европейского Средневековья схема гуманитарных («тривиум»: грамматика, риторика, диалектика) и естественных («квадривиум»: физика, арифметика, геометрия, астрономия) наук, где риторика, наряду с диалектикой, предстаёт как самостоятельная – и притом высшая – наука.

«Сказание о семи мудростях» в изменённом виде вошло в первую русскую «Риторику» (1620), автором которой был, предположительно, Макарий, митрополит Новгородский и Великолуцкий. Первая глава начинается с определений риторики и ритора: «Риторика есть яже научает пути и жития полезного добрословия. Сию же науку сладкогласием или краснословием нарицает. Понеже красовито и удобно глаголати и писати научает» [1, с. 15]. Из приведённого определения и следующих за ним разъяснений и поучений явствует, что риторика, по мнению автора, выполняет две важнейшие социокультурные функции – просветительскую (образовательную) и этико-нормативную (воспитательную).

К концу XVII – началу XVIII вв. русская риторика обогащается рядом новых книг. В 1698 г. появился трактат Софрония Лихуда «О силе риторической, или О риторике», переведённый в 1710 г. с греческого языка на русский монахом Чудовского монастыря Косьмой. По мнению известного исследователя древнерусской литературы А. С. Елеонской, трактат Софрония Лихуда близок к «Риторикам» Макария и Усачёва (особенно к последней), поскольку представляет собой, скорее, учебное, нежели нравоучительное или вероисповедное наставление [2, с. 47-49]. Вместе с тем, в отличие от Макария и Усачёва, Софроний в своём трактате уделяет значительно больше внимания художественно-эстетическому аспекту риторики, вводя в качестве главного критерия её ценности понятие «красота», или «сладость» (речи, произведения). По мнению Софрония, именно этим достоинством, прежде всего, отличаются сочинения «риторов» от произведений «историков». Если историку следует лишь «чисто и объявлено повествовати» о событиях, то риторы должны «разделить и изъяснити» описываемые события, представить их в образах «яко дышуща и жива», оказывая при этом воздействие на слушателей «разными движениями душевными» [2, с. 50].

В связи со сказанным выше можно сделать вывод о том, что уже в начале XVIII в. русская риторика была ориентирована на выполнение не только просветительской и этико-нормативной функций, но и функции эстетического воспитания, а также компенсаторной функции, обеспечивающей эмоционально-психологическую «разрядку» (отвлечение внимания от лишений и тягот повседневной жизни). Кроме того, следует отметить и то, что уже в первой половине XVII в. русская риторика выполняла ещё и идеологиче-

скую функцию, которая заключалась в обосновании необходимости смиренного служения Богу и царю.

Анализ вышедшего в свет в XVIII в. «Краткого руководства к красноречию» М. В. Ломоносова позволяет сделать вывод о том, что русская риторика сыграла огромную роль в формировании национального литературного языка, что, на наш взгляд, свидетельствует о выполнении ею ещё одной – лингвистической – функции. Заслугой М. В. Ломоносова как выдающегося учёного-лингвиста и поэта является, помимо прочего, и то, что русская ораторская речь и проза становится глубоко светским видом литературы. Ломоносов и в теории, и на практике ясно различал и чётко разграничивал вероисповедные и светские речи. Именно он включает в систему традиционных жанров русского ораторского искусства новый – «академическую речь», которую предпочитает остальным и которая может превратить произведение науки в художественное произведение. В связи с этим обращает на себя внимание отсутствие в стихах и прозе Ломоносова столь характерных для средневековой литературной традиции символично-аллегорических образов, что позволяет поставить его произведения в один ряд с лучшими образцами античного искусства.

Обобщая сказанное выше, можно констатировать, что «Краткое руководство...» Ломоносова является одним из наиболее значимых трудов в истории русской риторики, поскольку оно:

- во-первых, содержит определение риторики как искусства не только убеждать, но и переубеждать;
- во-вторых, обращает внимание не только на логическую аргументацию (силлогизмы), но и на письменные образцы публичной речи;
- в-третьих, через художественную речь формирует нормы национального языка во всём его стилистическом многообразии.

Таким образом, начиная с XVIII в. русская риторика выполняла ещё и лингвистическую функцию.

Подводя итог изложенному выше, можно сделать вывод о том, что риторика сыграла существенную роль в формировании и развитии русской культуры. В период с XVII по XVIII век она выполняла следующие функции:

- вероисповедную;
- этико-нормативную;
- просветительскую;
- эстетическую и компенсаторную;
- идеологическую;
- лингвистическую.

Этика XIX века определяет красноречие и поэзию как два вида «изящных наук» или «словесных искусств». В период между 1800 - 1860 гг. издаются труды по риторике

К. П. Зеленецкого, Н. Ф. Кошанского, Ф. Л. Малиновского, А. Ф. Мерзлякова, А. И. Галича, А. С. Никольского, М. М. Сперанского, Я. В. Толмачёва и др. Их работы свидетельствуют о довольно высоком уровне развития риторической теории в России. Особое место среди риторических сочинений занимают «Правила высшего красноречия» М. М. Сперанского.

По мнению Сперанского, красноречие есть дар потрясать души, переливать в них свои страсти. Наряду с природным дарованием, оратор должен обладать определенным знанием. М.М. Сперанский пишет: «... обучать красноречию невозможно, ибо невозможно обучать иметь блистательное воображение и сильный ум. Но можно обучать, как пользоваться сим божественным даром, можно обучать.... Каким образом, сии драгоценные камни.... Очищать от их коры, умножать отделкой их сияние и вставлять их в таком месте, которое бы умножало их блеск. И вот то, что собственно, называется риторикой» [4, с. 213]. Главный предмет красноречия М. М. Сперанский видит в том, чтобы «...тронуть сердце, т.е. разрешить истину на чувство удовольствия и досады» [Там же]. Ученый сравнивает риторику с философией. Он пишет, что «в риторике есть своя метафизика – так, как в философии: она есть наука изъяснять из природы души те переживания, которые мы испытываем при слове». М. М. Сперанский утверждает, что в риторике важна нравственная сторона предмета. Оратору необходимо «пройти к сердцу, тронуть начальную его пружину, и страсти примут свой ход: вы сделаете, собственно, так называемое слово» [4, с. 216].

Итак, главные задачи риторики М. М. Сперанский видит в том, чтобы «просветить истинною ум» и «тронуть его сердце». Таким образом, можно предположить, что основная функция риторики, по М. М. Сперанскому, – это этическая функция, главным предметом которой является нравственная сторона.

К. П. Зеленецкий определяет нравственную функцию риторики. Он пишет: «Настоящей основой ораторского красноречия может служить только стремление ко благу человечества. Это единственный источник всякого одушевления со стороны оратора. Цели корыстные, порочные не могут иметь такого нравственного основания и потому лишают оратора глубины собственных убеждений, а это не позволяет слушателям сочувствовать его основным мыслям и чувствам. Бывают случаи, когда оратор потворствует страстям и тем или другим неправым видам слушателей или когда он увлекает их софистическими оборотами доказательств. В это время оратор изменяет своему призванию, и красноречие в устах его бывает мнимое» [3, с. 386].

По мнению Я. В. Толмачёва, убедительная благородная сила слова особенно необходима в военном красноречии, так как «голос военного красноречия всегда потрясал те струны сердца, которые самую природою были напряжены для удара»

[5, с. 288]. Функция ораторского слова здесь очевидна. Это побудительная, действенная функция, поднимающая «нравственный дух» человека.

По мнению В. П. Чихачёва, «отличительной чертой русского университетского или академического красноречия XIX – начала XX веков, стало усиление в нем гражданских тенденций. В стенах университетов зародились и укрепились прогрессивные традиции, позволившие поднять лекторскую деятельность передовых отечественных ученых на качественно новую ступень в истории не только общественно-педагогической, но и общественно-политической мысли России XIX века. Университетские и особенно публичные лекции лучших представителей отечественной науки учили аудиторию мыслить широкими гражданскими категориями, оценивать научное знание как общественную силу» [6, с. 7].

Как видим, одними из ведущих функций академической риторики второй половины XIX века явились следующие:

1. Общественно-политическая – воспитание гражданских идеалов.
2. Образовательная или педагогическая – распространение прогрессивных, научных взглядов, формирование критического мышления.

Публичные состязания между обвинением и защитой в России стали возможны в середине XIX века, после судебной реформы. Ораторы, юристы XIX века, в сущности, создали современное русское ораторское искусство. Русская судебная риторика XIX века содействовала установлению истины. Лучшие судебные ораторы стремились убедить суд в правильности своей позиции в том, что согласие с их выводами позволит объективно и справедливо разрешить дело. Следовательно, русская судебная риторика XIX века была общественно значима и выполняла правовую функцию, т.е. нравственного воспитания и формирования юридической грамотности граждан.

Суммируя рассмотрение социокультурных функций русской риторики XIX века, можно сказать, что ораторское искусство XIII – XIX в.в. следует традиции раннехристианской риторики и выполняет этическую функцию.

К середине XIX в. пика своего расцвета достигает судебное красноречие, которое вызвало к жизни правовую функцию риторики.

Риторика XIX в., особенно академическое красноречие, – это просветительская риторика, служившая достижению образовательных задач.

В 1917 – 1920-х годах термин риторика выводится из употребления и заменяется словами «пропаганда» и «агитация». Обращения, назовем их формами риторики 20-х годов XX в., помогают раскрыть значение ораторского искусства в переломные годы становления Советского государства.

В первые годы Советской власти происходит становление советского ораторского искусства, явившегося грозным и действенным оружием агитации и пропаганды идеологической и политической борьбы, эффективным средством убеждения и воспи-

тания масс. Следовательно, русская риторика начала XX века выполняет ярко выраженную политическую функцию – это средство идеологической борьбы.

Интерес к риторике в наши дни естественно и гармонично согласуется с возрождением бесценных сокровищ мировой и отечественной культуры. Современная риторика – это неориторика, развивающаяся в рамках социокультурного пространства. Термин был введен профессором Брюссельского университета Хаимом Перельманом.

В современном российском обществе неориторика становится объектом изучения культурологии, прежде всего потому, что является носителем культурной информации и выполняет следующие социокультурные функции, впитавшие всё лучшее за предыдущие периоды их становления и развития:

1. Этико-нормативную (раннехристианская, проповедническая риторика).
2. Компенсаторную.
3. Искусствоведческую.
4. Этическую (академическая риторика XIX века).
5. Образовательную, или просветительскую (академическая риторика XIX века и в наше время, когда неориторика включается в общую систему образования, становится вершиной языкового образования).
6. Правовую (судебное красноречие XIX века).
7. Идеологическую (советская риторика 20-х гг.).
8. Социально-политическую (неориторика наших дней, когда риторика выступает средством воздействия на поступки и поведение людей, определяет их политические взгляды, социальную позицию, формирует идеологию).
9. Образовательную (неориторика как часть всего гуманитарного образования).
10. Профессионально-ориентированную (деловая риторика, когда неориторика становится средством формирования умений и навыков устного делового общения, одним из основных компонентов создания имиджа делового человека, а также формирования его личностных качеств).

Библиографические ссылки

1. Вомперский В. П. Риторика в России XVII-XVIII вв. – М., 1988.
2. Елеонская А. С. Русская ораторская проза в литературном процессе XVII в. – М., 1990.
3. Зеленецкий К. П. Риторические труды / История русской риторики. Хрестоматия: учеб. пособие / В. И. Аннушкин. – М., 1998.
4. Сперанский М. М. Правила высшего красноречия / История русской риторики. Хрестоматия: учеб. пособие / В. И. Аннушкин. – М., 1998.
5. Толмачёв Я. В. Военное красноречие / История русской риторики. Хрестоматия: учеб. пособие / В. И. Аннушкин. – М., 1998.
6. Чихачёв В. П. Лекторское красноречие русских учёных XIX века. – М., 1987.

ПОЛКОВЫЕ ИСТОРИИ РУССКОЙ АРМИИ ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

В последнее время ведётся активная пропаганда в целях воспитания военнослужащих в духе патриотизма и сохранения исторических – в том числе военных – традиций. В свете этого считаем актуальным рассмотрение первого, на наш взгляд, масштабного источника пропаганды в рядах русской армии – полковых историй. В целом полковые истории русской армии мы относим к особой разновидности отечественной военной печати.

Теоретический материал, касающийся изучения полковых историй, описывает это явление в аспекте историографии. Наша цель – рассмотреть полковые истории как средство пропаганды и определить жанровые особенности историй, относящие их к военной печати. Отметим, что собственно военная печать – издания, как правило, периодические, предназначенные для военного читателя. Основная цель этих изданий – политическое, культурное и военное воспитание личного состава вооруженных сил посредством пропаганды военных знаний.

Полковые истории занимают особое место в военной печати, так как по своим формальным и содержательным характеристикам являются средством пропаганды военных знаний, энциклопедий моральных устоев своего времени, а также средством передачи в особой («сказовой») манере основных вех в истории вооружённых сил, включая историю военных действий.

Отметим, что первой печатной газетой в России были «Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти случившихся в Московском государстве и во иных окрестных странах...», которые издавались в Москве и Санкт-Петербурге в период с 1707 по 1727 гг. Начало собственно военной печати в России было положено изданием «Морские записки, или Собрания всякого рода касающихся вообще до мореплавания сочинений и переводов», а также «Артиллерийским журналом», которые издавались в Санкт-Петербурге с 1800 по 1807 гг. и с 1808 по 1920 гг. соответственно. Позже начали выходить многие другие периодические издания. По данным 1911 года, в стране издавались 7 военно-научных журналов и 65 специальных журналов и сборников по военным вопросам.

Говоря о полковых историях, как жанре, следует, в первую очередь, обратиться к вопросу их появления в российской художественно-публицистической традиции. Ссылаясь на работу И. В. Хохлова «Исторические традиции гренадерских и пехотных полков русской армии: опыт изучения и сохранения (1874-1918)», отметим, что предтечей полковых историй можно считать так называемые «полковые сказки», которые на-

чали создаваться при Петре I в конце Северной войны [10, с. 10]. В сказках чины полка излагали по памяти эпизоды из истории полка, переплетая их с историей своего служения [3, с. 132]. Подтверждением этого являются сохранившиеся в композиции историй жанровые рудименты полковых сказок:

«Однажды Царь приказал стрелецкому полку Тарбеева произвести перед Преображенским дворцом ученье, по старинному артикулу. Начали заряджание по темпам: «подыми мушкет ко рту; содми с полки; возьми пороховой зарядец; опусти мушкет к низу; насыпь порох на полку; поколоти немного о мушкет; закрой полку; стряхни; содми; положи пульку в мушкет; положи пыж на пульку; вынь забойник; добей пульку и пыжь до пороха; приложися; стреляй.» – Во время длинных команд этих Государь остановил ученье. – «Не лишнее ли все это?» заметил Он окружавшим, приказал одному капральству Потешных построиться перед стрельцами и скомандовал: «Слушай! Подыми мушкет; заряжай; прикладывайся; стреляй! – Не лучше ли так, сознайтесь сами?» сказал Царь окружавшим его приверженцам старины, и приказал все полки обучать по новому уставу» [4, с. 201].

Приведённый выше отрывок содержит в себе все элементы композиции жанра сказки: сказочный зачин («Однажды Царь приказал стрелецкому полку Тарбеева...»); срединная формула («скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается»), которая трансформирована в полковых сказках в описание действия и переходит в процесс преодоления героем возникших трудностей или препятствий («Начали заряджание по темпам: «подыми мушкет ко рту; содми с полки; возьми пороховой зарядец; опусти мушкет к низу...»); сказочный финал, который представляет завершение действия и решение проблемы («Не лучше ли так, сознайтесь сами?» сказал Царь окружавшим его приверженцам старины, и приказал все полки обучать по новому уставу»).

Расцвет жанра полковых историй приходится на последнюю четверть XIX – начало XX века, что обусловлено военным положением России в этот период (Кавказская и русско-турецкие войны, Крымская война). К тому же 25 января 1879 г. в войска гвардии и Петербургского военного округа был разослан приказ, в котором предписывалось «заняться составлением описаний боевой жизни войсковых частей за всё время их существования» [5, с. 167]. Текст приказа от 3 января 1879 г. гласил: «Истории полков служат одним из важных залогов нравственной силы частей войск; сохраняя основные традиции и боевые предания, они составляют одно из средств для поддержания славы и чести полков; из примеров прошлого молодежь приобретает любовь и уважение к своей части и рвение к подвигам в будущих войнах» [2, с. 16]. После этого полковые истории и заявили о себе как об особом, относительно самостоятельном жанре. По данным, приведённым в работе В. М. Коткова [5], к 1917 г. вышли в свет около 650 разного рода изданий полковой историографии, составивших 750 томов. Все гвардейские части имели по несколько изданий, а всего в гвардии вышло более 200 томов, среди них – истории гренадерских, кавалерийских и казачьих полков.

В общем массиве историй, посвящённых войсковым частям, можно выделить следующие их виды:

- памятки (боевая памятка, памятка солдата, памятка полка, памятка нижним чинам);
- истории (краткие истории полка, истории полка, исторические хроники жизни полка, летописи жизни полка);
- очерки (очерки жизни полка, исторические очерки полка);
- описания (описания боевой жизни полка, описания наград полка, описания обмундирования полка);
- записные книжки;
- дневники полка.

В основе сюжета всех жанровых вариаций историй лежат полковые журналы и журналы боевых действий, приказы по полку, отчёты о боевой подготовке, о потерях в бою и другие подобного рода материалы. Среди тем, нашедших отражение в полковых историях, преобладают такие, как участие полка в войнах, внутренняя жизнь полка, его быт, хозяйство, вооружение, униформа, регалии, боевая подготовка. Время-пространство историй лежит в различных временных (пространственных) плоскостях, плавно сменяющих друг друга или соседствующих друг с другом. Чаще всего материал излагается в хронологическом порядке, с делением на главы. Краткие памятки и истории были предназначены для чтения нижними чинами. Основное внимание в них уделялось истории армии, подвигам солдат и офицеров. Стиль повествования – разговорный, с вкраплениями пословиц и поговорок. Очерки, истории и летописи писались для самого широкого круга читателей.

Рассмотрим жанровые вариации историй как источника пропаганды в рядах русской армии последней четверти XIX – начала XX веков. На наш взгляд, пропаганда – это систематическое и целенаправленное распространение актуальных социально-политических идей и представлений, стимулирующих активность различных слоёв общества. В основе пропаганды лежит внушение правильности и необходимости того или иного решения (действия, события). Таким образом, предмет пропаганды – «распространение и утверждение обусловленных классовыми отношениями идей, суждений и взглядов, стимулирование осознанной активности масс в целях социального управления обществом... Пропаганда – не просто «зеркало» действительности, она активно участвует в решении социально-экономических проблем страны, отстаивает определённые духовные ценности, борется с чуждыми обществу взглядами и идеями» [8, с. 20].

Отметим, что истории войсковых частей в различных жанровых вариациях традиционно начинались либо с эпитафии, либо со вступительного слова автора, содержащего определённые установки на формирование в сознании солдата достопочтимого образа Государя, армии в целом и, как примера подвига и чести, отдельного полка. Так, в частности, в составленной Л. Лукьяновым истории 11-го гренадерского Фаногорийского, генералис-

симуса князя Суворова (позднее – Его императорского высочества великого князя Дмитрия Павловича) полка, читаем: «Насколько солдату нужен молитвенник, который даётся при поступлении на службу, настолько нужна ему и книжка с описанием боевых подвигов своего полка, дабы вселять в него любовь и уважение к своей части, без которой солдат немислим. И действительно, что может наиболее заставить молодого гренадера проникнуться храбростью, самоотвержением и жаждою поддержания славы своего полка, как не сказания о былых боевых подвигах своих дедов и отцов» [1, с. 3].

В составленной капитаном Ивановым «Памятке Зарайца о войне с Японией в 1904 – 1905 году» (М., 1910) пишется: «Послушайте, друзья-Зарайцы, рассказ о том, как в последнюю войну с Японией наш полк не посрамил доброй славы дедов и отцов, сохранил священную преданность знамени и геройски сражался с врагом за Царя и Отечество» [7, с. 3]. А в составленной в 1894 г. поручиком Будницким «Краткой истории 139-го пехотного Моршанского полка для нижних чинов» подчёркивается: «Знать, когда сформирован наш 139-й пехотный Моршанский полк и его боевые отличия в сражениях с неприятелем, небезынтересно для каждого служащего в этом полку. Наши предки заслужили добрую славу; в их храброй службе много поучительного и для нас; поддержать эту добрую славу своими боевыми подвигами и превзойти их – вот наша обязанность» [6, с. 3].

Далее обратимся к общепринятым в рамках рассматриваемого жанра методам пропаганды. Рассмотрим, на наш взгляд, два ключевых метода используемых в полковых историях. Первый из них – «переписывание истории». Этот метод, на наш взгляд, наиболее эффективен, так как на примере длительного исторического периода формирует соответствующее мировоззрение и трансформирует историческую память о сражениях и боевых потерях в великие примеры чести и мужества павших на полях сражений. Второй метод – «повтор», который создаёт эффект убедительности слов автора-повествователя, вызывает привыкание читателя к мысли о непобедимости русской армии и воспитывает чувство морального долга перед Отечеством.

Кроме перечисленных выше методов для полковых историй характерен и метод эмоционального резонанса, чаще всего сопряжённый с «эффектом присутствия». Эмоциональные реплики и комментарии автора о ходе боевых действий, переданные читателю с помощью соответствующих риторических приёмов, оказывают направленное воздействие на читателя, способствующее переживанию им своего участия в описываемых событиях.

Нередко в полковых историях используется и такой метод пропаганды, как социальное одобрение. По мнению В. Сороченко, «социальное одобрение – один из психологических автопилотов, которыми нас в избытке снабдила матушка-природа. Согласно этому принципу мы определяем, что является хорошим и правильным, наблюдая, что считают хорошим и правильным другие люди. Действия тех, кто нас окружает, во многом определяют наше мнение и поведение» [9, с. 27].

В полковых историях автор, используя приём персонализации, подчёркивает не столько масштабность действия, сколько значимость каждого отдельно взятого военнослужащего для достижения победы над врагом. Возвеличивая в повествовании действия героев, автор воспитывает в читателе веру в себя, а также понимание необходимости и высочайшей ценности подвига солдата, его самопожертвования во имя Отечества и для славы полка. В целом автор формирует у читателя определённую установку, суть которой описывается известной формулой: «Все так служат (служили) – и я так должен».

Обобщая всё сказанное выше, можно констатировать, что полковые истории русской армии последней четверти XIX – начала XX века выступали:

- источником информации о различных сторонах жизни русской армии;
- сводом правил воспитания чувств долга и мужества солдата перед Царём и Отечеством;
- средством контроля морально-психологического состояния военнослужащих;
- элементом методического обеспечения боевой подготовки личного состава;
- средством обеспечения обратной связи между военнослужащими и органами государственного управления.

Библиографические ссылки

1. 11-й гренадерский Фаногорийский, генералиссимуса князя Суворова, ныне Его Императорского высочества великого князя Дмитрия Павловича полк / сост. Л. Лукьянов. – М., 1911.
2. Афанасьев А. Полковые музеи русской армии / А. Афанасьев // Отечественные записки. – 2003. – № 1. – С. 12–20.
3. Васильев М. С. Осада и взятие Выборга русскими войсками и флотом в 1710 г. / М. С. Васильев. – М., 1953.
4. История лейб-гвардии Семёновского полка (1683-1854) / сост. Лейб-гвардии Семёновского полка штабс-капитан Карцов. – СПб., 1852.
5. Котков В. М. Культурно-просветительская деятельность государства в русской армии (вторая половина XIX – начало XX вв.). – М., 2005.
6. Краткая история 139-го пехотного Моршанского полка для нижних чинов / сост. поручик С. Будницкий. – Рязань, 1894.
7. Памятка Зарайца о войне с Японией в 1904 – 1905 году / сост. капитан Иванов. – М., 1910.
8. Скуленко М. И. Журналистика и пропаганда. – Киев, 1987.
9. Сороченко В. Энциклопедия методов пропаганды: Как нас обрабатывают СМИ, политики и реклама. – М., 2003.
10. Хохлов И. В. Исторические традиции гренадерских и пехотных полков русской армии: опыт изучения и сохранения (1874-1918): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Великий Новгород, 2006.

**КРАЙ КАК МИКРОТИП РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
(ОПЫТ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА И ФИЛОСОФСКО-
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ)**

Востребованность исторического краеведения в федеральном и региональном социокультурном пространстве находится в противоречии с недостаточной ясностью содержания понятия «край» и теоретико-методологической «недоопределённостью» предметного поля указанной научной и учебной дисциплины. С учётом данного обстоятельства представляется необходимой углубленная разработка категориального аппарата российского исторического краеведения, что позволит уточнить его место в современном общественном знании в целом и в системе исторических наук – в частности.

В данной статье предлагается основанная на цивилизационном подходе трактовка научного статуса отечественного краеведения и теоретического содержания понятия «край», рассматриваемого в единстве его онтологического, гносеологического и аксиологического аспектов. В целях нашего исследования под «краем» мы будем понимать локализованное в пространственно-временном континууме и социокультурном пространстве конкретного региона историческое бытие и самосознание проживающего на его территории (местного) сообщества.

Проведённый терминологический анализ позволил установить, что под воздействием модернизационных процессов социокультурный феномен, традиционно описываемый в русском языке словом «край», постепенно приобретает новые качественные характеристики как модель социально обжитого природного и культурно-исторического пространства, маркируемого в единстве его географического, социально-экономического, политико-административного и других аспектов как «место». Последнее выступает как специфическое, первичное социальное пространство, объединяющее людей, которые неравнодушны друг к другу и занимаемой ими территории, а потому стремятся быть вместе – буквально «вместиться» («поместиться») на ней. Отмечаемые с самого начала субъектность и атрибутивность края (места) нашли отражение в производном от слова «место» слове «местичь», или «местничь», которое в словаре В. И. Даля толковалось как «житель, обыватель, обитатель места», что нашло своё выражение и подтверждение в народной поговорке «Не место человека красит, а человек место» [1, с. 370].

Антропологическая характеристика края, зафиксированная в слове «место», переводит дальнейший терминологический анализ в плоскость ценностных структур, имеющих мощнейшее эмоциональное наполнение. В аксиологическом плане субъектность и атрибутивность края (места) выражают сущностную взаимосвязь и практиче-

ское единство конкретного индивида, данного сообщества и определённой территории, придавая слову «край» глубокий личностный смысл – край как «родное место». Таким образом, через понятие «край» формируется особое духовно-практическое отношение человека к конкретному месту и местному сообществу, характеризующееся осознанием его особой причастности к ним и их особой значимости для него. Так рождается проникновенное чувство Родины, образующее философско-мировоззренческое и аксиологическое «ядро» понятия «край» (в значении «малая родина», «родное место»), которое определяет ценности и основополагающие жизненные установки местного населения.

В силу сказанного выше понятие «край» выступает в качестве своеобразного символа, указывающего на то, что у каждого человека и каждого народа – своя малая родина, а у каждого места – свой индивидуальный и коллективный хозяин, хранитель и защитник. Смысл этого символа не дан, а задан (поскольку край – не политико-административное или территориально-экономическое образование, а именно символ и социокультурная модель особой пространственно-временной реальности – малой родины. Иными словами, этот символ выступает как «смысловая матрица» понятия «малая родина» («родное место»). Поэтому любая сугубо «территориальная» интерпретация понятия «край», связанная с попыткой задать внешнюю по отношению к самосознанию индивида и (или) сообщества пространственную границу, по сути, исключает указанный выше смысл, а потому – непродуктивна и неустойчива.

Охарактеризованный выше аксиологический подход к определению философско-мировоззренческого содержания понятия «край», основанный на самоидентификации человека с определённой местностью и проживающим на её территории сообществом в качестве его «малой родины», устанавливает единство символа и смысла («край» – «родное место»). Этот ментальный конструкт локального, порождаемый, главным образом, индивидуальным актом социальной рефлексии, предельно конкретизирует указанный символ-смысл, «снимая» его неопределённость в качестве абстрактной пространственно-временной модели путём погружения в повседневную жизнь конкретного обитателя данного места, сознание которого только и осуществляет смысловую демаркацию своего пространства («здесь») и времени («сейчас») в символе родного края. Иными словами, этот символ порождён не внешней по отношению к сознанию индивида естественной или искусственной территориальной границей, а индивидуальным внутренним актом духовно-смысловой демаркации своего жизненного пространства и времени.

Обобщая сказанное выше, можно констатировать, что не объективное («территория, обозначенная границей»), а субъективное тождество в индивидуальном сознании смысла («родное место») и символа («край»), скрепляемое модусом «здесь-и-сейчас» и демаркационной линией во временном континууме истории («прошлое – настоящее – будущее»), творит объективное пространственно-временное бытие родного края. Эта диалектика субъективного и объективного материализуется в условиях кон-

кретного места («здесь») и в соответствии с определённым временем («сейчас») в локализованное пространственно-временное единство, именуемое «родной край». В то же время вне процесса истории, то есть вне связи трёх модальностей исторического времени (прошлое, настоящее, будущее), живая взаимосвязь субъективного и объективного в этом континууме разрывается, что приводит к его отрицанию.

Сопряжение трёх указанных выше проекций исторического бытия родного края, выражающих связь его прошлого (исторический генезис), настоящего (наличное миропонимание) и будущего (целеполагание), происходит в «точке» настоящего. Именно в настоящем самоидентификация индивида наделяет духовно «нейтральный» ландшафт предметным, ясным смыслом («моё родное место»), объективируя пространственно-временную модель символа «край» как реальность конкретного социума («родной край»); наполняет этот символ глубоким духовно-нравственным содержанием через осознание связи настоящего с прошлым и будущим. Без обращения к прошлому нельзя адекватно понять настоящее родного края (равно, как и без обращения к росткам будущего в настоящем).

Человеческая субъективность, совмещая временные модусы истории в настоящем, создаёт процедурой придания смысла и одноимённую ментальность, которая своей историчностью обеспечивает объективное пространственно-временное бытие местного сообщества. Иными словами, ментальный конструкт «родной край» (результат человеческой субъективности) фиксируя, сохраняя и транслируя во времени смысловую доминанту «родное место (малая родина)», выполняет функцию исторического сознания (единство трёх модусов исторического времени) на локальном уровне, что является важнейшим условием исторической устойчивости местного сообщества. Историческое сознание, как фундаментальная мировоззренческая составляющая любой культуры, устанавливает связь времени и места в духовно-практической жизни любой человеческой общности, поскольку сама культура есть продукт, порождаемый социальной практикой и историческим опытом.

Проведённый анализ позволил установить, что в последней степени абстракции конструкт «родной край» выражает связь понятий «край» и «родное место». При этом все три абстракции являются исходными элементами единой теоретической системы, синтезирующим компонентом которой выступает категория «цивилизация», которая позволяет реализовать эвристический потенциал указанных понятий путём построения концепции микротипа цивилизации.

Если хронологическая типология цивилизаций выдвигает на первый план последовательную связь вещей и явлений во времени (прошлом, настоящем и будущем), то «хорологическая» – актуальную связь вещей и явлений в пространстве, которая рассматривается как продукт длительного предшествующего развития. В силу этой («хорологической») связи родной край обретает статус микротипа цивилизации, выступая как геоисторическая реальность особого типа.

Содержание концепта «микротип цивилизации» определяется содержанием и соотношением трёх ключевых абстракций, из которых роль исходной (базовой) играет понятие «родное место», центральной – «край», а завершающей – «родной край». При этом понятие «родное место» выражает субстанциональное свойство, предельное основание микротипа цивилизации – ближайшее и непосредственное единство общественного индивида и конкретной территории, являющееся основой для осознания места и значения «малой родины» как онтологической, гносеологической и аксиологической субстанции цивилизации. Центральное понятие («край») обобщает фундаментальные свойства микротипа цивилизации, характеризуя его как целое и, тем самым, раскрывая его сущность. Завершающее понятие («родной край»), отражая во временном ряду диалектику субъективного и объективного, характеризует сущностное качество микротипа цивилизации, которая заключается в ландшафтно-смысловой самоидентификации человеческой субъективности. Выполняя на локальном уровне функцию исторического сознания, ментальный конструкт «родной край» обеспечивает историческое бытие края как микро-типа цивилизации. Поскольку край, как микротип цивилизации, представляет собой материализованное воплощение формулы наличного бытия («здесь-и-сейчас»), постольку он является реальным историческим хронотопом, то есть определённым способом и, в то же время, универсальным пространственно-временным «кодом» существования цивилизации (в том числе российской).

«Двухполюсность» структурирующих начал цивилизационной парадигмы определила два исследовательских подхода (принципа) в изучении края: 1) геоисторический подход, ориентирующий на изучение края как результата диалектического взаимодействия социального пространства и социального времени; 2) антропологический подход, ориентирующий на исследование локального социального пространственно-временного единства как предпосылки и результата деятельного проявления человеческой субъективности.

В онтологическом аспекте модус «здесь-и-сейчас» выражает в концентрированном виде понимание микротипа цивилизации (края) как конкретно-объективной пространственно-временной социальной (геоисторической) реальности. В гносеологическом аспекте модус «здесь-и-сейчас» выступает ведущим первоначалом, исходным моментом в исследовании края, на основе которого полноценно раскрываются эвристические возможности геоисторического подхода и локального принципа, а также достигается антропологическое видение края в контексте пространственно-духовной самоидентификации – как действительного жизненного мира и особой среды совместного бытия (бытования) конкретных людей. В аксиологическом аспекте модус «здесь-и-сейчас» формирует ментальный конструкт микротипа цивилизации – «родной край». Создавая пространственно-временное смысловое единство, ментальное содержание модуса «здесь-и-сейчас» объективируется в предельный (хорологический) тип цивилизации на микроуровне. Универсальность модуса

«здесь-и-сейчас», рассматриваемого в единстве присущих ему онтологической, гносеологической и аксиологической функций, позволяет постулировать его как идеал краеведческого познания.

Поскольку микротип цивилизации выступает как специфическая геоисторическая реальность, постольку его изучение возможно только при условии нахождения в нем самом (в границах края). Поскольку микротип цивилизации выступает вместе с тем, как материальное воплощение ментального конструкта «родной край», являющегося продуктом ландшафтно-смысловой самоидентификации членов местного сообщества, постольку только представитель этого сообщества может в полной мере понять, описать и принять (усвоить) его истинный дух; раскрыть для себя и других его подлинный, глубинный смысл.

С учётом всего сказанного выше и исходя из предлагаемой нами концепции микротипа цивилизации, краеведение можно определить как геоисторическое и социокультурное самопознание (интроспекцию) родного места в преемственном пространственно-временном контексте истории, включая «историю исторического сознания (самосознания)» местного сообщества. При таком понимании, подразумевающем «сознательное признание факта служения суперэтносу под эгидой определенной сверхценности» [2, с. 45], краеведение выступает в качестве фундаментального интеллектуального условия существования российской цивилизации. В связи с этим хочется напомнить слова нашего великого соотечественника – академика Сигурда Оттовича Шмидта: «Без краеведения нет России!» [3, с. 2].

Библиографические ссылки

1. Даль В. И. Толковый словарь живого Великорусского языка: в 3 т. / В. И. Даль. – М., 1979. – Т. 2. – 779 с.
2. Володихин Д. М. Структура социальных организмов в рамках цивилизационного подхода к истории // Проблемы методологии и источниковедения [Текст]: Материалы III научных чтений памяти академика И. Д. Ковальченко (Москва, 1-2 декабря 2003 г.). – М., 2006. – С. 43–58.
3. Шмидт С. О. Без краеведения нет России! // Мир библиографии. – 1999. – № 1. – С. 2–11.

Е. О. Гаврилов

Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний России

ПРОБЛЕМА ДЕФИНИЦИИ ФЕНОМЕНА НЕТРАДИЦИОННОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Современные социальные трансформации сопровождаются нарастанием религиозной активности, происходящим как в рамках уже сложившихся конфессий, так и в сфере спиритуалистического творчества. Калейдоскопичность картины, отражающей процессы зарождения, утверждения и распространения идей сакрального содержания,

проявляется, помимо прочего, в разнообразии дефиниций, фиксирующих современные, сравнительно недавно возникшие, формы религиозности. Существующее терминологическое разнообразие требует взвешенной оценки.

Необходимость такой оценки обусловлена, прежде всего, тем, что не только в публицистических, но и в специальных текстах анализ феномена современной религиозности оказывается часто лишенным беспристрастности и объективности (при этом, что данные принципы составляют безусловное требование научного подхода). Результаты пусть даже такого предвзятого анализа, постулирующие антиобщественный характер деятельности ряда современных религиозных образований, нередко оказываются вполне обоснованными. Тем не менее, истиной причиной такой негативной оценки всего множества религиозных сообществ часто является желание отделить «истинную» религию от ложных вероучений. Другими словами, наличие оценочного компонента в дефинициях, используемых в исследованиях, посвященных анализу современной ситуации в сфере религии, становится средством идеологической борьбы, способом завуалированной дискредитации того или иного религиозного образования.

Крайним выражением такой позиции, которую, как правило, занимают представители признаваемых государством конфессий, является суждение о том, что значительное (а то и подавляющее) число зародившихся в XX – XXI веках религиозных общностей на самом деле являются псевдорелигиями. Примечателен парадокс: обвинения в лжерелигиозности с одинаковым негодованием произносят не только священнослужители традиционных для России конфессий, но и кришнаиты, а вслед за ними – многие светские журналисты и даже некоторые учёные [1, с. 95]. Такая оценка получает обоснование через констатацию, что представители этих общностей под маской религии преследуют цели, совершенно не связанные с верой. В деятельности таких социальных групп оппоненты видят происки враждебных государству политических сил или замаскированные интересы коммерческих и даже криминальных сообществ [8]. Во всех случаях предполагается двуличность таких образований, использование практики манипуляции людьми в своих корыстных и нередко противоправных целях [12].

Соответственно и терминология, используемая в отношении новоявленных религиозных течений и групп, носит более или менее ярко выраженный негативный оттенок. К ним чаще всего прилагаются названия «секта», «тоталитарная секта», «культ», «деструктивный культ» и (реже) «ересь». В этом перечне обращает на себя внимание использование как тех терминов, которые уже давно вошли в языковую практику («ересь» и «секта»), так и тех, которые ещё не приобрели характер вербальной повседневности («деструктивный культ» и «харизматический культ»). Необходимо раскрыть содержание этих понятий, чтобы обосновано судить о корректности их использования в тех или иных случаях. Начнем с наиболее часто употребляемого понятия – «секта».

Дефиниции этого понятия, которые можно найти в словарях, подчас расходятся уже на уровне этимологии. Слово «секта» с латинского переводится как «следую», «от-

резанная», «отделенная», «отколовшаяся», «школа», «учение», «направление» [11]. Каждый из этих переводов несет специфическую смысловую нагрузку. На уровне богословских споров (а часто и в быту) понятие «секта» отождествляется с понятием «ересь» или, попросту, «иноверие». Так, в православии сектантство традиционно рассматривалось – и продолжает рассматриваться – как следование религиозному учению, отличному от принятого Церковью» [9, с. 156–159]. В данном случае понятие «сектантство» подводится под канонические понятия «раскола» и «ереси». Поэтому в прошлом православные даже католическую церковь называли сектантской (не говоря уже о протестантизме).

В рамках научного подхода содержание понятия «секта» чаще всего выводится из предложенного М. Вебером и Э. Трельчем деления религий по организационному признаку на секты и церкви [4, с. 78–309; 14, с. 226–237]. Такого рода трактовка наиболее абстрактна и лишена какого-либо оценочного компонента. Она предполагает использование понятия «секта» для обозначения «идеального типа» сравнительно небольших религиозных организаций, объединённых одним или несколькими лидерами, оппозиционно настроенных к церкви, государству и (или) существующей социальной действительности.

С учётом сказанного выше можно сделать вывод о том, что понятие «секта» не имеет чётко определённого научного содержания. Более того, это понятие сегодня, как правило, носит достаточно ярко выраженный негативный оттенок, указывающий на социальную опасность адресата. Это, в свою очередь, грозит распространением практики дискриминации в отношении многих и многих религиозных объединений, существующих в современной России и обладающих существенным доктринальным и культовым своеобразием.

Кроме того, в ряде случаев не представляется возможным провести корректное разделение религиозных объединений на «секты» и «не секты». Так термин «секта» в сочинениях по буддизму наполнен смыслом, существенно отличающимся от того, который это понятие носит в христианстве. Напомним, что в христианстве секта рассматривается как группировка, отколовшаяся от основного религиозного направления и подвергающая отрицанию, сомнению и (или) ревизии официально принятые догматические положения. В силу этого в христианстве понятие «секта» часто употребляется как синоним ереси вообще или как обозначение её организационного выражения – в частности.

С точки зрения христианства в буддизме сектантские движения просто отсутствуют. Любая школа, несмотря на специфичность идейного и обрядового содержания, признается полностью буддийской, если только она признаёт истинность основной доктрины «четырёх благородных истин». Поэтому деление на ортодоксальные и еретические учения в буддизме оказывается невозможным. Интеллектуальная свобода, присущая буддизму, позволяет трактовать религиозную доктрину и йогический опыт в

очень широких рамках. А те течения, которые не разделяют учение о «четырёх благородных истинах», буддийскими вообще не считаются [7, с. 48–52].

Вот почему понятие «секта» хотя и употребляется в работах, посвящённых буддизму, достаточно часто при этом не имеет негативного оттенка и означает лишь самостоятельные течения в буддизме, то есть является аналогом слова «школа». Трудно применимо понятие «секта» и к другим восточным религиям – индуизму, синтоизму другим религиям «доосевого» времени, лишённым сотериологического элемента. Исторически смысл понятия «секта» был связан, прежде всего, с теми учениями, которые сформулировали в рамках иудаизма, христианства и ислама «пророки спасения».

Высказанные выше замечания в ещё большей степени относятся к понятию «тоталитарная секта», которое было предложено А. Л. Дворкиным и которое по сей день не пользуется признанием академического сообщества (что, впрочем, не мешает его активному тиражированию и произвольному использованию). Сам автор предлагает следующее определение: «Тоталитарная секта это авторитарная организация, лидеры которой, стремясь к власти над своими последователями и их дальнейшей эксплуатации, скрывают свои намерения под разными прикрытиями – религиозными, политикорелигиозными, образовательными, оздоровительными, экологическими» [6, с. 44].

Достаточно очевидно, что приведённое выше определение обладает негативной окраской и годится, скорее, для целей идеологической борьбы, нежели для решения задач научного исследования. Кроме того, само содержание этой дефиниции не лишено известной противоречивости. Прежде всего, тоталитарная секта никак не может быть авторитарной организацией, хотя бы в силу того, что понятия «авторитарный» и «тоталитарный» не совпадают по смыслу [13, с. 91–95]. В данном случае уже на уровне первичного определения феномена происходит частичная подмена понятий. Другой недостаток данной дефиниции состоит в том, что под неё подпадает очень широкий спектр общественных организаций самой различной направленности, что позволяет автору этого понятия относить к тоталитарным сектам даже некоторые коммерческие организации (например «Гербалайф») или психологические центры (в частности тренинг-центр «Синтон»).

Такое несоразмерно широкое определение тоталитарной секты перемещает предмет спора из сферы религии в сферу экономики, образования, досуга и др., поскольку охватывает и явления политической идеологии, и принципы деятельности политических партий, и нормы жизни монашеских общин. Легко запутаться, когда религиозному объединению в результате подобной расширительной трактовки приписываются черты коммерческой, политической или иной организации, а любой из таких организаций – черты религиозного объединения. Кроме того, при желании под такое определение вполне аргументировано можно подвести не только маргинальные сообщества, но и некоторые вполне респектабельные конфессии, поскольку многие из обычно упоминаемых признаков тоталитарной секты (соблюдение строгой дисциплины, особые диеты, конспиративность,

жёсткая регламентация всей жизни верующих, строжайшая иерархия и субординация) присущи большинству религиозных институтов [1, с. 97].

К понятию «секта» примыкает понятие «культ», интерпретированное Г. П. Беккером в качестве обозначения религиозных объединений, представляющих собой особую организационную форму мистицизма [5, с. 222–223]. Культ, по Беккеру, с одной стороны, представляет собой аморфный или слабо консолидированный тип, а с другой стороны, по своим основным характеристикам напоминает секту. К этой трактовке достаточно близка идея Дж. Нельсона о необходимости разграничивать понятия «культ» и «культовое движение» [3, с. 4]. Не следует при этом забывать и о такой промежуточной форме как деноминация, понимаемая как «переросшая (умиротворённая) секта» или как «деградация» церкви [15, с. 34–71]. Не менее идеологически ангажированным, содержащим отчётливо негативную коннотацию, чем определение тоталитарной секты, является и дефиниция «деструктивный культ», акцент в которой делается на вредном для человеческой психики и социальных связей воздействии.

Отметим, что все рассмотренные выше понятия наполняются специфическим смыслом в зависимости от того, получают они теологическую или научную трактовку. Теологическая трактовка, как правило, закономерно включает в себя негативный оценочный аспект [6, с. 34 и далее]. В устах политика, публициста, телеведущего или законодателя перечисленные дефиниции обычно приобретают уничижительную и дискриминирующую окраску, тогда как научная трактовка выглядит относительно нейтральной.

Приведённые выше понятия секты, культа и деноминации, так или иначе, отражают лишь разные стадии исторической и социальной динамики одного феномена, а именно – церкви. Не следует забывать о том, что современные церкви на ранних этапах своего развития, по меньшей мере, в организационном плане явно относились именно к сектам. Все они были замкнутыми, небольшими группами единоверцев, объединёнными вокруг духовного наставника, оппозиционными к современному им обществу и существующим в нём религиям.

Критика понятий тоталитарной секты и деструктивного культа отнюдь не означает отрицания того факта, что ряд движений религиозного характера, действительно, имеют деструктивную социальную направленность. Нельзя спорить и с тем, что религия может использоваться в качестве ширмы для криминальной и политической деятельности. Тем не менее распространение этих определений на широкий круг организаций как религиозной, так и нерелигиозной ориентации является некорректным, а введение их в содержание официальных текстов – и тем более в юридическую практику – может вызвать такие же последствия, что и использование в прежнее время карательными органами государства формулировки «враг народа».

Сегодня в оценке некоторых явлений современной религиозной ситуации используется ещё одно понятие – «нетрадиционная религия». Здесь негативный оттенок завуалирован и далеко не всегда очевиден. Однако этот оттенок присутствует, поскольку возможный вариант интерпретации «нетрадиционный» – «чужой» или «чуждый». Содержание нетрадиционности раскрывается в смысловой оппозиции мистических учений и религиозных сообществ, возникающих на почве национальной культуры либо транслируемых из других стран (общностей, культур) местным «культурообразующим» религиям.

Понятие нетрадиционной религии исходит из временного основания классификации религий. В этом плане можно говорить, например, о религиях, которые столетиями развиваются на территории того или иного государства, оказываются тесно связанными с его историей и вклад которых в достижения материальной и духовной культуры представляется очевидным и достаточно весомым. С другой стороны, можно выделить те религии, которые заявили о себе по историческим меркам сравнительно недавно. «Нетрадиционность» религии в этом случае подразумевает определённую смысловую или культурную чуждость исторически сложившемуся социальному укладу, нормам и традициям, а в некоторых случаях – и оппозиционность по отношению к религиозному истеблишменту.

Как видим, критерий нетрадиционности вне заранее оговоренного смысла может нести в себе и эмоционально отрицательную нагрузку. Однако следует помнить, что те религиозные конфессии, которые сегодня называются традиционными, в обозримом прошлом (на стадии своего становления), очевидно, были оппозиционными по отношению к существующей религиозной традиции образованиями. Причём динамика социальных процессов иногда подчиняется закономерности, в результате действия которой некоторые религиозные верования в разное время, в силу разных обстоятельств угасают, скрываются в глубинах национальной культуры и человеческой психики, а потом вдруг пробуждаются, оживают.

Так, известно, что на территории России исходной формой религиозного сознания было язычество. В этом отношении православие, пришедшее на Русь в 988 году, может рассматриваться в качестве нетрадиционной религии и даже более того – «духовного агрессора». А заявляющие о себе сегодня неоязыческие сообщества, по меньшей мере, с формальной точки зрения оказываются преемниками исходной русской традиции (что они, собственно, и декларируют). Безусловно, нынешнее язычество – или точнее, «неоязычество» – по своему содержанию лишь частично и притом внешним образом совпадает с древними культами славян, что, однако, не мешает его представителям проводить параллели с этими культами. Тем не менее использование в рамках научного исследования понятия «нетрадиционная религия», в отличие от понятий «секта» или «тоталитарная секта», в ряде случаев представля-

ется в принципе допустимым. Необходимо лишь только чётко оговаривать смысл, который вкладывается в том или ином случае в предикат «нетрадиционная».

Заслуживает внимания ещё одно обозначение интересующих нас религиозных феноменов – «новые религиозные движения». Этот академический, нейтрально окрашенный, но лишённый единого, строгого значения термин является перифразом английского “New Religious Movement” («новые религиозные движения»). Он вошёл в научный обиход во второй половине XX века благодаря трудам английского социолога, профессора А. Баркер [2] и в настоящее время применяется для характеристики религиозных групп, зародившихся сравнительно недавно или ещё не получивших общественного признания в качестве деноминации или церкви [10].

Понятие «новые религиозные движения» также не свободно от изъянов, которые заключаются в неполноте охвата всего разнообразия новых религиозных феноменов и недостаточной точности их интерпретации. Ведь понятие «религиозные движения», строго говоря, относится только к неформальным религиозным манифестациям, то есть к ещё не имеющим чёткой организационной структуры религиозным общностям и (или) ещё не сложившимся религиозным институтам. Поэтому использование понятия «новые религиозные движения» при изучении феномена современной религиозности исключает из рассмотрения большое количество явлений – культы, секты, ордена, братства, ашрамы, монастыри. Именно поэтому Е. Г. Балагушкин предлагает вместо понятия «новые религиозные движения» использовать понятие «новые религии», которое, с его точки зрения, является более полным и адекватным [1, с. 96].

Однако можно заметить, что оба этих понятия оказываются лишёнными необходимой смысловой четкости, так как темпоральное основание выделения данных феноменов не имеет хронологической однозначности. Пытаясь преодолеть эту трудность, Е. Г. Балагушкин утверждает, что смысловая нагрузка понятия «новые религии» раскрывается только в логической оппозиции к понятию «старые (то есть «традиционные») религии» [Там же]. Как можно заметить, при таком понимании «новизны» грань между новыми религиями и нетрадиционными религиями практически стирается, а противостояние новых и старых религий оказывается, по сути, тождественным противостоянию традиционных и нетрадиционных религий.

Придирчивый критик может даже усмотреть в самом делении религий на новые и старые определённый негативный оценочный контекст или подтекст, так как при желании временной критерий может быть использован в качестве основания для подразделения всех религий на современные («продвинутые», устремленные в будущее) и несовременные («отсталые», изжившие себя). Именно поэтому такое обозначение может

явно или скрыто направляться против религий «старых» – то есть имеющих глубокие культурно-исторические корни.

В качестве синонима понятия «новые религии» широко употребляется англоязычный термин «нью-эйдж» («религии нового века»). Данное обозначение относится, в основном, к движениям, ориентированным на наступающую астрологическую эпоху – «Эру Водолея», которая, по мнению их приверженцев, должна ознаменоваться беспрецедентным «скачком» в духовном развитии человечества. Данное понятие является довольно ёмким, поскольку оно охватывает множество порой мало совместимых учений и практик. Конфессиональная же трактовка данного термина допускает как позитивный, так и негативный смысл, выбор которого зависит от позиции того, кто им пользуется. В то же время, мифологема «нового века» оказывается неподходящей для многих новых религий, не связывающих свою деятельность с наступлением указанной эры, а поэтому она не может быть использована в качестве маркера всех современных религий.

Таким образом, поиск корректной дефиниции, фиксирующей сущностные черты феномена современной религиозности, пока оказывается малорезультативным. Из всего множества рассмотренных нами теоретико-методологических конструкций наиболее приемлемой, пожалуй, следует признать понятие «нетрадиционное религиозное объединение», поскольку понятие «общественное объединение» отражает официально признаваемую государством организационно-правовую форму осуществления религиозной деятельности, которая определена в действующем законодательстве достаточно чётко и лаконично. И именно это понятие предлагается использовать в качестве инструмента социально-научного познания. Такие же понятия, как «тоталитарная секта», «деструктивный культ» и им подобные представляются необходимым признать непригодными (прежде всего в силу их идеологической ангажированности и тенденциозности), поскольку их использование может стать источником дискриминации граждан по религиозному признаку и даже спровоцировать межконфессиональную рознь.

Библиографические ссылки

1. Балагушкин Е. Г. Новые религии как социокультурный и идеологический феномен // Общественные науки и современность. – 1996. – № 5.
2. Баркер А. Новые религиозные движения. – СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 1997.
3. Васильева Е. Н. Типология «церковь - секта» Вебера – Трельча и её развитие в западном и отечественном религиоведении: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 2008.
4. Вебер М. Социология религии // Избранное. Образ общества. – М.: Юрист, 1994.
5. Гараджа В. И. Социология религии: учеб. пособие для студентов и аспирантов гуманитарных специальностей. – М.: ИНФРА-М, 2005.

6. Дворкин А. Л. Сектоведение. Тоталитарные секты: Опыт систематического исследования – Нижний Новгород: Христианская библиотека, 2002.
7. Ермакова Т. В. Классический буддизм / Т. В. Ермакова, Е. П. Островская. – СПб.: Петербургское востоковедение; Азбука-классика, 2004 (Серия «Мир Востока»).
8. Казаков П. Сектанты становятся убийцами // Аргументы и факты: (АиФ Кузбасс). - 16.08.2006. - № 33 (509).
9. Полный православный богословский энциклопедический словарь: в 2 т. – М.: Возрождение, 1992. – Т. 2.
10. Розетт Д. Определения и признаки культа // Центр Апологетических Исследований [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.apologetika.ru/win/index.php3?razd=1&id1=41>
11. Секта // Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.slovopedia.com/2/209/260895.html>
12. Секта – это динамичный лохотрон (интервью с А. Дворкиным) // Информационно-консультационный центр Св. Ирины Лионского [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iriney.ru/sects/theory/004.htm>
13. Теория государства и права: учеб. - Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Эксмо, 2005.
14. Трельч Э. Церковь и секта // Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии / сост. В. И. Гараджа, Е. Л. Руткевич. – М.: Аспект Пресс, 1996.
15. Яблоков И. Н. Социология религии. – М.: Мысль, 1979.

Р. К. Дроздов

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина

ОБ АКТИВНЫХ ПРОЦЕССАХ В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

В последнее время на смену структурной парадигме в науке о языке пришла антропоцентрическая, в рамках которой интерес большинства учёных привлекает уже не сам по себе язык, рассматриваемый в отрыве от его носителя и от реальной жизни, а то, как в языке отражаются общечеловеческие, национально-культурные и индивидуальные свойства говорящего, то, какую роль он играет в общественной жизни [6, с. 15].

Антропоцентрическая парадигма характеризуется переключением интересов исследователя с объекта (предмета) познания на его субъект, когда предметом анализа становятся «человек в языке» и «язык в человеке». Взамен требования изучать систему и структуру языка выдвигается новое – изучать языковую способность, зафиксированные в языке знания о мире, языковую компетенцию носителя языка. Человек рассматривается как носитель общечеловеческих и специфических национально-культурных

ценностей, а потому на первый план выходят проблемы культуры как универсального кода коммуникации.

Антропоцентризм, как особый принцип исследования, заключается в том, что «научные объекты изучаются, прежде всего, по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и её усовершенствования. Он обнаруживается в том, что человек становится точкой отсчёта в анализе тех или иных явлений, что он вовлечён в этот анализ, определяя его перспективы и конечные цели» [4, с. 212].

Наиболее ярко сущность антропоцентрической парадигмы проявляется в текстовых исследованиях. Реальный мир интерпретируется человеком в тексте в зависимости от его установок и глубины понимания того или иного объекта. Поэтому текст, создаваемый человеком, запечатлевает динамику мысли человека и способы её представления с помощью средств языка.

В последнее время стал актуальным когнитивный подход к анализу текста. С точки зрения когнитивной лингвистики, текст – это высшая форма системной организации, содержащая сообщение о фрагменте мира, созданная по замыслу автора, обладающая композиционным, семантическим и прагматическим единством, обработанная в соответствии со стилистическими нормами и функциями языка. Коммуникативный подход к изучению текстов базируется на анализе коммуникативных обстоятельств как важнейшего смыслообразующего компонента текста. Именно в коммуникации с наибольшей полнотой и глубиной раскрываются онтологические свойства языка и текста; текст выступает одновременно и как форма существования коммуникации, и как её средство, и как её результат [6, с. 23].

Тексты масс-медиа представляют собой своеобразные «слепки» окружающей действительности. Язык СМИ – это, прежде всего, отражение процессов, происходящих в обществе. Поставляя соответствующую информацию, СМИ включаются в процесс социальной коммуникации, оказывая воздействие на членов конкретного коммуникативного сообщества, которые существуют в определённых экономических, политических и социокультурных условиях. Тексты СМИ – специфическое явление со своими нормами. Исследователи современного русского языка – и, в частности, языка СМИ (Е. Н. Ширяев, Л. П. Крысин, М. В. Горбаневский, Ю. Н. Караулов, М. Н. Володина и др.) – отмечают общую тенденцию к огрублению речи, использование грубой, бранной лексики и фразеологии не только в межличностной коммуникации, но и в СМИ. Публичное использование этого пласта лексики является нарушением норм общественной морали.

Состояние языка СМИ в начале XXI столетия и те изменения, которые в нём происходят, нуждаются в тщательном изучении с целью выработки оценок и рекомендаций с позиций объективности и исторической целесообразности. Вследствие этого представляется актуальным исследование наиболее частотных языковых процессов в текстах современных масс-медиа. Выбор нами данного объекта исследования объясняется и обосновывается тем, что активные процессы, происходящие на всех уровнях языка СМИ, отражают современное состояние культуры и общества в целом.

Цель данной статьи – исследовать на конкретном фактическом материале основные тенденции развития языка СМИ и в связи с этим выявить общие закономерности развития современного русского языка в текстах масс-медиа. В соответствии с этой целью в статье предполагается решить следующие задачи: установить основные тенденции развития языка современных СМИ; определить состояние речевой культуры современного российского общества на материале текстов массовой коммуникации.

В настоящее время тексты СМИ составляют ядро современной русской культуры в силу своего господства в информационном пространстве. Язык массовых коммуникаций серьёзным образом влияет на формирование новой языковой политики и языкового вкуса эпохи. Обладая высоким престижем и самыми современными средствами распространения, язык СМИ выполняет в формирующемся информационном обществе роль своеобразной модели национального языка, воздействуя на литературную норму и языковые вкусы. С одной стороны, язык массовой коммуникации по-своему обогащает литературный язык, насыщая его оценочными оборотами, формируя отточенную речь, которую потребитель подчас воспринимает как эталон. С другой стороны, нельзя не видеть негативной роли языка некоторых СМИ, изобилующего отступлениями от нормы, наводняющего речь жаргонизмами и иноязычными словами.

Именно в СМИ происходят активные процессы изменения языковой нормы русского языка. Средствами массовой информации создаётся особый, аудиовизуальный мир, воздействию которого подвергается каждый. Выбор языковых средств в масс-медийном дискурсе связан, как правило, с оценкой (системой ценностной ориентации), имеющей целью воздействие на адресата, при котором на первый план выступают самостоятельные концептуальные и образные характеристики.

Всестороннему исследованию в последнее время подвергается языковое оформление информационных материалов, в связи с чем в адрес СМИ высказано достаточно много критических замечаний разного рода. Учёные отмечают в качестве основной тенденции в языке современных СМИ «расшатывание» норм образцового литературного языка. В процессе коммуникации слово обретает относительную свободу от правил языковой системы. Если понимать языковую систему как совокупность возможностей, обусловленных определёнными закономерностями конкретного языка, то норма выступает как признаваемая носителями этого языка реализация возможностей данной системы. Согласно мнению М. В. Панова, норма в настоящее время – это не запрет, как

раньше, а выбор языковых средств выражения, предполагающий адресату «взять из языка наиболее пригодное в данном контексте» [7, с. 4].

К общим чертам, характерным для языка массовой коммуникации в современном российском обществе, относят:

- количественное и качественное усложнение конкретных сфер речевой коммуникации (устная публичная речь, газетно-публицистический стиль, специфика языка радио, телевидения и Интернета);

- социокультурное разнообразие норм речевого поведения отдельных социальных групп, свойственное современной речевой коммуникации и находящее своё отражение в языковой действительности масс-медиа;

- демократизацию публицистического стиля и расширение нормативных границ языка массовой коммуникации;

- «американизацию» языка СМИ, следование речевой моде и сознательный отход от литературно-языковой нормы [1, с. 20].

Некоторые исследователи отмечают, что поскольку ненормативная лексика вводится в ранг слов, допускаемых для публичного употребления, постольку любой адресат может усвоить её как нормативную, поскольку для многих людей авторитет СМИ достаточно высок [5, с. 342]. В настоящее время на страницах прессы и в электронных СМИ находит своё выражение вербальная агрессия, то есть агрессия, выраженная средствами языка, для которой характерны эмоционально маркированные слова, использование в заголовках текста приёма антитезы (образы «идеала» и «антиидеала»), служащего для выражения негативных эмоций. В газетных СМИ также встречаются весьма разнообразные и далеко не всегда оправданные способы включения иноязычной лексики в структуру текста.

Анализ современных медиатекстов демонстрирует различное проявление агрессивных речевых форм на всех языковых уровнях – лексическом («лох», «кошмарить», «гоблин», «чурбан», «шлюха» и др.), морфологическом («баба», «девчонка» и т. п. по отношению к мужчине), словообразовательном («кризуха», «стипуха»). Агрессивные речевые формы могут проявляться как на уровне отдельного словосочетания или предложения, так и всего текста в целом (в зависимости от избранной коммуникативной стратегии).

В периодической печати тексты выступают основными носителями оперативной информации, позволяющей аудитории осуществлять постоянный мониторинг наиболее значимых, интересных событий в той или иной сфере общественной жизни. В информационных высказываниях имплицитно содержится элемент осмысления автором внеязыковой действительности и передача в тексте результата этого осмысления. Высказывания с такой модальной рамкой выражают актуальное действие или состояние, а также объективные свойства предмета или соотношение этих свойств.

Подчёркнутая объективность высказываний, внеоценочность, отсутствие в тексте элемента субъективного взгляда на вещи – вот в чём заключается истинная сущность информирующей речи и её эстетический идеал. Автор, выступающий в информационном ключе, – фигура сугубо социальная, т. е. выражающая, в основном, коллективный (корпоративный) взгляд на сообщаемое. Расчёт на максимальное потребление и исключительный темп самого производства газеты неизбежно механизует, автоматизирует газетный язык. Наиболее привычные, употребительные типы газетных высказываний строятся по готовому шаблону и обусловлены выработанными в процессе газетного производства речевыми штампами и адаптированными к его условиям языковыми клише [3, с. 31]. В то же время, авторы некоторых материалов не только не избегают оценочных средств, но и постоянно стремятся к их использованию. В их текстах нередко появляются общеязыковые метафоры, перифразы, интеллектуально-оценочные выражения, а материалы современных газет показывают интенсивное проникновение в текст информации просторечных и даже жаргонных средств языка.

Эмоционально насыщенные – в том числе экспрессивные – средства языка составляют лишь часть оценочных элементов на газетной полосе. Не менее значителен в газете удельный вес интеллектуально-оценочных единиц. Постоянная ориентация журналистов на оценку фактов, событий и явлений действительности делает неизбежным употребление в газете не только языковых, но и контекстуально-оценочных средств, среди которых особо выделяются «вторичные номинации (перифразы, синонимы, слова-конденсаты и т. п.), индивидуально-авторские метафоры и окказионализмы, а также слова и словосочетания, маркируемые в тексте кавычками.

Неоправданно частое употребление в печати малоизвестных заимствований (аббревиатур, слов, выражений узкопрофессионального или жаргонного характера и т. п.) вызывает резкое недовольство читателей. В то же время следует отчасти согласиться с мнением о том, что при решении проблемы общепонятности языка газетных жанров важнее говорить не о принципах отбора языкового материала, а о приёмах и методах введения слов в текст. Оценочные средства присутствуют, практически, в каждом журналистском тексте. В информационной заметке социально-оценочная ориентация на факт реализуется, прежде всего, в самом отборе фактов.

Общее направление изменений, которые получают дальнейшее развитие в современный период, можно определить как демократизацию языка СМИ. Резко расширяется газетный лексикон; в него вливаются разговорная речь и жаргон – как следствие, меняется не только стиль, но и тип автора. Отказ от старой стилистической системы сопровождается выдвижением нового стилеобразующего центра, перемещающегося в сторону языковой личности журналиста. Авторское «Я» обнаруживает, наряду с социальными характеристиками, и личностные стороны – свойства отдельно взятой, кон-

кретной личности. Спектр граней авторского «Я» предстаёт как более богатый, а само авторское «Я» становится более мягким, человечным, раскованным.

Одна из основных тенденций в развитии языка современных массовых газет – тенденция к усилению информативности, что выражается наиболее ярко в эволюции системы газетных жанров и в заголовках. С точки зрения немецкого социолога Н. Лумана, почти всё, что нам известно об обществе и окружающем мире, мы узнаём через СМИ, к которым, тем не менее, чувствуем некоторое недоверие, подозревая возможность манипулирования. Согласно Луману, полученные нами с помощью СМИ знания всё больше «размывают», ослабляют и заменяют те ценностные ориентиры, хранителями и проводниками которых прежде выступали старейшины, церковь и другие традиционные социальные институты. Общество передоверяет важнейшие функции самонаблюдения системе СМИ, и эта система сама выбирает предмет своего внимания, определяя информационную ценность конкретных тем [8, с.167]. СМИ формируют социальную память, избирательно фиксируя как то, о чём следует помнить, так и то, что следует забыть.

Стилистика современных СМИ вызывает тревогу и озабоченность. Однако при этом часто ставится знак равенства между реальными динамическими процессами собственно в языке (включая непрерывное увеличение вариативных форм и расширение круга словообразовательных типов и моделей) и явлениями, объясняемыми недостаточной культурой устной и письменной публичной речи. Такое явное качество современного языка, как нарастающая вариативность языковых знаков, может быть воспринято как явление положительное, поскольку предоставляет адресатам возможности выбора, что, в свою очередь, свидетельствует о расширении возможностей языка в плане удовлетворения конкретных коммуникативных задач. Значит, язык становится более мобильным, тонко реагирующим на ситуацию общения; обогащается его стилистика.

Несмотря на то, что язык современных СМИ часто производит негативное впечатление, не вызывает сомнения тот факт, что современный русский язык сегодня черпает основные ресурсы для обновления литературной нормы именно в СМИ и в разговорной речи, хотя долгое время таким источником была художественная литература (недаром нормированный язык называется именно литературным языком). Сменой источников формирования литературной нормы объясняется и утрата этой нормой прежней однозначности и жёсткости. Общее снижение художественного уровня массовой печати, утрата ею литературной чистоты и «высокого стиля» в определённой мере способствуют ослаблению принципа нейтральности в оценке событий – в то время, как стилевая неразборчивость порождает стилевую глухоту и утрату чувства языка.

Тексты СМИ, рассчитанные на массовое потребление, можно рассматривать как особую социально-информационную систему, выполняющую функции

ориентации. Внедрение в сферу массовой коммуникации новых информационных технологий (прежде всего Интернета) создаёт и новые условия функционирования языка СМИ. С одной стороны, усиливаются тенденции к глобализации и диверсификации, а с другой – возрастает опасность утраты национальной самобытности [2, с.517].

Отмечая глобальные изменения в современном информационном обществе, связанные с непрерывно развивающимися возможностями массовой коммуникации, необходимо иметь в виду, что эти изменения влияют не только на условия жизни, но, прежде всего, на сам способ мышления и мировоззрение (мировосприятие) современного человека. Познание, осуществляемое с помощью языка, способствует созданию картины мира, представляющей целостную, содержательную интерпретацию окружающей действительности. В рамках этой картины язык нередко служит средством оценивания информации и (или) направленного воздействия на конкретного её получателя. При этом необходимо помнить о двойственном характере информационных процессов: с одной стороны, эти процессы зависят от деятельности людей, а с другой – они развиваются в известной мере независимо от разума и воли индивидов, поскольку вызваны к жизни развитием наиболее общих социальных отношений и институтов, которые формируются независимо от сознания отдельно взятого человека, принимающего в этих процессах непосредственное участие и осознающего их объективный характер.

Библиографические ссылки

1. Володина М. Н. Проблема информационно-языковой культуры в современном обществе // Журналистика и культура русской речи на переломе тысячелетий: рабочие материалы. – М., 2002. – С. 20.
2. Володина М. Н. Язык средств массовой информации – М.: Академический проект, 2008. – 759 с.
3. Ковалёв В. П. Основные индивидуально-авторские приёмы экспрессивного использования фразеологизмов. – Новгород: Б. и., 1971. – 303 с.
4. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века: Опыт парадигмального анализа // Язык и наука конца 20 века : сб. ст. – М.: Российский гуманитарный университет, 1995. – С. 144–238.
5. Лопухина Н. С. «Как слово наше отзовётся» (оценка языка современных СМИ с точки зрения лингвистической этики) // М. В. Ломоносов и современные стилистика и риторика : сб. статей. – М.: Флинта; Наука, 2008. – С. 342.
6. Маслова В. А. Современные направления в лингвистике. – М.: Академия, 2008. – 264 с.
7. Панов М. В. Из наблюдений над стилем сегодняшней периодики // Язык современной публицистики. – М.: Флинта, 1988. – С. 4–27.
8. Язык современной публицистики: сб. статей / сост. Г. Я. Солганик. – 3-е изд. – М.: Флинта; Наука, 2008. – 232 с.

«СЛОВО ПРОИЗНЕСЁННОЕ» В ДЕТСКИХ МАГИЧЕСКИХ ПРАКТИКАХ (НА ПРИМЕРЕ ДЕТСКИХ «ВЫЗЫВАНИЙ»)

Обряд «вызываний» мифологических персонажей является одним из самых распространенных «ритуально-магических действий» [14, с. 9] в детском фольклоре. К изучению данного явления обращались М. П. Чередникова [15], А. Л. Топорков [9] и др.

Уже то наименование, которое дают данному обряду информанты, – «вызывание» («А я еще знаю, девочка и два мальчика решили вызвать Вальта» – Протвень Саша, 11 лет) – указывает на важную роль звука, голоса и слова в обряде.

Звуковое поведение в ситуациях «вызывания», о которых рассказывают информанты, может быть двух типов. Во-первых, звуковое сопровождение обряда, то есть слова, произносимые детьми-участниками обряда: «Посередине нитки кладут конфету и говорят 3 раза: «Гномик, приди!» (информанту 7 лет) – мифологического персонажа необходимо «призвать, вызвать» из потустороннего мира. Во-вторых, те звуки, которые, по представлениям информантов, издает при своем появлении персонаж потустороннего мира – звенит, шуршит различными предметами, при помощи которых его «вызывали»: «Домового не видно, просто слышишь, как бумага раскручивается» (Пестрикова Наташа, 12 лет) или что-либо произносит: «Мы его нарисовали и тоже говорили: «Собачник, приди». И вот слышали гавканье маленькое» (Крутикова Алена, 11 лет), «Его Гном обматерил, за узелки он запинался и матерился. Его не видно, просто слышно, как он матерится» (Аюпов Ваня, 12 лет).

По свидетельствам фольклористов и этнографов, во многих обрядах самого разного назначения (календарных, семейных, лечебных и т.д.) обязательным является звуковое сопровождение, нередко словесно дублирующее действия, выполняемые участниками обряда, таким образом усиливая ритуальный план (об этом писали Дж. Фрэзер [13], А. ван Геннеп [4] и др.). Словесное поведение детей, «вызывающих» мифологических персонажей, в большинстве рассказов о «вызываниях» однотипно: в полной тишине произносятся слова, призывающие потустороннее существо из «иного» мира. Состояние тишины зачастую воспринимается как свойство потустороннего мира, мира смерти: «Голос человека, животного, музыкального инструмента является существенной приметой «этого» мира, в то время как мир «иной» отмечен печатью беззвучия» [1, с. 136]. Поэтому, «обеззвучивая» пространство, в котором происходит «вызывание», участники обряда создают своеобразную модель потустороннего мира в мире живых (ту же функцию выполняет моделирование состояния ночи, темного времени суток при помощи завешивания окон, выключения света и т.д.).

Призывание мифологического персонажа – это чаще всего троекратное поименование его с требованием «прийти» или «выйти» в «наш» мир: «Рис надо еще перемешать с водой и брызнуть на карту и сказать три раза: «Пиковая Дама, приди» (Семио Лена, 13 лет). Как пишет О. М. Фрейденберг, «произносимые вслух слова относятся к жизни и смерти...Первоначальное слово заключало в себе образ тотема и его сущности – его имя...Эти акты называния тем самым создают прибытие тотема, его живое присутствие» [12, с. 77-78]. В «вызываниях» мы наблюдаем подобное явление: поименование мифологического персонажа вслух инкарнирует его в «нашем» мире. Поскольку для мифологического сознания характерно «понимание имени как внутренней, глубинной сущности» [11, с. 508] (об этом же пишет А. Ф. Лосев: «имя есть смысловое выражение, или энергия, сущности предмета» [8, с. 162]), произнесение имени мифологического персонажа равнозначно его появлению.

Троекратное совершение действия делает его более интенсивным, кроме того, число «три» имеет значение динамики. Поэтому повторение призыва постепенно открывает границу между мирами (таким образом, например, при «вызывании» духов, формула призыва может быть более дробной: «Загробный мир, откройся (3 раза), мы вызываем духа (3 раза). Дух, мы вызываем тебя, ответь нам (3 раза)» (Хохлова Юлия, 13 лет). В некоторых случаях формула призыва имеет зеркальное соответствие – слова, заставляющие мифологического персонажа вернуться в «иной» мир: «Чтобы отзывать, чистую воду брызнуть на карту и на зеркало и сказать три раза: «Пиковая Дама, уйди» (Семио Лена, 13 лет), однако сообщения об «отзывании» крайне редки (так как имя равно своему носителю, его произнесение автоматически призывает мифологического персонажа в «наш» мир, поэтому, для того чтобы персонаж «ушел», называть его имя после завершения обряда нельзя).

Кроме собственно призыва мифологического существа в «наш» мир, «вызывающим» свойственна еще одна звуковая реакция, хотя встречается она довольно редко и приурочена, как правило, к финалу успешного «вызывания» Гнома-Матерщинника, – это смех. Иногда о смехе говорят как о цели «вызывания»: «<А зачем вызывали?> Чтобы посмеяться просто» (Тильченко Юлия, 13 лет). Во-первых, смеху свойственна возрождающая, обновляющая функция (такую особенность, в частности, карнавального смеха отметил М. М. Бахтин [3]). Во-вторых, смех часто рассматривается как свойство мифологических существ в противоположность членораздельной речи обитателей мира реального. Н. А. Криничная говорит о том, что в быличках и бывальщинах хохочет леший, возвращаясь в потусторонний мир, заставляют смеяться русалки (щекочут), забывая тем самым человека в свой мир, мир смерти, то есть смех способен размыкать границу между мирами.

Со звуковым поведением участников обряда связана определенная система запретов, как правило, распространяющихся на два типа действий: на способные отпугнуть мифологическое существо, помешать ему проникнуть в «наш» мир; способные

помешать мифологическому персонажу вернуться в мир потусторонний, а также неизбежно вызывающие вредительство со стороны обитателя «иноного» мира.

Представим систему подобных запретов.

1. Запрет на смех.

«Обязательно темнота, не смеяться, не улыбаться. Сесть в круг и сказать 3 раза: «Гном-Матерщинник, приди». Затем включить свет и посмотреть на стену, стул, пол и прочее, где может быть написано, ну, мат. Запись обязательно появится. Если ее нет, значит, кто-то нарушил правило» (Стрельцова Нина, 13 лет), «Все садятся кругом к зеркалу и произносят хором три раза: «Пиковая дама, явись!». При этом все молча должны смотреть на зеркало, если кто-нибудь из участников засмеется, то все вызывание проваливается и нужно начинать сначала» (Болотина Ксюша, 10 лет).

В данном случае смех выступает как препятствие к размыканию границ между мирами, поскольку демонстрирует скептическое отношение участников обряда к самому «вызыванию»: осмеянию может подвергнуться явление, в которое смеющиеся не верят (сохраняя веру в потусторонний мир, смеяться над ним нельзя, его можно только бояться). Поэтому смех делает само «вызывание» невозможным, так как его участники не верят в существование «иноного» мира, иногда в этом случае информанты делают уточнение: мифологический персонаж может обидеться, и поэтому не прийти.

С другой стороны, смех можно рассмотреть как преодоление границы между мирами, но преодоление ее «в обратную сторону». Как пишет Н. А. Криничная, мифологический персонаж смеется при возвращении в «иной» мир (леший хохочет, удаляясь от столкнувшегося с ним человека, русалки щекочут человека, т. е. заставляют его смеяться, перетаскивая его в потусторонний мир), в детских «вызываниях» смех может звучать как знак приобщения к тайне «иноного» мира в финале обряда (после «вызывания» Гнома-Матерщинника дети смеются над словами, которые он написал или произнес). Таким образом, смех размыкает границу между «реальным» и «сверхъестественным», но только в сторону мира потустороннего, поэтому в начале «вызывания» смеяться нельзя. Кроме того, перед «вызыванием» дети создают условия, имитирующие «иное» пространство (темнота, ночь, молчание, о котором мы еще скажем), а смех - признак живых, в мире «ином» смеяться не могут: «смехом завершается пребывание духа в «этом» мире, поскольку в ином мире не смеются» [6, с. 410].

2. Запрет на произнесение любых звуков: «Только надо, чтоб тишина была» (Пестрикова Наташа, 12 лет).

Информанты объясняют данный запрет тем, что, услышав голос человека, мифологический персонаж может испугаться.

Во-первых, создание тишины объясняется необходимым для «вызывания» моделированием пространства потустороннего мира (таким же образом можно рассмотреть, например, запрет на освещение: «Там не видать в темноте ниче. А со светом не вызывают» (Аюпов Ваня, 12 лет), запрет на присутствие взрослых – они несут с собой свой,

«правильный», взрослый мир, в котором, как считают дети, нет места для тайного и страшного знания о потустороннем мире, даже если взрослые рассказывают детям о домовом, баннике и т.д., то «вызывания» не открываются им, как исключительно детское тайное знание). Как пишет Т. А. Агапкина, состояние тишины зачастую воспринимается как свойство потустороннего мира, мира смерти: «Голос человека, животного, музыкального инструмента является существенной приметой «этого» мира, в то время как мир «иной» отмечен печатью беззвучия» [1, с. 136].

Во-вторых, необходимо учитывать, что голос зачастую рассматривается как воплощение души (например, в быличках и бывальщинах мифологический персонаж нередко проявляет себя исключительно через голос – свое воплощение как родовой души, например, об этом пишет Н. А. Криничная в отношении домового), отсюда представления о том, что голос материален и воздействием на голос можно погубить человека: «Отнимая голос у человека, черт завладевал его душой ... леший тем же образом отбирал силу у человека, после чего тот медленно умирал» [1, с. 138]. Возможно, в «вызывании» мы наблюдаем страх произносить что-либо, подавать голос, восходящий к представлениям о голосе как душе и о способности мифологического существа отнять голос-душу, тем самым обрекая человека на гибель.

3. Запрет на нарушение формулы призыва мифологического существа.

Как правило, формулой призыва является троекратное произнесение имени мифологического персонажа, запрет же распространяется на случаи, когда это имя проговаривается лишний раз: «Говорят 3 раза: «Гном-Матерщинник, приди!». А эта девочка на четвертый раз вызвала, а этого делать нельзя, а то все стены будут в «матерках» исписаны, а кого-нибудь могут задушить. Этой девочке казалось, что он ее задушит. Вначале, когда они спали, все стены были исписаны в «матерках», - я отвечаю, честное слово! А на вторую ночь он ее стал душить. Она кричала. Когда включили свет – остались на шее пятна, будут они всю жизнь» (Степанищева Алена, 8 лет). То есть, если обитателя потустороннего мира «недо-звать», граница между мирами останется закрытой, и мифологический персонаж не сможет проникнуть в «наш» мир, а если «перезвать», «вызываемый» персонаж окажется запертым в мире людей (4 – число статичное, персонаж не только постепенно проникает в «наш» мир, но и «закрепляется» в нем через произнесение его имени лишний раз – имя как его сущность «закрепляет» его в реальном мире). Результатом такого «застревания» обитателя «иного» мира (особенно если он относится к персонажам, которые характеризуются информантами как «злые») неизбежно становится его вредительство по отношению к участникам «вызывания» - нарушителям запрета, наказанием чаще всего является смерть – то есть мифологический персонаж забирает нарушителя запрета с собой в потусторонний мир.

4. Запрет на неуважительное обращение к мифологическому персонажу, произнесение бранных слов по отношению к нему.

Связанные с «иным» миром, миром смерти, мифологические существа, восходят к представлениям об умерших предках-покровителях рода и о заложных покойниках, которых необходимо было почитать и приносить им жертвы, чтобы обеспечить их поддержку и невредительство (об этом пишут Д. К. Зеленин [5], Н. А. Криничная [6]). Мифологические существа детского фольклора, представления о которых чаще всего возникают по аналогии к таким распространенным персонажам традиционного фольклора, как домовый, банник, леший и т. д., наследуют представления о необходимом уважительном к ним отношении (это связано со страхом, питаемым к ним – если мифологический персонаж может причинить зло, лучше его заранее задобрить). Например, к «относам» (термин Н. А. Криничной) – жертвам для мифологических персонажей, – как мы считаем, восходят «вызывания»-кормления, даже продукты используются те же самые – яйцо, хлеб. Сладости – позднейшее явление, выполняют другую функцию. Если хлеб и яйцо связаны с представлениями о возобновлении жизненного цикла, дают мифологическому существу жизненную силу, то сладости – самое вкусное, что могут пожертвовать обитателям «иного» мира, знак уважения, а в детском фольклоре – наиболее эффективная приманка, так как мифологические персонажи мыслятся информантами как их своеобразные двойники.

В этом случае важен запрет ругать мифологического персонажа: «Если на Матерщинника, ну, его как-нибудь обзовешь. Там, дурак, он обидится и не придет никогда. Еще Гном-Матерщинник может нос оторвать, за нос возьмет и оторвет. Неправильно сделаешь че-нибудь, ну, там, обзовешь его, он может просто ночью прийти и нос оторвать» (Тузовский Сережа, 11 лет). (Сравним: в традиционном фольклоре – нельзя ругаться в доме, иначе можно разгневать домового, и в наказание он запутает волосы, оставит на теле синяки [6], а также ругательства как оберег от обитателей потустороннего мира).

Перейдем к рассмотрению представлений детей о звуковом поведении мифологического персонажа. В рассказах, которые нам удалось собрать, нет сведений о том, что обитатели потустороннего мира могут общаться с «вызывающими» при помощи членораздельной речи, произнося какие-либо слова, за исключением Гнома-Матерщинника. Данная особенность представлений об «ином» мире фиксируется многими исследователями мифологических рассказов. Например, Э. В. Померанцева [10] и Н. А. Криничная отмечают, что мифологические существа в большинстве быличек и бывальщин издают звуки, непонятные человеку: домовый мяукает, лает, леший хохочет и т. д., иногда им даже приписывается свой особый язык: «После этого пошел по лесу сильный крик и собралось несколько таких человек и стали говорить что-то не нашему. Охотник понял то, что как будто бы он остается невиновен» [7, с. 189]. Таким образом, чужой язык обязательно является характеристикой обитателя «иного» мира. В качестве другой особенности такого «общения» с мифологическим персонажем можно обозначить то, что непосредственный диалог через произнесение слова между «вызы-

вающими» и персонажем невозможен, необходимы предметы-посредники. Например, бумага, на которой должен написать ответ мифологический персонаж: «Ну, «Да...» – Дама. «Какая Дама, Пиковая?» - «Да». Мы все испугались, сжались там. Мы сразу – «Прощай, прощай» - «Нет». Реально вот, реально пишет: «Я вас сегодня ночью убью» (Третьякова Марина, 20 лет, по воспоминаниям детства).

Особое место среди мифологических персонажей занимает Гном-Матерщинник. Как уже было сказано, он, по представлениям детей, способен произносить отдельные слова. Но это особенная речь – мат. Нам необходимо назвать несколько особенностей такого речевого поведения. Во-первых, матерщина, как пишут А. К. Байбурин, А. Л. Топорков, в русской культуре рассматривалась как бесовское поведение [2], таким образом, имела отношение к «иному» миру и его обитателям, враждебным человеку. Во-вторых, слова, относимые к мату, обозначают части тела и действия, имеющие отношение к зачатию и к рождению человека, а поскольку рождение мыслится как появление из «иного» мира в «этот», и мат, и называемые им предметы непосредственно связаны с потусторонним миром. Кроме того, мат – ненормальная, запретная речь, поэтому, как своеобразный «чужой» язык, она свойственна обитателю «иного» мира. И наконец, в-третьих, нецензурная, в восприятии детей, это слова, запретные для ребенка, но свойственные речи взрослых, поэтому в данном случае «вызывание» Гнома-Матерщинника, когда Гном может «обматерить» участников обряда, выполняет инициальные функции, происходит своеобразный переход во взрослое состояние посредством приобщения к языку взрослых.

Таким образом, словесное поведение при «вызывании» свойственно и «вызываемым», и мифологическому персонажу. При этом участники обряда произносят определенную формулу призыва обитателя «иного» мира, включающую его имя, а мифологический персонаж через звук сигнализирует о своем появлении. Причем для двух миров – «нашего» и «иного» - характерно противопоставление и на языковом уровне – обитатели потустороннего мира либо говорят на языке, непонятном «вызываемым» или ненормальном (как, например, мат), либо лишены дара членораздельной речи и заявляют о своем появлении при помощи звуков голоса животных или звона, шуршания и т.д. различными предметами. Звук выполняет определенные функции: выступая в качестве инструмента сообщения между «нашим» и «иным» мирами, он выступает и в качестве «призыва» мифологического персонажа в мир реальный, и в качестве сигнала потустороннего существа о своем появлении.

Библиографические ссылки

1. Агапкина Т. А. Голос // Славянская мифология: Энциклопедический словарь / под ред. В. Я. Петрухина и др. – М.: Эллис Лак, 1995. – С. 136–138.
2. Байбурин А. К. У истоков этикета. Этнографические очерки / А. К. Байбурин, А. Л. Топорков. – Л.: Наука, 1990. – 166 с.

3. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. – М.: Художественная литература, 1990. – 543 с.
4. Геннеп А. ван Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. – М.: Восточная литература, 1999. – 198 с.
5. Зеленин Д. К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. – М.: Academia, 1995. – 414 с.
6. Криничная Н. А. Русская народная повествовательная проза: Истоки и полисемантизм образов: в 3 т. – СПб.: Наука, 2001. – Т. 1: Былички, бывальщины, легенды, поверья о духах-«хозяевах». – 584 с.
7. Легенды. Предания. Бывальщины / сост. Н. А. Криничная. – М.: Современник, 1989. – 286 с.
8. Лосев А. Ф. Философия имени / А. Ф. Лосев. – М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 1990. – 458 с.
9. Пиковая Дама в детском фольклоре / предисл. и публ. А. Л. Топоркова // Русский школьный фольклор. От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов. – М.: Ладомир, 1998. – С. 15-55.
10. Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. – М.: Наука, 1975. – 183 с.
11. Топоров В. Н. Имена // Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. – М.: Российская энциклопедия, 2000. – Т. 1. – С. 508-510.
12. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. – М.: Восточная литература, 1998. – 800 с.
13. Фрэзер Д. Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. – М.: Политиздат, 1983. – 703 с.
14. Хазей С. А. Психология детской мифологии и фольклора (на материале исследования детей и подростков на территории республики Беларусь): автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 1998.
15. Чередникова М. П. Голос детства из дальней дали...: Игра, магия, миф в детской культуре. – М.: Лабиринт, 2002. – 224 с.

Н. И. Романова

Кемеровский государственный университет культуры и искусств

**СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ ПРОЕКТ «ЧИСТОЕ СЛОВО»
В КЕМЕРОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ**

Детерминантой развития современного постиндустриального общества является рост значения информации и коммуникации в сравнении с веществом и энергией, которые до сих пор определяли темпы развития цивилизации. Отсюда, если в традиционном

типе культуры Слово было богодухновенно, свято, сакрально, т.е. обладало особой энергией, «чудодейственной» силой – исцеляло, воскрешало, подвигало и др., то в современном же мире язык и слово – лишь средство, расширяющее коммуникативные возможности в условиях «отчужденного», разрозненного существования человека в современной постиндустриальной индивидуалистической цивилизации городского типа. И все же, несмотря на внешние (социокультурные) объективные предпосылки к изменению роли и статуса языка в нашей жизни, принципиальным является гуманистический факт: насколько каждый из нас в том – что, кому, как и когда – может сказать (с какой интонацией, с каким подтекстом, с иронией или сарказмом) ближнему. Таким образом, мы вновь возвращаемся к современной языковой проблеме как проблеме межличностных, межгрупповых, межкультурных и т.д. взаимоотношений.

Следовательно, перед ученым-прикладником возникает острейшая необходимость вывести молодого человека в коллектив, подготовить к общению, раскрыв в нем потенциальные возможности (коммуникативные, лингвистические, профессиональные и т.д.), т. е. включить его в социокультурные практики. Именно этим требованием времени и обусловлена такая форма реализации подобных практик как акция, а также проектная деятельность, требующая от их организаторов реальных, ощутимых результатов масштабной разносторонней и научно обоснованной деятельности по решению актуальнейших проблем современности.

Актуальными задачами проектной деятельности в сфере сохранения языка становятся:

1. Разработка просветительских мер, комплексных мероприятий, методического сопровождения, развивающих данные языковые тенденции.
2. Реализация межотраслевых, прикладных проектов, направленных на критику и нивелирование деструктивных тенденций в языковом пространстве отечественной культуры.
3. Формирование социокультурных практик, культурных текстов, пропагандирующих альтернативные языковые (лингвистические) формы социализации личности, направленных на расширение коммуникативных возможностей и формирование информационной культуры личности.

Руководствуясь пониманием необходимости подобных практик, мы и приступили к осуществлению в нашем вузе социально-культурного проекта «Чистое Слово» в апреле – мае 2010 года. В целях реализации нашего проекта мы учитывали опыт проведения акции «Чистое Слово» в Кемеровской государственной академии культуры и искусств в 2003 году. В 2010 г., по предложению проректора по творческой и международной деятельности В. Д. Пономарева, акция была расширена до формата социально-культурного проекта, который органично вошел в рамки I Международного фестиваля православной культуры.

Немного из истории акции «Чистое Слово» в России. Инициатором ее проведения выступила Международная лига защиты культуры (г. Москва, 1996 г.), а точнее – ее Тверское отделение. Сегодня акция проходит уже в Пензе, Екатеринбурге, Нижнем Новгороде, Иванове, Владимире, Новосибирске, Томске, Иркутске, Омске и др. В Кузбассе (в городах Кемерово, Новокузнецк, Прокопьевск, Березовский, Мариинск, Анжеро-Судженск, Топки) акция проводится с 1999 г. по инициативе Кемеровского отделения Международной лиги защиты культуры.

Акция – это всегда масштабное и многоаспектное общественное мероприятие, несомненными достоинствами которого являются такие показатели: она может преследовать несколько целей и решать множество задач, она позволяет охватить и разнообразные формы и методы работы, а главное широкие массы людей.

Цели акции «Чистое Слово» – привлечение внимания населения к необходимости повышения уровня культуры речи в России через активизацию просветительской деятельности; актуализация ценностей значимости чистоты родного языка во всех сферах жизни общества (профессиональной, коммуникативно-межличностной, во взаимопонимании между поколениями, межнациональной и т. д.).

На фоне проблем состояния современного русского языка и падения уровня речевой культуры привлечение внимания общественности через мероприятия, подобные акции «Чистое Слово», видится весьма актуальным. Но особенно важны подобные меры в более восприимчивой молодежной среде, на которой, в первую очередь, отражаются любые культурные изменения. Не секрет, что сегодня проблемы грамотной устной и письменной речи, «обогащаемой» жаргонизмами и матерными выражениями, особенно усиливаются в школьной и студенческой среде. Нужно ли с этим считаться? Запрещать? Бороться? Наверное, да. Однако важно все-таки другое. Хочется привести мудрую и глубокую мысль, которую выразил К. И. Чуковский: «Культура речи неотделима от общей культуры. Чтобы повысить качество своего языка, нужно повысить качество своего сердца, своего интеллекта... Облагородьте нравы молодежи, и вам не придется искоренять из обихода грубый и беспардонный жаргон. Он медленно, но верно отодвинется в прошлое». Кстати, именно К. И. Чуковскому принадлежит идея проведения праздников Чистого Слова, но осуществилась она в России только в конце XX века.

Ценность опыта осуществленного проекта подчеркивается тем, что к его проведению были привлечены профессионалы: как творческие работники, так и ученые (например, к разработке положений различных творческих конкурсов, к проведению социологического исследования, дискуссии и др.), что качественно подняло уровень мероприятия. Было разработано положение о социально-культурном проекте «Чистое Слово», а также ряд положений о проводимых в его рамках конкурсах.

Проект сопровождался широкой информационной поддержкой, которая заключалась в размещении информации о нем на сайте КемГУКИ и университетской газете, а также на специально оформленных информационных стендах. Информационные стенды содержали несколько рубрик: «Положения о проекте и о конкурсах», «Терминологическая страница», в которой мы размещали разные термины, связанные с культурой речи, кроме того, рубрика «Это актуально!» с газетными и научными публикациями по проблемам современного русского языка, а также рубрика «Красота и мудрость народного языка» с образцами народной речи в виде пословиц и притч и рубрика афоризмов.

К подготовке и проведению проекта на общественных началах активно подключились несколько кафедр вуза, с большим пониманием и по доброй воле откликнувшиеся на предложение участвовать в ее организации и проведении. Это кафедры культуры и искусства речи (зав. кафедрой: канд. культурологии, доц. Чепурина В. В.), дизайна (зав. кафедрой: доц. Елисеенков Г. С.), литературы (зав. кафедрой: канд. филол. наук, доц. Шунков А. В.), иностранных языков (зав. кафедрой: канд. филол. наук, проф. Бондаренко С. В.), экономики социальной сферы (зав. кафедрой: канд. экон. наук, доц. Трусова Н. М.), культурологии (зав. кафедрой: канд. культурологии, доц. Двуреченская А. С.). Руководители и преподаватели этих кафедр оказали нам всестороннюю поддержку, благодаря которой проект состоялся.

Целями проекта явились: сохранение русского литературного языка; повышение уровня общей речевой культуры. Задачами проекта были определены:

- привлечение внимания студенческой молодежи к проблемам сохранения русского языка;
- проведение просветительской работы по повышению речевой культуры и культуры общения среди студентов и учащихся школ г. Кемерово;
- повышение уровня владения речью и формирование коммуникативной компетенции;
- исследование состояния речевой культуры студентов КемГУКИ.

Осветим основные мероприятия по реализации проекта.

1. Тренинг. Проект стартовал 1 апреля 2010 г. с проведения тренинга по теме «Речевой этикет студента университета культуры и искусств», в котором приняли участие около 30 студентов 1, 2, 4 и 5-го курсов.

Следует отметить, что наш «среднестатистический» студент не рефлексировал над формой выражения своих мыслей (как в письменной, так и в устной речи). Как у первокурсников, так и у старшекурсников отмечается широкое употребление в речи сленга, нецензурных выражений, жаргонизмов и т. д. Нашей задачей была попытка в ходе тренинга вывести наших студентов на рефлексию по поводу состояния их речевой культуры. Были отмечены различные отношения к проблеме использования в стенах вуза ненормативной лексики студентов младших и старших курсов: от равнодушия

(«Нас все устраивает») и пассивного понимания (у первых) до активного неприятия данного явления (у вторых). Столь же различными были их речь и поведение (старшие справедливо «одергивали» младших, делая им замечания по поводу отдельных их высказываний).

В ходе тренинга студенты выявили три наиболее значимых проблемы речевой культуры студентов в нашем вузе:

- формирование у специалиста сферы культуры чувства ответственности за состояние своей речи, которая должна быть образцом речи образованного, настоящего культурного человека;
- чрезмерная эмоциональность, амбициозность и неуместный эпатаж в речи студентов;
- использование студентами ненормативной лексики (данная проблема была названа самой главной).

Таким образом, положительным результатом тренинга является то, что он позволил «включить» наших студентов в осознание проблем речевого этикета в вузе. Основным недостатком, выявленным в результате его проведения, является пассивное отношение молодежи к вопросу, касающегося конкретных действий по решению данных проблем. Практически никто не сделал каких-либо реальных предложений по исправлению ситуации в вузе.

2. Соцопрос. На основе разработанной кандидатом социологических наук, доцентом Логуновой Л. Ю. методики проведения социологического опроса «Состояние речевой культуры студентов вузов г. Кемерово», нами был проведен социологический опрос «Состояние речевой культуры студентов КемГУКИ».

В мае 2010 г. нами были опрошены 172 студента 12 специальностей всех курсов. Приведем и проанализируем некоторые результаты опроса.

В общении друг с другом студентами чаще всего (25 %) используются просторечные выражения, причем девушками в 2,6 раза чаще, чем юношами. Но литературный язык девушками используется в 2 раза чаще, чем юношами. А вот сленговые выражения преобладают у парней (23,3 % против 18,7 % у девушек). К счастью, сквернословие нашими студентами используется не часто. Однако самый большой процент студентов использует все указанные формы, поэтому за этими цифрами может скрываться другая картина. Речь студентов в стенах учебных заведений и на улице либо не отличается вообще, либо наблюдается незначительное отличие.

Когда рядом кто-то сквернословит, не все могут проявить мужество и призвать к порядку – лишь 14,5 % респондентов заявили о готовности одернуть «социопата», причем по сравнению с юношами среди девушек более высокий процент с активной позицией (17 % против 6,6 %). При этом нецензурная брань раздражает почти в одинаковой степени и тех, и других. Настораживает то, что, как правило, студенты проявляют без-

различие на оскорбительные действия (47 %). Молодые мужчины более терпимы к брани, чем девушки (55 % против 43,7 %).

Респондентам было предложено выбрать суждение, наиболее близкое к их пониманию культуры речи – неоднозначного и многоаспектного понятия. Суждения содержали разные уровни восприятия культуры речи – от личностного до общенационального. Молодые люди склоняются в большей степени к мнению о том, что культура речи есть составляющая часть внутренней культуры человека, необходимая для этикетного общения. Как часть национальной культуры данное понятие определяют 18,6 % студентов.

Студенты не приветствуют использование преподавателями в речи сленговых и просторечных выражений (17,4 %), причем больше – юноши (28,3 %); парадоксально, что сами они чаще всего используют сленг (23,3 %). Студенты, однако, отмечают, что им легче общаться с преподавателями, которые понимают желание студентов говорить на молодежном сленговом языке и не одергивают молодых людей (54 %). Требуют безукоризненной речи от преподавателей 27,3 % опрошенных студентов. На наш взгляд, это хороший показатель.

Понимая важность правильного общения, половина будущих специалистов отметила желание повышать уровень собственной речевой культуры. При этом 27,3 % не нуждаются в этом (возможно, студенты высоко оценивают уровень культуры собственной речи). Не задумывались над этим 18,6 % опрошенных.

3. Дискуссия. 5 мая 2010 г. в университете прошла внутривузовская студенческая дискуссия на тему «Современное состояние русского языка в российском обществе: проблемы и перспективы». На стадии сбора информации студентами было проработано большое количество печатных и электронных источников, затем шла их систематизация, таким образом, произошло глубокое погружение в тему. Ребята подготовили хорошую презентацию, которая сопровождала весь ход дискуссии. В нее были включены и статистические данные, и афоризмы, и видеоролики, и фотографии, и тексты для размышления. Накануне дискуссии материалы для обсуждения были помещены на стенде нашего проекта. Данное мероприятие явилось самым эффективным методом включения, так как студенты, проанализировав ряд серьезных проблем в современном русском языке, осознали их важность, прежде всего, для самих себя, а также и для общества в целом.

4. Расклеивание листовок с текстами авторов из числа выдающихся деятелей культуры на тему ценности слова и сохранения чистоты языка. Были отобраны 50 соответствующих высказываний, а также подготовлены 1400 листовок, которые в мае студенты 1–3-го курсов расклеивали на улицах города. Студенты делились впечатлениями: «Пусть кто-то и не обратит на это внимание, а кто-то ведь и задумается, кто-то по доброму улыбнется. Пусть это капля, но ведь каплями можно и океан наполнить».

5. Выступления студентов с лекциями. Активному включению студенческой молодежи способствовали лекции, которые проводились в школах, детских домах, а также тематические праздники в детских садах, подготовленные и проведенные студентами. Студенты 1 и 3-го курсов факультета гуманитарного образования и социально-культурных технологий провели праздник в детском саду № 40 для детей старшей группы и двух подготовительных групп, а также выступили с лекциями в средней общеобразовательной школе № 45 и в детском доме № 102.

6. Стенгазеты. Заметным событием в жизни вуза стал выпуск студенческих стенгазет на тему речевого этикета, выполненных интересно и оригинально. В выпуске газет приняли участие студенты 1-го курса группы МХК-091.

7. «Вопрос недели». Так называлась акция проекта, имеющая целью вовлечь студенческую молодежь в пространство его проблематики. Каждую неделю студентам на информационных стендах предлагался вопрос, на который они письменно отвечали, например: «Что значит любить свой язык и гордиться им?», «С чего начинается культура речи?», «Почему среди современной молодежи распространена речевая агрессия (негативные эмоции, давление, унижение, оскорбление, угроза)?» и др. Ответы показали высокую степень понимания студентами ответственности за состояние своей речи, однако, активностью акция не отличалась.

8. «Найди ошибку!». Акция с таким названием имела целью обнаружение ошибок в текстах реклам, баннеров, объявлений, этикеток. Не секрет: мы стали встречать подобные ошибки весьма часто, что всегда вызывает негативную реакцию. К сожалению, в вузе акция не была широко поддержана, мы получили всего 14 сорванных объявлений.

9. Конкурсы. В рамках проекта прошло несколько конкурсов. Конкурсная форма мероприятий сама по себе выступает как метод привлечения творческой активности студентов, а соревновательный мотив стимулирует их интерес к теме акции и привлекает к участию. Были подготовлены и проведены конкурсы плакатов, поэтического перевода, сочинений на темы сохранения русского языка и эссе на тему «Речевая культура в экономике».

Несмотря на достаточно широкий охват учащейся молодежи мероприятиями проекта, следует, тем не менее, сказать о большой пассивности студентов нашего вуза в целом. Так, информационная поддержка проекта не привлекла внимания значительной части молодежи (к стендам студенты подходили не часто); не во всех конкурсах студенты принимали активное участие. Надо сказать, что ребята очень живо отзывались именно на непосредственные обращения и предложения участвовать в том или ином мероприятии проекта. В связи с этим можно констатировать, что сегодня только личный авторитет педагога может служить основой для продвижения воспитательной работы в вузе.

Пожалуй, главным результатом проекта явилось решение участвовавших в нем студентов создать свой студенческий клуб, который будет продолжать активную деятельность по привлечению внимания населения (прежде всего, молодежи) к проблемам сохранения чистоты русского языка и необходимости повышения уровня речевой культуры. В образовавшемся осенью этого года клубе уже ведется активная работа по созданию сайта «Чистое Слово». Своим девизом ребята избрали слова: «Нам не все равно!». А значит, есть надежда на то, что мы сохраним тебя, Русская речь, Великое Русское Слово.

Е. Ф. Сергеева

Кемеровский государственный университет культуры и искусств

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ СОВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ В СИБИРИ

В современной философии культуры и теоретической культурологии широко используются понятия «культурная форма» и «культурный институт». В интересующем нас аспекте понятие «культурная форма» выступает как теоретическая абстракция, позволяющая структурировать культурное пространство, при этом выделяя в нём значимые элементы, фиксирующие относительно устойчивую целостность того или иного социокультурного феномена при многообразии функций и связей в реально существующей культуре.

Культурные формы имеют специфические способы институционализации в виде социальных учреждений, отношений, способов и видов деятельности, зависящих от характера данного общества, степени его развития, организации и иных характеристик. Образование, воспитание, просвещение, художественная жизнь, научная практика и множество других культурных процессов являются не только видами деятельности, но и культурными формами с соответствующими им социальными, хозяйственными и иными механизмами, учреждениями, организациями. В связи с этим выделяется несколько форм институционализации книжной культуры: библиотечное дело, книгораспространение и книгоиздание.

Выявление и идентификация общего (инвариантного) и специфичного (различного) в культуре закладывают основы фундаментального исследования таких социально-культурных феноменов, как книжная культура. По определению С. А. Пайчадзе, книжная культура – это «уровень, достигнутый книжным делом в сочетании с исторически сложившимися традициями и реалиями в отношении народа к книге (и печати в целом) в конкретной стране или регионе на определённой ступени развития общества. Книжная культура является показателем уровня технологического развития государства и свидетельствует об интеллектуальном потенциале населения, в том числе на отдельных территориях его проживания» [2, с. 16].

Изучение проблем книжной культуры в Сибири стало закономерным следствием развития отечественного книговедения. Региональная книга становится объектом изу-

чения в период углубления исследований крупных территорий, играющих важную роль в жизни страны. Усиливающийся глобальный характер социальных процессов обуславливает включённость региональной деятельности в общемировой контекст. Учёт достигнутого в региональном книговедении (в том числе в Сибири) необходим для определения перспектив развития и укрепления статуса данной науки, обеспечения преемственности и сохранения научного знания.

Децентрализация управления, обретение регионами самостоятельности и становление местного самоуправления обусловили перемены, происходящие в книжном деле. Усиление роли регионов влечёт формирование региональной политики в области экономики, науки и культуры. Таким образом, происходит формирование модели культуры региона. В этой связи культуру региона невозможно рассматривать без книжной культуры, которая является важнейшим составным компонентом первой, поскольку влияет на культурное строительство региона, на развитие в нём сферы производства, торговли, деятельности учебных заведений, информационно-библиотечных служб и учреждений. Кроме того, современное развитие культуры невозможно без знания истории, учёта закономерностей становления и развития книжного дела в регионе.

Книжная торговля является одним из важнейших каналов приобщения человека к книге. Изучение истории книжной торговли в региональном разрезе даёт ценное представление о развитии важной составляющей системы книжного дела, о формировании читательских интересов. Вместе с тем, книжная торговля конкретной провинции есть важнейшее средство влияния на уровень развития книжной культуры и одновременно – один из показателей этого развития, что неоднократно отмечалось специалистами.

Российский рынок книжной продукции, как один из сегментов общего товарного рынка, пока только формируется. Происходит это в сложных условиях: при отсутствии системы книгораспространения в масштабе страны и отлаженной издательской информации, при продолжающихся изменениях в социально-экономической, политической и культурной сферах российского общества, не содействующих его быстрому и цивилизованному формированию. Однако процесс становления новой структуры книгораспространения и книжного рынка в целом продолжает развиваться в соответствии с рыночными требованиями. В зависимости от тематического состава книжной продукции и читательской целевой группы, с одной стороны, происходит оптимизация существующих каналов распространения книги, а с другой стороны – возникновение и развитие новых.

Период с 1991 по 2008 гг. является особым периодом развития книгораспространения в Сибири, обусловленным общеисторическими тенденциями демократизации книгоиздания, рыночных преобразований, информатизации общества. Характеризуя этот период, следует отметить, что в Сибири складывается книжный рынок, формирующийся на основе возникновения в жизни России новых экономических отношений.

Стала действовать более развитая сеть издательско-полиграфических предприятий (в основном, частных), создание которых было обусловлено радикальным изменением процесса книгопечатания, обусловленным переходом на современные компьютерные технологии. Контуры современного сибирского книгоиздания – как и российского в целом – непрерывно меняются, однако основные направления его трансформации отчётливо просматриваются.

Эффективность государственной политики, уровень экономики, состояние окружающей среды самым непосредственным образом зависят от уровня культурного развития общества. Недооценка роли культуры привела к потере нравственных ориентиров некоторых групп населения. В сочетании с нерешёнными социальными и экономическими проблемами эти вопросы явились причиной роста преступности, обострения межнациональных конфликтов. Как следствие, уменьшилась доступность культурных благ для отдельных социальных групп, наблюдается упадок культуры в малых городах и на селе, возникла угроза невосполнимости потерь в культурном наследии.

Кемеровская область – один из немногих регионов страны, где с конца 1990-х – начала 2000-х годов не было допущено обвальное сокращение сети учреждений культуры. Для сохранения очагов культуры Администрацией Кемеровской области была разработана программа «Культура села до 2010 года», которая составной частью вошла в межрегиональную целевую программу «Сельская культура Сибири» на 2003 – 2005 годы. Подготовлены проекты Законов Кемеровской области «О культуре» и «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации, расположенных на территории Кемеровской области». В Кузбассе накоплен полезный опыт адаптации учреждений культуры и искусства к новым экономическим условиям. При учреждениях профессионального искусства получила развитие такая эффективная форма их поддержки, как попечительские советы.

В Сибирском федеральном округе библиотеки области входят в первую пятерку, а по ряду показателей (наличие собственного автотранспорта, множительной техники) занимают первое место в сибирском регионе и входят в число десяти лидеров среди субъектов РФ. За годы реформ в сельской местности заметно поредела сеть самых массовых учреждений культуры – библиотек. Из-за ветхого и аварийного состояния их закрылось более десятка. В начале 2000-х годов объём бюджетных средств, выделяемых на пополнение книжного фонда, сократился вдвое, а совокупный фонд сельских библиотек уменьшился на 8 %, при этом менее 1 % из них имели компьютеры [1].

На сегодняшний день библиотечная сеть – это самая обширная и массовая сеть учреждений культуры, науки, образования и досуга. Посещаемость библиотек в Кемеровской области примерно в два раза выше, чем всех остальных учреждений культуры вместе взятых.

Обсуждая приоритеты развития библиотечного дела в Сибири, так и в Кузбассе, специалисты выделяют следующие: пополнение и обновление библиотечных фондов,

обеспечение их сохранности, а также информатизация библиотек и внедрение новых информационных технологий.

Проблема сохранения библиотечного фонда – это сохранение национальной памяти, национального наследия, доступности обществу новой информации, идей, знаний. По экспертным оценкам, в стране до 40 % библиотечных фондов составляют книги, практически, не читаемые и морально устаревшие. От 60 % до 80 % пользователей не удовлетворены составом библиотечных фондов. Подобное положение сложилось и в Кемеровской области. Библиотекам приходится всё более активно очищать свои фонды от физически и морально устаревшей, не пользующейся спросом литературы.

К сожалению, библиотечный фонд Кемеровской области ежегодно уменьшается. Впервые за последние годы сократилась численность читателей и пользователей библиотек. В связи с этим в области предпринимаются такие меры, как участие библиотек в различных проектах и программах, привлечение внебюджетных средств, проведение различных акций по пополнению библиотечных фондов. Однако этих мер явно недостаточно для улучшения ситуации. Необходимо стабильное бюджетное финансирование на приобретение новой литературы и пополнение фондов.

Ежегодно увеличивается количество книг, подаренных библиотекам. Читателями, жителями и организациями Кузбасса передано в библиотеки городов и районов 38 тыс. экземпляров изданий, что на 11766 экземпляров больше, нежели в 2002 году. Наиболее значимы книжные коллекции, подаренные библиотекам городов Анжеро-Судженск, Кемерово, Киселёвск, Междуреченск, Новокузнецк, Осинники, Прокопьевск, Юрга, а также библиотекам Прокопьевского, Тяжинского и Чебулинского районов.

С целью повышения информационного потенциала библиотек депрессивных районов в 2003 году в Кемеровской области реализована специальная схема комплектования новыми книгами, позволившая приобрести около 2,3 тыс. экземпляров книг почти на 300 тыс. рублей [1].

2007 год можно считать удачным в жизни муниципальных библиотек Кузбасса, поскольку произошло увеличение бюджетных средств на комплектование библиотечных фондов. Всего израсходовано на комплектование муниципальных библиотек 27 млн. 740 тыс. рублей. По сравнению с 2006 годом сумма бюджетных средств увеличилась на 5 млн. рублей. Впервые за последние годы новые поступления достигли сотысячного рубежа [3].

Удовлетворение информационных потребностей пользователей на достаточном уровне оперативности, точности и полноты сегодня невозможно без использования новых информационных технологий. В связи с этим необходимо отметить положительную тенденцию: медленно, но всё же происходит внедрение новых компьютерных технологий в библиотеки Кемеровской области. В 2003 году 53 муниципальных публичные библиотеки в области имели компьютерную технику (вместе с областными библиотеками их число составило 57). Количество компьютеров, имеющихся в муни-

ципальных публичных библиотеках, составило 214 единиц (вместе с областными библиотеками – 386), что на 49 больше, чем в 2002 году.

В 2004 году в государственных и муниципальных библиотеках Кузбасса имелось 310 компьютеров (0,4 компьютера на одну библиотеку). Библиотеки области по основным характеристикам (поступление финансовых средств в расчёте на одного жителя, количество жителей на одну библиотеку, общее число библиотек, количество в библиотеках персональных компьютеров, копировально-множительной техники и транспортных средств) входили во вторую десятку из 89 регионов России.

Растёт и совокупный электронный информационный ресурс, создаваемый библиотеками Кемеровской области. В течение последних десяти лет существенную финансовую поддержку процессам автоматизации библиотечных технологий и их техническому оснащению оказывали грантовые проекты, которые разрабатывались библиотеками области.

Одним из приоритетных направлений в работе публичных библиотек является содействие развитию культурных традиций народов Кузбасса. В библиотеках активно создаются и успешно работают мини-музеи; исследовательские и музейные технологии прочно вошли в библиотечную практику. Все библиотечные системы области работают по целевым программам «продвижения» чтения и книги. Детские библиотеки области работают по программе «Читающий город».

Заслуживает внимания и поддержки опыт интеграции библиотек области в культурное пространство сибирского региона и страны в целом, а также создания библиотечных ассоциаций путём объединения информационных, финансовых, кадровых и иных ресурсов. Современное состояние библиотечной сети региона характеризуется изменением как количественного, так и качественного состояния библиотек. Происшедшая в эти годы трансформация массовых библиотек в муниципальные обусловлена децентрализацией управления, обретением регионами самостоятельности и становлением местного самоуправления. Введение нового понятия не означает лишь смену названия. Для муниципальных библиотек характерно, прежде всего, изменение состава пользователей. В связи с этим наблюдается тенденция усиления образовательных и информационных функций библиотек.

Библиографические ссылки

1. Основные приоритетные направления культурной политики в Кемеровской области – Кемерово: Б. и., 2003.
2. Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока: в 2 т. Т. 1: Конец XVIII – середина 90-х годов XIX века. – Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2000.
3. Реализация основных направлений культурной и национальной политики в Кемеровской области в 2007 г. в свете приоритетного регионального национального проекта «Культура». – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008.

Раздел 2. РУССКОЕ СЛОВО: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

Г. И. Лушникова

Кемеровский государственный университет

СЛОВО В ЛИТЕРАТУРНОЙ ПАРОДИИ

Как известно, основной задачей литературной пародии является весёлая юмористическая критика. В связи с этим слово пародии обладает особыми свойствами, оно используется в особых стилистических функциях с целью создания юмористической и одновременно критической модальности.

Все ведущие средства пародии строятся на таких основных принципах, как аналогия и контраст, поскольку сама пародия обладает как сходством, так и различием с оригиналом. Этим обусловлено использование средств, построенных одновременно на сходстве-различии, сближении-отталкивании. Это такие средства, как окказионализм, основанный на сходстве моделей словообразования и контрасте с существующим вокабуляром языка, каламбур, основанный на звуковом сходстве и семантическом различии, гипербола, основанная на тематическом сходстве и количественном различии, и некоторые другие.

Ведущими средствами пародии лексического уровня являются окказионализмы, каламбур, зевгма, оксюморон, гипербола. Рассмотрим эти средства на примере английских литературных пародий.

Окказионализмы (или авторские новообразования) – авторские употребления несуществующих в языке слов, образованные по существующим типам и правилам словообразования данного языка. Использование лексических средств языка в процессе литературного пародирования имеет свою специфику. Как верно замечает М. Н. Кобылина, свойства языка, на котором создаётся пародия, играют важную роль в процессе создания пародии: «Инвентарь средств конкретного языка с их свойствами, особенности данного языка «подсказывают» пародисту путь к осуществлению его замысла, в значительной степени определяют этот путь, в чём-то, возможно, ограничивая его, а в чём-то, наоборот, предоставляя дополнительные возможности» [1, с. 81]. В английских пародиях используются такие свойства и явления английского языка, как продуктивные словообразовательные модели: аффиксация, словосложение, контаминация, конверсия. М. Н. Кобылина на конкретном материале показывает, что в английских поэтических пародиях также продуктивно используется развитая омонимия различного происхождения, размытость границ между словосложением и словосочетанием и др. Нельзя не

согласиться с её утверждением, что «пародист выступает в своём творчестве как лингвист прежде всего потому, что он строит пародию, исходя из возможностей своего родного языка» [1, с. 87].

Роль и основная функция авторских новообразований оригинально, но в то же время точно сформулирована в пародии известного английского писателя Т. Пратчетта «Pyramids»: All things are defined by names. Change the name, and you change the thing [9, с. 132]. Изменяя наименование, мы меняем и именуемый объект. Можно добавить, что, изменив имя объекта, мы меняем и отношение к нему. А главная задача пародии как раз и состоит в том, чтобы способствовать изменению отношения к пародируемому объекту – художественным произведениям или каким-то явлениям и фактам действительности.

Приведём примеры окказионализмов, встретившихся в пародиях. Это, прежде всего, слова, образованные путём аффиксации. У Т. Пратчетта встретились новообразования от слова dwarf: non-dwarfs, non-dwarfish; от слова map: unmapped [9, с. 43, 56], от dead: undead (так именуются ожившие мумии – они не живые, поскольку умерли тысячи лет назад, но и не мёртвые, т. к. ожили в фантастическом мире Пратчетта), от dimension путём прибавления уменьшительного суффикса -nette: dimensionettes [9, с. 256, 309].

Примечательно, что новые слова в пародиях образуются не только при помощи продуктивных, но и при помощи непродуктивных суффиксов: godhood, inhumee [9, с. 199, 273], trollhood, queendom [3, с. 19, 63].

К авторским новообразованиям относятся также случаи звуковых и орфографических изменений: sextilogy, которое сопровождается следующим пояснением автора: sextilogy, so called because it will consist of six plays all filled with sex; I am afreud, где очевидно соединение единиц afraid и имени философа Freud; seck-sual вместо sexual [13, с. 153, 156; 15, с. 159].

Встречаются в пародиях и примеры новообразований путём словосложения: Crommonwealth [11, с. 76], где Crommon одновременно напоминает элемент common в сложном слове commonwealth и имя Crommwell. Причём такая контаминация неслучайна, т. к. известно, что Оливер Кромвель, победив короля Англии Эдварда I, основал республику, которая называлась Commonwealth. У Т. Пратчетта одно из новых слов образуется путем замены одного корня сложного слова на другой, являющийся его антонимом: hangunder вместо hangover, которое можно перевести как «дохмелье» вместо «похмелье»; multiverse образовано по типу universe [10, с. 61, с. 294]. Пример словосложения у Дж. Гарнера: CinderWear [3, с. 37].

На наш взгляд, специфика окказионализмов в пародии заключается в том, что они имеют интертекстуальный характер, т. е. так или иначе связаны с лексическими единицами прототекста – имеют звуковое сходство или семантические связи со словом

прототекста. Кроме того, их основная функция в пародии заключается в создании юмористического или сатирического эффекта.

Каламбур (пан), как известно, основан на игре омонимов, многозначных слов или слов, сходных по звучанию. Примеры каламбура в пародиях многочисленны. Они выполняют такие задачи пародии, как веселить, развлекать читателя, а также критиковать, зло высмеивать пародируемый объект. Приведём некоторые из них.

He was the most civilized man she'd ever met. Not a gentleman, thank goodness, but a gentle man [9, с. 51].

В словосочетании *wooden horse* в романе Т. Пратчетта «Pyramids» каламбур основан на игре трёх его значений – буквальном «деревянный конь», «виселица» и «Троянский конь».

Иногда в каламбуре реализуется терминологическое и обиходное значение слова: The same heraldic design that had first shaken her to the heart. Sleeping or walking it was ever before her eyes: A lion, proper, quartered in a field of gules, and a dog, improper, three quarters in a field of buckwheat [7, с. 74]. Первая часть данного описания эмблемы содержит термины, действительно употребляющиеся в геральдике (*proper* – натурального цвета; *quarter* – четверть геральдического щита; *a field of gules* – красное поле щита), а вторая часть состоит из слов в обычном своём значении. Стилистическая контрастность двух частей предложения и создаёт юмористический эффект.

В каламбуре могут использоваться омографы, например, *rain* и *reign*: Where I come from it rains nearly every day... Who reigns nearly every day? [9, с. 223].

Иногда обыгрываются разные по смыслу выражения: If a girl desires to woo you, before allowing her to press her suit, ask her if she knows how to press yours [7, с. 36]. То *press one's suit* означает «добиваться чьей-либо благосклонности, добиваться согласия на брак», а *to press a suit* – «гладить костюм».

Однако, помимо чисто развлекательной функции, каламбур часто одновременно выполняет и функцию пародирования. В следующем примере Т. Пратчетт пародирует чрезмерную привязанность к старым традициям, сопоставляя её с детской привязанностью к матери:

'Arthur someone. Still hanging to his mummy, I see. He won't last long.'

'Oh, I don't know,' said Teppic. 'We do, too, and we've lasted for thousands of years.' [10, с. 34]. В слове *mummy* реализуется два значения – «мумия» и разг. «мамочка».

В пародии Дж. Тёрбера остроумно обыгрываются созвучные *proper gander* (достойный гусак) и *propaganda* (пропаганда): «There is a very proper gander». An old hen overheard this and told her husband about it that night in the roost. «They said something about propaganda» [14, с. 292]. Здесь стрелы пародии направлены на распускающих сплетни обывателей.

Специфика каламбура в пародии также заключается в том, что он в большинстве случаев имеет интертекстуальный характер, так как строится на взаимодействии слова прототекста и слова пародии. *Thousand and one knights* в пародии У. Селлара и Р. Йетмана является примером такого межтекстового каламбура, отсылающего к известным сказкам «*Thousand and One Nights*» [11, с. 18].

Оксюморон (остроумно глупое) показывает противоречивость предметов, явлений окружающей действительности. В пародии это противоречие, как правило, усиленное, утрированное.

Например, пародируя школу убийц, Т. Пратчетт использует следующий оксюморон: *murderously inefficient assassins* [10, с. 52].

Оксюморон *the silence cried out and the darkness glared* [10, с. 210] усиливает впечатление ирреальности происходящих событий. А в следующем предложении при помощи оксюморона точно переданы смешанные чувства главного героя: «*He was lost in horrified admiration*» [10, с. 101].

Зевгма и семантически ложная цепочка в пародии также выполняют юмористическую функцию. Их использование часто ведёт к эффекту обманутого ожидания.

Например, «*Henry VIII was a strong King with a very strong sense of humour and VIII wives...*» [11, с. 61].

«...they back on this universe, when they give rise to myths, legends and charges of being Drunk and Disorderly» [10, с. 309].

В романе Т. Пратчетта «*Eric*» фигурирует демон по имени *Quezovercoatl* /Кусалькоатль/. Это аллюзия на Кетцалькоатля, одного из главных богов ацтекского пантеона. Кетцалькоатля ацтеки называли Пернатым змеем /*Feathered serpent*/, а Кусалькоатля народ, для которого он стал божеством, именовал *Feathered Boa*, то есть Пернатым удавом. Ацтеки приносили своим богам человеческие жертвы, поднимая их на храмы-пирамиды и убивая обсидиановым ножом; Кусалькоатль-демон в романе, став божеством, также внушил поклонявшимся ему людям, что ему все это необходимо. В романе есть следующее описание этого бога: «*It's Quezovercoatl. Half man, half chicken, half jaguar, half serpent, half scorpion and half mad*» [8, с. 115]. («Это Кусалькоатль. Наполовину человек, наполовину ягуар, наполовину змей, наполовину скорпион и наполовину безумный».) Судя по всему, в этой фразе Пратчетт пародирует описание облика ацтекского бога, которого изображали как змею с перьями. Вообще химеры в мифологии – явление частое, но Кусалькоатль не просто наполовину одно существо, а наполовину – другое. Что бы это ни было, оно может состоять только из двух половин, тогда как Кусалькоатль состоит из пяти половин, что практически невозможно. Странность облика Кусалькоатля преувеличена автором до гротеска. Дополнительный юмористический эффект появляется за счет использования зевгмы: «*half mad*» с точки зрения грамматики вполне вписывается в ряд однородных членов предложения, но выбивается из этого ряда с точки зрения семантики.

Примеры ложной семантической цепочки:

«The family sought payment for pain and suffering, compensatory damages, punitive damages, disability and disfigurement, long-term care, mental anguish, impaired earning power, loss of esteem, and the loss of good dinner» [3, с. 62]. Потеря хорошего обеда резко выбивается из ряда других наименований принесённого вреда пострадавшим.

«...no one was to obey him (John) or stand him a drink or tell him the right time or the answer to the Irish question or anything nice» [11, с. 33]. «Наказание» опальному Джону выглядит комично как из-за абсурдности запрещающих директив (например, tell him the right time), так и из-за их семантической неоднородности.

«Amongst his Merry Men were Will Scarlet (The Scarlet Pimpernel), Black Beauty, White Melville, Little Red Riding Hood (probably the outdaughter of his), and the famous Friar Puck...» [11, с. 35]. Имена собственные взяты из таких разнообразных, далёких друг от друга источников, что их перечисление в одном предложении вызывает диссонанс, ведущий к комическому эффекту.

Пародия на лечебную диету у Ст. Ликока также создаётся при помощи ложной цепочки:

«Oh, eat plenty, don't be afraid of it; eat meat, vegetables, starch, glue, cement, anything you like» [7, с. 36].

В следующем примере ложная цепочка резко снижает пафос повествования:

«She told his name to the trees. She whispered it to the flowers. She breathed it to the birds. Quite a lot of them knew it. At times she would ride her palfrey along the sands of the sea and call 'Guido' to the waves! At other times she would tell it to the grass or even to a stick of cordwood or a ton of coal» [7, с. 73].

Гипербола встречается в пародии в разнообразных формах. Как правило, гиперболизируется какой-нибудь элемент прототекста. Фактически гипербола есть преувеличенный повтор элемента прототекста. В пародии встречаются следующие типы гиперболы:

1. Количественная гипербола с приведением точных цифровых данных:

«The housekeeper looked at me approvingly, and instantly made some tea for me. I drank seven cups...» (пародия «Miss Mix» Б. Гарта на роман Ш. Бронте «Джейн Эйр» [4, с. 66]).

«He stayed. He drank eleven cups of tea» [7, с. 28].

«It was a long tooth-brush, about six feet long» (пародия «Beer in the Sergeant-major's Hat» Р. Чандлера на Э. Хемингуэя [2, с. 188]).

«Why did the Earl start perceptibly each time that he looked into her face? Sometimes he started as much as four centimeters» (пародия «Gertrude the Governess: Or, Simple Seventeen» Ст. Ликока на рыцарские романы) [7, с. 70].

2. Гипербола, выражающаяся в нарочитом загромождении чрезмерным количеством имен персонажей. Примером могут служить пародии Т. Стоппарда «The Real

Inspector Hound» на романы А. Кристи, в которой утрируется изящная манера А. Кристи вводить достаточно большое количество персонажей, и М. Бредбери «A Jaundiced View» на романы А. Мердок, где гиперболизируется не только число действующих лиц, но и запутанный характер их любовных взаимоотношений.

3. Гипербола, выражающаяся в мелочной детализации, чрезмерном количестве подробностей (пародия Т. Стоппарда «The Dog It Was That Died» на Дж. Ле Каре) [12, с. 241–244].

4. Гиперболизированные ситуации. Например: «...the next moment a man leaped into the room through the broken window» (пародия «Miss Mix» Б. Гарта на роман Ш. Бронте «Джейн Эйр») [5, с. 67].

«With the freedom of an old friend I at once threw myself in my usual familiar attitude at his feet, and gently caressed his boot» («The Stolen Cigar Case» Б. Гарт) [5, с. 125].

5. Гиперболизированная витиеватость слога или мысли. Например, пародия «A Limerick by Henry James» К. Уэллс:

«Furiously, though with a tender, ebbing similitude, across her mental consciousness stole a re-culmination of all the truths she had ever known concerning, or even remotely relating to, the not-easily fathomed qualities of paste and ink» [5, с. 128].

Т. Пратчетт гиперболизирует витиеватые восточные обращения к правителям: «His greatness the King Teppicymon XXVIII, Lord of the Heavens, Charioteer of the Wagon of the Sun, Guardian of the Secret Knowledge, Lord of the Horizon, Keeper of the Way, the Flail of Mercy, the High-born One, the Never-Dying King!» [10, с. 157]. Причём такие обращения повторяются на нескольких страницах текста.

Титул одного из героев пародии Дж. Джойса занимает полторы строчки: «Nationalgymnasiummuseumsanatoriummandsuspensoriumsordinaryprivatdocentgeneralhistory-specialprofessordoctor» [6, с. 238].

Если в общеупотребительном языке гипербола служит средством убеждения, придания эмоционально-экспрессивной окраски речи, а в художественном тексте её функция состоит в создании образности, то в пародии её роль заключается, во-первых, в создании комического эффекта, а во-вторых, в силу нереальности, фантастичности создаваемых с её помощью ситуаций, она является ярким сигналом, маркером пародии. Кроме того, ситуации в пародии часто гиперболизированы настолько, что создают алогичные, парадоксальные и абсурдные высказывания, т. е. гипербола занимает промежуточное положение между лексическим уровнем и уровнем высказываний в тексте пародий.

Слово в литературной пародии претерпевает определённые трансформации, выполняет различные стилистические функции. Разнообразные стилистические приёмы пародии объединяет общий принцип построения по типу аналогии и контраста, интертекстуальный характер, а также сходная функция – создание юмора, комизма, эффекта обманутого ожидания.

Библиографические ссылки

1. Кобылина М. Н. Использование средств языка в процессе литературного пародирования // Семантика и прагматика единиц языка в тексте: межвуз. сб. науч. тр. – Л.: Ленинградский гос. пед. институт им. А. И. Герцена, 1988. – С. 80–87.
2. Chandler R. Beer in the Sergeant-Major's Hat // The Faber Book of Parodies. – London – Boston. – 1984. – P. 186–190.
3. Garner J. Politically Correct Bedtime Stories. Modern Tales for Our Life and Times. – N.Y.: Macmillan Publishing Company, 1994. – 79 p.
4. Harte B. Miss Mix // The Faber Book of Parodies. – London - Boston, 1984. – P. 64–69.
5. Harte B. The Stolen Cigar Case // The Faber Book of Parodies. – London - Boston, 1984. – P. 123–133.
6. Joyce J. From Ulysses // The Way It Was Not. English and American Writers in Parody. – M.: Raduga Publishers, 1983. – P. 233–242.
7. Leacock St. Perfect Lover's Guide and other Stories. – M.: Foreign languages publishing house, 1963. – 344 p.
8. Pratchett T. Eric. – N. Y., 2002. – 368 p.
9. Pratchett T. The Fifth Elephant. – Great Britain, London: Corgi Books, 2000. – 460 p.
10. Pratchett T. Pyramids. – Great Britain, London: Victor Gollancz Ltd, 1990. – 380 p.
11. Sellar W.C. 1066 and All That / W.C. Sellar, R. J. Yeatman. – London: Methuen Publishing Ltd, 1999. – 124 p.
12. Stoppard T. The Dog It Was That Died // The Faber Book of Parodies. – London-Boston, 1984. – P. 241 – 244.
13. Sullivan F. Life is a bowl of Eugene O'Neill's // The Way It Was Not. English and American Writers in Parody. – M.: Raduga Publishers, 1983. – P. 153 – 157.
14. Thurber J. The Little Girl and the Wolf // The Way It Was Not. English and American Writers in Parody. – M.: Raduga Publishers, 1983. – P. 289–302.
15. Tynan K. Just Plain Folks // The Way It Was Not. English and American Writers in Parody. – M.: Raduga Publishers, 1983. – P. 158–161.

Е. С. Аникеева, Л. П. Прохорова

Кемеровский государственный университет

ФИГУРНАЯ ПОЭЗИЯ: ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА

Фигурная поэзия, являясь одной из разновидностей более масштабного феномена мировой культуры – визуальной поэзии, объединяет графические и вербальные возможности поэтического дискурса. Зачастую фигурная поэзия трактуется как своего рода вид литературной игры. Так, например, Шульговский писал: «Эта стихотворная игрушка была известна уже в глубокой древности, где существовали стихотворения, построенные так, что их внешняя форма напоминала какой-либо предмет. Это так называемые «пайгнии», шутки, игра, от глагола «пайдзо», играю. Изобретение этой фор-

мы приписывается греческому поэту Симмиасу, родившемуся в Риме и жившему, по одним данным, в VIII веке до Р. Х., по другим – в IV» [6, с. 64].

Вербальный и визуальный компоненты в фигурной поэзии являются смыслообразующими, так как благодаря их взаимодействию семантическая емкость визуального текста удваивается. «То есть увеличивается смысловая насыщенность единицы текстовой информации и, тем самым, повышается информативность поэтического языка» [4]. В основу формирования подобных поэтических текстов положены «эксперименты с вербальными элементами (буква, слово, текст) с визуальной точки зрения, в том числе в возможном сочетании с художественными образами. Следовательно, в такое определение укладываются и конкретная поэзия, и фигурная поэзия, и *roesia visiva*» [1].

Соответственно, основной проблемой перевода является сохранение формы подобного поэтического текста, несущей его основные прагматические свойства. «Форма высказывания содержит информацию об индивидуальной интерпретации мира адресантом, также являясь способом воздействия на адресата. Она предлагает именно такое понимание проинтерпретированной части окружающей действительности, какое в ней заложено автором» [3, с. 7–8]. В некоторых случаях поэтическая форма позволяет вложить в очень короткий текст необычайно глубокий смысл, который в дальнейшем развивается с помощью визуального компонента. Поэтому замена формы высказывания поэтического текста при переводе приведет к потере сообщения автора, которое содержит его внутренние интенции и собственное понимание действительности.

Учет деятельности порождающего и воспринимающего сознания при переводе поэтических текстов «восстанавливает целостность эстетического объекта, коим является поэтическое произведение, и представляет каждое читательское обращение к тексту как процесс художественно – эстетического общения между автором и реципиентами» [5]. Данное общение возможно посредством передачи в переводе авторских коммуникативных стратегий, использованных при его создании, либо их адекватной замене другими. В связи с тем, что данный поэтический текст является одним из сложных для перевода, так как зачастую «информация представляется абстрактно», то переводчику вслед за поэтом приходится использовать различные средства визуализации текста либо вводить знаки другой семиотической системы [2, с. 50].

Рассмотреть данную зависимость переводчика от формы и коммуникативных стратегий, использованных автором, можно на примере стихотворения Льюиса Кэрролла в его сказке «Алиса в стране чудес» и перевода, выполненного В. Набоковым. Прежде чем обратиться к более детальному анализу стратегий переводчика в передаче смысла поэтического текста, вспомним ситуацию, ставшую предпосылкой создания текста.

Алиса встречает весьма интеллигентную Мышь и просит ее поведать о причинах неприязненного отношения последней к кошкам и собакам. «Mine is a long and a sad tale!» said the Mouse, turning to Alice, and sighing. «It is a long tail, certainly», said Alice, looking down with wonder at the Mouse's tail; «but why do you call it sad?» Слово «tale» (рассказ / повествование)

является омонимом к слову «tail» (хвост). Мышь не улавливает Алисино затруднение с пониманием смысла сказанной фразы и продолжает свой рассказ. Алиса же настолько поглощена размышлениями о возможных причинах хвостовых печалей, что и сам рассказ Мыши укладывается в воображении девочки в форму длинного извивающегося хвоста:

`Fury said to a
mouse, That he
met in the
house,
«Let us
both go to
law: I will
prosecute
YOU. --Come,
I'll take no
denial; We
must have a
trial: For
really this
morning I've
nothing
to do».
Said the
mouse to the
cur, «Such
a trial,
dear Sir,
With
no jury
or judge,
would be
wasting
our
breath».
«I'll be
judge, I'll
be jury»,
Said
cunning

В темной комнате,
с мышью остав-
шись вдвоем, хит-
рый пес объявил:
«Мы судиться пой-
дем! Я скучаю
сегодня: чем вре-
мя занять? Так
пойдем же: Я
буду тебя об-
винять!» «Без
присяжных, - вос-
кликнула мышь, -
без судьи! Кто
же взвесит
тогда оправ-
данья мои?»
«И судью, и
присяжных
я сам заме-
ню», – хитрый
пес объя-
вил. – «И
тебя
я каз-
ню!»

old Fury:
«I'll
try the
whole
cause,
and
condemn
you
to
death».

Но всем хорошо известно, что в своей книге Л. Кэрролл сумел в аллегоричной форме показать Викторианскую Эпоху в истории Англии. Таким образом, перед переводчиком стоит двойная задача: то есть передача имплицитного и эксплицитного смысла.

Передача имплицитного сообщения автора переводчиком связана с корректным и адекватным процессом перевода, выявлением прагматических связей и основ внутри поэтического текста оригинала. В образе Алисы в данном отрывке представлено коллективное сознание большинства людей Англии, которые, казалось, попросту не замечали или отказывались замечать бесчинство власти той эпохи. Они, как Алиса, не могли отличить ложь от истины, как она не смогла понять правильного значения слова. Поэтому форма данного поэтического текста представляется нам определенным медиатором при передаче глубинного смысла сообщения автора, его восприятия реальности и его внутренних интенций. Она является внешней по отношению к сообщению автора и, соответственно, требует первостепенного перевода, так как вводит читателя в определенную игровую ситуацию. В ходе неправильного истолкования игры слов «tale/tail» (что является своеобразным выражением эксплицитного сообщения) в сознании Алисы возникает текст с определенной поэтической структурой.

Переводчик пытается сохранить уникальное графическое расположение строк в тексте путем применения средств визуализации (изменение расстояния между словами, разбивка слов на слоги и использование пунктуационного знака переноса). Все эти «фактурные изменения» способствуют привлечению внимания читателя и увлекают его в дальнейшее прочтение поэтического текста. Особенно удачным можно признать использование знака переноса в словах, который в русском языке невольно переводит взгляд читателя на последующие строки и акцентирует его внимание на логически значимых словах, необходимых для извлечения имплицитной информации.

Отдавая дань бесспорно талантливому переводу В. Набокова, отметим неизбежные потери при переводе формальной (визуальной) составляющей текста, обусловленные системными различиями языков оригинала и перевода. Слова в тексте

оригинала исключительно односложные и двусложные, что позволяет автору легко воссоздать с помощью коротких слов форму тонкого, длинного, извилистого хвоста мыши, сохранив при этом симметричное расположение рифмующихся семантически значимых единиц текста (mouse – house, trial – denial, breath – death). Многосложность слов в русском переводе компенсируется, как уже было упомянуто выше, переносами, однако форма хвоста в переводе несколько потеряла в длине и извилистости, которые ассоциируются с долгой, скучной и непонятной для Алисы историей, рассказываемой мышью.

Основной трудностью при переводе фигурной поэзии является не только и не столько точная передача смысла стихотворения, сколько необходимость воссоздания формы оригинала в её органичном сочетании с вербальным содержанием, поскольку художественный эффект такого рода стихов возможен лишь при зрительном восприятии.

Библиографические ссылки

1. Гик Ю. Визуальная поэзия в России. Тенденции». [Электронный ресурс] / Ю. Гик. – Режим доступа: http://www.chernovik.org/vizual/?rub_id=5&sub_id=35&leng=ru&show_mat=197/
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – С. 50–239.
3. Смулаковская Р. Л. Лексико-семантические отношения в тексте. – Л.: Изд. ЛПИ им. Герцена, 1987. – С. 7–8.
4. Хархур Т. Слияние поэзии и живописи. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://limb.dat.ru/No12/essay/harhur2.shtml>
5. Чумак-Жунь. Дискурсивное пространство поэтического текста: образное слово в русской лирике конца XVIII – начала XXI вв. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dibase.ru/article/13072009_chumakzhunii/2
6. Шульговский Н. Н. Занимательное стихосложение. – М.: Издательский дом Мещерякова. – 208 с.

М. В. Межова

Кемеровский государственный университет культуры и искусств

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА (НА ПРИМЕРЕ НЕПЕРЕВОДИМЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА)

Перевод, несомненно, является одним из древнейших видов человеческой деятельности, причем важно то, что с одной стороны, он обслуживает непосредственно потребности общения между народами, с другой стороны, и это представляет особое культурное значение, он способствовал формированию национальных культур, обогащая их достижениями других народов.

Еще в конце XX века основными требованиями к переводу являлось полное подобие оригиналу по идейному содержанию, одинаковому стилю и манере передачи информации, легкости восприятия произведения. Теория перевода в первую очередь рассматривалась как прикладная отрасль науки о языке. При этом основным подходом отчетливо прослеживался лингвистический. Многие исследователи являются представителями и выразителями идей лингвистического подхода, который определяет перевод как лингвистическое явление.

К концу 70-х годов языковеды приступили к систематическому изучению перевода. Все более четко стали осознавать, что основные трудности перевода и характер самого процесса обусловлен не только расхождениями в структурах и правилах функционирования языков, но и различием культур, традиций, обычаев, менталитетов народов - носителей какого-либо языка.

Уже в 90-х годах XX века теория перевода рассматривалась как междисциплинарная наука. В настоящее время в науке существует много подходов к переводу. Современная теория перевода исходит из того, что перевод, как и язык, является средством общения, «перевод – это средство, дающее возможность общаться между людьми на разных языках» [1, с. 54].

Рассмотрение культурных аспектов позволяет понять то, как складывались культуры, как культурное взаимодействие позволяло понять и объяснить многие проблемы, существующие между отдельными культурами и внутри самих культур.

Значительную роль при переводе будет играть принадлежность переводимого произведения к жанру и влияние специфики этого жанра на процесс перевода. Хотелось остановиться именно на переводе художественных произведений. Роль художественного перевода литературных произведений в обмене информации между разными народами и культурами трудно переоценить. Невозможно изучение какого-либо литературного произведения в рамках лишь одной национальной культуры, это обособляет произведение из общемирового литературного процесса и лишает данную культуру её национальной специфики.

Проблема перевода художественных произведений не является новой для переводоведения. Тексты художественных произведений есть средство отражения культуры народа, действительности, в которой данный народ живет, представленных в субъективном преломлении автора. Писатель использует разнообразные языковые средства, несущие в себе особенность культуры того или иного народа, что представляет определенную трудность при их переводе для представления этого произведения в другой культурной среде. Поэтому вопросу о том, возможен ли эквивалентный перевод вообще или нет, и достигает ли перевод своей цели, уделяется много внимания. В связи с возрастающим интересом к «межкультурной коммуникации» и «диалогам культур» вопрос художественного перевода продолжает быть актуальным.

В центре внимания переводчика должны находиться глубокие знания о той культуре, на язык которой переводится текст. Переводчик передает содержание текста, учитывая и культурные особенности языка, и эпоху, в которой написан оригинал.

Но, вместе с тем, учитывая национальную специфику любого художественного текста, в любом художественном произведении есть такие элементы текста, которые, условно говоря, перевести нельзя. Ярким примером непереводимых элементов текста являются реалии (национальные, исторические), фразеологизмы (здесь можно включить и группу адverbальных глаголов), имена собственные, тесно связанные с реалиями внеязыковых элементов, а также обращения, термины, иноязычные вкрапления, звукоподражания, каламбуры, сокращения, перифразы, междометия, интернациональные слова (межъязыковые паронимы и омонимы).

В английском и русском языках существуют слова, имеющие сходную форму и одинаковое значение. Например, такие слова как «football» – «футбол», «diplomacy» – дипломатия. Их принято называть интернациональными. Однако существуют такие псевдоинтернациональные слова, которые близки по форме, но имеют совершенно разные значения. Так, например:

mark – отметка;
compositor – типографский наборщик;
replica – копия;
troop – кавалерийский отряд;
artist – художник;
decade – десять лет;
scandal – сплетни, злословие;
Dutch – голландский;
record – летопись, репутация, протокол;
dramatic – внезапный, резкий, впечатляющий;
pathetic – жалкий, трогательный;
trivial – обычный, заурядный;
camera – фотоаппарат;
fabric – ткань;
Data – данные;
magazine – журнал;
tax – налог.

Также хотелось бы рассмотреть некоторую группу глаголов с расширенным смысловым значением, т. е. адverbальных глаголов, подвергшихся узуальному преобразованию, которые не только обозначают какое-то конкретное действие, но и одновременно характеризуют его. Так, например: to abduct, to abscond, to dash, to cripple, to grin, to grudge, to retort, to stare, to smile. Список этот можно продолжать и продолжать, ибо в определенном контекстуальном обрамлении многие английские глаголы переводятся на

русский язык с помощью глагола в сочетании с наречием или любым другим словом (словосочетанием) в функции обстоятельства образа действия. Даже привычный глагол *to answer* в предложении «*The plan had answered and our enemies were punished at last*» переводится как адverbальный глагол: «План удался на славу, и наши враги наконец-то получили по заслугам» [2, с. 133].

She staggered blindly into the street. – Она шатаясь вышла на улицу, ничего не видя перед собой.

She hunted the house for the missing letter. – В поисках пропавшего письма она перевернула весь дом вверх дном.

They hurried the luggage into the car and ran away. – Они поспешно загрузили вещи в машину и были таковы.

We heard quite clearly that somebody chattered down the wooden staircase. – Мы отчетливо слышали грохот падающего тела. В связи с этим любопытно заметить, что в русском языке есть разговорный глагол *загреметь* в значении *упасть с грохотом*. И поэтому перевести это выражение возможно было при наличии определенного контекста.

Важную роль при переводе играют предлоги и послелог:

She smiled at him. – Она посмотрела (взглянула на него с улыбкой).

She stared him out of the room. – Он направился к двери, и она проводила его долгим взглядом.

Как видно, достаточно трудно объяснить где, как и почему обычный английский глагол вдруг расширяет свое исходное значение, приобретая характеристики обстоятельных слов. Очень много переводчику может подсказать и подтекстовая информация, когда герои того или иного произведения ведут себя по принципу «знаю, но не скажу». В этом случае подтекстовая информация выуживается уже исходя из широкого контекста, то есть из анализа произведения в целом. Часто подтекстовая информация основывается на наших фоновых знаниях. Например, нам априори известны повадки некоторых животных, манеры поведения тех или иных социальных групп людей, особенности этикета и прочее. А потому такую короткую фразу «*The snake hissed away*» мы переведем: «Змея с шипением уползла прочь».

Не менее серьезного внимания заслуживает и перевод обращений *ты* и *вы*. Материалами анализа с точки зрения таких примеров может послужить перевод романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» в сопоставлении с переводом Констанс Гарнетт, английской переводчицы.

В первой главе переводчик пропускает перевод большого отрывка главы. В этот отрывок вошли мысли и воспоминания Облонского, главного героя произведения. Вероятно, переводчик, не углубляясь в душевные переживания героя, посчитала, что основного описания произошедшего будет достаточно, что и изменило смысл главы в целом.

Одним из интересных особенностей перевода является перевод обращений друг к другу. Если в эпоху времени данного произведения принято было называть мужа или жену на «Вы» и это являлось нормой культуры общения, то в английском варианте произведения абсолютно теряется данный культурный феномен. Так, например, в переводе Констанс

Гарнет: «*Inform Darya Alexandrovna: where **she** orders*», «*Here, take the telegram; give it to **her**, and then do what **she** tells you*» [4, с. 8], в русском тексте: «*Дарье Александровне доложи, где прикажут*», «*И вот возьми телеграмму, передай, что они скажут*» [3, с. 9]. Или еще один пример, когда во время неприятного диалога между Облонским и его женой в порыве гнева в русском тексте жена называет мужа на «ты», а в переводе это описывается «*she called him Stiva*» [4, с. 18], т. е. жена называет мужа уменьшительно-ласкательным вариантом его имени, переводчик подбирает эту замену, т. к. англоязычному читателю не понять этого культурного элемента общения на «ты» и «вы», ведь «you» в английском языке обозначает и «ты» и «вы», в зависимости от контекста.

Еще один элемент несоответствия перевода можно найти в главе III, где русская пословица «*Любишь кататься, люби и саночки возить*» [3, с. 10] переводчиком в английском варианте заменяется на английское выражение «One must pay the piper», что в русском эквиваленте звучит как «*Кто платит, тот и заказывает музыку*» [4, с. 11], что не относится к ситуации в тексте. Русская пословица в данном случае раскрывает своим смыслом всю суть произошедшего: муж изменил жене, и теперь надо объясниться с женой и ответить за свой поступок.

Подлинное понимание переводного произведения возможно при условии, что в сознании читателя присутствуют знания об эпохе, о которой идет речь в оригинале. Если знания расходятся, то содержание произведения для реципиента теряет своеобразие, которое было заложено автором. Так, роман Толстого был создан в тот период, когда писатель уже приходил к выводу о бессмысленности и аморальности жизни государственных чиновников, служащих. Писатель показывал жизнь богатых, столичных и поместных дворян, важных государственных сановников, занятых пустым бумажным делом, столичных военных, купцов, адвокатов, буржуазных ученых. С этой точки зрения можно увидеть в оригинале большое количество слов и выражений, определяющих данную эпоху произведения: «московское присутствие», «мундир», «камер-юнкер», «земский деятель», «революционная гидра», «цирюльник», «имение», «радикализм», «губернское правление».

В кратком заключении хотелось бы сказать, что, безусловно, все эти непере译имые элементы текста встречаются преимущественно в художественной литературе, а роль художественного перевода литературных произведений в обмене информации между разными народами и культурами трудно переоценить. Исходя из вышеперечисленных примеров, возникает вопрос о том, может ли перевод сохранять колорит и нюансы оригинала, если он рассчитан на представителей во многом несхожей культуры? Слова, которые характеризуют жизнь, психологию и историческое развитие одной страны, очень часто не имеют точных эквивалентов в языке другой. Если какой-то термин не передает полностью тех ассоциаций, с которыми связано данное слово на исходном языке, подобранные переводчиком близкие понятия были бы способны описать переводимое явление. Соответственно, переводчик оказывается перед двуединой задачей: верно передать не только слова и идею какого-либо произведения, но и культурной колорит, заложенный автором.

Библиографические ссылки

1. Гачечиладзе Г. Художественный перевод и литературные взаимосвязи. – М., 1972. – 321 с.
2. Красневская З. Я. Правда в переводе: этюды о работе переводчика с английского. – М., 2007. – 200 с.
3. Толстой Л. Н. Анна Каренина. – М., 2006. – 973 с.
4. Garnette C. Anna Karenina. – L., 2004. – 740 p.

М. В. Бец

Кемеровский государственный университет культуры и искусств

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ «БОГАТСТВА» В НЕМЕЦКИХ И РУССКИХ ПОГОВОРКАХ

Настоящая статья посвящена исследованию вопроса, касающегося концептуализации «богатства» на материале немецких и русских пословиц и поговорок. Пословицы и поговорки являются важным элементом народной культуры. Они дают информацию о глубинных слоях национального сознания, позволяют выявить важнейшие культурные понятия, определить этические установки.

Актуальность исследования обусловлена неослабевающим интересом отечественных и зарубежных лингвистов к изучению многообразных связей языка, мышления и духовной культуры, а также механизмов концептуализации и категоризации в различных языках. Значимость концепта БОГАТСТВО для носителей немецкого и русского языков и недостаточная разработка его репрезентации в пословично-поговорочном фонде позволяют говорить об актуальности предлагаемой работы.

Исследование позволяет показать специфическое видение фрагмента мира, именуемого концептом БОГАТСТВО, которое присуще немецкому и русскому языковому сообществу. Описание этого фрагмента действительности является составной частью общего описания системы русского и немецкого языков.

Когнитивный подход обуславливает понимание некоторых теоретических вопросов, рассматриваемых в данном исследовании.

Именно когнитивная лингвистика является новым этапом в изучении сложных отношений языка и мышления. Она «исследует ментальные процессы, происходящие при восприятии, осмыслении, и, следовательно, познании действительности сознанием, а также виды и формы их ментальных репрезентаций» [5, с. 12]. При этом в качестве материала лингвокогнитивного анализа выступает язык.

Одним из центральных понятий этой науки является «концепт». Мы придерживаемся определения «концепта», предлагаемого представителями когнитивной лингвистики, которые интерпретируют концепт как единицу оперативного сознания (А. П. Бабушкин, Н. Н. Болдырев, Е. С. Кубрякова и др.), как «глобальную мыслительную единицу,

представляющую собой квант структурированного знания; идеальную сущность, которая формируется в сознании человека» [4, с. 4]. Концепт «зарождается в виде первичного конкретного образа, а затем, в процессе познавательной деятельности и коммуникативной практики человека, этот образ в его сознании постепенно приобретает новые концептуальные уровни, окутывается и обволакивается новыми концептуальными слоями, что увеличивает объем концепта и насыщает его содержание» [6, с. 61; 5, с. 51].

Такой подход обуславливает методику исследования того или иного концепта. В каждом концепте, по мнению И. А. Стернина, можно выделить базовый слой, на который в более сложных концептах наслаиваются дополнительные когнитивные признаки. «Совокупность базового слоя и дополнительных когнитивных признаков и когнитивных слоев составляют объем концепта и определяют его структуру» [6, с. 59]. Таким образом, И. А. Стернин говорит о трех структурных типах концептов – одноуровневых, многоуровневых и сегментных. Одноуровневый концепт включает только чувственное ядро (только базовый слой), многоуровневый состоит из нескольких когнитивных слоев, различающихся по уровню абстракции, который отражается ими и последовательно наслаивается на базовый слой, и, наконец, сегментный концепт представляет собой базовый чувственный слой, окруженный несколькими сегментами, равноправными по степени абстракции [6, с. 59]. Определение того, что из себя представляет ядро концепта, возможно по результатам словарных дефиниций. Выявление же структуры концепта тесно связано с материалом исследования.

Материалом исследования послужили немецкие и русские пословицы и поговорки, позволяющие провести сопоставительный анализ рассматриваемого концепта в двух языковых культурах.

Как известно, пословицы являются краткими текстами, в которых находит свою реализацию образ мыслей народа, закреплены стереотипные суждения о действительности. Специалисты в области фразеологии отмечают несколько характерных черт пословиц и поговорок.

Во-первых, отмечается особенность их оформления в качестве цельных единиц с точки зрения структуры и смысла. Как прецедентное высказывание, они являются репродуцируемым продуктом речемыслительной деятельности, законченной и самодостаточной единицей, которая является сложным знаком, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу.

Во-вторых, подчеркивается двойственный характер культурологической маркированности данных фразеологических единиц, т. к., с одной стороны, они объективируют конкретный опыт представителей языкового сообщества, и, с другой – паремии, зафиксированной единицы, которая является образцом той или иной модели речевого поведения, в силу чего представляет интерес с точки зрения коммуникативной культуры этноса [1, с. 104–108]. Именно поэтому в качестве материала анализа были использованы пословицы и поговорки немецкого и русского языков.

Любое исследование того или иного концепта и выявление его ядра начинается с изучения словарных дефиниций лексемы-репрезентанты. В русском языке таковой лексемой является «богатство». По данным «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля, «богатство» понимается как «множество, обилие, изобилие, избыток, излишество» [2]. Толковый словарь С. И. Ожегова предлагает следующее определение «богатства» – «обилие материальных ценностей, денег. Народные богатства» [3]. В Толковом словаре Д. Н. Ушакова находим такую интерпретацию «богатства»: «1. Большое имущество, преимущ. денежное.|| преимущ. мн. Совокупность материальных ценностей. 2. Перен. множество, обилие» [7]. Таким образом, в русском языке богатство связано прежде всего с большим количеством чего-либо, несущим некую материальную ценность. Примечательным является тот факт, что в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля подчеркивается ненужность такого огромного количества («избыток», излишество») [2].

Что касается немецкого языка, то лексемой-репрезентантом концепта БОГАТСТВО в данном языке является лексема «der Reichtum». Обратимся к данным авторитетных немецких словарей для проведения дефиниционного анализа. В «Deutsches Universalwörterbuch» издательства «Duden» «der Reichtum» понимается как: «1. 1.1. Большая собственность, накопление имущественных ценностей; означает состоятельность и власть; 1.2. Вещи, которые составляют богатство человека, страны; финансовые и материальные блага, имущественные ценности; 2. Обилие, большое изобилие чего-либо» [8, с. 1375].

В Толковом немецком словаре издательства «Duden» дается следующее определение лексемы «der Reichtum»: «большое обладание накоплениями, ценными вещами», а также приводится ряд синонимов к данной лексеме «Besitz, Prunk, Überfluß, Vermögen, Vielfalt» [9, с. 517].

Ещё одно определение лексемы «der Reichtum» взято из словаря немецкого языка издательства «Deutscher Taschenbuch Verlag», в котором она описывается как «большое обладание деньгами, ценными вещами, имуществом» [6, с. 622].

Анализ представленных выше словарных статей позволяет выявить общее и различное относительно толкования «богатства». Три определения в немецком языке, как и в русском, основываются на том, что «богатство» обозначает прежде всего «наличие, накопление, сбережение материальных и финансовых ценностей», но «Deutsches Universalwörterbuch» издательства «Duden» отражает еще и значение «богатства» для человека, который им обладает, а именно «состоятельность и власть». Немаловажным является и то, что в словарной статье подчеркивается не только «богатство» отдельного человека, но и страны в целом, что значительно расширяет объем исследуемого явления, а также это является существенным отличием от русского языка, в котором богатство будто бы существует само по себе и никому не принадлежит.

Из этого можно сделать вывод, что изначальные представления о богатстве немецкого и русского этносов во многом схожи, однако в русском языке подчеркивается в большей степени размер исследуемого явления, в немецком же языке делается акцент в сторону материальной стороны, а именно денежной, а также затрагивается вопрос принадлежности кому-либо. Кроме того, уже на основе анализа словарных дефиниций можно утверждать, что концепт БОГАТСТВО напрямую связан с жизнью и деятельностью человека.

Учитывая результаты, полученные в ходе работы со словарями, обратимся к тому, как БОГАТСТВО проявляет себя в пословицах и поговорках немецкого и русского языков.

Прежде всего на себя обращает тот факт, что в русском языке обладание богатством зачастую воспринимается негативно; желанию иметь то или иное богатство противостоит желание обладать крепким здоровьем. Таким образом, истинным богатством являются не материальные блага, а физическое здоровье, обеспечивающее счастливую жизнь. Доказательством тому служат такие пословицы и поговорки, как: *Богат, да крив; беден, да прям. Богатство человека от смерти не избавит. Нищий болезней ищет, а к богатому они сами идут.*

Отрицательное отношение к богатству проявляется еще и в том, что обладание богатством связано с продажей души дьяволу, таким образом, иметь богатство ассоциируется у русского народа с совершением тяжкого греха: богатый человек – великий грешник, который несет за это те или иные наказания. Например: *Богат, да не богу брат. Богатому душа дешевле гроша. Богатому и в пекле хорошо. Богатому и черт ребенка качает. Пусти душу в ад, будешь богат. Грехов много, да и денег вволю. В аду не быть – богатства не нажить.*

Богатству противостоит бедность, и немаловажным является тот факт, что в «споре» между богатством и бедностью победа достается последней. Кроме того, бедность является зачастую источником ценностей, представляющих большую значимость для русского народа. К ним относятся ум/смекалка, счастье, дети, здоровье, душевное спокойствие. Например: *Богатый совести не купит, а свою погубляет. Отец богатый, да сын неудатный. Богатство родителей – порча детям. Богатство – грязь, ум – золото. Богатому не спится: богатый вора боится. Без денег сон крепче. Богатство полюбится, и ум расступится. Богатый-то с рублем, а бедный-то со лбом. Богатый – на деньги, а голь – на выдумку.*

Помимо этого подчеркивается и тот факт, что богатство и бедность – две противоположные стороны жизни, разные по своей природе. *Богатство с деньгами, голь с весельем. Богатый бедному не брат. Богатый бедному не верит. Богатый бережет рожу, а бедный одежду. Богатый дивится, чем голь живет. Богатый и в будни пирует, а бедный и в праздник горюет. Богатый как хочет, а бедный как может.*

Богатство может быть источником различных бед и неприятностей. *Будешь богат, будешь и рогат. Кто богат, тот и рогат. Богатство гниет, а нищета живет. Через золото слезы льются. Соболино одеяльце в ногах, да потонули подушки в слезах.*

Кроме того, были найдены паремии, отражающие безразличное, а также пренебрежительное отношение к богатству у русского народа. Приведем некоторые примеры. *Богатство – вода: пришла и ушла. Богатство – грязь, ум – золото. Деньги, что камень: тяжело на душу ложатся. Богатство пух – только дунь на него – и нет.*

Однако существуют пословицы и поговорки, в которых отражено прямо противоположное отношение к богатству. *Кто силен да богат, тому хорошо воевать. Тот мудрен, у кого карман ядрен. В мошине густо, так и дома не пусто. Богатый хоть врет, и то впрок идет. У богатого все сладко, все гладко. Богатому все льготно.*

Таким образом, богатство является залогом успеха и благополучия, но не остается без внимания и то, что таких пословиц и поговорок много меньше, чем тех, в которых отражено негативное отношение. Этим и отличается паремиологический фонд русского языка от немецкого.

Наличие материального богатства воспринимается немецким народом, например, как залог крепкого физического здоровья. *Gesundheit geht vor Reichtum* (букв. *Здоровье зависит от богатства*). *Gesunder Mann, reicher Mann* (букв. *Здоровый человек – богатый человек*). *Wer ist arm, der ist krank* (букв. *Кто беден, тот и болен*).

Обращает на себя тот факт, что в немецких паремиях интерпретация отношения к богатству, а также противопоставление богатства и бедности происходит явно в пользу богатства. *Selig sind die Reichen, alles muss ihnen weichen* (букв. *Счастливые люди – это богатые, всё должно им подчиняться*). *Reichtum ist allein fromm* (букв. *Благочестиво лишь одно богатство*). *Reiche Leute sind überall daheim* (букв. *Богатый люди всегда как дома*). *Reiche steckt man in die Tasche, Arme setzt man in die Asche* (букв. *Богатство прячут в кошелек, бедность – в пенле*). *Der Arme fängt Fuchs, der Reiche trägt Pelz* (букв. *Бедный гонит лисицу, богатый ходит в мехах*).

В отдельную группу можно выделить пословицы и поговорки, представляющие мысль о том, что богатство связано с возникновением различных забот и неприятностей. *Reich an Gold, reich an Sorgen* (букв. *Богат золотом, богат и заботами*). *Den Reichen flieht der Schlaf* (букв. *Богатых сон покидает*). *Reichtum bringt mehr Sorgen und läßt die Nerven spannen* (букв. *Богатство приносит больше забот и держит нервы в напряжении*). *Reichtum ist der Nerv* (букв. *Богатство – нерв*).

Кроме того, богатство не всегда может являться источником благополучия жизни, таким образом подчеркивается бессилие богатого человека при разрешении тех или иных ситуаций. *Reichtum macht das Glück nicht aus.* (букв. *Богатство – это не все счастье*). *Der Tod nimmt keine Rücksicht auf Reichtum* (букв. *Смерть на богатство*

не оборачивается). *Reich oder arm stirbt bald* (букв. Бедный или богатый, все равно умрет скоро).

Таким образом, в результате сравнения пословично-поговорочного фонда двух языков, можно сделать вывод о наличии общих и различных черт концепта БОГАТСТВО. Прежде всего, обращает на себя тот факт, что в русских паремиях богатство воспринимается в большей степени негативно и противопоставляется бедности, которая понимается как «благо», в этом-то и заключается основное отличие русского и немецкого понимания богатства, поскольку в немецких паремиях наблюдается противоположная точка зрения. Однако общей чертой можно назвать тот факт, что богатство связано с возникновением различных забот, что получает отражение в обоих пословично-поговорочных фондах.

Такое представление о богатстве связано, прежде всего, с различиями в ментальной культуре обоих этносов, которые обуславливают разное понимание исследуемого явления. Также можно утверждать, что богатство для русского этноса является второстепенным в отличие от немецкого языкового сообщества, что характеризует последних в большей степени как прагматичную нацию, придающую немаловажное значение материальному благополучию. В сознании же русского народа такое благополучие воспринимается скорее негативно. На смену материальным ценностям приходят ценности духовные, утрата которых приравнивается к наиболее серьезным неудачам.

Библиографические ссылки

1. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: ИТДГК Гнозис, 2003. – 288 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка в четырех томах. – М., Изд-во Русский язык, 1999.
3. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. – М., Изд-во Русский язык, 1986 – 798 с.
4. Попова З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2002. – 192 с.
5. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007 – С. 7–12.
6. Стернин И. А. Методика исследования структуры концепта / И. А. Стернин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. – С. 58-64.
7. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. Репринтное издание. – М., 2000.
8. DUW – Deutsches Universalwörterbuch. - Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 2006. – 2016 S.
9. Duden, Bedeutungswörterbuch. - Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1986 – Bd.8. – S. 540.
10. dtv- Wörterbuch der deutschen Sprache. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1993 – S. 622.

ВЛИЯНИЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ НА ЕСТЕСТВЕННУЮ ПИСЬМЕННУЮ РУССКУЮ РЕЧЬ

Задачей данной статьи является установление влияния повседневности как сферы общения и среды бытования естественных письменных текстов на проявление их основных характеристик и развитие категории естественности.

Естественная письменная русская речь (далее ЕПРР) – это сфера письменноречевой деятельности, включенная в парадигму, построенную по осям «письменная / устная речь» и «естественная / искусственная речь», естественные письменные тексты обладают такими характеристиками, как письменная форма, спонтанность, непрофессиональность, отсутствие промежуточных лиц и инстанций («фильтров») между отправителем и реципиентом текста [1; с. 4–5]. Искусственные тексты, устные и письменные, имеют давнюю историю исследования, тогда как естественные долгое время оставались вне поля зрения ученых, хотя речевой текст всегда располагается на оси между двумя полюсами – естественным и искусственным, дальше или ближе к одному из них. Естественное всегда первично, материал для искусственного и точка отталкивания, и это не позволяет искусственному совершенно оторваться от своей первоначальной основы. Человек, даже находясь в условиях, в которых он вынужден контролировать свое поведение и подчинять его определенным правилам, чаще или реже прибегает к основному, универсальному, привычному для себя средству общения и обработки информации – естественному языку.

Рассмотрим, как реализуется естественное / искусственное в текстах в неповседневных сферах функционирования: художественная литература, реклама, официально-деловая, публицистическая, научной областях. При этом нужно учитывать, что стилистическая принадлежность не очерчивает строгие границы между ЕПРР и ИПРР (искусственной письменной русской речью). К примеру, Н. Б. Лебедева относит к периферии ЕПРР (по признаку непрофессиональности) речь профессионалов – писателей, ученых, журналистов и т.д. до опубликования, так как затем в тексты вмешиваются конвенционально-институциональные участники (редакторы, корректоры и т.д.), что ослабляет или даже сводит на нет признаки естественности [1; с. 5].

В художественных текстах сильна собственная интенция автора, и до попадания в «полиграфическую машину» они относятся к ЕПРР. На наш взгляд, важно не только то, что текст в данном случае предстает вне фильтров, но и то, что он еще не отнесен к сфере профессиональной деятельности (то есть фактически отсутствует заказ на данное произведение, предполагающий получение оплаты за текст) и отношение самого автора к своему произведению. Если художественное произведение создается для самореали-

зации, как отражение творческих возможностей и потребностей автора, то до публикации (если таковая состоится) такой текст может быть отнесен к ЕПРР. Даже если текст создается профессиональным автором, но пишется спонтанно, как выражение себя и для себя (хотя возможно и наличие адресата, например, того, кому посвящено стихотворение). В таком случае текст становится моментом частной жизни, создавая его, автор только реализует собственную волю, не включая текст в систему профессиональных оценок (например, наивно/профессионально) и отношений «автор – издатель – покупатель книги».

Если же текст сразу создается с намерением опубликовать (фактически, «продать»), то такой текст в сознании автора уже включен в отношения «заказчик – продукт – исполнитель». Фигуру потенциального заказчика (покупателя) текста нельзя полностью приравнять к адресату текста, так как он влияет на создание самого текста, вмешиваясь в волю автора, для которого важным является сделать так, чтобы текст был куплен, то есть учесть пожелание потенциального покупателя. Таким образом, даже при отсутствии установленных отношений «заказчик – исполнитель», художественный текст может представляться автором как профессиональный и исключаться им из своей частной повседневной жизни, включаясь в ту область существования, где он выступает в роли исполнителя, претендующего на коммерческий успех и сочетающего собственную волю и интерес (угаданное желание) покупателя своего творения.

В художественном тексте роль автора как личности может быть очень велика, особенно в автобиографической прозе, что, как мы упоминали, характерно для текстов ЕПРР. Однако после создания художественный текст отстраняется, отчуждается от своего создателя (Деррида), и автор в нем внеаходим (Бахтин), частнобиографические обстоятельства создания и существования текста утрачивают свою непосредственную значимость, он теряет связь с частной повседневной жизнью своего создателя, переходя в сферу культуры, становится универсальным.

В журнально-газетных текстах влияние фигуры реального или потенциального заказчика (покупателя) сильнее, чем в художественных. Хотя порождение текста может начаться спонтанно и собственная интенция автора достаточно велика, но написание статьи, очерка и другого публицистического текста всегда несет в себе ощущение воли другого, пишущий всегда имеет в виду заинтересованность читателя, политику журнала, направленность издания. Это выражается в выборе актуальной темы, доступной лексики, типа изложения, который заинтересует (заинтригует) читателя. Таким образом, в публицистической речи всегда сильна категория искусственности, так как публицистика представляется своими авторами включенной в социальные, профессиональные (в т.ч. коммерческие) отношения и оторванной от личностной (частной) сферы. Она создается с учетом интенции другого, выступающего не как другой частный человек, а как общественная маска: «издатель», «публика» и др.

Рекламные тексты также создаются с учетом воли и желания другого, в горизонте интенции покупателя, адресатом рекламы всегда выступает группа людей, объединенных общей социальной ролью или общими потребностями (собаководы, домохозяйки, автолюбители). Однако внешне эти тексты могут восприниматься как естественные, они нередко мимикрируют под привычную обывателям повседневную речь. Пример возьмем из интернет-рекламы: «Не тратьте время зря - просто зайдите на YPAG.RU». Но ощущение спонтанности, эмоциональность в рекламе не является признаком естественности. Рекламный текст намеренно конструируется так, чтобы ощущаться естественным для определенной аудитории, на которую рассчитан продукт. Происходит вторичное возвращение к естественной форме, которая является продуктом искусственного моделирования текста, чтобы он мог войти в повседневность потенциального потребителя. На примере рекламы видно, что языковые средства (лексика, экспрессивная пунктуация и др.) не являются показателем реальной естественности речи.

С официально-деловой сферой письменной коммуникации время от времени сталкиваются практически все люди вне зависимости от их образования и профессии. Всем когда-нибудь приходилось писать заявления, объяснительные и пр., хотя далеко не для всех работа с документацией входит в круг должностных обязанностей. Включаясь в официально-деловую коммуникацию, человек перестает быть просто частным человеком, превращаясь в какую-либо должностную или социальную функцию, закрепленную в документах. И субъекты коммуникации должны придерживаться тех ролей, которые им приписаны, что требует постоянного контроля за поведением, в том числе и за речевым, на предмет уместности / неуместности и тем самым отрывает человека от привычной ему повседневности. Деловая документация пишется по образцу, поэтому даже человек, редко сталкивающийся с ней, оказывается знаком с традиционными способами написания тех или иных деловых текстов. Таким образом, сфера официально-деловой коммуникации выходит за рамки естественности. Даже обыденные явления, такие, как опоздание, болезнь, устройство на работу, оказываются оторванными от частного существования человека и закреплены за его профессиональной маской, что влияет на речь, которая проходит мысленную обработку и рефлекссию и, в конце концов, выводит на границу естественного и искусственного.

Последняя неповседневная сфера, которую мы рассмотрим, сфера научной деятельности. Написание научных текстов связано с соответствием установленным правилам. Статьи, диссертации, доклады и др. имеют жесткую структуру, к ним предъявляются строгие требования к изложению и оформлению мыслей. Все это предполагает постоянную рефлекссию по отношению к создаваемому научному тексту. Отбор средств, использование особого научного языка, отличающегося от повседневного, соблюдение традиций в написании научного текста – все это требует постоянного контроля за речепостроением.

Подводя итоги, отметим, что если произведение по замыслу автора относится к обыденной (неспециализированной) сфере существования, то в нем ослабляются механизмы контроля за речепостроением (оформление замысла всего текста и каждого предложения происходит в процессе письма, а не конструируется мысленно до написания). Автор менее критичен к такому тексту, так как он создан для себя, для своих обыденных нужд, которые, как правило, рассматриваются человеком как менее значимые по сравнению с профессиональными. В повседневной жизни человек выступает как непрофессионал, «простец», и это дает нам возможность противопоставить такие характеристики, как повседневное и профессиональное по характеру субъекта: специалист / неспециалист. В процессе профессиональной деятельности человек вписан в некую иерархию и выступает в определенном статусе, который важно поддерживать в данной иерархии. Поэтому речь в этой сфере подвергается строгому контролю для соответствия статусу; в ней реализуется не только собственная интенция, но и чужая, существующая в сознании автора текста как предположение чужого ожидания от данной социальной функции. В повседневной (частной) жизни человек в своих текстах реализует свою волю, сознание другого здесь учитывается на уровне установления понимания или личностных взаимоотношений.

На наш взгляд, признак профессиональности ограничивается лишь должностной деятельностью человека. Выполнение чужого заказа и подготовленность автора к выполнению данного вида работ может характеризовать и учебную деятельность. В процессе учебной деятельности тексты также конструируются в значительной степени искусственно, для них характерны нацеленность на результат, рефлексия над формой и способами построения текста, наличие осознанной структуры. Написание изложения, сочинения, творческих заданий на ЕГЭ и ГИА или диалогов (на уроках иностранных языков), – все это предполагает осознанного контроля над речепорождением. От профессиональных текстов их отличает уровень мастерства, который и в самой профессиональной сфере не однороден. Написанное учеником сочинение создается под влиянием «заказа» учителя, давшего задание, в ней будет присутствовать автоправка, отбор средств и приемов для воплощения содержания – все это придает данным текстам искусственность. Однако учебные тексты не теряют свои естественные характеристики полностью, что связано с характером субъектов: ученики, пребывающие большую часть жизни в повседневности, не способны полностью оторваться от нее в процессе создания текста и неосознанно используют привычные механизмы естественного построения текста.

Таким образом, на наш взгляд, признак профессиональности / непрофессиональности исполнения включается в более общий – регламентированности / нерегламентированности построения текста. Под регламентированностью мы подразумеваем не только предполагаемый автором горизонт потенциальных ожиданий покупателя / вышестоящего лица (в том числе наличие заказа) и обученность традиционным способам

создания подобного текста, но и сознательное соответствие традиционным правилам исполнения текстов (просто знакомство с традицией в данном случае не обязательно приводит к построению искусственных текстов), а также присутствие осознанной авторправки (соотнесение с правилами орфографии, пунктуации, стилистическими и языковыми нормами, проверка на уместность / неуместность в данной ситуации), помещенность текста в неповседневную (специальную) речевую ситуацию, а автором текста выступает специалист или человек, воспринимающий себя в рамках какой-либо выполняемой функции.

Нерегламентированность исполнения сказывается также на оформлении текста. Искусственный письменный текст, созданный для тех или иных целей, обязательно соотносится автором с правилами орфографии, пунктуации, стилистическими и языковыми нормами, проходит внутреннюю авторскую правку. Тексты ЕПРР, напротив, такой строгости не приемлют, что связано со сферой их функционирования. Л. Витгенштейн отмечал, что естественный язык употребляется в соответствии с правилами, но полностью ими не исчерпывается, не детерминируется [2], таким образом, в текстах ЕПРР нормы и правила не объясняют всего своеобразия текстов, которое реализуется в практике нелитературного использования языка.

В обыденной жизни нет формальных границ между сферами деятельности. Каждый человек в своей повседневной жизни играет множество ролей: отец, ребенок, жена, муж, сосед, друг и пр., часто не ощущая границ перехода от одной роли к другой, совмещая их. Это приводит к представлению о повседневности как о чем-то нестрогом, где правила и нормы существуют в качестве общих, достаточно расплывчатых предписаний, устанавливаемых жизненной необходимостью, а не четко сформулированных законов. Поэтому и все проявления повседневной жизни, в том числе и создаваемые тексты, также оцениваются субъектом не строго, для автора ЕПРР важно наиболее адекватно воплотить свой замысел, а верная и строгая языковая оформленность текста отходит на второй план. Это приводит к пренебрежению правилами орфографии и пунктуации, которые мыслятся как необязательные для передачи смысла. Возьмем пример из интернет-дневника:

«Наверное, пора написать что то про себя. Ну что можно про меня сказать, наверное, как и каждый человек я по-своему уникальна и чем то необычна». Таким образом, через сопоставление частно-повседневных и специализированных сфер функционирования текстов, мы определили, что с отнесенностью текста к той или иной неповседневной сфере признаки, характеризующие его естественность, ослабляются, усиливаются механизмы контроля, связанные с регламентацией текста неповседневных сфер, что приводит к его «обыскуствлению». Повседневность дает возможность наибольшего проявления естественности для речевой деятельности человека.

С комплексом характеристик, формирующих признак нерегламентированности, тесно связан другой конститутивный признак ЕПРР – отсутствие промежуточных фильтров (корректора, цензора и всей полиграфической «машины» как инстанции ме-

жду замыслом и его осуществлением) между отправителем и реципиентом текста [1; с. 6]. Проходя через фильтры, текст теряет связь с конситуацией и перестает быть фрагментом повседневной действительности. Отстранение редакторским фильтром текста от ситуации, в которой он был создан, приводит к осмыслению текста с его формальной стороны, а не только со стороны содержания. С редакторским вмешательством связано не только привнесение нормы и увеличение дистанции между автором текста и читателем, но и, более широко, сознательное стремление к правильности текста. Под правильностью мы понимаем не только орфографическую и пунктуационную верность написания, но и построение текста, его смысловую организацию. Стремление к правильности текста связано с вниманием к его форме, в том числе и к форме изложения текста. В повседневной обстановке правильность написания текста не играет важной роли, и даже может не приниматься во внимание, поскольку соотнесение с правилами тормозит текстопроизводство, мешает естественному порождению речи (в данном случае речь идет преимущественно о жанрах, входящих в ядро ЕППР). Обыденная коммуникация ситуативна, как правило, она направлена на сиюминутные потребности коммуникантов и вне своей ситуации теряет актуальность.

Полиграфическая машина и отдельные ее компоненты (редакторская, корректорская, цензорская и др. правки) являются наиболее значимым фильтром, делающим письменную речь искусственной. Однако есть и другие фильтры, присутствие которых влияет на естественность речи. Н.Б. Лебедева отмечает влияние на письмо «машинного» фильтра, который отдаляет текст от авторского начала. К машинному фильтру в данном случае относится электронный (мобильные телефоны, коммуникаторы), печатный и компьютерный способы письма. На наш взгляд, понятие машинного фильтра требует некоторых разъяснений для установления его роли в «обыскуствлении» текста.

Существует определенная разница между электронным текстом и текстом напечатанным. Разумеется, в сознании человека и электронный документ, и напечатанный имеют более искусственный (формализованный) вид, чем рукописный. Это связано с потерей индивидуально-авторских характеристик, которые имеют тексты, написанные от руки. Это, в первую очередь, почерк, отражающий личность автора, привычные сокращения, которые в печатных текстах достаточно редки, и т.д. Но печатный и электронный способ существования влияют на текст по-разному.

Напечатанный текст воспринимается коммуникантами более официально, более «серьезно», чем рукописный, поэтому к нему бессознательно предъявляется больше формальных требований, что приводит к критичному отношению к языковому оформлению. Это связано и с потерей индивидуально-авторских особенностей, и с тем, что напечатанный документ мыслится как конечный заверченный продукт, в который нельзя уже внести изменение, соответственно, его форма должна быть совершенной и не требовать поправок, что, в свою очередь, привлекает внимание к самому тексту и его построению, а не только к содержанию.

В отличие от напечатанного, электронный текст, также отстраненный от некоторых авторских особенностей, в восприятии пишущего связан с представлением о возможности постоянной корректировки. Даже законченный текст можно исправить, поменять, вставить его фрагменты в иной контекст и т. д. Электронный документ предстает как вечно становящийся черновик, и отношение к нему всегда менее строгое, чем к напечатанному тексту, из которого уже «не вырубишь и топором».

Меньшее отстранение пишущего и воспринимающего субъектов связано также с тем, что компьютер и мобильный телефон вошли в повседневную жизнь как средства общения и работы. Электронный вид текста для многих перестал быть психологическим барьером, заставляющим задумываться над каждым напечатанным словом. Электронный документ заменяет и черновик и чистовик, мыслится, особенно в сознании молодого поколения, таким же естественным, как и бумага, доска или стена дома. Более того, электронный субстрат создает виртуальные аналоги этих поверхностей: стена на странице «в контакте», на которой можно оставить сообщение или граффити, фон страниц некоторых сайтов стилизован под фактуру бумаги. Вхождение компьютера и электронных средств коммуникации в повседневный обиход создало новый субстрат и новую сферу обращения ЕПРР.

Обратимся к рассмотрению последнего конститутивного признака естественной письменной речи – спонтанности. В той или иной степени спонтанность присуща всем текстам ЕПРР – в независимости от субстрата. Спонтанность может проявляться в непреднамеренном, иногда даже произвольном создании текста, как например, в рефлексивных записях, граффити. Спонтанное в ЕПРР проявляется как незапланированное и непродуманное продуцирование текста и связано со сближением пишущими ЕПРР и естественной устной речи. В сознании коммуникантов тексты ЕПРР передают то, что нет – по той или иной причине – возможности сказать устно. Поэтому такие речевые произведения записываются сразу без предварительного обдумывания – так, как они могли быть сказаны. Особенно ярко спонтанность – даже стихийность написания – проявляется в таких жанрах, как черновик, дневники, записки, списки покупок, меню и подобных им, возникающих при определенном стечении обстоятельств. Повседневность ситуации и неосознание коммуникантами особенностей устной и письменной речи приводят к ослаблению контроля за созданием текста – и текст формируется прямо на бумаге, осмысливаясь уже написанным.

Однако не все жанры имеют столь ярко выраженный признак спонтанности. Например, открытки пишут определенным образом подготовившись – имея в виду традицию создания подобных текстов, обдумав примерно опорные точки текста. Таким образом, рождается подобный текст не стихийно, а осознанно. Однако спонтанность присутствует в самом написании текста, который никогда не продумывается до конца, а формируется в процессе написания. Процесс творения текста происходит внутри выбранной тематики (поздравление на свадьбу, с днем рождения и т.д.) и ограничивается

ею, но в нем всегда присутствует творческий момент, что подразумевает спонтанность, неожиданность и неполную продуманность исполнения.

Итак, спонтанность наиболее сильно проявляется в черновике или в тех текстах, которые не предполагают переписывания набело. Особенно это касается электронных текстов и Интернет-общения. Электронная почта, форумы, чаты, различные программы типа ICQ, Skype, mail agent и т.д. (а также и смс) являются заменителем устного общения, и сообщения, отправленные через них, не подлежат редактированию. И в повседневном обиходе эти формы общения носят спонтанный характер: сообщение сначала отсылается, а затем уже перечитывается (если есть возможность). Если автор сообщения находит ошибку, он поправляется, отсылая верный вариант, собеседнику.

Тепло (21:53:30 3/05/2009)

не опуйся*SORRY*

Тепло (21:53:36 3/05/2009)

пугайся

Такой способ исправления опечаток, на наш взгляд, связан с уподоблением письменного Интернет-общения устному в сознании коммуникантов, поэтому устанавливается некая линейность течения коммуникации, схожая с линейностью в устном разговоре. Исправления в исходном тексте, как правило, приветствуются коммуникантами в тех текстах, которые претендуют на литературность: записи-размышления в дневниках, фанфики, оригинальные рассказы и подобное – жанры, не представляющие собой фрагмент диалога.

Подводя итоги, отметим, что естественность как языковая категория с наибольшей интенсивностью реализуется в условиях повседневной жизни человека. Естественное – характеристика условий повседневного существования человека, а повседневность – основная сфера реализации естественных механизмов существования. Повседневная жизнь существует как постоянный процесс, не имеющий строгих, четких правил и границ между своими сферами и не стремящийся к конечному результату, так как наличие такого результата привело бы к завершению процесса – то есть самого существования. Такая текучесть характерна только для естественного развития, и повседневность, являясь для человека необходимой, привычной и известной «средой обитания», дает возможность ослабить постоянную рефлекссию, контроль над поведением, речью и поступками и уйти от искусственного (контролируемого) поведения.

Библиографические ссылки

1. Лебедева Н. Б. Естественная письменная русская речь как объект лингвистического исследования // Вестник БГПУ: гуманитарные науки. – 2001. – С. 4–9.
2. Витгенштейн Л. Философские исследования [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.philosophy.ru/library/witt/phil.html>

**КОНЦЕПТ *МЫСЛЬ* В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ:
ПРИЗНАК ДВИЖЕНИЯ**

В современных лингвокультурологических исследованиях концепты рассматриваются как способы представления действительности в сознании людей, как «сгустки смысла», несущие важную культурную информацию и находящие свое конкретное выражение в виде различных знаков, прежде всего вербальных. Способы осмысления и языкового описания идеальных, ментальных объектов внутреннего мира человека представляют особый интерес для исследователя. «*Внутренний мир человека* – это психические составляющие: волеизъявление, характер, эмоциональные особенности и ментальные способности, стремления, отношение к людям и к себе, вкусы и пристрастия, «Я» (эго) – общая структура личности, мнения, представления, желания, намерения, мысли, способности, чувства и ощущения» [5, с. 7]. Концепты «внутреннего мира человека» представлены в языке различными способами, так как носитель языка чувственно не осязаемые, не имеющие конкретного образа объекты, уподобляет объектам мира «внешнего», понимание и восприятие которых не так затруднено.

Актуализация концептов в языковой картине мира – предмет анализа многих лингвистических работ. Вслед за М. В. Пименовой в данном исследовании используется следующее определение языковой картины мира: «сложившаяся давно и сохранившаяся донныне национальная картина мира, дополненная ассимилятивными знаниями, отражающая мировоззрение и мировосприятие народа, зафиксированная в языковых формах, ограниченная рамками консервативной национальной культуры этого народа» [6, с. 18]. В связи с этим *концепт* определяется как «некое представление о фрагменте мира или части такого фрагмента, имеющее сложную структуру, выраженное разными группами признаков, которые используются для описания фрагмента мира или части такого фрагмента» [7, с. 59]. «*Структура концепта* – это совокупность обобщенных признаков, необходимых и достаточных для идентификации предмета или явления как фрагмента картины мира», «*признак* – мельчайшая единица концепта» [5, с. 9].

Выражаясь абстрактными именами языка, концепты внутреннего мира вербализуются метафорически. Термин «метафора» в работе используется как некое отождествление явления внутреннего мира, явления идеального порядка, с реально существующими объектами и явлениями в объективном (физическом) мире и предстает как особый способ мышления, который использует прежде добытые знания. Такое понимание метафоры определяет ее как «устойчивые соответствия между областью источника

и областью цели, фиксированные в языковой и культурной традиции данного общества» [2, с. 13] и возводит в ранг когнитивной единицы.

Объектом исследования в данной работе является лингвокультурный концепт *мысль*, который представляет собой сложное ментальное образование, в структуре которого могут быть выделены определенные признаки. Проведенный анализ языкового материала показывает, что сущность концепта *мысль* познается посредством таких устойчивых, часто вербализуемых когнитивных метафор, как: '*мысль* – живое существо', '*мысль* – человек', '*мысль* – животное', '*мысль* – птица', '*мысль* – насекомое', '*мысль* – растение', '*мысль* – стихия', '*мысль* – вода', '*мысль* – огонь', '*мысль* – воздух', '*мысль* – земля', '*мысль* – предмет', '*мысль* – пища', '*мысль* –местилище', '*мысль* – время' [3].

Глаголы движения, участвующие в описании концептов ментальной сферы, активно используются в метафорических сочетаниях, которые представляют события и состояния, происходящие в этой сфере: *мысль пришла, мечта носилась, идеи летали*. В подобных конструкциях «употреблен ли глагол движения в прямом или переносном ментальном значении, не имеет единого решения» [4, с. 67]. Метафора в подобных конструкциях представляется не только языковой характеристикой, но в первую очередь она связана с мышлением и деятельностью человека.

Метафора движения является наиболее детально разработанным в языке механизмом представления процесса мышления. Особенности динамики в разных сферах психики непосредственно обнаруживают себя в сочетаемости имен с метафоризованными глаголами движения. Н. Д. Арутюнова говорит о том, что «наиболее динамичной сферой психики, прямо связанной с категорией времени, являются элементы интеллектуальной деятельности человека» [1, с. 363]. С другой же стороны, «глаголы движения в языке регулярно приобретают ментальные значения» [8, с. 108].

Изучая метафоризованные предикаты, Н.Д. Арутюнова [1, с. 363–364] связывает основные значения существительного «мысль» с тремя «трассами» движения *мысли*: «один путь соединяет человека (или его голову как резиденцию мыслей) и витающую в мировом пространстве и изредка навещающуюся в своей резиденции *мысль* (ср.: *мысль пришла мне в голову, на ум, мысль выскочила у меня из головы*), другой путь ведет *мысль* от человека к предмету (теме) его размышлений (*мысли его летели к любимой*), третий путь направлен к цели мыслительной деятельности (*мысль его устремлялась к истине, неуклонно шла к решению задачи*, ср. также: *ход мысли*). Трем путям движения *мысли* соответствуют три значения этого имени: 1) содержательная мысль, суждение как нечто отчужденное от человека и действующее самостоятельно; 2) думы, размышления, вращающиеся вокруг определенного предмета, темы; 3) «квант» мыслительной деятельности, акт мышления.

В русской языковой картине мира концепт *мысль* представляется объектом, перемещающимся в пространстве. Признак 'движения' типично репрезентируется посредством предикатов, указывающих на перемещение: «*Эта простая мысль не могла*

прийти в холопские мозги» (Арцыбашев, «Железное кольцо»); *«Бешеный бег тысячи разрозненных, сцепившихся мыслей*» (Андреев, «Жизнь Василия Фивейского»).

Мысли в значительной степени характеризуются понятием скорости движения, что является следствием целенаправленности интеллектуальных усилий человека, ср.: *мысли его мчались (летели, неслись, бежали)*. *«Эта мысль и мгновенно охвативший ужас быстро исчезли»* (Сологуб, «Тяжелые сны»). Мысль может приниматься за эталон беспредельной, ничем не ограниченной в своем росте скорости (ср. *исчезнуть со скоростью мысли*). В русской языковой картине мира скорость оказывается одной из важных характеристик мысли и является некоторым показателем умственных способностей человека, особенностей мыслительного действия. Замедленность движения мысли и отсутствие целеустремленности служит основанием для отрицательной оценки мыслительных усилий. Именно поэтому при описании движения мысли обозначаются стадии и конкретизация движения. Мысли замедляют свой ход и могут ворочаться: *«Тяжело ворочались мысли в его голове, туго соображал он»* (Бабель, «Старый Шлойме»); шевелиться: *«Мысль, что Краузе сходит с ума, болезненно шевельнулась в голове Тренева»* (Арцыбашев, «У последней черты»). Движение мысли может вообще прекращаться: *«...мысль его остановилась не на смысле слова, а на самой личности Санина»* (Арцыбашев, «Саннин»). *«Фигуры его, позы, группы, мысли ложились»* (Гоголь, «Сорочинская ярмарка»). *«Веселая мысль застыла в его мозгу от жары...»* (Чехов, «Степь»).

Некоторые признаки движения актуализируют зоологические свойства мысли: *«Мысли, как вспугнутые птицы, тревожно, - точно отыскивая местечко, где бы присесть, - носились в его голове»* (Гарин-Михайловский, «Студенты»). Сравнение мысли с птицами и летающими насекомыми представляется вполне мотивированным. Использование подобных метафор относительно мысли указывают, прежде всего, на ее характер — далеко не всякая мысль способна «окрылить» человека и доставить ему удовольствие. Мысли свойственно *ползать, копошиться, метаться, шевелиться, суетиться*: *«Мысль его ползала по земле и не могла подняться ввысь»* (Арцыбашев, «У последней черты»). *«В голове у него копошились тусклые и тяжелые мысли»* (Арцыбашев, «Саннин»).

Движение мысли может быть различным в зависимости от того, в каком пространстве находится этот ментальный объект. Пространство рассматривается как установление порядка расположения или направления движения предметов. Трехмерность пространства образована тремя полярными координатами в горизонтальной и вертикальной плоскостях: «вертикаль», «вперед-назад» (фронтальная горизонталь), «вправо-влево» (латеральная горизонталь).

Реальное пространство предполагает расположение субъекта или объекта внутреннего мира в пределах тела человека, внутри реально существующих человеческих органов. Данная метафорическая модель конкретизируется в сочетаниях с глаголами и атрибутами, реализующими идею проникновения, нахождения или покидания помещения.

Мысль занимает определенное место во внутреннем мире человека, и эта позиция воспринимается как норма. Четкость локализации *мысли* связана с особенностями ее движения. Динамика свойственна той *мысли*, которая находится в теле человека или его голове, традиционным является нахождение *мысли* в мозге. «**Мысль прошла сквозь него**» (Горький, «Челкаш»); «**Мысли вихрем, с ужасающей быстротой несутся в его голове**» (Гарин-Михайловский, «Детство Тёмы»); «**Мысль шевельнулась в его мозгу**» (Гарин-Михайловский, «Гимназисты»); «**Смутные мысли шевелились в давно не работавшем мозгу**» (Бабель, Старый Шлойме). Если же нахождение *мысли* конкретизируется, то изменяется и ее движение: *мысль*, как правило, замедляет свой ход, либо останавливается. *Мысль* локализуется в глазах: «**Напряженная мысль смотрела из ее темных глаз**» (Арцыбашев, «У последней черты»); бровях: «**Шадров взглянул в лицо матери: та же спокойная мысль лежала в ее строго сдвинутых бровях**» (Гиппиус, «Сумерки духа»); под черепом: «**Возможно, что эти мысли даже и не шевелились под узким черепом правоведа, но были соответственные, инстинктивные ощущения**» (Гиппиус, «Златоцвет»); подо лбом: «**Хотя она обижена, но я вижу, как под ее толстым красным лбом ворочается тяжелая, беспомощная, неуклюжая мысль: что бы сказать еще?**» (Аверченко, «День человеческий»).

Мифологическое пространство – это пространство внутри идеальных (воображаемых) образований. *Мысль* может быть локализована в этих пространствах и осуществлять перемещение в них, как правило, нединамичное: «**Карташев чувствовал, что директор не имел права так поступать, и в душе шевелилась мысль**» (Гарин-Михайловский, «Гимназисты»). А также в сознании и уме: «**...мысль, скользнувшая где-то в самой глубине его сознания...**» (Арцыбашев, «У последней черты»). «**Ни одна мысль не приходила на ум**» (Гоголь, «Иван Федорович Шпонька и его тетушка»).

Мысль может находиться вне человека. Локализация *мысли* в пространстве вне человека сопровождается разнообразной динамикой, *мысль* может перемещаться с различной скоростью: «**Мысли Беренди унесли далеко**» (Гарин-Михайловский, «Гимназисты»). «**Его мысли гуляли бог знает где**» (Гоголь, «Ночь перед рождеством»). Размещаясь во внешнем пространстве, *мысль* представляется иногда неким объектом, беспокоящим человека: «**...одна и та же мысль неотступно и безостановочно надвигалась все ближе и ближе**» (Тургенев, «Конец Чертопханова»). Субъект мыслительных действий способен от нее избавиться: «**Иван Ильич прислушивался, отгонял мысль о ней, но она продолжала свое**» (Толстой, «Смерть Ивана Ильича»).

Во внешнем и внутреннем пространстве *мысль* способна двигаться без цели: «**И странные вольные мысли бродили у нее в душе**» (Арцыбашев, «Санин»). «**...Пока смутные мысли бродили у меня в голове и в лавках продавали портреты императора**» (Герцен, «Былое и думы»). Кроме того, движение *мысли* может быть ясно очерчено: «**Он пытался возвратиться к прежним ходам мысли, которые заслоняли для него прежде мысль о смерти**» (Толстой, «Смерть Ивана Ильича»). *Мысль* способна проходить уже из-

вестный ей путь: *«И опять его мысли возвращались к сестре Корнева»* (Гарин-Михайловский, «Гимназисты»); изменить движение: *«Мысли Вервицкого получили другое направление»* (Гарин-Михайловский, «Гимназисты»). *«И тотчас же мысли его перебежали на досадную причину его скорого отъезда»* (Гиппиус, «Сумерки духа»). Мысли, находящейся во внешнем пространстве, статичные состояния не свойственны.

В языке различные типы взаимоотношений между людьми обозначаются через критерии сферы движения (*взлететь по служебной лестнице, низко пасть*). Отношения к явлениям внутреннего мира человека обозначаются подобными способами, связанными с оценкой: передвижение вверх оценивается положительно (*«Поднималась из немои глубины жизни в сознание мысль»* (Чернышевский, «Что делать?»); *«Хозяйка... с высоты своих каких-то мыслей пренебрежительно смотрела и на эту комнату»* (Гарин-Михайловский, «Студенты»). Движение вниз имеет отрицательную коннотацию: *«И ни одна мысль не удерживалась в голове. Вспыхивала, запутывалась и тонула»* (Шмелев, «Гражданин Уклекин»).

Обобщая результаты проведенного исследования, отметим, что за пределами человеческого тела *мысль* двигается более динамично, нежели в теле человека. *Мысль* в пространстве человека и вне его перемещается различными способами. Определяющими в данном случае являются признаки 'целенаправленности' и 'контролируемости' процесса. При описании движения *мысли* обозначаются стадии и конкретизируется характер этого движения. Скорость *мысли* оказывается некоторым мерилom интеллектуальных способностей человека.

Библиографические ссылки

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1998. – С. 363–364.
2. Баранов А. Н. Когнитивная теория метафоры: почти двадцать лет спустя // Дж. Лакофф, М. Джонсон. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С. 7–21.
3. Бондарева Е. П. Мысль // Антология концептов – Волгоград: Парадигма, 2006. – Т. 3. – С. 331–344.
4. Зализняк А. А. Многозначность в языке и способы ее представления. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 672 с.
5. Пименова М. В. Душа и дух: особенности концептуализации (Серия «Концептуальные исследования». Вып.3). – Кемерово: ИПК «Графика», 2004. – 386 с.
6. Пименова М. В. Методология концептуальных исследований // Антология концептов. – Волгоград: Парадигма, 2005. – Т. 1. – С. 15–20.
7. Пименова М. В. Особенности репрезентации концепта *чувство* в русской языковой картине мира // Мир человека и мир языка (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 2). – Кемерово: ИПК «Графика», 2003. – С. 58–120.
8. Розина Р. И. Движение в физическом и ментальном пространстве // Логический анализ языка. Языки динамического мира. – Дубна, 1999. – С. 108–118.

МОРФОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ПРОИЗВОДНОГО СЛОВА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ГОВОРОВ)

Одним из важнейших направлений европейского языкознания всегда и традиционно был поиск системных уровней, раскрывающих единство отражательных и знаковых свойств языка.

В иерархии языковых моделей особую роль, по мнению Е. С. Кубряковой, играют интересующие нас явления морфонологии, ведь именно «здесь начинается переход от незнаковых сущностей к знаковым» [1, с. 115].

Действительно, в свете функционально обусловленного единства внешней формы языкового знака с внутренней, с которой план выражения в целом, включая морфонологический его уровень, находится в отношениях симметризации и компенсаторной взаимозависимости [2], морфонологическая структура слова не является некоей «отсутствующей структурой», нейтральной к ассоциативным феноменам категоризации. Напротив, в языках с развитым грамматическим строем морфонологические структуры вычленяются вполне автономно, проявляя своё динамическое функционирование во взаимодействии не только с основными уровнями синкретичной морфологической структуры слова, но и с семантической. В деривационной морфонологии, в частности, особый характер взаимодействия морфонологической структуры производного слова с морфемной и деривационной определяет своеобразную биполярность морфонологии как относительно независимого от семантики уровня отождествления структуры слова и в то же время одного из уровней моделирования его внутренней формы в семиотических актах номинативной деривации [3].

С одной стороны, формируя структуру морфемных последовательностей, морфонология влияет на формальную организацию морфемы и слова. В этом случае последствия «волнового синтеза» выступают в качестве динамического фактора отождествления морфемных и деривационных структур языка.

С другой стороны, морфонологическая вариативность внутренних компонентов слова нередко сигнализирует о семантической дифференциации его формальных структур, что обосновывает функции морфонологии как парадигматического фактора членимости / мотивированности дериватов.

За счёт соотношения формальной структуры слова с семантической морфонологическая вариативность предстает в качестве явления особого уровня мотивированности, при поддержке которого реализуются функции внутренней формы производного слова, определяемой в этом случае в аспекте функционирования значимых сегментов морфонологической формы производного слова, обусловленных его мотивированно-

стью, т. е. «тех его морфонологических свойств, которые символизируют связь данного звучания с данным значением или с данными стилистическими коннотациями» [Ахманова 4, с. 81]. При этом основной способ морфо-семантической организации лексического значения производного слова – его вариантная внутренняя форма [5, с. 16], отражающая видоизменения компонентов мотивационной формы (холщ/бв/ин(а) ‘ткань из холста’ / ‘холщовая ткань’) либо мотивационной формы и мотивационного значения (холщ/ин(а) ‘ткань из холста’ → холщ/ин/ин(а) ‘1) ткань из холста’ / ‘2) одежда, сшитая из холста / холщины’ – здесь и далее используются авторские материалы диалектологических экспедиций 1988-2001 гг. по изучению русских диалектов Кузбасса, составившие основу моделирования морфонологической системы кемеровского говора).

В ходе описания этой биполярности на материале диалектной словообразовательной морфонологии [6] мы пришли к выводу о том, что связи морфонологии и семантики в структуре производных знаков во многом обусловлены морфонологической спецификой их деривационных структур. Об этом свидетельствуют факты системы и нормы, а также феномены языковой памяти, раскрываемые не только в пространстве метаязыковой фантазии коммуникантов, но и в условиях естественных речевых актов.

Как это следует из основных результатов полученного нами типологического описания русских диалектов [7], морфонологическая мотивированность производного слова обнаруживается в самом характере распределения в диалектном пространстве морфонологических альтернатив в составе производящей базы (основы) и словообразовательного форманта, что свидетельствует о значимости деривационной морфонологии для (1) организации словообразовательных типов, а также диалектного членения (прежде всего – в аспекте противопоставления материнских и дочерних диалектов); (2) разграничения ядра и периферии морфонологических чередований (при этом отмечается сохраняющееся влияние фонологических закономерностей, вследствие чего системной и эмпирической продуктивностью среди ядерных чередований обладают альтернативные ряды, возглавляемые немаркированными альтернантами), (3) классификации позиционно детерминированных и свободно распределяемых формантных вариантов; (4) выявления морфонологически релевантных позиций, за которыми закреплены те или иные алломорфные реализации словообразовательного форманта.

«Контактная зона» деривационной структуры слова [8] оказывается областью сосуществования тенденций воспроизводимости и производимости: в процессах системного функционирования дериватов действие фузии, обуславливающей морфонологическую вариативность производящей базы и форманта, взаимодействует с агглютинативной тенденцией, снижающей регулярность фузии как в области реализации морфонологических позиций, так и в сфере лексико-грамматической и лексико-семантической дистрибуции.

Активность синтетических и аналитических процессов поддерживается полимотивационной тенденцией, обуславливающей взаимодействие и интерференцию слово-

образовательной структуры слова с морфемной. По причине актуализации наряду с непосредственными опосредствованных мотивационных связей дериватов «как единый словообразовательный формант начинает восприниматься вся часть основы мотивированного слова, отличная от корня, а мотивирующая основа слова становится равной корню (мод-ничать, упрям-ствовать)» [9, с. 43]. Ср. диалект.: кон-ёвник, кон-овальник; куст-árник, куст-арáжник; мед-óвник, мед-овíчник, мед-ову́льник, мед-óнишник, мед-у́ночник, мед-унíчник и др. С этой бинарной мотивационной структурой нередко связана дифференциация семантики производных лексем через единицы их морфонологической структуры (ср.: горшéч-(н)ик ‘тот, кто изготавливает горшки / горшечных дел мастер’, горшк-óв/ник, горш-óв/ник ‘тряпка, которой подхватывают горшки’). В подобных случаях на выражение мотивационных отношений направлено функционирование морфемных блоков отсылочной и формирующей частей дериватов, наиболее близких к компонентам внутренней формы слова, благодаря чему морфонологические трансформации сигнализируют о сдвигах в значении слова, а сами трансформы способны изменять функциональный статус вплоть до обретения ими плана означаемого.

В тенденции – если оснóвная алломорфия отвечает за тождество категоризуемых мотивационно связанными лексемами признаков (функции структурной индексации, предсказывающей направление производности), вариативность форманта, конкретизируя мотивирующую семантику, приводит к перекатегоризации (функции семантической индексации, дифференцирующей семантические сдвиги по моделям деривационной полисемии и синонимии, ср.: корóв-ник ‘1) тот, кто скупает и продаёт коров, 2) подосиновик’, коров-ýт/ник, 1) тот, кто продает коров, 2) шкура коровы’). Отсюда компенсаторная взаимозависимость морфонологической асимметрии производного слова, заключающаяся во взаимодействии фузионных закономерностей в строении отсылочной части дериватов и агглютинативных – в функционировании словообразовательных формантов.

При продуктивности процессов формального варьирования, сопровождающих семантические сдвиги, стремление морфонологической формы к категоризации проявляется во всех случаях усложнения структуры суффиксального форманта по образцу редупликационных моделей, но прежде всего – в случае алломорфной реализации форманта.

В границах словообразовательных типов русского языка функционирует, как правило, некоторая система аффиксальных единиц, находящихся в отношениях морфонологической вариантности. Их функции отнюдь не сводятся к устранению сочетаний морфем, не характерных для структуры языка, тем более что в результате морфонологического процесса возможно усложнение фонемной структуры слова, приводящее, в частности, к появлению нетипичных консонантных сочетаний (ср.: вechёр/ник, вechёр/оч/ник, вechёр/ош/ник, вechёр/ш/ник). Поэтому при поддержке бинарной структуры опосредствованных мотиваций в словообразовательной форме вычленяются так называемые «формантные варианты», которые в условиях свободного распределения неред-

ко продолжают функционировать в качестве морфемных блоков. Не случайно, в экспериментах при восприятии лексем с вариантной внутренней формой параллельно с осознанием мотивирующей семантики отмечаются ассоциации с опорой на формантный компонент, идентифицируемый даже в случае алломорфной модели либо как целостный формант, либо как некоторый морфемный комплекс. Ср.: свин/ятник – ‘помещение для свиней, по аналогии с «курятник»’, ‘соотносится со словом «свинарник»’; слон/ят/ник – ‘помещение для слонов’, ‘человек с большим носом, как у слона’; ‘человек, который ухаживает в зоопарке за слонятами’, ‘слоняется, как слон’ [6, с. 101–110].

Через функционирование алломорфных реализаций форманта раскрывается и механизм морфонологической категоризации в его обусловленности процессом формирования семантических оппозиций у формальных вариантов слова. В зависимости от величины и глубины семантических расстояний, возникающих между морфонологическими вариантами, моделируются не только способы формальной организации межуровневых значений, но и сами единицы семантической стратификации, имеющие своё направление функционирования в актах номинативной деривации, а значит, и в языковых процессах лексической категоризации и когнитивной репрезентации знаний о мире.

Предпочтительное закрепление одних формантных вариантов за функциональными номинациями лиц, других – за функциональными номинациями артефактов, третьих – за характеризующими номинациями биофактов [6, с. 116–141] показывает, что парадигматически морфонологические изменения аффиксальных морфов организованы в границах семантических микросистем (таксономий) словообразовательных типов.

В аспекте морфонологической формы структура суффиксальных дериватов, например, предстает как последовательное повышение ранга семантической абстракции единиц стратификации словообразовательного значения: субморфная, варьирующаяся часть форманта является маркёром внутритиповой таксономии, а его основной вариант (постоянный компонент морфонологической формы) – показателем словообразовательного типа, его общего деривационного значения. Такая стратификация значений приводит к достаточно глубоким семантическим расстояниям между формальными структурами производных слов, что объясняется необходимостью дифференциации дублетов, формальная вариантность которых используется уже не в экспрессивной, а в номинативной функции. В результате варианты форманта эксплицируют через субморфные наращения идиосемы семантической структуры дериватов, выступая в качестве средств категоризации – отождествления классов референтов в границах (1) одной ономаσιологической категории (или субкатегории): налив-ник ‘блин или оладья, намазанные сверху сметаной’, налив-ай/ник ‘пирог из чёрной муки, политый сверху жидкой начинкой (наливой)’, налив-аш/ник ‘ватрушка из пресного или кислого теста с жидкой начинкой’; (2) частично противопоставленных ономаσιологических категорий: мош-ник ‘1) тот, кто добывает и продаёт мох, 2) тетерев’, мш-ар/ник ‘1) утеплённый мхом хлев, 2) болото’; (3) полностью противопоставленных ономаσιологических категорий:

мош-нѣк в указанных значениях имен лиц и биофактов, мш-ѣн/ник '1) тёплый хлеб для скота, 2) кладовая для хранения овощей, зимовки пчёл'.

Функционирование морфонологической структуры дериватов сводится в подобных случаях к преодолению формальной и семантической идиоматичности производного слова, ведь именно благодаря алломорфии в границах словообразовательного типа противопоставляются ономаσιологические сферы, имеющие свои специализированные морфонологические модели, потенциально «готовые» к системной поляризации в качестве самостоятельных деривационных структур. Поэтому, если морфонологическая структура форманта оказывается семантически релевантной, соответствующие формантные варианты либо уже функционируют в качестве самостоятельных средств номинативной деривации, либо ещё представляют собой переходные единицы, стоящие на грани формирования самостоятельных аффиксов.

Библиографические ссылки

1. Макаев Э. А., Кубрякова Е. С. О статусе морфонологии и единицах её описания // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. – М., 1969.
2. Зубкова Л. Г. Симметрия и асимметрия языковых знаков. В: Проблемы фонетики I. – М., 1993.
3. Кубрякова Е. С. Словообразование и другие сферы языковой системы в структуре номинативного акта // Словообразование в его отношениях к другим сферам языка. Игорю Степановичу Улуханову к 65-летию со дня рождения. – Инсбрук, 2000.
4. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966.
5. Блинова О. И. Русская мотивология. – Томск, 2000.
6. Антипов А. Г. Алломорфное варьирование суффикса в словообразовательном типе (на материале русских говоров). – Томск, 2001.
7. Антипов А. Г. Русская диалектная морфонология: Проблемы описания. – Кемерово, 1997.
8. Нешименко Г. П. О некоторых закономерностях деривационной морфонологии (на материале славянских языков) // Svetlana Mengel (Hrsg.) Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik. – Münster-London-Hamburg, 2002.
9. Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы её описания. – М., 1977.

С. А. Золотарева

Кемеровский государственный университет культуры и искусств

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИМЕНИ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Необходимость обмена интеллектуальным, социальным и эмоциональным опытом является врожденной потребностью человеческого существа, что обуславливает возможность данного процесса в условиях социальных, культурных, возрас-

тных, половых и иных различий между представителями социума. Существование подобной необходимости является причиной стремления выработать максимально универсальные средства передачи различной информации. Таким средством взаимодействия служат различные знаки, являющиеся носителями закрепленных за ними значений, понимаемых получателями информации. Знаки предстают как объективная данность, готовые к употреблению инструменты взаимодействия с антропореальностью. Их значение может быть конвенционально обусловлено, что подразумевает наличие определенного комплекса характеристик, приписываемых объекту, и позволяющих придать ему категориальную отнесенность. Значения существуют не сами по себе, а лишь в рамках человеческой деятельности, и в этом проявляется социальный характер значения.

С точки зрения философии, семиотики и культурологии, изучение и сопоставление различных форм знаков, образов и символов (особенно раскрытие их происхождения, развития и сравнения особенностей, характерных для разных периодов или разных социокультурных групп) позволяет сделать выводы о становлении и развитии мышления, языка, культуры, коммуникации и т. п.

Важность информации, передаваемой именами собственными, признается представителями различных наук, а исследование данных единиц имеет достаточно долгую научную традицию. Среди филологических дисциплин существует даже особый раздел – ономастика, изучающий семантику имен собственных, закономерности их развития и функционирования. Однако в рамках методологии упомянутого направления не представляется возможным оценить роль персоналии как средства передачи социокультурного опыта на глобальном уровне, поскольку в нем используются преимущественно лингвистические методы. Хотя аспекты ономастических исследований многообразны, имя не рассматривается в них как феномен социальной реальности, т. е. вне пределов его прямого назначения – именованного чего-либо. Таким образом, возникает вопрос: чем персоналия отличается от имени собственного? Решение проблемы значения персоналии предполагает рассмотрение данной единицы как знака, содержащего в сжатой, кодированной форме специфическую информацию, отличного от имени собственного именно в силу наличия этого содержания. Выявление категориальных признаков персоналии является средством определения ее значения.

Имя в логике – это выражение языка, обозначающее предмет (собственное, или единичное, имя) или множество (класс) предметов (общее имя); при этом предмет понимается в широком смысле – как все, что мы можем назвать. Однако, не каждое имя собственное является персоналией, поскольку имя – субстанция потенциальная, которой теоретически может быть наделен любой объект реальности. Примером такого явления могут служить существование как индивидов, именование которых частично или полностью совпадает, так и географических названий, равно как и вымышленных персонажей, и мифологических героев.

Персоналия же, хотя и представляет собой имя собственное, всегда уникальна, т. е. имеет лишь один референт, обозначение которого, тем не менее, не является основной функцией персоналии. Имена, принадлежащие к данной категории, не столько указывают на их носителей, сколько на те свойства, обладание которыми принесло общественное признание, известность и знаменитость их обладателям. Способность персонаний символизировать определенные качества свидетельствует о закреплении в составе значения некоторых компонентов, выбор которых обусловлен приоритетами социума. Другими словами, они позволяют судить о востребованности отдельных качеств индивида в обществе и стремлении к их развитию в личности. Примеры замещения именем определенных характеристик человека можно наблюдать во многих учебных и публицистических материалах, а также в художественной литературе.

Так, в одном из учебных заданий студентам предлагается определить в тексте диалога выражения, отличающиеся от аудиозаписи. Одним из них является фраза одного из собеседников, которое можно расценить как ироническое заявление.

«You're not exactly miss Einstein yourself!»

Ты и сама не совсем мисс Эйнштейн! [1, с. 30],

так как в тексте этой фразе соответствует выражение

«You are stupid too!»

Ты тоже глупа!

Отсюда можно сделать вывод о том, что в структуре значения персоналии Эйнштейн контекстуальной доминантой является качество, противоположное глупости, т. е. ум.

Аналогично можно оценить следующий пример:

«His name was Brad. And he did look a bit like Brad Pitt»

Его звали Брэд. И он действительно был немного похож на Брэда Пита. [2, с. 72]

Основной характеристикой, реализуемой в данном контексте, является внешняя привлекательность, красота и сексуальность.

В соответствии с традиционными представлениям, восходящими к работам Рассела и Фреге, смысл выражения заключается в соотношении между выражением и содержащейся в нем информации об объекте и может быть раскрыт в дефиниторной дескрипции, иными словами, предмет референции характеризуется признаками, которые закреплены в соответствующих дескрипциях. Исходя из этой теории, имена обеспечивают референцию к предметам через дескриптивное содержание, связанное с именем. Имя соотносится с некоторым множеством дескрипций и отсылает к своему носителю в силу некоторой связанной с именем дескриптивной информации, имеющей отношение исключительно к носителю имени. Возможность референции при таком подходе определяется некоторым уровнем знания об объекте, т. е. дескрипция оказывается зависимой от некоторой системы описания, или концептуальной схемы.

Понятие концептуальной схемы разрабатывалось такими исследователями, как У. Куайн, Д. Дэвидсон, П. Стросон, М. Лебедев. Последний, систематизировав имею-

щиеся точки зрения, определяет данный термин как «совокупность широко распространенных мировоззренческих установок и элементов знания, т. е. некоторая (научная) картина мира» [3]. Далее автор отмечает, что могут существовать два контекстуально обусловленных варианта невозможности идентификации референта по дефиниторной дескрипции. В первом случае ситуация обусловлена тем, что знания, которыми обладает реципиент, недостаточно качественные, неполные или не отвечают требованию истинности. Типичным примером затруднений, связанных с недостатком знаний, могут служить проблемы, возникающие у представителей различных социумов при выполнении задания на идентификацию персоналий согласно их достижениям:

«The 35th president of the USA was: a) Bill Clinton b) J.F. Kennedy».

Тридцать пятым президентом США был а) Билл Клинтон б) Дж. Ф. Кеннеди [4, с. 32]

Или:

America		Christopher Columbus
The telephone	Invent	Alexander Graham Bell
Australia	Discover	Captain James Cook
The television		John Logie Baird
The airplane		the Wright Brothers

где помимо выполнения грамматического задания предлагается сопоставить личность и то, что они изобрели или открыли [5, с. 41]. В ситуации недостаточности знания контекст может быть прояснен при помощи координирования индивидуальной концептуальной схемы реципиента и схемы, разделяемой всеми участниками коммуникативного сообщества. В данном случае общепринятая концептуальная схема представляет собой некоторый минимально допустимый объем знания, и согласование в таком случае будет заключаться в приведении в соответствие с ним наличного объема знаний реципиента путем получения недостающей информации. Таким образом, индивидуальная концептуальная схема реципиента может быть скорректирована согласно общеразделяемому образцу – стандартной схеме.

По мнению Е. С. Кубряковой, «как только носителями определенного языка получена «дополнительная информация о мире» и в распоряжение говорящих попадает (через значение зафиксированных в лексиконе слов или оборотов) некий круг сведений об объектах мира или о его членении, рефлексy этих сведений пополняют концептуальную систему говорящих на данном языке. Какой именно частью данной системы – входящей в ее ядро или в ее периферию – станет указанный круг сведений, зависит не от языка, а от онтологической сущности обозначенного и его прагматической ценности. В этом смысле за пределами концептуальной картины мира не может остаться то, на что уже была направлена мысль человека в акте номинации, и то, что уже зафиксировано в виде апробированного обществом конвенционального знака» [6, с. 14]. Следова-

тельно, ознакомление с новой информацией влечет за собой не только расширение горизонта знаний, но и трансформацию мировоззренческих установок.

Более того, возможен также и другой вариант рассогласования, возникающий в результате конфликта двух социальных концептуальных схем, фиксируемых естественными языками и существующих в социокультурных сообществах. Координирование таких схем вызывает необходимость не приближения к чему-то общепринятому с целью устранить несоответствия, но установления эквивалентности между двумя классами понятий. М. Лебедев приводит в качестве примера, иллюстрирующего эту ситуацию, следующую дескрипцию имени Наполеон: «побежденный при Бородино», которая может одновременно указывать и на Наполеона, и, будучи переведенной на французский язык, на его противника Кутузова. Аргументируя это тем, что «поскольку в этом сражении было уничтожено примерно равное число людей с обеих сторон, а войска при этом остались на прежних позициях, то вопрос о том, кто же при этом оказался победителем, оказывается вопросом интерпретации» [3], автор далее поясняет, что такая точка зрения является общепринятой во французской культуре, и что любой учебник истории интерпретирует сражение при Бородино как очередную славную победу французской армии, а необходимость оставить Россию возникла у Наполеона только под влиянием непредвиденных климатических факторов. И напротив, каждый русский знает значение победы русских войск при Бородино, которая явилась началом краха империи Наполеона.

Аналогичную ситуацию можно наблюдать, если взять такую дескрипцию, как «изобретатель радио». В этом случае представители русскоязычной культуры соотнесут дескрипцию с именем А. Попова, тогда как в западном мире авторство изобретения этого аппарата приписывается Г. Маркони, что зафиксировано и в справочной литературе, и в учебных курсах, являющихся составной частью образовательной системы. Причем, тогда как в России в последнее время имя Маркони, так или иначе, упоминается в связи с изобретением радио, имя А. Попова вообще не фигурирует в зарубежных источниках информации. Следовательно, согласование концептуальных схем в приведенных случаях потребует пояснения, что каждая из указанных дескрипций соответствует двум референтам, и для выявления точного соответствия могут быть использованы уточняющие дескрипции, например, в последнем случае это может быть такая дескриптивная характеристика, как «владелец патента на изобретение радио».

Как отмечает Лебедев, «указание дескрипциями само по себе возможно тогда и только тогда, когда мы предварительно уже обладаем некоторым знанием об указанном объекте. Тогда само указание сводится к проверке соответствия некоторых предикатов определенным свойствам, уже известным нам» [3]. Однако даже если мы обладаем знаниями о значимых характеристиках, то они могут быть также верны по отношению к другим референтам, а не к тому, который подразумевает говорящий. Согласно теории референции С. Крипке, люди не устанавливают признаки, которые некоторым качест-

венным или количественным образом выделяют некий объект и вследствие этого определяют дальнейшее соотнесение обозначаемого и обозначающего. Напротив, референция зависит не только от того, что мы сами думаем, но и от других людей, от того, как имя дошло до говорящего [7, с. 132]. Если следовать теории данного автора, то соотнесение объекта и слова, его обозначающего, происходит в церемонии «первого крещения», при этом первоначальное именование может закрепляться дескрипцией, которая отражает определенное свойство объекта, зачастую случайное.

Применительно к рассматриваемому в данной работе феномену теория С. Крипке может использоваться для прояснения того, каким образом имя переходит в разряд персоналии. По мнению указанного исследователя, для действительного употребления имени не принципиально знание существенных свойств объекта, к примеру, отсутствие у Цицерона такого свойства, как ораторская деятельность не лишило бы его собственного имени. Однако в контексте культуры важны именно знания о свойствах объекта, и без них имя действует лишь как средство указания на объект. Наличие знаний о существенных свойствах позволяет персоналии функционировать как знак языка, культуры, единице, используемой для хранения и передачи информации о наиболее важных аспектах деятельности представителей какого-либо социокультурного сообщества. Имя становится персоналией тогда, когда говорящие располагают сведениями о значимых характеристиках носителя имени и связывают это имя не только и не столько с объектом, на который оно указывает, но с этими его характеристиками.

Важный аспект данной теории состоит в том, что свойство, сопутствующее указанию на объект, становится решающим при дальнейшем употреблении имени. В то же время, поскольку соотнесение с определенным референтом обусловлено нашей связью с другими людьми, значение какого-либо имени становится зависимым от того, кем и в каком контексте оно было предъявлено. Реципиент понимает значение персоналии не как отсылку к определенному реальному индивиду или некоторой фактической информации, а как оценку деятельности обозначаемого персоналией лица согласно социально-культурным критериям, существующим в коллективе, к которому он принадлежит. В результате персоналии становятся олицетворением приоритетов деятельности и ее мотивом.

Таким образом, персоналия является феноменом социокультурной реальности в силу соотнесенности компонентов своего значения с общеразделяемыми социокультурными ценностями, лежащими в основе концептуальной схемы носителей культуры. Персоналии возникают как результат концептуализации и категоризации действительности, равно как и способствуют этим процессам. Специфика значения персоналии, в отличие от имени собственного как такового, заключается в способности репрезентировать в сжатой, кодированной форме информацию о культурно обусловленных мировоззренческих установках социально-культурной общности. Возможность понимания значения указанного знака обеспечивается наличием у индивида соответствующего социокультурного опыта.

Библиографические ссылки

1. Kay S., Jones V. Inside Out Intermediate. – Oxford. Macmillan Heinemann, 2000. – 160 p.
2. Kay S., Jones V. Inside Out Upper intermediate. – Oxford. Macmillan Heinemann. – 2001. – 160 p.
3. Лебедев М. В. Семантика перехода от описания к объяснению [Электронный ресурс] // Что значит знать? – Режим доступа: http://ru.philosophy.kiev.ua/library/kn_book/00.html
4. Evans V., Dooley J. Upstream Beginner. – Newbury. Express Publishing – 2005. – 151 p.
5. Evans V., O'Sullivan N. Click On 3. Pupil's Book. – Newbury. Express Publishing – 2001. – 173 p.
6. Кубрякова Е. С. Об одном фрагменте концептуального анализа слова память // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М., 1991. – С. 12 – 29.
7. Аналитическая философия: Избранные тексты/ переводчик И. В. Борисова; составитель, вступительная статья, комментарии А. Ф. Грязнов. – М., 1993. – 182 с.

М. В. Денисенко

Кемеровский государственный университет культуры и искусств

АДЕКВАТНОСТЬ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК АНГЛИЙСКОГО ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО GREY В «САГЕ О ФОРСАЙТАХ» ДЖОНА ГОЛСУОРСИ

Перевод – это деятельность, заключающаяся в передаче содержания текста на одном языке средствами другого языка. Как и многие другие разделы прикладной лингвистики, перевод по существу междисциплинарен: он связан не только с наукой о языке, но и со многими другими науками, такими, как философия, психология, семантика и лингвистика, культурная антропология, литературоведение, страноведение. Междисциплинарность теории перевода говорит о том, что перевод является не чисто языковым, а «довольно сложным когнитивным феноменом» [5]. Делая перевод на другой язык, человек использует как свои способности и языковые знания, так и экстралингвистические знания, как, например, знания об обществе и его культуре.

Перевод – это максимально глубокое понимание текста и адекватная передача его содержания на другой язык, а не просто подбор языковых соответствий; это процесс преобразования, при котором сохраняется неизменным смысловое содержание оригинала, а изменениям могут подвергаться лишь лексические и грамматические формы его выражения. Иными словами, перевод – это порождение нового текста на другом языке средствами, соответствующими нормам этого языка, цель которого – «донести до адресата содержание исходного сообщения» [5] или максимально, по словам Ф. Шлейермахера, «приблизить читателя к автору».

Лингвистические сложности перевода с одного языка на другой объясняются особенностями семантики, синтактики и прагматики языковых выражений обоих языков. Так, синтаксические проблемы можно решить только обращением к контексту, что позволит выбрать наиболее адекватный вариант перевода. Грамматические различия обусловлены несовпадением в организации языковой структуры. Р. Я. Якобсон подчеркивает, что грамматическая структура (в отличие от структуры лексикона) определяет те значения, которые обязательно должны быть выражены в данном языке. Что касается прагматических проблем, они также существенны. Средняя длина предложения варьируется в разных языках. Для английского языка характерны более короткие предложения, чем для русского языка. Не учитывающий этих различий перевод будет восприниматься читателем как не вполне соответствующий правилам построения текста, даже если он будет адекватен по всем остальным параметрам.

При переводе с одного языка на другой возникают и экстралингвистические проблемы. Одной из наиболее традиционных является проблема поиска передачи реалий, специфических для мира и культуры исходного языка средствами языка перевода. Для этого существуют два пути: 1) передать значение, используя сопоставимые по значению единицы языка перевода; и 2) сохранить в переводе название, принятое в исходном языке. И то, и другое связано с определенными информационными потерями. В первом случае перевод, будучи понятным для читателя, вызовет не вполне адекватные представления о мире и культуре народа исходного языка, второй же перевод может оказаться малопонятным и потребует дополнительных комментариев. Поэтому при грамотном переводе необходимо учитывать запросы и интересы читателя, его знания о мире, привлекать культурно-исторические факты и т.п.

Для анализа соответствий при переводе прилагательного «grey» был выбран роман Д. Голсуорси «Собственник». Внимание привлек именно этот роман потому, что один из образов, образ Ирен, имеет в романе свой основной цвет, который становится частью ее образа, и цвет этот – серый.

Выбор цвета не случаен. Д. Голсуорси не только прекрасный художник слова, но и замечательный колорист. Название цвета носит не только основное смысловое значение, но и становится стилистико-экспрессивным средством характеристики персонажа.

Образ Ирен – это идеал, олицетворение Красоты. Ее образ необыкновенно привлекателен и несколько расплывчат: «Красота не имеет четко очерченных границ, ее трудно постичь, ею нельзя овладеть» [7]. Серый цвет, как сочетание черного и белого, также расплывчат, и в образе Ирен он приобретает значение изысканности и утонченности.

Но как таковой нас интересует не образ Ирен. Он только подтолкнул к выбору анализируемого текста.

Из всего текста как на русском, так и на английском языках методом сплошной выборки были найдены предложения, в которых употребляется слово «серый» и «grey». Для сравнительного анализа был взят перевод Н. Волжиной.

Во всем тексте на английском языке слово «grey» и его производные употреблены в 50-ти случаях. В русском варианте перевод «grey» и его производных выявил 38 упоминаний значения «серый» и его производных, 6 случаев перевода в значении «седой» и его производных, 2 случая значения «стальной», 2 случая – «замшелый» (в значении «очень старый»), 2 упоминания в значении «масти лошади». В двух случаях в английском варианте текста присутствует слово «grey», но нет его прямого перевода в значении «серый». Аналогично, в русском варианте есть «серый», но нет его эквивалента «grey».

Что касается перевода английского «grey» на русский язык, переводчик четко следовал значениям данного слова. Обратимся к словарным статьям.

«Grey» как прилагательное имеет значения «серый, нейтральный, седой; бледный, болезненный, пасмурный, сумрачный, мрачный, сивый»; как существительное – это «серый цвет, серое, седина, серый (костюм / материал), сумрак, скучная личность, лошадь серой масти»; как глагол – «делаться серым (сереть), сесть, стареть».

Производные «grey» 1) grayish – сероватый, седоватый; с проседью; 2) greyness – серость.

Кроме того, существует устойчивое выражение «grey mare» – «женщина, держащая своего мужа под башмаком». Если не знать этого, довольно обидно звучит «в парной упряжке верховодит кобыла». Зато «жена верховодит в доме» – вполне разумное определение:

– He seems to me a poor thing. I should say the **grey mare** was the better horse! – На мой взгляд – ничтожество. Она будет держаться под каблучком!

Полное совпадение перевода «grey» как «серый» происходит в большинстве случаев, и они представляют наименьший интерес: «grey eyes, grey hat, grey gloves, grey trousers, grey horses, grey afternoon, grey fur, grey fur coat» - все это серого цвета, так же как и «седой»: «grey curls».

Гораздо интереснее и богаче звучит в русском языке «сероватый», где в английском аналоге используется не только обыденное «grayish», но и целые образы:

– The moonlight cast a **greyish** tinge over his figure... – Луна бросала сероватый отблеск на его фигуру...

– The **grey** light clung about the trees... – Сероватая мгла окутывала деревья...

И, в свою очередь, «grey» и «greyish» передают совсем другую часть речи – «посеревший»:

– ... a **grayish** tinge all over his face... – ... посеревшее лицо...

– ... and looked at the front of the little house, as still and **grey** as the face of a dead man. – ... глядя на маленький дом – тихий, посеревший, как лицо мертвеца.

Слово «grey», употребленное в оригинале в качестве прилагательного, гораздо более емко и образно звучит в следующем переводе в качестве глагола:

– The morning came, cold, with a high, **grey**, London sky... – Утро ... выдалось холодное: лондонское небо серело высоко над городом.

В сознании русского человека небо либо розовеет на рассвете, либо сереет – все зависит от погоды. Автор перевода очень точно уловила этот нюанс.

Хочется уделить немного внимания значению «grey» как «седеть» и «седина». В первом случае происходит адекватный перевод глагольной формы:

– Her hair, ..., was going **grey**... – Волосы, ..., уже начинали седеть...

Во втором случае происходит метаморфоза:

– ... and this **greyness**... – ...и эта седина...

– ... with hair going **grey**... – ... в его волосах сквозила седина...

«Greyness» переводится на русский язык как «серость», а «going grey» – «седеть». В переводе автора оба варианта передают значение «седина», что придает неповторимую поэтичность и красоту уже не молодым людям.

Как видно из словарных значений прилагательного «grey», автор перевода додумывает значения «стальной» и «замшелый»:

– He found two old farms, ... a little **grey** church ... and a smaller and **greyer** chapel.
– Он нашел там две старые фермы, ... маленькую замшелую церковь ... и рядом совсем маленькую и совсем замшелую часовню.

– ... his firm chin with its **greyish** shaven tinge... – ... твердый подбородок со стальным отливом от бритья...

– The old lady's round, steel **grey** eyes... – Круглые, стального цвета глаза старой леди...

Для выражения «grey church» подобрано именно такое определение, чтобы показать, что церковь и часовня были очень старыми (в американском английском имеется значение «устаревший, несовременный»). Значение «стальной» появляется в переводе благодаря контексту – присутствию слов «steel» и «shaven», которые имеют данное значение или опосредованно связаны с ним. И наоборот, присутствие только «steel» предполагает, что оно именно серого цвета:

– ... under a sky of clear **steel-blue**... – ... под ясным, серым, как сталь, небом...

Вполне обычно в английском языке выглядит слово «greys», обозначая существительное во множественном числе, что в переводе может означать «лошади серой масти». Из контекста понятно, что речь идет именно о лошадях:

– ... after seeing him drive his **greys** up to the door... – ... увидев, как Суизин подкатил к дверям на своей серой упряжке...

– The **greys** had taken alarm. – Лошади понесли.

– And further on, Swithin’s **greys** were turning their noses towards the noses of James’ bays... – А чуть дальше от подъезда стояли серые Суизина и, повернувшись мордами к гнедым Джемса...

Лаконичен перевод. В одном случае это «серая упряжка», в другом случае – просто «серые», а есть и просто «лошади». Налицо в русском языке происходит сокращение предложения путем эллипсиса, где из контекста ясно, какие серые и какие именно лошади.

Вот еще один пример эллипсиса, который вполне оправдан, так как читатель знает, что Ирен (а речь идет именно о ней) – это «дама в сером». Поэтому нет необходимости повторять название цвета ее шубки – и так все ясно.

– The sight of her figure, **huddled in the fur**, was enough. – Одного взгляда на ее закутанную в серый мех фигуру было достаточно.

Как видно из приведенных выше примеров, переводчик очень умело подошла к передаче перевода слова «grey» на русский язык, используя практически все значения данного слова, а главное, все богатство палитры русского языка.

Библиографические ссылки

1. Concise Oxford English Dictionary. Eleventh edition; edited by Catherine Soanes, Angus Stevenson. – Oxford University Press, 2006. – 1708 p.
2. Galsworthy J. The Forsyte Saga. Book One. The Man of Property. /Д. Голсуорси. Сага о Форсайтах. Книга на английском языке. – М.: Издательство «Прогресс», 1974. – 383 с.
3. Голсуорси Д. Сага о Форсайтах: Т. I. / пер. с англ., вступит. статья Д. Жантиевой; Пер. под ред. М. Лорие. – М.: Худож. Лит., 1982. – 847 с.
4. Мюллер В.К. Англо-русский словарь – 23-е изд., стер. – М.: Рус.яз., 1992. – 844 с.
5. Онлайн Энциклопедия Кругосвет. Лингвистические проблемы перевода [Электронный ресурс]. – URL: www.krugosvet.ru/./PEREVOD.html (дата обращения 24.09.10)
6. Русско-английский словарь: Ок. 55 000 слов. С приложением кратких сведений по английской грамматике и орфоэпии, сост. А. И. Смирницким / сост. О. С. Ахманова, З. С. Выгодская, Т. П. Горбунова и др.; под общ. рук. А. И. Смирницкого. – 15-е изд., стереотип., под ред. О. С.Ахмановой. – М.: Рус.яз., 1989 – 768 с.
7. Харьковщенко М. Н. Цветообозначение как стилистический прием характеристики персонажа // Вопросы семантики. – М., 1974. – С. 51–59.

Е. Е. Рыбникова

Кемеровский государственный университет

ЛОКАТИВНЫЕ ПРЕДЛОГИ КАК ФРАГМЕНТ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Пространство как одна из фундаментальных категорий бытия всегда была в центре внимания ученых – представителей различных областей знания: философии, астрономии, языкознания, культурологи и других. Не раз отмечалось, что «в основе позна-

ния человеком мира лежит именно пространственная перцепция и соответствующие знания, на основе которых позже развилось и осознание других типов отношений предметов окружающей человека действительности» [6].

Время и пространство, будучи основными определителями бытия, задают исходные ориентации, на базе которых строится любая картина мира. Специфика восприятия мира тем или иным этносом, той или иной культурой, той или иной цивилизацией, по мнению И.Н. Данилевского, проявляется в особенностях восприятия пространства и времени. Образ пространства является неотъемлемой частью целостной картины мира. Объективно существующее пространство субъективно переживается и осознается людьми в разные исторические эпохи в разных странах по-разному.

Средневековый человек воспринимал мир особым образом, по-своему, на собственный манер организовывал свои впечатления и знания, конструировал свою особую, исторически обусловленную картину мира. Человек постепенно осмыслил свое место в физическом мире, изучал и измерял различные параметры пространства, что позволяло ему адаптироваться в окружающей среде и организовывать свою социальную и биологическую жизнь.

Со временем от наглядно-чувственного восприятия пространства человек перешел к абстрактному и умозрительному представлению. Стали появляться такие понятия, как прерывно /непрерывное пространство, конечно/бесконечное, абсолютное/ относительное и другие. При этом в основе представлений о пространстве лежит определение места нахождения объекта, протекания события, процесса-локальность.

Время и пространство-определяющие параметры существования мира и основополагающие формы человеческого опыта. Пространство понимается как трехмерная, геометрическая, равно протяжимая форма, которую можно разделять на соизмеримые отрезки. Но хотя пространство и объективно, оно воспринимается людьми субъективно. В разных цивилизациях и обществах на различных стадиях общественного развития, в разных слоях одного и того же общества и даже отдельными индивидами эта категория воспринимается и применяется неодинаково. Для формирования национального самосознания познание и освоение пространства играет важную роль, так как пространственная семантика проявляет свою универсальность и наполняет все уровни лингвокультуры, что необходимо учитывать в процессе преподавания русского языка как неродного.

Мышление и язык являются взаимосвязанными и взаимообусловленными сторонами жизни человека, поэтому важно рассматривать элементы смысла как ментальные образования и их способы представления в языке.

Исследование средств выражения локативного значения имеет прикладной характер и очень важно при изучении русского языка как иностранного. Пространственные отношения многообразны по оттенкам значения и формам выражения. Их можно разделить на две группы, в которых выделяется направление и место. Первые отвечают на учебно-исследовательские вопросы *где? в каком месте?*; вторые – *куда? откуда? с какого места? до какого места?*

М. В. Всеволодова и Е. Ю. Владимирский отмечают, что сема статичности – это «неизменное по отношению к локуму пространственное расположение предмета, что находит наиболее яркое выражение в отношениях местонахождения, сема динамичности предполагает сорасположение предмета и локума (удаление, приближение, прохождение)» [1]. Эти оппозиции образуют три ряда параллельных форм с производными предлогами: *у– к– от*; *в– из– в*; *на– с– на*. Значение этих предлогов осложняется другой семантикой. Например, значение предлога *в* в конструкциях типа *ехать в город* осложняется значением направленности действия внутрь, в пределы чего-либо; значение предлога *к* в конструкциях типа *идти к реке* – оттенком приближения к предмету, названному зависимым именем. Таким образом, важным является то, что единица, передающая то или иное значение, полисемична, вступает в отношения с другими единицами языка и по-разному реализуется в потоке речи в зависимости от контекста.

Большинство пространственных конструкций в русском языке располагаются на двух осях: горизонтальной и вертикальной. На горизонтальной оси распределяются конструкции со значением местонахождения, на вертикальной – конструкции со значением направления.

Место, где находится какое-либо лицо или предмет или происходит действие, в русском языке обозначается сочетанием пространственных (локативных) предлогов с существительными в определенных падежах, называющими это место. Поскольку пространство – философская категория и понимается оно не только в физическом (географическом) смысле, но и в метафорическом (пространство духа, пространство мысли), в локативных конструкциях существительное может быть выражено именем нарицательным, собственным, конкретным, абстрактным.

Локативные предлоги с точки зрения их употребления можно разделить на три группы: встречающиеся очень часто (*в, на, с, к, у, за, о, от*); встречающиеся часто (*для, под, без, до, через, над, перед, после, при, между*); встречающиеся реже (*про, около, среди, из-за, вместо, из-под, вокруг, против, мимо, прежде, спустя, сквозь, возле, не смотря на, ради, кроме, вдоль, благодаря и некоторые другие*).

Для того чтобы детально уточнить место, о котором идет речь, привлечь к нему внимание слушателя или читателя, а также для того чтобы достоверно передать информацию о событиях, в русском языке могут использоваться в одной конструкции и нарицательные, и собственные существительные с локативными предлогами. При изучении русского языка как неродного необходимо уточнить, после каких глаголов используются предлоги, указывающие на место, а после каких глаголов употребляются предлоги, указывающие на направление движения или на исходную точку движения. Таким образом, конструкции со значением местонахождения образуют глаголы *быть, находиться, стоять, лежать, сидеть, висеть, жить, работать* и другие, предполагающие определенные вопросы и соответствующие падежные формы существительных. Например:

глагол	вопрос	локативная конструкция	Падеж
Быть, находиться	где?	<i>в городе, в лесу, на улице, на тренировке</i>	предложный падеж
		<i>напротив дома, посреди улицы, около парка</i>	родительный падеж
		<i>перед домом, за домом, под домом, под столом, над столом, между домом и садом</i>	творительный падеж
	у кого?	<i>у врача, у друга</i>	родительный падеж

Направление действия, движения актуализируется в языке сочетанием пространственных предлогов с существительными, называющими цель движения. Центром таких конструкций являются глаголы *лететь, плыть, нести, пойти, найти, прийти, уехать, положить* и другие. Например:

глагол	вопрос	локативная конструкция	падеж
Идти, ехать	куда?	<i>в город, в лес, на улице, на свидание, под Москву, за границу</i>	винительный падеж
	к кому? (для одушевленных предметов)	<i>к берегу, к дому, к врачу, к другу</i>	дательный падеж

Исходная точка движения (откуда?) обозначается в русском языке сочетанием пространственных предлогов с существительными (родительном падеже), называющими исходную точку локума. Центральными глаголами в таких конструкциях являются следующие: *идти, возвращаться, ехать, приезжать, приехать, уходить, уйти* и другие. Например:

глагол	вопрос	локативная конструкция	падеж
Идти, возвращаться	откуда?	<i>Из города, из леса, с улицы, со свидания, из-под Москвы, из-за границы</i>	родительный падеж
	от кого?	<i>от врача, от друга</i>	родительный падеж

В отличие от существительных, которые для выражения локативного значения не ограничиваются семантически, пространственные отношения в русском языке могут передавать глаголы только определенных значений.

Таким образом, локативность является ментальным образованием и включает в себе представления человека о мире, знания о пространственном определении и имеет конкретные, служащие для выражения этого значения языковые единицы, через которые проявляется самобытный национальный колорит того или иного народа.

Библиографические ссылки

1. Всеволодова М. В., Владимирский Е. Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. – М.: Русский язык, 1982.
2. Галецкая Ц. Я. Предложно-падежные средства в функции способа выражения действия. – Мозырь, 1957.
3. Гухман М. М. Понятийные категории, языковые универсалии и типология // Вопросы языкознания. – М., 1985. – № 3.
4. Дурст-Андерсен П. В. Ментальная грамматика и лингвистические супертипы. // Вопросы языкознания. – М., 1995. – № 6.
5. Пехливанова К. И., Лебедева М. Н. Грамматика русского языка в иллюстрациях. – М.: Русский язык, 1991.
6. Федорова Е. А. Типы локумной лексики // Международный конгресс исследователей русского языка. «Русский язык: исторические судьбы и современность». Труды и материалы. – М.: МГУ, 2010.

Николь Секулич

Ассоциация русскоговорящих «Берёзка-Бетулла»

г. Верона (Италия)

ПРОБЛЕМЫ БИЛИНГВИЗМА В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ: (ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕАТРАЛЬНЫХ ТРЕНИНГОВ В РАБОТЕ С ДЕТЬМИ ИЗ ДВУЯЗЫЧНЫХ СЕМЕЙ)

Одна из самых сложных и важных проблем в работе с детьми из двуязычных семей – это проблема дифференцированного подхода, деления на категории. Подобная проблема существует и в российских школах, поскольку дети приходят учиться с разным уровнем подготовки, с различным лексическим запасом, иногда с недостаточно сформированной устной речью. Эти трудности существовали всегда, особенно в национальных школах в советский период, но наиболее остро они проявляются у детей, растущих в иноязычной среде.

В данной статье речь пойдет о двуязычных детях, проживающих в Италии. В связи с тем, что эмиграция в Италию никогда не была массовой как, например, это было в Германии, Америке, Канаде, Израиле, поэтому не сформированы социальные

структуры, позволяющие как детям, так и взрослым сохранить свои языковые и культурные традиции. Кроме того, что внешняя среда является иноязычной, существует проблема культурного кода. Герои российских фильмов, мультфильмов, детских передач или знакомы детям частично, или не знакомы вовсе. На вопрос об имени человека с длинным носом вам всегда ответят, что это Пинокио, и мало кто припомнит Буратино. Очень условно этих детей можно разделить на русскоговорящих и итаоговорящих. Итаоговорящих детей, в свою очередь, подразделяют на следующие группы: а) понимающие русскую речь, но отвечающие по-итальянски просто для удобства, что случается даже в русских семьях, живущих в Италии. Стоит родителям поддаться и ответить ребенку по-итальянски или же ответить по-русски, но на вопрос ребенка, заданный по-итальянски, как он тут же оценивает удобство не говорить в быту на двух языках и говорит только на одном вне зависимости от того, на каком языке с ним общаются в дальнейшем. Нередки случаи, когда на вопрос родителей, заданный на русском, ребенок отвечает на иностранном;

б) понимающие русскую речь, но, по разным причинам, не желающие говорить по-русски. Некоторые дети стесняются своей инаковости, принадлежности к другой языковой культуре, хотят быть «как все» и принципиально отвечают только по-итальянски. Причем дети из этой категории могут происходить как из семей русских родителей, так и из семей, где носителем языка является отец, или же из семьи, где носителем языка является мать. Такие дети из полных семей встречаются в основном в области, а в городах большинство живет в неполных семьях. И после развода родителям не хочется отличаться от папы и поэтому отвечают маме только по-итальянски. Иногда отец выражает недовольство тем, что не понимает, о чем говорит ребенок с матерью. В подобных случаях женщины говорят с детьми по-русски только урывками, а то и вовсе переходят с ними на итальянский. Иногда ребенок, не желая вызвать недовольство отца, перестает отвечать матери по-русски и говорит прямо: «Ненавижу русский язык». В семьях, где носителем русского языка является отец, дети и вовсе лишены возможности понимать русский, ведь, как известно, «язык матери» является залогом хотя бы пассивного знания языка, потому что мать на раннем периоде развития уделяет ребенку больше внимания.

Нам известен только один случай, когда отец проявил твердость и заставил детей, родившихся в Италии, говорить на русском языке. Существуют и совершенно абсурдные ситуации. Итальянские логопеды рекомендуют родителям: «Не говорите с ребенком на «вашем» языке, а то он не заговорит вообще». Трудно представить себе, чтобы ребенок, не являющийся глухонемым от природы, не заговорил. Но родители пугаются, и вот уже иногда русская мама, а иногда и полностью русская семья, говорят с ребенком на иностранном языке, что часто приводит к тому, что он говорит на неродном языке с ошибками, т. е. без артиклей или неправильно строит фразы, а родной при этом теряет.

Двуязычные дети иногда начинают говорить позже, и это является отдельным поводом для беспокойства и причиной послушать «мудрого» совета специалиста. Казалось бы, вполне логично и естественно, чтобы каждый из родителей, в том случае, если это итальянец и русская, говорили бы с ребенком на том языке, который знают лучше, то есть на своем родном, чтобы ребенок рос двуязычным, тем самым получив неоспоримое преимущество в будущем как в практическом, так и в культурном плане. Ведь у билингвов «есть возможность обращаться к понятийной системе непосредственно, через два разных языка, минуя перевод» [1, с. 27]. Но, к сожалению, не все так просто. Иногда выручают русские бабушки, приезжающие погостить, но когда они уезжают, ребенок, который был просто вынужден говорить по-русски, предлагает маме говорить «нормально», т. е. по-итальянски.

В случае, когда отец является носителем языка, детей тоже можно разделить на две категории. К первой можно отнести семьи, в которых итальянские жены говорят по-русски (хотя таких меньшинство) и просят мужа также общаться с ребенком по-русски. Часто муж отказывается по причине лени или усталости, мотивируя это тем, что «ребенок поедет к бабушке в Россию и заговорит». В связи с тем, что отец с матерью давно перешли на итальянский, ребенок практически не получает общения на русском языке. Один месяц, проведенный у бабушки, ситуацию не меняет, иногда ему достаточно бывает только языка жестов, чтобы тут же получить желаемое.

Ко второй категории можно отнести семьи, в которых жена италогворящая (таких большинство), ее родственники, разумеется, тоже не знают русского, и как ни старается бедный папа привить ребенку язык, у него ничего не выходит.

Третья, и последняя, условная категория – это русские дети, усыновленные итальянскими семьями. Эти дети в силу определенных обстоятельств подсознательно стараются как можно скорее забыть родной язык. Даже в тех случаях, когда усыновители говорят по-русски, они наотрез отказываются говорить на родном языке отчасти из-за стресса, перенесенного в детском доме или в неблагополучной семье, отчасти стремясь как можно быстрее интегрироваться в среду и стать похожими на усыновителей, что в данном конкретном случае напрямую связано с говорением по-итальянски. В подобной ситуации психологи советуют приемным родителям оставить на какое-то время попытки сохранить навыки говорения на русском. Достаточно двух лет для детей в возрасте от 5-ти до 11-ти лет и пяти лет в возрасте от 11-ти до 19-ти, чтобы ребенок не только утратил навыки говорения, но и научился аудировать русскую речь. Когда он подрастает и то отрицательное, что было связано с русским языком, перестает быть актуальным, язык уже тоже забыт. И если итальянские родители возобновляют попытки обучения, ребенок уже учит русский как иностранный, т. е. практически с нуля.

Подобная колоссальная разница в языковом сознании и позволяет деление на группы только по внешнему признаку, т. е. на русскоговорящих и италогворящих. Причем группа италогворящих делится на носителей пассивного русского и средне-

пассивного. По этой причине преподавание иностранного языка требует новых методик, нивелирующих и сглаживающих разницу и позволяющих развивать именно те качества (будь то аудирование, говорение, пополнение запаса лексических единиц), которые являются наиболее слабой позицией. Поэтому в логопедии разделы, направленные на развитие мелкой и общей моторики, полностью базируются на театральных тренингах. То, что хорошо для детей, имеющих дефекты речи, проблемы, связанные со зрительной или слуховой памятью, как нельзя лучше подходит детям, подросткам и взрослым при изучении русского языка как иностранного или родного в условиях иноязычной среды.

В данной статье не затрагиваются методики преподавания русского языка как иностранного, так как часть детей все-таки говорит на русском как на родном языке. Речь идет лишь о компенсации, восполнении языкового и социокультурного дефицита, возникшего по ряду причин. И здесь как нельзя кстати подходит использование театральных методик. Магическое «если бы» включает фантазию, порождает определенную пластику движений, создает образ. Ведь «кроме словесно-логической и наглядно-образной различают еще один вид памяти – эмоциональный, который особенно ярко и живо воспроизводит те или иные пережитые чувства и все то, что с ними, по ассоциации, связано» [2, с. 162]. Цель данной статьи – показать на примере ряда упражнений и развивающих игр эффективность театральных методик при изучении неродного языка. Некоторые из них являются универсальными и на сегодняшний день используются при изучении русского языка в условиях зарубежья. Например, упражнение первое.

Попробуйте дать задание: «поставь ноги внутрь, иди тяжело, подними руки, заверни кисти внутрь». Долго, скучно, непонятно. А если так: «Устроим театр зверей. Пройди так, как будто ты медведь, зайка, кошка, собачка». Способность к подражанию и отсутствие стеснения приведут к тому, что ребенок очень точно все это симитирует.

Следующий этап: звуки, издаваемые этими зверями. Звуки, которых трудно будет добиться от ребенка, если просто попросить его о конкретном звуке, а если назвать того, кто «говорит» именно так, т. е. рычит, жужжит, мяукает, блеет и т.д. – это станет совсем несложным. Показав все это, ребенок тем охотнее покажет вам это животное в книге русских народных сказок, выучит, какого оно цвета, проведет рассказ по картинке, быстрее запомнит сказку, в которой есть герои, которых он уже «сыграл». После этюдов «если бы» я был медведем, зайцем, мышкой, уточкой, курочкой, петушком, волком, лягушонком, пчелкой, комариком, мухой, он уже воспринимает эти образы как свои, близкие. Развитие общей моторики на подобных этюдах тренирует координацию и эмоциональную память, внимание.

Упражнение второе. Так, например, этюды на «Знакомое дело»: «Умывание» – в речи должны использоваться глагольные формы и называться умываемые части лица. «Я мою глаза, уши, лицо, чищу зубы и т.д.». Этюд «Моя комната» с описанием мебели и игрушек. Этюд «Я мою посуду» с названием посуды и используемых предметов.

Этюд «Зеркало» (необходимы два партнера, причем один из них является «зеркалом», а другой – «отражением» с комментарием действий): «Он поднял ногу, он опустил руку». Этюды «Я в предлагаемых обстоятельствах»: «Я гимнаст»; «Я на параде»; «Я мишка на бревне», «Я котенок, прыгающий за бантиком», «Я иду по камушкам», «Я дерево на ветру». В это время другой ребенок может описывать действия, которые совершаются. Этюды с воображаемыми предметами: «Я дворник»; «Я рыбак»; «Я рублю дрова», и все это с закреплением лексики. Этюды по профессиям: «Я маляр»; «портниха»; «повар». «Оживление геометрических фигур»; оживление предметов: «Я кувшин»; «будильник»; «газовая плита».

Кстати, опыт показывает, что даже двуязычные дети, растущие за границей в семьях, где родным языком является русский, не всегда или лишь частично владеют бытовой лексикой. Им известны названия животных, предметов, посуды, мебели, инструментов, строительных материалов, названия растений и внутренних органов на итальянском языке, так как эти слова они проходят в школе, а родители в общении с ними забывают «дублировать» оба языковые варианта предмета или понятия.

К. С. Станиславский писал: «При первом знакомстве с учениками недостатки обнаруживаются сразу, а достоинства годами» [3, с. 35]. Применяя эту цитату к занятиям на базе театральных методик и перефразируя ее, можно сказать: «Недостатки обнаруживаются сразу, проявление достоинств изумляет». Когда после занятий «театром зверей», рассказом по картинке из книги русских народных сказок, логопедическим лото, где поверх каждого предмета или персонажа на картинку накладывается соответствующая ему карточка, две группы: русскоговорящая и италоговорящая объединяются, и «иностранцы» при работе с кукольным театром (в котором есть те же персонажи) уже не нуждаются в переводе, моментально отвечают на поставленные вопросы и описывают героя по-русски без проблем. Это означает, что подход выбран верно. Особенно интересно то, что после таких занятий у них активизируется и развивается также итальянский язык, дети становятся более общительными и разговорчивыми. После того как отдельные элементы в игровой форме отработаны, из них складывается полная картина. Разумеется, это происходит постепенно, ведь «этюд – своеобразный плуг или борона, вскрывающая или разрыхляющая пласт авторского материала. Проходим по одному ряду, потом по другому и так пока не вспашем все поле. И каждый раз мы возвращаемся к этюду, но только на другой глубине, на другом уровне вспашки» [4, с. 27].

Особое внимание стоит уделить речи с движением: «Каравай», «Ведут козлят по лесу», «Гуси-гуси га-га-га», «Бояре, а мы к вам пришли», что также обогащает лексику и усложняет задание, заодно улучшает координацию движений, вырабатывает ритм. Можно делать этюды на тему «Времена года». В этом случае русские и итальянские слова, характеризующие соответствующие времена года, природные явления (холод, жара, ветер, дождь, снег и т.д.) и их изображение не только называются, но и фиксируются в качестве рисунков.

Предварительно названия растений и насекомых, животных и птиц отрабатываются с помощью логопедического лото. Как считает З. Я. Карагодский, «этюдные задания могут иметь бесконечное количество вариантов, но они должны быть педагогически направлены и рассчитаны на тренинг определенных творческих качеств» [4, с. 65]. Так, к примеру, занятия на развитие не только мелкой и тонкой, но и общей моторики, напрямую связаны с улучшением речи. Известный исследователь детской речи М. М. Кольцова пишет: «Движения пальцев рук исторически, в ходе развития человечества, оказались тесно связанными с речевой функцией. Первой формой развития первобытных людей были жесты, особенно велика здесь была роль руки – развитие функций руки и речи у людей шло параллельно (...) есть все основания рассматривать кисть руки как орган речи – как артикуляционный аппарат. С этой точки зрения проекция руки есть еще одна речевая зона мозга [проецировано по 5, с. 4]. Занятия мелкой моторикой и пальчиковыми играми – еще одна важная часть методики.

Например, чтобы запомнить названия пальцев, детям можно предложить следующее театрализованное представление. «Собираем ягоды» с каждого пальчика и называем его при этом, пальчики «здороваются» (задействованы обе руки), пальчики «моются», пальчики – «зеркало», пальчики «шагают» параллельно (обе руки), пальчики – «колечко», «замочек», «гармошка», «веер», «животные», «волны» и т. д. Разумеется, существует разница в качестве усвоения материала детьми, но уже на третьем, четвертом занятии по данным методикам заметен результат.

Даже италоговорящие дети, которые отказываются принимать участие в таких занятиях, начинают активно включаться в игру и наперегонки выкрикивают слова, которые запомнили. Что же касается русскоговорящих, то речь их становится более плавной, логичной, они перестают перескакивать с одного сюжета на другой. Условность игры, смоделированность ситуации «как будто я», «если бы я» – для детей нормальна, естественна и не вызывает недоумения. Ведь «всякая условность кажется сначала странной, непривычной, потом к ней привыкают, и она становится привычной, потом нужной, необходимой, обязательной» [5, с. 107].

Библиографические ссылки

1. Соколова И. В. Ранний билингвизм: преимущества, механизмы, возможности // Русский язык за рубежом. – 2009 (214). – № 3.
2. Новицкая Л. И. Изучение элементов психотехники актерского мастерства. Тренинг и муштра. – М.: Советская Россия, 1969.
3. Станиславский К. С. Из записных книжек. – М., 1986. – Т. 2.
4. Карагодский З. Я. Этюд и школа. – М.: Советская Россия, 1975.
5. Лопухина И. Логопедия. Ритм, речь, движение. – СПб.: Дельта, 1997.

**СОЦИАЛЬНЫЙ СЛОЙ ЗНАНИЙ КОНЦЕПТА «МЕТЕЛЬ»
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ А. С. ПУШКИНА)**

Исследования художественного текста, осуществляемые в последнее время в филологической науке, предполагают целостный анализ произведения, направленный на выявление информации, сконцентрированной в базовом концепте, вынесенном в наиболее сильную позицию – заглавие.

На примере рассматриваемой повести представляется возможным репрезентировать концепт *метели* при помощи обращения к писательской идеографии, составления тезауруса, понимаемого как частотный словарь авторских значений слов, отражающий систему знаний о реальной действительности и воссоздающий художественную действительность. В результате тезаурусного способа исследования текстовое пространство предстает как иерархическая организация лексико-семантических объединений.

За каждым блоком лексем стоит определенная информация, касающаяся внеязыковой действительности и относящаяся к разным культурно-историческим периодам. Язык возник в древнейшую мифологическую эпоху, когда восприятие человеком мира строилось на бинарных противопоставлениях, следовательно, глубинная семантика языковых элементов включает мифопоэтические значения, а выявление основополагающих оппозиций позволяет создать каркас художественного мира. Мифологические смыслы, участвующие в концептообразовании, неотъемлемо присутствуют в русской классической литературе, в которой «началом всех начал» (Ф. М. Достоевский) был и остается А. С. Пушкин.

«Слоистое» строение [8; с. 46] концепта *метели* схематично можно представить следующим образом. Основные слои знаний: физический, эмоциональный, социальный, онтологический – расположены вертикально. Информация мифологического слоя, проходящего горизонтально, пронизывает всю иерархию уровней.

Самым массивным из расположенных по вертикали слоев знаний является социальный слой, неоднородный по своему составу. Он вмещает информацию, касающуюся общественного уклада и осмысления человеком своего места в социуме. Данный слой знаний задает иерархию смыслов, представленную 40 объединениями лексем с разными показателями частоты: понятийными сферами (ПС), межчастеречными семантическими полями (МСП), межчастеречными семантическими группами (МСГ).

ПС «Общество» (381) предстает в виде нескольких разных по значимости и количественным показателям МСП. Внутри самого крупного из них «социальная деятельность» (224) выделяется наиболее семантически емкая группа «профессиональная деятельность» (65), состоящая из лексических единиц, называющих людей по профес-

сии, специальности, роду занятий и связанными с ними действиями, отношениями, принадлежащими к определенной сфере деятельности. Таких основных сфер деятельности и, соответственно, семантических групп можно назвать четыре, причем, они соотносятся с ключевыми понятиями повести, задающими координаты информационного пространства. Эти слова имеют чаще всего высокий показатель частоты и несут существенную смысловую нагрузку:

- 1) «военная сфера» (33) – война (1);
- 2) «сфера религии» (19) – Бог (8);
- 3) «сфера транспорта» (7) – дорога (10);
- 4) «сфера ведения хозяйства» (6) – дом (6).

Характерной особенностью структуры выделенных семантических классов являются отношения противопоставленности, которые в пределах рассматриваемого слоя знаний формируют соотносимые оппозиции: *социальное – личное* («военная сфера» – «сфера религии»), *динамика – покой* («сфера транспорта» – «сфера ведения хозяйства»). Их можно назвать вариантами одной из универсальных дихотомий *чужое – свое*, свойственной мифологическому мышлению.

Контекстуальный синоним *метели* лексема *буря* имеет вторичное словарное значение ‘о социальных явлениях большой исторической важности’. Именно понятие *война* репрезентирует доминантный смысл социального слоя знаний. События в «Метели» разворачиваются на фоне реальной общественной обстановки, в обрисовке которой А. С. Пушкин исторически точен: война с Наполеоном, 1812 год: «*В конце 1911 года, в эпоху нам достопамятную*», «*В начале 1912 года*». Историческое предание А. С. Пушкин считает необходимой обществу твердой почвой нравственных ценностей. Такая почва нужна жизни на каждом этапе исторических перемен, иначе любая социальная буря раздробит бытие общества [9; с. 5].

Смысловые нюансы привносятся в информацию социального уровня благодаря группе лексем «победа и поражение» (8), которая полностью покрывается словами с семантикой победы: *слава 5, восторжествовать 1, торжество 1, успех 1*. Невысокий показатель частоты создает впечатление, будто «история и ее громы гремят как бы за кулисами» [10; 32]. В повести представлен сюжет из частной жизни нации, но сопрягается он с крупномасштабным историческим событием – победой России над Наполеоном: «*Между тем война со **славою** была кончена... Время **славы** и восторга! Как сильно билось русское сердце при слове отечество!*» По мнению исследователей, в пушкинских произведениях людские представления об исторических событиях обязательно озарены светом славы [9; с. 5].

Фоновое повествование о военных действиях и победе актуализирует полюс *социальное* в упомянутой выше бинарной оппозиции *социальное – личное*. Кроме того, художественная действительность, отражающая нестабильную обстановку, социальные изменения задает понятие *динамика*, входящее в дихотомию *динамика (движение) – покой*.

МСГ «сфера транспорта», эксплицирующая соответствующую сферу деятельности, подкрепляет семантически насыщенную ПС «Движение» (260), в которой выделяются антиномичные группы «собственно движение» (128) – «покой, стабильность» (9). Показатели частоты свидетельствуют о приоритете первого из заявленных понятий. В группу «собственно движение» входят преимущественно глаголы, наиболее употребляемым оказывается глагол *ехать*, который вместе с однокоренными лексемами (*поехать, объехать, отъехать, заехать, уехать, выехать, приехать, въехать* и др.) дает совокупный показатель частоты 41. На втором месте глагол *идти*, который со своими однокоренными образованиями встречается в тексте 23 раза. Понятие *движение* сопрягается с доминантным понятием *дорога* (10), подкрепленным высокочастотными лексемами *лошадь* (10), *сани* (9), которые называют средства передвижения.

На стабильном жизненном фоне решающие события начинают разворачиваться в тот момент, когда герои оставляют дом (станцию) и отправляются в дорогу: «*Маша... вышла на заднее крыльцо*», «*Но едва Владимир выехал за околицу в поле*», «...я (Бурмин) не вытерпел, приказал опять закладывать и *поехал* в самую бурю». Пространство личное, свое, покидаемое героями, и территория неизвестная, чужая, куда они перемещаются, вызывают представление об универсальной оппозиции *чужое – свое*, восходящей к мифологическим представлениям. Заявленное противопоставление, соотносимое с антиномией *движение – покой*, иллюстрируют две пары блоков лексем: «участки земной поверхности» (30) – «сооружения, постройки, помещения» (38), «участки передвижения (пути, трассы)» (14) – «населенные пункты, обитаемые местности» (14). Совершая движения и поступки в чужом мире, герои творят свою судьбу.

Движение мыслится язычниками как первый акт Божества в процессе сотворения мира, магическая сущность, имеющая двойственную природу. Оно соотносится, с одной стороны, с понятием правды, истины (и.-е. **prau-* “двигаться”, но русск. “правда”, швед. *resa* “двигаться, ехать”, но русск. диал. *ресной* “истинный” [4; с. 235]): «*суженого конем не объедешь*», «*дорога была ему знакома, а езды всего двадцать минут*»; а с другой – с понятием зла, смерти (ср. гот. *ga-leipan* “двигаться”, “идти”; ирл. *lind* “вода”; др.-англ. *lid* “корабль”; русск. *ладья*: речь идет о переправке душ умерших в загробный мир [4; с. 186]): «*Владимир с ужасом увидел, что он заехал в незнакомый лес*», «*наконец он увидел, что едет не в ту сторону*».

Негативный компонент семантики движения усиливается лексическими единицами, группы «скорость движения» (10) (*броситься 5, спешить 1, поспешить 1, торопиться 1, живость 1, быстрота 1*). Понятие быстрого движения соотносится со значением “опасность”: нем. *fahren* “ехать, двигаться”, но нем. *Gefahr* “опасность”, англ. *rush* “быстро двигаться”, но англ. *risk* “опасность” [4; с. 310]: «*Он, умирая, молил ее пронзительным голосом поспешить с ним обвенчаться*», «*отец ее останавливал ее, с мучительной быстротою тащил ее по снегу и бросал в темное, бездонное подземелие... и она летела стремглав с неизъяснимым замиранием сердца*». Прежде чем «ло-

шади полетели», увозя Марью Гавриловну в жадринскую церковь, создавая обстановка: «...ветер выл, ставни тряслись и стучали; все казалось ей угрозой и печальным предзнаменованием» – предсказывала девушке надвигающуюся опасность.

Архетипический мотив движения в мифологической традиции очень распространен, чаще всего он воспроизводится как мотив путешествия, включающий обычно лесные блуждания («*заехал в незнакомый лес*», «*мало-помалу деревья начали редеть, и Владимир выехал из лесу*») или морские поездки («*Ямицику вздумалось ехать рекою*», «*Берега были занесены*») [5; с. 68]. Путешествие – универсальный символ изменения или развития, оно символизирует переход от одной стадии жизни к другой. В нашем контексте предпринятое в метельную ночь путешествие ни для одного из героев не проходит бесследно. Оно оказывается важной вехой в судьбе каждого персонажа. Бурмин и Марья Гавриловна становятся мужем и женой. Владимиру приходится изменить жизненный уклад: уйти на военную службу.

Противоположный полюс рассматриваемых оппозиций – *личное* – вызывает представление о доминантном понятии *дом*, соотносимом с МСГ «сфера ведения хозяйства». Пушкин в повести объективно и всесторонне изображает не только жизнь общества, но и отдельного человека как представителя определенной социальной среды. Лексемы, обозначающие и характеризующие «социальный статус людей» (25), образуют МСП, содержащее две самостоятельные группы: «имущественное положение» (5) и «сословное положение» (20), в каждой из которых наблюдаются отношения противопоставленности. Первая из перечисленных групп задает частную оппозицию «богатый» (3) – «бедный» (2), с которой соотносится вторая антиномия «принадлежность к привилегированным слоям» (13) – «принадлежность к простому народу» (7). Количественные показатели и разнообразие использованных лексических единиц свидетельствуют о том, что в центре внимания автора находятся люди из привилегированного социального слоя: Марья Гавриловна Р** и ее семья, Владимир Николаевич, Бурмин. Перипетиям жизни этих героев и посвящена повесть.

Обращение писателей XIX века к представителям помещичьего класса, каковыми являются главные герои, не случайно, поскольку одним из наиболее распространенных социально-психологических образов русской литературы и феноменов русской культуры того времени является феномен русского барства. Это продукт типизации и обобщения психологического склада, поведения, внешности представителей этого социального класса [1; с. 141]. А. С. Пушкин в своих произведениях, и в частности в «Метели», сосредоточивается на выявлении типичных особенностей поведения знатного дворянства и тех личностных качеств, которые соотносятся с таким поведением. Портрет персонажа рисуется не столько как индивидуальность, но, прежде всего, как представитель своего социального статуса, социализированная личность с регламентированным поведением, определяемым местом на социальной лестнице. В повести изображен типичный провинциальный патриархальный быт ненарадовских помещиков:

«...жил в своем поместье Ненарадове добрый Гаврила Гаврилович Р**. Он славился во всей округе гостеприимством и радушием; соседи поминутно ездили к нему поестъ, попить, поиграть по пяти копеек в бостон с его женою, Прасковьей Петровною».

Особое внимание уделяется характеристике героев с точки зрения имущественного положения. Обращение к этимологии слов, составляющих оппозицию *богатый* – *бедный*, позволяет выявить глубинный смысл этих понятий, который определяет развитие сюжетной линии каждого персонажа, наделенного характеристикой, связанной с материальным достатком.

Значение *богатый* состоит в следующем: “находящийся в порядке, гармонии”. Богатство символизирует изобилие земных благ, связывается с представлением о судьбе, удаче, счастье, благосклонности Бога [7; с. 143]. Если же углубиться в этимологические недра слова *бог*, то можно увидеть, что оно связывается с такими славянскими словами, как русск. диал. *збожсье*, укр. *збіжся*, бел. *збожже*, пол. *zboze* “добро, достаток, богатство, зерновой хлеб”, чеш. и словац. *zboží, zbozie* “имущество, товар”, верхнелуж. *zbože* и нижнелуж. *zbožo* “скот, имущество” или с санскрит. *bhagos* “благо, счастье, благосостояние” и далее – др.-инд. *bhagah* “богатство, счастье”. Первоначальное значение слова *бог*, следовательно, «тот, кто наделяет материальными благами, богатством и счастьем». Русские слова *богатый, богатство* – однокоренные с *бог* – до сих пор еще явно сохраняют следы этого древнейшего «материального» значения [6; с. 134].

Противоположное же понятие *бедный* этимологически соотносится с русск. *беда*, англ. *bad* “плохой, отвратительный”, лит. *bėdas* “голод”, хет. *bad* “смерть”. Согласно мировоззрениям древних, зло символизирует Хаос, Бездну: ср. русск. *беда* и индоарийск. *badhat* “перемещение вовне, на периферию, погружение в Бездну” [4; с. 60]. Этим древнейшим смыслом не противоречит итог происходящих в повести событий. «**Богатая невеста**» *Марья Гавриловна* и «**достойный** (то есть равный ей по социальному положению) *жених*» Бурмин счастливо воссоединяются. «**Бедному** *армейскому прапорщику*» Владимиру не удастся создать семью, он принимает смерть в сражении.

При характеристике персонажей большое значение придается установившимся между ними отношениям, что демонстрирует соответствующее МСП «социальные отношения» (108), внутри которого противопоставляются семантические группы «родственные отношения» (39) – «неродственные отношения» (28). Если судить по количеству лексических единиц при соотношении индивидуального с коллективным, репрезентирующих бинарную оппозицию *личное* – *социальное*, на первый план в пушкинском мире выдвигается *личное*, родственные отношения приоритетны перед другими видами общественных отношений.

МСП «родственные отношения» состоит из лексем, осуществляющих номинацию персонажей как членов семьи: *родители 5, сын 5, жена 5, мать 5, дочка 4, отец 3, папенька 2, маменька 2* и т.д. Для русского человека семья с ее традиционным укладом является одним из наиболее важных феноменов, способом организации жизнедеятель-

ности. Слово *сьмня* образовано от древ. и.-е. корня **kei-* “лежать”. Собирательное имя от этого корня стало обозначать “то, что находится в общем стане” (в одном жилище). В разных родственных языках суффиксальные образования с этим корнем обозначают “селение”, “домашний очаг”, “родина”, но в древнеславянском языке, а затем и в древнерусск. *сьмня* “семья вообще” – это все члены рода, живущие совместно [2; с. 40].

Отношения между людьми, являющимися родственниками, охарактеризованы с помощью лексем группы «отношение человека к явлениям; ценности» (38): *радушие, попечение, заботливость, гостеприимство, единодушие*. Эти слова с исключительно положительной эмоционально-экспрессивной окраской в какой-то степени синонимичны, они показывают «сердечное, ласковое отношение, соединенное с готовностью помочь, услужить», «полное согласие во мнениях» [МАС]. Такие взаимоотношения присущи членам одной семьи, близким людям.

МСГ «неродственные отношения» отображает дружеские, любовные отношения: *любовник 4, друг 2, предмет 2, подруга 1, искатель 1*, а также отношения ухаживания, сватовства: *невеста 4, жених 2, суженый 1*. Перечисленные лексемы указывают на стремление людей вступить в брак, построить семейные, родственные отношения. Характеризуя отношение А. С. Пушкина к домашнему очагу и историческим катаклизмам, Ю. М. Лотман отмечает, что личностью, достойной войти в историю, делают человека чувство собственного достоинства и душевное богатство, связанные с исторической жизнью народа. При этом дом, родное гнездо получает особый глубокий смысл. Это «*Святылище человеческого достоинства*» [3; с. 25]. В «Метели» запечатлеть себя на страницах истории выпадает Владимиру, который принимает героическую смерть в сражении под Бородином. Бурмин, также принимавший участие в военном походе, возвращается и выполняет более важное предназначение человека – создает семью. Симпатии автора явно на стороне этой человеческой миссии, о чем свидетельствует финал произведения: Марья Гавриловна и Бурмин оказываются мужем и женой.

Динамичность происходящих событий в социальной и личной сферах жизни первоначально разрушает устоявшийся порядок, а затем приводит общество к миру, устойчивости, стабильности, покою, а отдельного человека возвращает к традициям, вечным ценностям, семье, дому. В дихотомии *движение – покой* понятие *покоя*, репрезентантом которого в контексте пушкинского мира выступает *дом*, оказывается ценностным ориентиром, необходимым атрибутом бытия.

Дом – ключевой символ культуры, один из важнейших концептов в мировидении народа, его философия жизнеустройства. С понятием дом так или иначе соотносятся все характеристики жизни человека и его картины мира. В информационном пространстве повести *дом* (6) является родовым понятием для видовых (*церковь 8, имение 1, избушка 1, замок 1* и др.), входящих в семантическую группу «сооружения, постройки, помещения» (38). К данной группе примыкают названия «используемых культивируемых территорий» (9): *сад 5, двор 4*.

Термин *дом* имеет исключительно важное социальное содержание. В этом слове сошлись три древнейших корня, первоначально самостоятельных, но по звучанию очень похожих: **domā* “владычествовать” (то есть руководить поступками всех домашних), **demō* “строить, сооружать” и **dem* “дом как общественная организация”, то есть семья [2; с. 205]. Слово *дом*, употребленное в повести шесть раз, чаще всего реализует значение “здание, строение”: «Скоро в **доме** все утихло и заснуло», «Он объявлял, что нога его не будет никогда в их **доме**». В случае: «никто в **доме** не знал о предполагаемом побеге» – присутствует значение “семья, домочадцы”. В предложении: «Через полчаса Маша должна была навсегда оставить родительский **дом**, свою комнату, тихую девическую жизнь» – синтезированы три значения (“строение”, “семья”, “хозяйство”). Таким образом, понятие *дом* у А. С. Пушкина сохраняет многообразие исконных значений.

В повести актуализируется архетипическое значение мотива *дома*, как некоего космоса, в котором человек чувствует себя хорошо, уютно, счастливо, а пространство вне дома предстает как враждебный хаос, где человек несчастен, где свирепствует зима, бушует вьюга. Сюжет повести строится на побеге из дома. Поместье Ненародово является воплощением семейной идиллии, которую нарушает побег Марьи Гавриловны. Следует неминуемое наказание: венчание не с тем, с кем предполагалось, исчезновение возлюбленного. Возвращение домой, казалось бы, восстанавливает прежнюю ситуацию. На самом деле привычный домашний покой, семейный уклад разрушается: сначала заболевает Маша, затем умирает Гаврила Гаврилович, и Марья Гавриловна с Прасковьей Петровной вынуждены переехать в *** губернию. Появление Бурмина (интересно, что его поместье находится рядом с деревней Марьи Гавриловны), его признание восстанавливают порядок, проясняя то невероятное недоразумение, которое произошло с героями в метельную ночь. Полюбившие друг друга Бурмин и Маша оказываются мужем и женой, они создают семью, обретают дом, покой, что предполагает возникновение соответствующих отношений и чувств понимания, единения, счастья.

Небезынтересно отметить, что понятие *дома* как воплощение вечных незыблемых ценностей в пушкинском мире подкрепляется также высокочастотными лексемами *церковь* (8) и *Бог* (8). Первоначально дом представляет собой храм [4; с. 177]. В архаических текстах сохраняется старинное распределение значений слова *дом*. Домом одинаково называется и гражданское строение, и *церковь*, причем *домъ* в качестве понятия и термина столь же важен, как и *церковь* [2; с. 209]. За представлением о доме, как об особом ценностном центре в жизненном пространстве человека, стоит представление о храме как о средоточии духовных истин человеческого существования. Дом, семья начинается с церкви, где происходит обряд венчания («...я стал подле нее перед налоем; священник торопился... нас обвенчали»), который в восприятии героев является нерушимым, а узы брака священными. Узнав о том, что Маша обвенчалась с незнакомцем,

Владимир отказывается от своих притязаний на ее руку и сердце, хотя все внешние преграды устранены: *«наконец единогласно все решили, что видно такова была судьба Марьи Гавриловны, что суженого конем не объедешь»*. В своем «полусумасшедшем» письме *«он объявлял им, что нога его не будет никогда в их доме, и просил забыть о несчастном, для которого смерть остается единою надеждою»*. «Ужасная тайна» (венчание в жадринской церкви) воспринимается Бурминым как «непреодолимая преграда» для вступления в брак: *«я несчастнейшее создание... я женат»*. Таким же образом оценивает произошедшее и Маша: *«я никогда не могла быть вашей женою»*. Чудесная встреча, признание и объяснение по воле Бога (случая) позволяют героям обрести семейное счастье. Выполненный однажды обряд венчания по христианским законам принес свои плоды: высшие силы воссоединили Марию Гавриловну и Бурмина.

Таким образом, социальный слой знаний исследуемого концепта организуют оппозиционные семантические блоки, содержащие архетипические значения, касающиеся общественных отношений и роли личности в их и своем становлении. Центрируемый в повести А. С. Пушкина концепт содержит информацию о *метели* не только как о природном явлении. На данном уровне знаний *метель* ассоциируется с важным социальным событием – *войной*. Доминантный смысл *метели-войны* раскрывается через оппозицию *дорога – дом*. Обозначенные базовые понятия являются репрезентантами дихотомии более высокого уровня осмысления: *движение* (как разрушение устоявшихся традиций) – *покой* (как восстановление порядка). Динамика и ее преодоление оказываются конструктивным каркасом смыслообразования текстового мира, необходимым для гармонизации социального пространства.

Библиографические ссылки

1. Богуславский В. М. Человек в зеркале русский культуры, литературы и языка. – М.: Космополис, 1994. – 238 с.
2. Колесов В. В. Древняя Русь. Наследие в слове. Мир человека. – СПб: Изд-во СПб-го ун-та, 2000. – 326 с.
3. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 448 с.
4. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. – М.: Гуманит. Изд. Центр «Владос», 1996. – 415 с.
5. Мелетинский Е. М. О литературных архетипах. – М.: РГГУ, 1994. – 136 с.
6. Мокиенко В. М. Образы русской речи. – Л.: Изд-во Л-го ун-та, 1986. – 280 с.
7. Попович М. В. Мировоззрение древних славян. – Киев: Наукова думка, 1985. – 168 с.
8. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
9. Третьякова Е. Ю. Море в поэтической мифологии Пушкина // Поэтика русской литературы: (Пушкинская эпоха. Серебряный век). – Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 1999. – С. 3–37.
10. Уварова И. Дыхание эпохи: [О повести А. С. Пушкина «Метель»] // Кубань. – 1987. – С. 30–32.

К ЭТИМОЛОГИИ И ИСТОРИИ СЛОВА *ИЗЯЩНЫЙ* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Описание истории лексической системы русского языка не может обойтись без рассмотрения динамики внешней формы и значения составляющих её звеньев – лексических гнёзд и отдельных слов, формирование и развитие семантической структуры которых во многом определяет пути и формы семантического развития лексики в целом. В этом плане представляется интересным уточнить этимологию и проследить историю формирования значения слова *изящный* в русском языке.

По происхождению слово *изящный* связано с общеславянским глаголом *jъzeti (ср. ст.-слав. из#ти ‘извлечь, изъять, вынуть’, русск. *изъять*), который, в свою очередь, является префиксальным производным от праславянского корнеслова индоевропейского происхождения *jēti (*jьто), обозначающего действие приобщения объекта ‘брать, хватать’, ср. рефлексy в древних и современных славянских языках : ст.-слав. "пбти, им ‘брать, взимать’; сербохорв. jēti, imēm/ jāmēm ‘брать’; чеш. jmouti ‘взять’; польск. jąć, imie ‘схватить, взять, поймать’; др.-русск. "пбти, имоу ‘взять, брать, схватить’; русск. диал. *ять/нять* ‘стать, брать, взять, досадить, задеть за живое’ и др. Основа *jъz-ε-t-j-ьп- с необычным сочетанием -tj- вместо -t- образовалась под влиянием форм причастий настоящего времени на -ε-t-j- : -o-t-j- .

По данным «Материалов для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского [11, с. 1086] и «Словаря древнерусского языка XI–XIV вв.» [7, 137], первые фиксации этого слова в ранних памятниках древнерусской письменности относятся к XI–XIV вв.: визъно~ моу-жъство (Мин. 1097 г.), супроуга изътъны~ вети (Мин. Пут. XI в.), чинъ изътънь (Ефр. Крм. Трул.), въ молитвѣ Божии показа намъ изътънь польза (Панд. Ант. XI в.), даръ ~динъ Божьи и изшътънь (там же), бодете ми люди~ изътъни царско~ сотествовани~ (там же), чинъ изътънь. Всемоу начина~моумоу и словоу и вети (КЕ XII); изътъненъ воинъ (Прол. XIII в.); столь же "ко изътънь воинъ ... и не възмогоса вси противітис ~моу (ПрЛ XIII в.); Аврамъ никто бысть изътъненъ мнихъ (ПНЧ XIV в.); изътъны ~го (игоумена Серги") послоушникъ инокъ Пересвить (Пов. о Кулик. б.).

Как видно из приведенных контекстов, интересующая нас лексема в древнерусском языке имела значение ‘лучший, отличный, превосходный, необыкновенный; знатный; ловкий; доблестнейший, храбрейший’ и выступала в двух графических вариантах (изътънными, изъчьными), вокруг которых постепенно, начиная с XI в., складывается небольшое словообразовательное гнездо, насчитывающее 6 производных:

изъѣмьныи → неизъѣмьныи (XI)
 → изъѣмьно (XIII)
 → изъѣмьстви~ (XIII)
 → изъѣмьство (XIV)
 → прѣизъѣмьство (XIV)
 → изъѣмьствовати (XIV).

Хотя эта группа слов слабо представлена в памятниках старославянской письменности, можно предположить, что др.-русс. из#тъмьныи (со звуком [щ]) заимствовано из старославянского языка. Форма из#чьныи, по-видимому, поздняя, искусственно созданная по аналогии с причастными формами настоящего времени, ср. ст.-слав. основы ходюм-, сидим-, горим- и русские формы *ходячий, сидячий, горячий* и т.п., в которых [ч] из [tj].

В период с конца XIV по XVIII вв. существенных изменений в семантике слова не произошло, лишь незначительно увеличилось количество производных в гнезде «Изъѣмьныи»: от вершины гнезда образовались субстантивированное имя прилагательное *изящное*, впервые отмеченное историческими словарями русского языка для памятников XVII века [8, с. 341], абстрактные имена существительные *изящность* и *изящесловие* (это сложное существительное, обозначавшее науку об изящном, прекрасном, уже к концу XIX века уступило место заимствованному термину *эстетика*), появившиеся в XVIII веке [СРЯ XVIII]; словообразовательная цепочка изъѣмь-ныи → изъѣмьство → прѣизъѣмьство в XVIII в. пополнилась отсубстантивным глаголом *преизяществовать*, который однако долго не просуществовал – последняя его фиксация отмечена в «Словаре Академии Российской» [5, с. 415]. Учитывая, что в словарях В.И. Даля [1] и языка Пушкина [10] этот глагол отсутствует, можно заключить, что он был малоупотребителен и стал принадлежностью пассивного лексического запаса уже в середине XIX века.

Представление об изящном как о чём-то отвечающем тонкому вкусу установилось к началу XIX в., о чём свидетельствуют дефиниции к словам нашего лексического гнезда в словаре В.И. Даля: **изящный** – красивый, прекрасный, художественный, согласованный с искусством, художеством; вообще, сделанный со вкусом; **изящное** – отвлечённое понятие о красоте, соразмерности и вкусе; **изящные искусства**: музыка, живопись, ваяние, зодчество, поэзия, мимика, пляска; **изящность, изящество** – свойство, качество, принадлежность всего, что изящно; **изяществовать** – красоваться изящностью; **изящесловие** – эстетика, наука об изящном [1, с. 39–40]. См. также примеры из «Словаря языка Пушкина»: *Гробницы двух или трёх нашей отличаются большей затейливостью, но в них нет ничего изящного: никакого вкуса, никакой мысли...; Автор справедливо ставит Эду... выше Бального вечера, поэмы более блестящей, но менее изящной; Чувство изящного не совсем во мне притупилось* [10, с. 215].

В современном русском литературном языке словообразовательное гнездо с вершиной *изящный* не претерпело существенных изменений в плане пополнения новыми производными, однако значительные изменения семантической структуры субстантивированного прилагательного *изящное*, которые наметились ещё в XIX веке, привели к тому, что большинство слов данного словообразовательного гнезда переместилось в разряд терминологической лексики сферы эстетики и искусствоведения. Современные толковые и специальные словари дают такое определение понятию *изящное* – разновидность *прекрасного*, характеризующая красоту очертаний предметов, линий, особую их соразмерность, отточенность формы, изысканность, элегантность внешнего вида, грациозность движений, соответствие взыскательному, тонкому вкусу. *Прекрасное* – категория эстетики, характеризующая явления с точки зрения совершенства, как обладающие высшей эстетической ценностью. Явления можно считать прекрасными, когда они в своей конкретно-чувственной целостности выступают как общественно-человеческие ценности, воплощающие утверждение человека в мире, свидетельствующие о расширении границ свободы общества и человека, способствующие гармоническому развитию личности, возникновению и наиболее полному проявлению человеческих сил и способностей. Поэтому восприятие прекрасного вызывает состояние радости, бескорыстной любви, чувство свободы, подтверждает и обогащает эстетические идеалы [13, с. 271].

Остановимся более подробно на формировании этого терминологического значения. Как уже отмечалось выше, заимствованное из старославянского языка слово *изящный* первоначально имело значение ‘избранный’, которое в дальнейшем сузило свою семантику до обозначения избранного в силу присущих особых качеств – ‘отменно хороший, превосходный, лучший’ и, наконец, как ‘изысканно-красивый, художественно-тонкий’. В XIX в. слова *изящное*, *изящество* были синонимами красоты, художественности, именно в это время появляются терминологические словосочетания *изящная словесность* и *изящные искусства*.

С достаточной долей уверенности можно предположить, что словосочетание *изящные искусства* в русском языке является калькой французского термина *beaux-arts*, широко используемого в европейской эстетике XVIII–XIX вв. для обозначения специфической сферы художественного творчества, в которой эстетический принцип в целом и принцип прекрасного в особенности играет структурообразующую роль и отделяет её предметы от продуктов практической и научной деятельности. Процесс выделения изящных искусств начался в эпоху позднего Возрождения. Историческое вычленение художественных начал происходит в результате осознания различий между ваянием и столярным мастерством, исключения из сферы искусства ремёсел и науки, а также благодаря установлению близости между такими, казалось бы, отдалёнными сферами культуры, как скульптура и поэзия.

Согласно античным воззрениям, получившим наиболее ясное выражение у Аристотеля, искусство (греч. *technē*, лат. *ars*) «появляется тогда, когда на основе приобретённых на опыте мыслей образуется один общий взгляд на сходные предметы»; осмысленный и обобщённый опыт, который, по Аристотелю, является искусством в широком смысле и может быть использован в тех или иных целях. Одни искусства служат удовлетворению материальных потребностей (все виды ремёсел, медицина, агрикультура, гимнастика), а другие – для досуга (это художественные искусства – музыка, танцы, поэзия). Все искусства (не только непосредственно подражательные – скульптура, живопись, графика, архитектура) основаны на подражании. Искусство, как и природа, создаёт из противоположностей гармоническое единство. Разница состоит в том, что природа содержит творческое начало в себе самой, а в создании произведений искусства непосредственным источником содержания и формообразования является художник. Чтобы быть таковым, он должен знать эстетические законы, владеть художественными средствами и техническими приёмами, а также (в меньшей степени) фантазией. Художественное творчество – это по преимуществу творческая деятельность в соответствии с традиционными правилами [5, с. 232].

Для теоретического самоосознания художественной культурой своей специфической функции немалую роль сыграл трактат Ш. Баттё «Изящные искусства, сведённые к единому принципу» (1746), в котором объединены поэзия, музыка, живопись, красноречие, танец, скульптура и архитектура на основании «подражания прекрасной природе», что вполне соответствовало принципам классицизма [2, с. 376–389]. Далее концепцию изящных искусств детально разработал И. Кант, разделив так называемые эстетические искусства (имеющие своей целью доставлять удовольствие) на те, которые существуют для удовольствия как такового, для приятного проведения времени (шутки, смех, сервировка стола, застольная музыка, игры), и на изящные искусства, которые содействуют «культуре способностей души для общения между людьми». По Канту, есть три вида изящных искусств: 1) словесное искусство (красноречие, поэзия); 2) изобразительное искусство (пластика, состоящая из ваяния и зодчества, живопись, украшения интерьера и человека); 3) искусство игры ощущений (музыка, искусство красоты) [3].

Во второй половине XIX в. понятие *изящные искусства* то предельно сужается (пластические, изобразительные искусства), то относительно расширяется, включая в себя *изящную словесность*, хореографию, музыку, декоративно-прикладные искусства. В XX в. сфера художественной деятельности расширяется за счёт художественной фотографии, кино- и телевизионного искусства, народного творчества, новых зрелищных представлений и т.п. Некоторые исследователи полагают поэтому, что художественная жизнь современности не похожа на классическое бытие изящных искусств, а значит, и понятие это устаревает. Вместе с тем во всём мире продолжают существовать академии изящных искусств. И там, где они утрачивают свою специфику, усиливается опасность

обесценивания высокого искусства и размывания художественных ценностей в мире окружающих комфортных вещей и продуктов техники.

Таким образом, в современном словоупотреблении *изящное* является эстетической характеристикой внешней стороны прекрасных явлений, их вида, движения, поведения. В природе подобная эстетическая характеристика применима к явлениям миниатюрным, изысканным, тонким (орхидеи, бабочки, аквариумные рыбки, тонкоствольные деревья и т.п.). Понятие *изящное* определяет эстетическое своеобразие внешности человека (*изящное сложение, изящные руки* и т.п.), внешнего поведения людей, их манеры, движения, одежду. Изящное присуще результатам мастерской, искусной деятельности, запечатлевающей в форме изделий виртуозность, тонкость и лёгкость исполнения. Помимо этого, изящное в произведении искусства выражается в точно найденной мере, в сочетании изысканности с простотой, лаконичностью, в воплощении требовательного совершенного художественного вкуса: рисунок, скульптура и архитектура малых форм, небольшие стихотворения, рассказы, музыкальные пьесы, движения в танце, актерская игра, а также фрагменты, детали, отдельные образцы масштабных художественных произведений.

Итак, модель развития семантики слова *изящный* в истории русского языка можно представить в следующем виде:

‘брать, хватать’

‘брать изнутри чего-либо, вынимать, выбирать’

‘выбранный; избранный’

‘составляющий исключение, необыкновенный, т. е. такой, которого можно вы-
брать, выделить из ряда подобных по особым, исключительным признакам’

отличающийся утончённой соразмерностью форм, отвечающий требованиям
тонкого художественного вкуса’

‘то, что соответствует представлению об утончённой красоте, что воплощает
красоту’.

Причём эту семантическую модель можно считать языковой универсалией, по крайней мере, для ряда индоевропейских языков, ср. латин. *eximius* ‘превосходный; составляющий исключение’, образованное от *eximō* < *ex-em-ō* ‘вынимаю’, отсюда же *exemplum* ‘образец’; франц. *elegant* ‘элегантный’ от латин. *ēligō* < *e(x) + legō* ‘вырываю, выбираю, избираю’.

Библиографические ссылки

1. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: ТЕРРА, 1995.
2. История эстетической мысли: в 6 т. / редкол.: Овсянников М. Ф. и др. – М.: Искусство, 1986. – Т. 2. – С. 376–389.
3. Кант И. Избранное: в 3 т. / пер. с нем. Н. Вальдерберга и др. – Калининград: Книжное издательство, 1995–1998.

4. Полный церковно-славянский словарь: в 2 т. / составитель Священник магистр Г. Дьяченко. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 1998.
5. Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный: в 4 т. / сост. А. Х. Востоков и др. – СПб.: Издание Академии Российской, 1806–1822.
6. Словарь античности / сост. Й. Ирмшер; пер. с нем. В. И. Горбушина и др. – М.: Прогресс, 1989.
7. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; гл. ред. Р. И. Аванесов. – М.: Азбуковник, 1988.
8. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1 – 30 / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – М.: Наука, 1975–2010.
9. Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1–19 / гл. ред. Ю. С. Сорокин / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – Л., СПб.: Наука, 1984–2010.
10. Словарь языка Пушкина: в 4 т. / отв. ред. В. В. Виноградов. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1956–1960.
11. Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка: в 3 т. Репринтное издание. – М.: Книга, 1989.
12. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка: в 2 т. – М.: Русский язык, 1994.
13. Эстетика: Словарь / под общ. ред. А. А. Беляева и др. – М.: Политиздат, 1989.

Н. Х. Маджидова

Таджикский государственный институт языков им. С. Улугзода (г. Душанбе)

ТЕКСТ КАК ОСНОВНОЙ ИСТОЧНИК ЛЕКСИКИ С НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ СЕМАНТИКИ

Решение актуальной задачи обучения русскому языку как средству коммуникации в межкультурном пространстве заключается в том, что язык должен изучаться в неразрывном единстве с миром и культурой русского народа.

Несмотря на общие закономерности культурного развития человечества, каждая национальная культура самобытна и неповторима, как специфичен и неповторим язык, в рамках которого фиксируются и закрепляются результаты культурно-исторического опыта народа-носителя языка.

Обучение русскому языку как неродному в условиях русско-таджикского двуязычия ставит перед методистами задачи, направленные на необходимость представления систематизированного материала по национальной культуре русского народа. Усвоение культурного компонента языка рассматривается в методике преподавания как фактор мотивации к изучению языка, представляющего эту культуру.

Данная методика позволяет вовлечь в качестве рассматриваемого объекта материальной и духовной культуры, созданную человеком систему «артефактов» – всё то, что составляет «языковую картину мира» в её существовании и функционировании.

В процессе обучения русскому языку в таджикской школе преподаватели должны, прежде всего, обеспечить высокий уровень владения учащимися всеми видами речевой деятельности на изучаемом (русском) языке. Основной задачей учебного процесса является формирование коммуникативной компетенции учащихся, необходимой им для дальнейшего взаимодействия в условиях русскоязычной среды.

Появление коммуникативного направления в лингвистике и рассмотрения языка как деятельности связано с изменениями в методике, направленными на разработку моделей речевого поведения – к утверждению коммуникативно-деятельностного подхода в обучении языку. Суть этого метода была сформулирована А. А. Леонтьевым как «обучение общению для общения в процессе общения» [Леонтьев 1974: 23].

Коммуникативная компетенция, в лингвистическом смысле, представляет собой способность производить и понимать тексты (целостные высказывания), поэтому коммуникативная компетенция может формироваться только на уровне текста. Именно в нём концентрируются комплексные задачи обучения – образовательные, коммуникативные и воспитательные. При этом особое значение имеет планирование и рациональное распределение тематики речевого общения, что обязывает учителей и методистов подбирать соответствующий текстовый материал и таким образом прогнозировать воспитательное воздействие на учащихся.

Именно через текст учащиеся имеют возможность усваивать новые знания и ценности, духовную культуру своего и другого народа. Таким образом, «для методики преподавания языка перспективным является подход к тексту, основанный на признании доминирующего влияния экстралингвистических факторов на структуру текста и его языковое оформление» [Вырыпаева 1999: 41].

В связи с развитием антропоцентрического направления основополагающим принципом преподавания языка (как родного, так и неродного) становится обучение на широком культурно-историческом фоне.

Являясь основным источником социокультурной информации для таджикских учащихся в учебном процессе, текст знакомит их с реалиями русской действительности, помогает преодолеть трудности, возникающие при межкультурной коммуникации.

Все это находит отражение в художественной литературе, в произведениях искусства и представляют собой неиссякаемый источник национально-культурной информации.

«Художественная литература, искусство в целом – это вторая реальность, благодаря которой стирается грань между книгой и жизнью» [Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. 1983: 189]. Поэтому обращение к художественной литературе с целью познания жизни народа-носителя языка и его представлений о действительности является закономерным и необходимым для таджикских учащихся.

Среди художественных текстов выделяются такие, которые хорошо известны практически всем носителям языка в силу своей хрестоматийности. Ещё в детстве ребёнок знакомится с народными сказками – золотым фондом фольклора, лучшими про-

изведениями детской литературы. Затем следует изучение школьной программы по литературе, которая построена, в основном, по хрестоматийному принципу, то есть включает лучшие образцы отечественной словесности. В зрелом возрасте знакомство с шедеврами отечественной и мировой литературы продолжается: образованный человек на протяжении всей своей жизни продолжает читать художественную литературу. Так складывается тот необходимый фон национальной литературы, который был назван Е. М. Верещагиным и В. Г. Костомаровым «облигаторным» [1990: 196].

При изучении произведений художественной литературы – русских и советских писателей-классиков – огромный выбор которых отражает уникальный опыт формирования русского общества и русской национальной культуры, следует учитывать то, что таджикские учащиеся не владеют необходимым комплексом сведений для адекватного понимания такого рода текстов. В силу различий национальных обычаев, традиций, культурных ценностей, менталитета, иного жизненного опыта.

Поэтому сложности, с которыми таджикские учащиеся встречаются в процессе чтения русской художественной литературы: незнакомые исторические события и социальные ситуации, изображение национально-психологических особенностей персонажей, описание национальных традиций и реалий быта и др., будут преодолены благодаря сопоставлению общечеловеческих ценностей, присущих всем народам и культурных ценностей, характерных для народа одной языковой общности.

Основная функция текста – быть средством социальной коммуникации. «Неся в себе когнитивную информацию, психологическую и социальную нагрузку общения, текст представляет собой способ отражения действительности, форму существования культуры. Вместе с тем текст является каналом передачи культурных знаний, социального опыта, его можно воспринять и принимать» [Алекешова, с. 146].

Текстовый материал должен отражать экстралингвистическую информацию, Такая информация должна быть сконцентрирована в учебном тексте. Задача текстовой коммуникации – исследовать систему средств, реализующих коммуникативную деятельность человека.

Для учебного текста вообще и для текстов, содержащих лингвокультурологические сведения, существуют основные критерии отбора и составления. Выбор текста должен быть направлен на то, чтобы было соответствие тематике изученного ранее лексико-грамматического материала. Быть актуальным, отличаться национальной и культурной спецификой, вызывать мотивацию, побуждающую к чтению и обсуждению. Должен быть информационно насыщенным, отличаться новизной материала, степенью доступности, воспитательной направленностью и быть просто интересным.

«Текст должен содержать и объяснять элементы фоновых знаний, раскрывать черты общественной жизни, мотивировать речевые действия и этикетные формы, раскрывать черты национальной психологии» [4, с. 216]. То есть учебный текст, содержащий лексику с национально-культурным компонентом семантики, предназначен, прежде всего, для раскры-

тия фона и расширенной семантизации данных языковых единиц. Это тексты, содержащие сведения о памятниках природы и культуры (культурных ценностях), народных промыслах и фольклоре и т. д., будут способствовать расширению лексического запаса и формированию необходимых знаний и умений у учащихся национальных школ.

В процессе работы с текстами усваивается лингвострановедческая лексика. У учащихся возникают устойчивые ассоциации, связанные с реалиями русского быта, русской действительности. При этом многообразие фактов и явлений иноязычной культуры приводится в систему, пополняются социокультурные знания учащихся. Исключаются ситуации межкультурного непонимания, конфликтов, неприятия и связанный с ними культурный шок.

Полученные знания о культуре, истории, реалиях, традициях способствуют формированию лингвокультурологической компетенции учащихся-таджиков и воспитанию положительного отношения к русскому языку и культуре народа-носителя данного языка

Библиографические ссылки

1. Алекшова Л. Б. Культуроведческий аспект обучения русскому языку в национальных группах вуза: дис. ... канд. пед. наук. – М., 1996.
2. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 1983. – 269 с.
3. Вырыпаева Л. М. Инокультурный текст, как основа формирования этнолингвокультурологической компетенции обучаемых: дис. ... канд. пед. наук. – Уфа, 1999. – 160 с.
4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987.

Г. А. Завьялова

Кемеровский государственный сельскохозяйственный институт

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА В КЛАССИЧЕСКОМ ДЕТЕКТИВЕ И ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА

Анализ художественного текста невозможен без изучения идиостиля его автора, особенностей использования им языковых средств. Идиостиль проявляется в предпочтении автором определенных тем, жанров, средств, приемов, которые необходимы не только для передачи информации, но и эмотивно-экспрессивных компонентов [5, с. 39]. В основе идиостиля лежат свойства прагматикона автора как языковой личности.

Установки автора находят свое выражение в выборе языковых средств, помогающих наиболее полно реализовать художественный замысел, выразить основную идею произведения. Введение в дискурс прецедентных текстов, по утверждению Ю. Н. Караулова, будучи всегда выходом за рамки ординарности в использовании языка, выявляет «глубинные свойства языковой личности, обусловленные либо доминирующими целями, мотивами, установками, либо ситуативными интенциональностями» [3, с. 241].

Предпочтение определенных языковых средств объективирует особенности идиостиля автора, его творческой личности, мышления и картины мира. Обращение к прецедентным текстам – одна из характерных особенностей идиостиля А. Кристи. Поскольку прецедентный текст, как правило, хранится в когнитивной базе языковой личности в свернутом виде (исключение составляют так называемые малые жанры – стихотворения, *Nursery Rhymes*), то апелляция к ним происходит через цитаты, названия произведений или другие прецедентные феномены – прецедентные имена.

Прецедентное имя является одним из важнейших ядерных элементов когнитивной базы, это индивидуальное имя, связанное с прецедентным текстом, или прецедентной ситуацией, или имя-символ, указывающее на эталонную совокупность определенных качеств [4, с. 98]. Структуру прецедентного имени составляют ядерные и периферийные компоненты, причем к ядерным компонентам относятся такие дифференциальные признаки, как внешность, черты характера или прецедентная ситуация, а периферию составляют атрибуты прецедентного имени. Атрибуты – это элементы, связанные с означаемым прецедентного имени, достаточные, но не необходимые для его обозначения, например, детали внешности или одежды денотата, по которым его можно узнать [4, с. 80–82]. Функционируют прецедентные имена либо как имена собственные (т. е. по Д.Б. Гудкову, денотативно или экстенционально), либо непосредственно как прецедентные имена (коннотативно или интенционально). В первом случае они называют предмет, указывая непосредственно на денотат, во втором – характеризуют объект.

Одной из основных особенностей детективного жанра и одним из способов его воздействия на читателя является парадокс, который создает «эффект обманутого ожидания» – разрушение презумпции, созданной предыдущим контекстом и суждениями, понятиями, составляющими тезаурус читателя [1, с. 2]. В романах А. Кристи прецедентные имена играют важную роль в создании эффекта обманутого ожидания – прецедентное имя вызывает ассоциативную связь либо с прецедентной ситуацией, либо с некоторым набором качеств, свойственных персонажу прецедентного текста, создается определенная модель, которая накладывается на сюжет романа. Черты характера, свойственные персонажу прецедентного текста, переносятся читателем на образ героя детективного произведения. Автор, первоначально следуя логике развития сюжета прецедентного текста, увлекает за собой читателя, а затем меняет ход событий – положительный персонаж вдруг оказывается убийцей либо детали сюжета расходятся с сюжетом текста-источника. Этот прием, который также является особенностью идиостиля А. Кристи, наиболее ярко проявился в ее романе «Five Little Pigs» («Пять поросят»), где автор отсылает читателя к трагедии У. Шекспира «Ромео и Джульетта».

Тексты произведений У. Шекспира являются одними из наиболее цитируемых в литературе вообще и в детективной литературе в частности. Джим Коллинз отмечает, что частое и порой даже чрезмерное цитирование Шекспира авторами английских де-

тивных романов вызвано стремлением писателей приблизить жанр детектива к более высокому статусу классической «серьезной» литературы. [9, с. 49].

И. В. Гюббенет, говоря об использовании литературных цитат авторами детективов и находя его также иногда чрезмерным, объясняет это, прежде всего, желанием автора продемонстрировать свою эрудицию и литературный вкус и польстить читателю, подразумевая наличие у него такого же высокого культурного и интеллектуального уровня и фоновых знаний [2, с. 21–23]. Однако, обратившись к истории детективного жанра, можно найти у его истоков не только готический роман, но и Библию, мифологию и пьесы Шекспира. Детектив заимствовал многие сюжеты из данных прецедентных текстов.

Прецедентное имя Джульетта, связанное с прецедентным текстом «Ромео и Джульетта», в романе «Five Little Pigs» выполняет двойную функцию – оно характеризует персонаж и актуализирует прецедентную ситуацию. Описывая характер девушки, один из персонажей сравнивает ее с Джульеттой. Он цитирует строки из пьесы Шекспира, а затем комментирует их:

«There speaks love allied to youth, in Juliet's words. No reticence, no holding back, no so-called maiden modesty. It is the courage, the insistence, the ruthless forth of youth. Shakespeare knew youth. Juliet singles out Romeo.. They have no doubts, the young, no fear, no pride... She [Elsa Greer] was a spoiled child of fortune – young, lovely, rich. She found her mate and claimed him – no young Romeo, a married, middle-aged painter... A predatory Juliet. Young, ruthless, but horribly vulnerable! Staking everything on the one audacious throw! And seemingly she won... and then – at the last moment – death steps in – and the living, ardent, joyous Elsa died also. There was left only a vindictive, cold, hard woman, hating with all her soul the woman whose hand had done this thing» [7, с. 48–49].

Автор прибегает к прецедентному имени «Джульетта» с целью описания характера героини романа. Эльза Гриер выступает в роли Джульетты, но Джульетты-хищницы, бесстрашной, жестокой и при этом уязвимой. Адвокат уверен в том, что художника из ревности убила Кэролайн, его жена, а Эльза, потеряв возлюбленного, изменилась, став холодной, мстительной женщиной.

Когда Э. Пуаро, расследуя это убийство шестнадцатилетней давности, встретился с Эльзой (теперь уже леди Диттишем), он заметил, что Эльза не похожа на Джульетту – перед ним была женщина, живущая в роскоши и вполне довольная собой. Ранняя смерть Джульетты – разве это не главная часть ее образа?

«He felt a strange pang. It was, perhaps, the fault of old Mr Jonathan, speaking of Juliet.. No Juliet here – unless perhaps one could imagine Juliet a survivor – living on, deprived of Romeo... Was it not an essential part of Juliet's make-up that she should die young?» [7, С. 131 – 132].

Вспоминая о своей любви к художнику, Эльза говорит, что чувство для нее было всем, что препятствия не имели никакого значения, ее не останавливало и то, что у

Эмиаса была семья. Прочитированные старым поверенным строки из пьесы Шекспира всплывают в памяти Э. Пуаро, но реальная ситуация кажется гротескной пародией на Шекспира:

A travesty – a grotesque travesty but –
And all my fortunes at thy foot I'll lay
And follow thee, my lord, throughout the world... [7, с. 135].

Но и сама Эльза сравнивает себя с Джульеттой. Здесь прецедентное имя является маркером прецедентной ситуации – самоубийства Джульетты, узнавшей о смерти возлюбленного:

«I think I've always had a single-track mind. She mused somberly. "I suppose – really – one ought to put a knife into oneself – like Juliet. But – but to do so is to acknowledge that you're done for – that life's beaten you» [7, с. 136].

На первый взгляд, тот факт, что Эмиаса Крейла убила его возлюбленная, Эльза, выглядит отклонением от сценария пьесы Шекспира, однако, смерть художника стала причиной «нравственного самоубийства» Эльзы – исчезла юная девушка, умевшая радоваться жизни, счастье сменилось душевной пустотой:

«I didn't understand that I was killing myself – not him... She [his wife] and Amyas both escaped – they went somewhere where I couldn't get at them. But they didn't die. *I died*» [7, с. 91].

Итак, в построении загадки прецедентное имя «Джульетта» выполняет двойную функцию – с одной стороны, актуализируя прецедентную ситуацию, оно отвлекает читателя от настоящего преступника – читатель, знакомый с текстом пьесы Шекспира, не может заподозрить в Джульетте убийцу (и здесь срабатывает эффект обманутого ожидания), но, с другой стороны, при описании ее характера автор, подчеркивая черты, не свойственные шекспировской Джульетте – беспринципность, эгоизм, дает читателю ключ к разгадке.

В рассказе «The Mystery of the Spanish Chest» («Тайна испанского сундука») прецедентные имена выступают в качестве имен-символов, указывающих на совокупность определенных качеств, черт характера.

Автором обыгрывается ситуация из пьесы «Отелло», однако в рассказе убит сам ревнивый муж, Арнольд Клейтон, и подозрение падает на одного из друзей жены. Маргарита Клейтон имела удивительное влияние на мужчин, и многим кажется, что более вероятным было бы убийство Клейтоном своей жены из ревности:

«I've an idea Arnold was really an insanely jealous person... Though it's more likely, really, that he'd have done in Margharita. Othello – that sort of thing. Margharita, you know, had an extraordinary effect on men» [8, С. 33 – 334].

Эта особенность Маргариты Клейтон напоминает Эркюлю Пуаро о женщинах, чья красота повлияла на ход исторических событий:

«What is that something that they possess – the sirens of this world! The Helens of Troy, the Cleopatras?» [8, с. 316]

или стала роковой для тех, кто отдал им свое сердце:

«There had been women like that in medieval days – women on whom history had not been able to agree. He thought of Mary Stuart, the Scottish Queen. Had she known, that night in Kirk o'Fields, of the deed that was to be done? Or was she completely innocent?... Such women could be, though innocent themselves, the cause of crimes» [8, с. 328].

Эркуль Пуаро видит странность в способе убийства – Арнольд Клейтон был найден заколотым в сундуке подозреваемого, майора Рича, который почему-то не избавился от трупа:

«...it seems to me... that it is madly unlikely – not that Major Rich should kill Arnold Clayton – but that he should kill him in just the way he did» [8, с. 334].

Сыщик советует инспектору полиции обратить внимание на одного из персонажей пьесы, при этом не называет его, заставляя полицейского (и читателя) теряться в догадках. Так, апелляция к прецедентному тексту выступает в роли важного элемента воздействия на читателя:

«Read Othello, Miller. Consider the characters in Othello. We've missed out one of them»[8, с. 342].

Расследуя убийство, Пуаро неоднократно обращается к тексту пьесы, а многие незначительные на первый взгляд детали постепенно складываются в картину убийства:

«Othello, yes. Who was it said that to me? Ah yes, Mrs. Spence. The bag... The screen... The body, lying there like a man asleep. A clever murder. Premeditated, planned... I think, enjoyed!...» [8, с. 342].

В заключительной сцене Пуаро реконструирует убийство, объясняя, каким образом текст шекспировской пьесы помог ему разгадать тайну испанского сундука:

«Someone today mentioned to me Othello. I asked you if your husband was jealous, and you said you thought he must be. But you said it quite lightly. You said it as Desdemona might have said it, not realizing danger. She, too, recognized jealousy, but she did not understand it, because she herself never had, and never could, experience jealousy. She was, I think, quite unaware of the force of acute physical passion. She loved her husband with the romantic fervour of hero worship, she loved her friend Cassio, quite innocently, as a close companion... I think that because of her immunity to passion she herself drove men mad...» [8, с. 343].

Убийцей оказался человек, которого, казалось, меньше всех можно было бы заподозрить – верный друг Арнольда Клейтона, влюбленный, как и все, в Маргариту и тайно настраивавший против нее мужа:

«Think of the other characters in Othello. It is Iago we should have remembered. Subtle poisoning of Arnold Clayton's mind: hints, suspicions. Honest Iago, the faithful friend, the man you always believe! Arnold Clayton believed him. Arnold Clayton let his jealousy be played upon, be roused to fever pitch» [8, с. 345].

Прецедентные имена – Отелло, Дездемона, Кассио, Яго – отсылают читателя к прецедентной ситуации (ревность Отелло, предательство Отелло его близким другом Яго) и указывают на черты характера, которые делают героя способным совершить определенный поступок или спровоцировать других персонажей на какие-то действия (Мария Стюарт, Клеопатра, Елена).

Таким образом, прецедентные имена в детективе становятся одним из важнейших механизмов воздействия на читателя, создавая эффект обманутого ожидания, как, например, в романе А. Кристи «Five Little Pigs», или играют роль имен-символов, актуализирующих определенную прецедентную ситуацию и характеризующих персонажей, как в рассказе «The Mystery of the Spanish Chest». Кроме того, автор прибегает к использованию прецедентных имен с целью «поднятия статуса» жанра, стремясь приблизить его к более высокому статусу «серьезной» британской литературы.

Как справедливо отмечает В. А. Ражина, ономастический материал позволяет переводчику добиться соответствия более высокого текстового, содержательного, прагматического и эмоционального уровня, чем при пословном переводе, так как «перевод может считаться удачным только тогда, когда у реципиента принимающей культуры он пробуждает рефлексию, аналогичную рефлексии реципиентов оригинала» [6, с. 9]. Прецедентные имена включаются автором в художественный текст с целью актуализации смысла, эксплицируемого данным именем. Известность источника ассоциаций, содержащихся в прецедентных именах, получает особое значение при передаче аллюзивных реалий, к которым относится ономастическая лексика. Прецедентные имена, имеющие статус универсально-прецедентных феноменов, т. е. феноменов, известных среднему представителю любого лингвокультурного сообщества, являются частью системы культурно маркированных ценностей и представлений, усваиваемых в процессе приобщения к соответствующей лингвокультуре.

Библиографические ссылки

1. Банникова И. А. Парадокс в стилистическом контексте детектива // Вопросы романо-германского языкознания. Выпуск 11. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1995. – С. 17–23.
2. Гюббенет И. В. Основы филологической интерпретации литературно-художественного текста. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 205 с.
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 264 с.
4. Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. Лекционный курс. В. В. Красных – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
5. Леденева В. В. Идиостиль (к уточнению понятия) // Филологические науки. – 2001. – № 5. – С. 36–41.
6. Рыжина В. А. Ономастические реалии: лингвокультурологический и прагматический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2007. – 18 с.

7. Christie A. Five Little Pigs. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 384 p.
8. Christie A. The Mystery of the Spanish Chest. – М.: Радуга, 1989. – P. 314–346.
9. Collins J. Uncommon Cultures: Popular Culture and Post-modernism. – London, Routledge, Chapman and Hall, Inc. – P. 49.

Т. Г. Рабенко

Кемеровский государственный университет

КЛЯТВА: К ФИДЕИСТИЧЕСКИМ ОСНОВАМ ЖАНРА

В контексте теоретической и методологической проблемы «жанр и язык», обусловленной объективной функциональной и генетической близостью речевого жанра (РЖ) и языка [3], возникает идея рассмотрения РЖ как языковой реализации определенного типа коммуникативного поведения, сопрягаемого с некоторой функцией языка. Высказывая свое мнение относительно природы РЖ, М. М. Бахтин [1] писал: «Всякое высказывание, как бы оно ни было значительно и закончено само по себе, является лишь моментом непрерывного речевого общения (жизненного, литературного, познавательного, политического). Но это непрерывное речевое общение, в свою очередь, является лишь моментом непрерывного всестороннего становления данного социального коллектива». Из этой мысли, принципиальной для понимания бахтинской философии языка, вытекает то, что РЖ не ограничивается высказыванием как таковым, а входит в сферу собственно коммуникации, социального речевого взаимодействия говорящих. Будучи неотъемлемым от типов речевого взаимодействия в конкретных его условиях, РЖ определяется некими условиями общения, конкретной ситуацией, оказывается композиционным и стилистическим единством, определяемым языковой функцией.

В системе универсальных функций языка и речи, обозначенных в свое время Р. О. Якобсоном [19], выделяется в качестве частного случая призывно-побудительной функции, направленной на регуляцию поведения адресата сообщения, функция магическая, которая основывается на вере в сверхъестественные свойства слова. В итоге слово, облеченное в магическую функцию, материализуется. Известно, что в основе отношения к слову как магической силе лежит неконвенциональная трактовка языкового знака [11, с. 42. См. также 9, с. 248], представление о слове не как некоем условном обозначении некоторого предмета, а как его части. Если слово представляет собой обязательную часть обозначаемого предмета, то, воздействуя на слово, человек может воздействовать и на сам предмет [9, с. 96], может «назвать имена действий и предметов, и тем самым вызвать их появление» [12, с. 146]. Рассуждая о мифе об изоморфности имени и вещи, А. А. Потебня писал, что в наивном, мифологическом («простонародном») сознании «человек не только не отделяет слова от мысли, но даже не отделяет слова от вещи» [13], «между родным словом и мыслью о предмете [...] такая тесная

связь, что [...] изменение слова казалось неперменным изменением предмета» [14]. Ср. характерную с этой точки зрения русскую поговорку: лёгок на помине. Оказываясь первоначальной формой человеческого мышления, магия составляла поначалу основу всей жизни человека, «человек поначалу не умел думать иначе, кроме как в терминах магии» [12, с. 108].

Примечательно, что в ряде философских и лингвистических концепций магическая функция языка признается основной, именно в ней видится «фундаментальное предназначение языка» [6], ибо язык появляется «как носитель и средство выражения веры в то, что он несет». «Знаковое, символическое видение мира через звуковую реализацию может родиться только благодаря изначальной вере в исходную связь между знаком и денотатом».

Установлено, в филогенезе ритуальное действие было первым семиотическим процессом, на основе которого формировался язык [11, с. 50]. «Именно ритуал был тем исходным локусом, где происходило становление языка как знаковой системы, в которой предполагается связь означаемого с означающим, выраженным в звуках» [17]. По мнению М. М. Маковского [10], «именно в лоне магического мышления развились так называемые первозначения, облеченные в определенную первоформу, которые фактически явились предшественниками разветвленной лексико-семантической системы индоевропейских языков на более поздних этапах эволюции».

Развивая идею о магии слова и рассматривая язык с позиций виброакустики, В. М. Зазнобин [5] приходит к довольно интересным выводам о том, что «язык, речь действительно являются средством «магического» воздействия на мир». При этом под магией слова и магией текста понимаются «объективные возможности воздействия на течение событий в Мире». Жизнь мироздания - это разнородные колебательные процессы, находящиеся во взаимодействии. Сам человек тоже колебательная и автоколебательная система, вследствие чего приходящие извне «вибрации» и собственные «вибрации» человека оказывают воздействие и на него самого. С этих позиций «живое слово (произносимое в акустическом диапазоне частот или произносимое человеком «мысленно» в его субъективном внутреннем мире [...]) способно оказывать воздействие через каскад разного рода природных и техногенных переизлучений на все, что есть в мироздании».

Феномен неконвенционального восприятия языкового знака является тем психолого-семиотическим механизмом, который лежит в основе фидеистического отношения к языку (от лат. *fides* – вера) [11, с. 13. См. также 9, с. 235]. Фидеистическая коммуникация, противостоящая земному, человеческому общению, сопрягается с важнейшими, нередко критическими ситуациями в жизни верующего человека. По словам М. Мосса [12, с. 214], «в основании магии существуют аффективные эмоциональные состояния, порождающие иллюзии. Эти состояния не являются индивидуальными, а происходят из смешения собственных чувств человека и чувств всего общества». Особый драматизм и

напряженность фидеистической коммуникации связывается с обращением человека к высшим силам – во всем его превосходящим, обычно невидимым и никогда не познаваемым до конца [11, с. 77–78].

Связанное со стремлением человека воздействовать на мир при помощи трансцендентных возможностей слова фидеистическое общение реализуется в определенных жанровых формах. Особое место в системе жанров «вещного» слова занимает РЖ **клятва**: «Торжественное уверение в чем-либо, обещание, подкрепленное упоминанием чего-либо священного для того, кто уверяет, обещает» [2, с. 434]. Слово «клятва» сформировалось на базе общеславянского корня * *kleti* – «клянусь, проклиная» (см. болгар. *клетва*, польск. *klatwa*, чеш. *klatva*, *kletva*) [16]. Некоторые исследователи [18] отмечают связь слова с праславянским глаголом * *kloniti* 'клонить', поскольку человек, произносящий слова клятвы, склонялся до земли и касался ее рукой. В итоге, по мнению Н. Б. Мечковской [11, с. 78], вербальная часть ритуального акта клятвы (как впрочем, и иных форм фидеистической коммуникации) оказывается вторичной. Именно «ритуальное действие было первым процессом, на основе которого формировались мифологические представления. Ритуал присяги первоначально состоял в прикосновении, символизировавшем близость, причастность к некоторому значимому предмету (обрядовому символу) – земле, священному камню, жертвенному очагу, оружию и т.п.: *Он положил руку на меч, лежавший на книге, и сказал: - Обещаю и добродетельно клянусь исполнить обещанное (Андреев Л. «Иго войны»)*, *Цесаревна взяла крест, стала на колени и воскликнула: «Клянусь этим крестом умереть за вас!» (Гейнце Н. «Дочь Великого Петра»)*. Примечательно, что в христианской традиции есть такое понятие, как *целовать крест*, то есть, целуя крест, давать клятву, обет [2, с. 469], или *крестное целование* – присяга, клятва, подтверждаемая целованием креста [2, с. 469].

О первооснове невербального компонента ритуала свидетельствует и тот факт, что ритуальный жест или телодвижение сохраняются во многих светских ритуалах клятвы, присяги. К примеру, воинская присяга в Советской и Российской армии принимается с оружием в руках, коленопреклоненно, с целованием знамени: *Лейтенант первым стал на колени, сказал: «Клянусь!» и поцеловал уголок шелкового полотнища [полкового знамени] (Полевой Б. «Знамя полка»)*. Во многих странах принят ритуал светской (должностной или судебной) присяги на своде законов или конституции. Так, во время инаугурации вступающий в должность президент Российской Федерации произносит текст президентской клятвы, положив правую руку на специальный экземпляр конституции: «Клянусь при осуществлении полномочий Президента Российской Федерации уважать и охранять права и свободы человека и гражданина, соблюдать и защищать Конституцию Российской Федерации, защищать суверенитет и независимость, безопасность и целостность государства, верно служить народу».

Свидетельством глубокой укорененности в человеческой психике древних ритуальных движений становятся некоторые общезначимые жесты, позы. Среди них жест «рука (-и) у груди» (то есть на сердце) в подкрепление обещания (см. вербальный эквивалент этого жеста фразеологизм «положа руку на сердце», то есть говорить совершенно чистосердечно, искренне [2, с. 1177]): - *Клара Ивановна, - Ефим приложил обе руки к сердцу. - Клянусь детьми, даю вам честное благородное слово...* (Львов А. «Двор»), жест «крестное знамение» в подтверждение искренности, откровенности, правдивости сказанного (см. вербальный эквивалент этого жеста фразеологизм «вот те крест», произносимый как слова клятвы, обычно сопровождаемые крестным знамением [2, с. 469]: ...он...с чувством воскликнул: – *Богом клянусь тебе, вот святой истинный крест!* (Катаев В. «Алмазный мой венец»), – *И вы увидите, в какой жизни будет ваша дочь... Вот клянусь вам! – И перекрестился* (Шмелев И. «Человек из ресторана»), *Когда все зашли по ступенькам, священник обратился к присяжным. – Правую руку поднимите, а персты сложите так вот, - сказал он медленно старческим голосом, поднимая пухлую руку с ямочками над каждым пальцем и складывая эти пальцы в щепоть. – Теперь повторяйте за мной. Обещаюсь и клянусь всемогущим Богом, перед святым его Евангелием и животворящим крестом господним, что по делу, по которому...* (Толстой Л. «Воскресенье»), поза «коленипреклонение»: *Он встал на колени, поднял, как для присяги два пальца над головой и прошептал, стиснув зубы клещами: «Клянусь всемогущим Богом, что завтра я убью этого студента, а если не убью, то застрелюсь сам»* (Катаев В. «Опыт Кранца»), – *Богом клянусь! – Афонька рухнул на колени* (Маканин В. «Голоса»), устремленные к небу глаза как знак того, что небесные/ божественные силы призываются в свидетели: - *Клянусь! – сказала торжественно женщина, подняв ребенка и устремив глаза к небу* (Булгарин Ф. «Воспоминания»).

Клятва существует в различных видах:

- присяги 'Официального торжественного обещания, клятвы соблюдать верность, какие-либо обязательства, поступать согласно с законом '(например, воинской присяги) [2, с. 992]; клятвы-обещания о неразглашении тайн при вступлении в какие-либо общества (например, масонские); клятвы людей, объединенных одной профессией. К примеру, клятва Гиппократ у врачей – торжественная клятва в верности медицинскому долгу; клятва, основанная на предписаниях Гиппократ, принятых медиками как кодекс профессиональных этических норм.

- зарок 'Клятвы; обета, обещания не делать чего-л.' [2, с. 342],

- обета 'Торжественного обещания, обязательства, данного из религиозных побуждений' [2, с. 667],

- божбы 'Клятвы именем Бога' [2, с. 87].

Помимо этого, в современном русском языке имеется фразеологизм «аннибало-ва (аннибаловская) клятва» для обозначения нерушимой клятвы бороться до конца [2, с. 40]. Это выражение, обычно используемое в торжественной речи, производно от имени карфагенского полководца Аннибала (247–183 г.г. до н.э.), который, по преданию, еще мальчиком поклялся быть всю жизнь непримиримым врагом Рима, превратившего Карфаген в свою колонию. Аннибал сдержал свою клятву. Войска под его командованием нанесли ряд тяжелых поражений войскам Рима.

Зародившаяся в лоне вербального фидеизма – практике «общения человека с невидимым миром, с высшей реальностью, с таинственными силами природы посредством естественного языка» [9, с. 235], клятва в итоге сопрягает две сферы бытия: социальную, человеческую и сакральную, божественную, изначально противопоставленные в фидеистической коммуникации [11, с. 77]. Освящаемые клятвой обещание и уверение переводятся в сферу священного, получают свидетельство со стороны высших сил. Именно божественные силы изначально исполняли роль свидетеля клятвы. Имя Бога (высших сил), единственного свидетеля всех клятв, является ключевым компонентом клятвенной формулы. В русском языке для обозначения клятвы именем Бога имеется особая лексема «божба». См. также глагол «божиться» и междометие «ей-богу», которое в разговорной речи употребляется для подтверждения чего-л., уверения в чем-л.; в самом деле, действительно [2, с. 88]): – *Не сказал, клянусь Богом, не сказал. Вот тебе крест...* (Васильев Б. «Были и небыли»), – *Именем Творца, Вечного и Неназываемого, принимаю на душу свою часть ноши тех, чьей мышцей держится свод мироздания, и клянусь никогда, ни по доброй воле, ни по злему умыслению...* (Лазарчук М., Успенский М. «Посмотри в глаза чудовищ»), – *Я призываю в свидетели Аллаха всевышнего и его посланца Мухаммеда, да будет молитва Аллаха всевышнего над ним и мир, в чистоте моих тайных помыслов в отношении тебя и клянусь в этом Кораном и душой моей дочери...* (Дегоев В. «Мирянин»), ...я вам клянусь и призываю Бога в свидетели, что никогда не выйду за вашего сына без вашего согласия... (Безелянский Ю. «В садах любви»); – *Клянусь золотым крестом и Святым Духом* (Пермяк Е. «Бабушкины кружева»), – *Клянусь мадонной, не видел!* (Конецкий В. «Начало конца комедии»).

Магический заряд клятвы усиливается указанием расплаты за невыполнение обещанного – обозначения того, чего/ кого готов лишиться человек в случае невыполнения клятвы: – *Клятва моя нерушима, и пусть меня и мой род покарают силы небесные, если я нарушу ее по своей воле. Клянусь* (Васильев Б. «Ольга, королева руссов»), – *С места этого не сойти – исправлюсь! Клянусь вам...* (Стаднюк Н. «Максим Перепелица») – *Если бы Бог дал, если бы услышал я крик новорожденного... – не сойти мне с места, пусть Бог тут же возьмет мою душу. Клянусь, от счастья плакал бы* (Айтматов Ч. «Белый пароход»), (См. фразеологизм «Не сойти мне с этого места!» – Клятвенное уверение в своей правоте [2, с. 1231]), – *Клянусь тебе! Хоть бы мне пришлось потерять руку или ногу!* (Адамов Г. «Тайна двух океанов»), – *И пусть отсохнет моя*

правая рука, если я нарушу эту клятву, пусть отсохнет в ту минуту, как только я проведу первую линию (Бек А. «Талант» (Жизнь Бережкова)). (См. фразеологизм «Руку даю на отсечение!») – Клятва в истинности чего-л. [2, с. 1132].

Для постижения жанровой природы клятвы чрезвычайно важной и продуктивной представляется мысль К. Ф. Седова [15] о том, что «разные культуры оказывают разные предпочтения разным жанрам, структурирующим коммуникативное пространство этноса». По мнению А. В. Карабыкова [7, с.228], каждая культура, знавшая или знающая клятву, определяется соотношением двух установок. Первая связана с восприятием клятвы в качестве сакрального речевого действия, использование которого благостно. Вторая, негативно-запретительная, установка основывается на осуждении использования клятвы. «Борясь и сопротивляясь друг другу, эти установки создавали поле напряжения, в котором существовал исследуемый жанр».

Так, во времена Моисея клятва была известна между евреями как очень древний обычай. Она существовала в виде уверения одним человеком другого или группы лиц в правоте/истинности сказанных им слов. Бог призывался в качестве свидетеля правдивости того, что сказано. Такая клятва касалась фактов настоящего, прошлого и будущего, а также заверений в подлинности каких-либо фактов или действий. Особой суровостью у иудеев отличалась клятва-проклятие, то есть заклятие, грозящее карой нарушителю обета или заведомо ложно поклянувшемуся (Быт. 26: 28, 29, Чис. 5: 21). Согласно обычаям разных народов в клятве могло присутствовать или отсутствовать имя Бога. Клялись, ссылаясь на Бога, у языческих народов: «...клянутся грехом Самарийским и говорят: *«жив бог твой, Дан!...»* (Ам. 8: 14). Язычники клялись предметами наслаждений, именами царей и фараонов. К клятве обращались простые люди, пророки, патриархи еврейского народа [4].

С утверждением монотеизма усиливается влияние негативно-запретительной установки в отношении рассматриваемого речевого действия [7, с. 229]. Мотивы этого ужесточения обосновываются самой греческой мыслью под влиянием восточных доктрин и христианства. Знаменитый древнегреческий проповедник Иоанн Златоуст в своем «Слове о клятвах», говоря о *«пренебрежении к имени Божию»*, сетует на то, что *«имя Божие всюду треплем без всякого уважения и причины»*. Призывая своих слушателей, чтобы те *«отстали от дурной привычки клясться»*, Златоуст предлагает способ, который, по его мнению, поможет преодолеть *«эту привычку [...] Когда ты увидишь, что или сам ты, или кто другой пленен этой дурной страстью и, несмотря на постоянные увещевания, не исправляется, то вели лечь спать не поужинавши. [...] Язык, будучи подвержен постоянной такой пытке [...] получает достаточное внушение. [...] получая целый день напоминание от такой пытки, мы не будем иметь нужды ни в каком другом совете или увещании»*. *«Ибо как раб, постоянно подвергающийся наказанию, не избавляется от ран, так и клянущийся»*.

щийся непрестанно именем Святого не очиститься от греха» (Сир. 23: 10). «Принудим себя оставить привычку клясться и измениться к лучшему», – вызывает к слушателям Златоуст. «Опасно [...] относительно себя самого клясться, потому что часто мы встречаем препятствия во внешних обстоятельствах, тем более опасно связывать узами своих клятв свободу других».

В своем увещании слушателей прекратить «излишние клятвы, произносимые без причины и необходимости» Златоуст следует за Божьей заповедью. Известно, что фарисеи советовали евреям в клятвах вместо имени Бога клясться небом, землею, Иерусалимом, своей головой и т.п. В Нагорной проповеди Иисуса Христа звучит пояснение того, почему нельзя произносить фарисейские клятвы: «*А Я говорю вам: не клянитесь вовсе: ни небом, потому что оно престол Божий; ни землею, потому что она подножие ног Его; ни Иерусалимом, потому что он город великого Царя; ни головою твоею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или черным*» [Матф. 5: 34–36]. Таким образом, все к человеку приходит от Бога и все в мире Божие. Все, что человек получил от Бога, омыто искупительной кровью Спасителя. Поэтому чем бы человек ни клялся, по сути, он клянется тем, что принадлежит не ему, а Богу, потому что у человека нет ничего своего, не данного Богом. Все, что имеет человек, как и сама человеческая жизнь, несет на себе отпечаток искупительной жертвы Иисуса Христа. Именно с этой точки зрения и следует рассматривать клятву. Запрещая клятву, Иисус утверждает этим, что Бог не может быть используемым, не может быть единственным свидетелем всех клятв, что «Он всегда цель, а не объект или средство» [7, с. 230].

По утверждению М. Мосса, суть клятвы состоит в том, чтобы «изменить состояние профанного предмета, придать ему религиозный характер». В рамках клятвенного обещания естественный язык оказывается орудием общения человека с невидимым миром, высшей реальностью. В итоге клятва обретает двойственный характер. С одной стороны, клятву, как и другие жанровые формы магического, можно связать с юридическим договором, поскольку и то, и другое носит ритуальный характер: в обоих случаях присутствуют «обязательные слова и жесты, облеченные в торжественные формы». С другой стороны, клятва напоминает в некотором роде священнодействие, хотя таковой, по мнению М. Мосса [12, с. 114], не является. Действия, сопрягаемые с клятвой, обладают особым эффектом, создают нечто большее, нежели установление договорных отношений между человеческими существами. «Они перестают быть юридическими, но становятся действиями религиозными и магическими». Клятва оказывается религиозным актом, «хотя и весьма специфичным с точки зрения традиционной религиозности».

Итак, вопрос о функционировании языка представляется онтологически релевантным для постижения природы РЖ. Реализуя те или иные языковые функции, каждая жанровая форма обнаруживает свой тип коммуникативного поведения, свой способ

мироощущения, которые в итоге и определяют ее положение в речевом пространстве культуры. Основанная на вере социума в волшебные силы слова и издревле прочно связанная с сакральной сферой общественного сознания, клятва прибывает в лоне фидеистической коммуникации, что и обуславливает во многом механизм ее реализации, ее жанровую структуру.

Библиографические ссылки

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров. Проблема текста» // Бахтин М. М. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1950-х годов. – М., 1996. – С. 181.
2. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб., 2001.
3. Дементьев В. В. Аспекты проблемы «жанр и язык»: жанры речи и ... «язык речи»? // Жанры речи. – Саратов, 2009. – Вып. 6. – С. 5.
4. Долженко А. Г. Нагорная проповедь. «А Я говорю вам: не клянитесь вовсе...» [Электронный ресурс] . – Режим доступа: http://azbuka.ru/hristianstvo/biblya/novyiy zavet/ nagornaya propoved _43all.shtml
5. Зазнобин В. М. «Магия слова»: в понимании физиков // Отражение русской ментальности в языке и речи. – Липецк, 2004. – С. 33.
6. Иваницкий В. В. Язык и вера. К основанию фидеистической концепции // Антропотекст – 1. – Томск, 2006. – С. 180.
7. Карабыков А. В. Речевой жанр клятвы в истории культуры // Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике: Матер. 1 Междунар. науч. конф. (Кемерово, 29-31 авг. 2006 г.). – Кемерово, 2006. – Ч. 3. – С. 226–231.
8. Киклевич А. К. Притяжение языка. – Olsztyn, 2008. – Т. 2. «Функциональная стилистика». – С. 96 – 97.
9. Копчева В. В. Слово в фидеистической парадигме // Юрислингвистика-6: Инвективное и манипулятивное функционирование языка. – Барнаул, 2005. – С. 231–254.
10. Маковский М. М. Язык – миф – культура. Символы жизни и жизнь символов. – М., 1996. – С. 10–11.
11. Мечковская Н. Б. Язык и религия. – М., 1998. – 352 с.
12. Мосс М. Социальные функции священного. – СПб., 2000. – С. 107 – 232.
13. Потебня А. А. Эстетика и поэтика. – М., 1976. – С.172.
14. Потебня А. А. Слово и миф. – М., 1989. – С. 206.
15. Седов К. Ф. Языкознание. Речеведение. Генристика // Жанры речи. – 2009. – Вып. 6. – С. 36.
16. Семенов А. В. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.evartist.ru/text15/014.htm>
17. Топоров В. Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. – М., 1988. – С. 22.
18. Этимологический словарь славянских языков / под ред. О. Н. Трубачева. – М., 1983. – Т. X. – С. 38.
19. Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». – М., 1975. – С. 197–203.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ОСОБО ОРГАНИЗОВАННОЕ СМЫСЛОВОЕ ПРОСТРАНСТВО

Отражение человеком окружающего мира, различные способы воплощения отраженного (культура, язык) имеют одну существенную общую характеристику: кроме явного уровня выражения, существует неявный уровень [5]. Неявный уровень выражения в языке – это множество способов не прямой, скрытой, имплицитной передачи смыслов. Одним из таких сложных, многослойных, многоаспектных феноменов, подтекстовый (концептуальный) смысл которого невозможно передать только в логических понятиях, является художественное произведение. Структура художественного текста как “единораздельная цельность” во всем ее потенциале моделирует собой доструктурную, структурную и сверхструктурную данность [4].

На доструктурном этапе этой триады, включающем первичные жизненные ориентиры, ценности, впечатления того или иного писателя, начинается конструирование художественного произведения. Непосредственно структура художественного произведения есть упорядоченное множество языковых единиц, языковых знаков (в своем единстве и в своей раздельности), которое моделирует реальную действительность. Организующим, “надмодельным” принципом этой структуры, ее исходным элементом, является идея, концепт, который представляет собой подтекстовый аспект художественного произведения, его сущностную характеристику. Она в своей основе выше всякого структурного оформления, трудно поддается логическому учету и формализации, составляет надструктурную данность и свидетельствует о том, что художественный текст не есть только структура. Эта особенность художественного текста диктуется спецификой функционирования в нем языкового знака, который в потенциально беспредельной комбинации с другими знаками, входя в творческую стихию человеческого сознания, демонстрирует свою полифункциональность, бесконечную гибкость, смысловую заряженность, богатую оттенками динамику.

Подвижное взаимодействие языкового знака и лингвистического контекста художественного произведения и их корреляция с вертикальным контекстом того или иного воспринимающего субъекта с его индивидуальным личностным потенциалом порождают подтекстовую информацию, которая, соответственно, также носит подвижный, динамический смысловой характер.

Подтекст – явление малоизученное, хотя знание его крайне необходимо при интерпретации художественного текста, суть которого он составляет. Сложность данной проблемы обостряется недостаточной степенью изученности средств и способов актуализации подтекстовой информации.

Поскольку семантическое пространство художественного текста организовано иерархически, то содержание его воплощено в сложном переплетении текстовых элементов, где тщательно продуман каждый знак и закономерная организация языковых единиц направлена автором на усвоение читателем не только поверхностных значений, но и внутренней глубокой системы подтекстовых смыслов. В каждом конкретном случае необходим поиск «выхода» подтекстовых смыслов (авторского замысла) на структурно-композиционном уровне, где эксплицируется «доминантный код» текста. Именно в таком композиционном пространстве содержится имплицативный «сгусток» текстовой информации. Очевидно, что центральная (в смысловом отношении) композиционная часть текстовой структуры будет содержать максимально значимые знаки (в роли такого знака, например, может выступать заголовок), которые будут задавать основное направление семантического пространства (концептуальной информации) текста. Сам факт такой организации концептуальной (имплицитной) информации доказывает нелинейный характер развёртывания эстетической информации (в отличие от линейного развёртывания сюжетно-композиционного уровня произведения).

Известно, что язык как система представляет собой в материальном аспекте довольно ограниченный механизм, на основе которого строятся высказывания. Однако в содержательном плане он позволяет выразить бесконечное множество идей, используя каждый раз минимальный набор единиц. Это свойство языка становится возможным благодаря его способности выражать содержание не только эксплицитно, но и имплицитно, скрыто, в подтексте, обеспечивая тем самым гибкость, компактность, содержательную неисчерпаемость его функционирующей системы. Что касается художественного текста, он является произведением искусства. Его язык многообразен, гибок, богат оттенками иносказательного содержания. Художественное произведение есть четко организованная структура, содержательная ткань которой представляет собой теснейшее переплетение эксплицитно и имплицитно выраженных смыслов, реализуемых благодаря необозримому множеству возможных комбинаций языковых единиц. Значение каждого языкового знака в тексте, с одной стороны, задано системой языка, а с другой — оно неисчерпаемо, поскольку языковые средства обладают способностью трансформировать свое значение. И решающими факторами, определяющими истинный смысл соответствующей языковой формы в каждом конкретном случае, являются, с одной стороны, лингвистический контекст как совокупность заданных языковых условий, с другой — сфера личностного потенциала субъекта, интерпретирующего художественный текст, уровень его интеллекта и культуры, ценностная ориентация и общая направленность личности, возможности чувственно-эмоционального постижения действительности, лингвистическая компетенция и знание способов кодирования информации.

В связи с этим интересной представляется точка зрения Р. Барта, который полагает, что существуют два вида чтения художественного произведения. При первом типе восприятия последнего читателя интересуют только кульминационные моменты интри-

ги. Он учитывает лишь протяженность текста и не обращает внимания на функционирование самого языка. Его обыденное сознание убеждено: чем быстрее, тем веселее.

Второй вид чтения требует прилежания и увлеченности. В данном случае читатель пленяется не объемом текста, не азартом движения вперед, а желанием трепетно вкушать, нежно смаковать каждое слово, «развертывать» страницу за страницей, слой за слоем. Это – привилегия аристократического читателя [1, с. 469–470]. Интеллектуальные потребности искушенного адресата все менее удовлетворяются лишь внешне правдоподобным, линейным изображением реальности в художественном произведении. Если повествование укладывается в «структуру ожидания» читателя, если автор не оставил места его воображению – это обеспечивает утрату интереса к тексту. Поэтому не случайно внимание лингвистов к такому явлению, как многоплановость, смысловая емкость художественного произведения, которая открывает перед читателем волнующую проблему самопознания, самосовершенствования, детерминирует концептуальный уровень восприятия художественного текста, желание декодировать глубинный, подтекстовый смысл.

Без понимания подтекста невозможно более или менее полное восприятие художественного произведения. В литературе XX в. он становится одним из средств создания глубинной напряженности и многогранности последнего [6, с. 77], придает ему большую емкость, насыщенность, значительность, таит главное внутреннее содержание произведения, вызывает «интимные ощущения», «интимно-духовное обострение» [4, с. 225]. Текст, прочитанный без понимания его скрытой глубинной сущности, кажется совершенно незначительным и даже вообще не стоящим внимания.

Существует одна из трактовок подтекста, которая соотносится с внетекстовыми ассоциациями (Н. С. Болотнова, И. Р. Гальперин, А. М. Камчатнов, Д. М. Урнов и др.). При этом нужно заметить, что при восприятии эксплицитного содержания высказывания у воспринимающего в мозгу включаются не все ассоциации подряд, а лишь те, которые лежат в диапазоне интересов, деятельностных и познавательных установок. Ссылаясь на концепцию Ц. Тодорова, К. А. Долинин отмечает то, что «имплицитное содержание сопряжено с наличием в тексте каких-то «лакун» – пропусков, недоговорённостей, неясностей, противоречий, нарушений каких-то норм» [2, с. 42].

Если же принимать во внимание, что приемы выразительности, всегда присутствующие в художественном тексте, построены на неожиданной лексической сочетаемости, которую можно трактовать как нарушение общезыковой нормы, то вполне логично говорить о том, что средства образности (метафора, метонимия, эпитет, сравнение и др.) всегда будут сигнализировать об имплицитной информации и являться своеобразным ключом к постижению последней. Однако нужно заметить, что понимание читателем таких нормативных «нарушений» осуществляется в соответствии с его (читателя) тезаурусом и с тем, что имеется в тексте. По выраженным средствами языка образам, аналогиям и т.п. читатель «восстанавливает опущенное и недосказанное, механизмом возникновения подтекста являются в его мозгу ассоциации между теми или иными

элементами эксплицитного содержания текста и представлениями и понятиями, связанными с ними в действительности» [3, с. 39].

При таком понимании механизма возникновения «подтекста» восприятие художественного текста связывается с процессом ассоциирования, на основе которого происходит приобщение читателя к авторскому мироощущению. Ассоциации, возникшие в сознании читателя, позволяют соотнести новую информацию с уже имевшейся в его прошлом опыте.

Соответственно, подтекст, будучи явлением текстового уровня, формируется на основе разнородных и разноуровневых элементов, расположенных не только контактно, но и дистантно. Подтекст реализуется в макроконтексте целого произведения, на референтном масштабе не эпизода, а сюжета, темы или идеи произведения.

Библиографические ссылки

1. Барт Р. Избранные раоты. Семиотика. Поэтика. – М., 1994. – 616 с.
2. Долинин К. А. Имплицитное содержание высказывания // Вопросы языкознания. – 1983. – № 6. – С. 37–47.
3. Долинин К. А. Интерпретация текста. – М., 1985. – 288 с.
4. Лосев А. Ф. В поисках смысла // Вопр. лит. – 1985. – № 10. – С. 205–231.
5. Степанов Ю. С. Семиотика. – М., 1971. – 145 с.
6. Усачева Н. И. Подтекст в коротком рассказе (на материале немецкой литературы) // Анализ стилей зарубежной художественной и научной литературы: Межвуз. сб. – Л.: Ленингр. ун-т, 1982. – Вып. 3. – С. 77–84.

В. А. Алексютина

Кемеровский государственный университет

СЛОВО ЖЕНЩИНЫ В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ Л. УЛИЦКОЙ)

В современном литературном процессе очень остро стоит вопрос гендерного деления литературы. Это было обусловлено возникновением феминизма как осознанного и психологически обоснованного эстетического феномена в литературном процессе 80-90-х годов XX века: «женская драматургия», «женская поэзия», «женская проза». Данный феномен в литературном процессе конца XX – начала XXI веков нашел свое проявление в издании коллективных сборников «женской прозы»: «Не помнящая зла» (1990), «Чистенькая жизнь» (1990), «Новые амазонки» (1991), в организации феминистского журнала «Возрождение» (1993), в возникновении серии «Женский почерк» в издательстве «Вагриус».

Вслед за данным процессом последовала эволюция читательского отношения к «женской прозе»: от иронии и сарказма к полному приятию и признанию ее права на более или менее комфортное существование в рамках беллетристики и массовой литературы.

Современная беллетристика – явление, безусловно заслуживающее внимания исследователей в силу той роли, которую оно играет в словесности конца XX – начала XXI века. В отличие от классики, которая формирует канон литературы, беллетристика – живой, становящийся феномен, а потому он испытывает непосредственное воздействие читающей публики и, в свою очередь, воздействует на нее.

Л. Улицкая – один из ярких представителей современных авторов-беллетристов. На сегодняшний день Улицкая автор четырех романов («Сонечка» (1996), «Медя и её дети» (1996), «Искренне Ваш Шурик» (2004), «Казус Кукоцкого» (2005), «Даниэль Штайн, переводчик» (2007)), нескольких повестей и даже детских книг, но, несомненно, наиболее значительную часть её прозы составляют рассказы. Причем, как правило, не отдельные произведения этого жанра, а сборники, в которых рассказы связаны настолько, что можно говорить о некоем едином произведении, о наличии процесса циклообразования, несмотря на самостоятельность и завершенность каждого отдельного рассказа.

Вместе с тем очевидна правдивость утверждения, что Улицкая – представитель так называемой женской литературы. Дело даже не в том, что герои – женщины, а в удивительно тонком женском восприятии, в умении сказать о «женском»: от физиологии до кухонных разговоров – и открыть в этом поэзию. Естественно, подобная характеристика творчества писательницы не подразумевает ограниченности для восприятия. Ее проза продолжает рассматривать те проблемы, которые носят статус вечных.

Вообще преемственность и следование традициям языка отличает произведения Улицкой. Во всех ее произведениях чувствуется предшествующая культура. Для современной литературы подобное явление не ново, а неизбежно. Но речь идет не о повторении, а о синтезе достигнутого, который будет началом следующего этапа развития. Улицкая – одна из тех, кто своим творчеством отражают попытку собрать разрозненный мир современности в некое единство.

Один из первых сборников Улицкой «Бедные родственники» объединяет в себе темы, которые развиваются во многих её последующих произведениях и являются отличительной чертой её прозы, например: тема семьи, отражающая главное предназначение не только женщины, но человека вообще. Писателя здесь интересует всё: на каких принципах основана семья, в чем её назначение, каково её отношение к любви, какова сама любовь в современной жизни современной женщины, в чем счастье и трагедия жизни.

Эти темы в литературе не новы: трудно назвать писателя, который бы к ним не обращался.

Как известно, в отечественной литературе «мысль семейную» наиболее полно воплотил в своем творчестве Л. Н. Толстой. Именно в его произведениях тема семьи звучит с полной силой.

Понимание семьи, воспетой Л. Н. Толстым, и та семья, которая представлена в произведениях Л. Улицкой, нельзя назвать идентичными. Сменяют друг друга эпохи – меняются ценности, нравы в обществе. Человек XXI века, произнося слово «семья», вкладывает в него иной смысл, нежели подразумевали современники Л. Н. Толстого, А. С. Пушкина, И. С. Тургенева.

Итак, проблематика данной статьи связана с выделением и рассмотрением тех особенностей и новшеств, что вносит в понимание темы семьи современная женская проза, и, в частности, Л. Улицкая.

Как уже было сказано выше, в творчестве Улицкой преимущественное место занимает жанр рассказа не в виде отдельного произведения, а в качестве составного элемента цикла. Подобное объединение в некоторых случаях позволяет говорить о смещении жанра в сторону более крупной эпической формы, то есть романа. Цикл «Бедные родственники» (1998) Л. Улицкой написан в рамках технологии «плюс один»: появление нового персонажа провоцирует углубленное путешествие в его историю (по терминологии Д. Бавильского) [1]. Цикл «Бедные родственники» – бесконечное нанизывание эпизодов. Он оказывается дробным романом, «романом-пунктиром». Это современная тенденция создания художественных произведений, отображающая хаотичный, осколочный характер картины мира современного писателя. В современном литературном процессе возникает концепция «нового типа культурного сознания», базирующегося на синтезе реализма и постмодернизма, подробно рассмотренная в статьях Н. Л. Лейдермана и М. Н. Липовецкого [3]. Данная концепция обуславливает индивидуально-авторское переосмысление жанровой парадигмы современного романа, вследствие чего возникает такая новая жанровая форма, как «роман-пунктир».

Каждый из рассказов цикла Л. Улицкой имеет в своей основе интегральные признаки, связывающие его с остальными произведениями цикла. Образ семьи в рамках данного цикла является тем самым интегральным признаком, который пронизывает все рассказы «Бедных родственников».

Образ семьи в рассказах Л. Улицкой нашел воплощение через создание стереотипов героев, устойчивых типов семей, семейного хронотопа.

Муж и жена – это постоянная тема Улицкой. Только в двух сборниках «Дорожный ангел» и «Девочки» она несколько в стороне. В цикле «Бедные родственники» самым первым рассказом задано это направление. Берта и Матиас в рассказе «Счастливые» – одно целое, люди, понимающие друг друга с одного только взгляда. Но это пожилые люди старого мира, прежних традиций и нравов. Современная же эпоха характеризуется «нравственным распадом семьи». Современный мир – мир эмансипированной женщины, для которой семья уже не на первом месте. В центре мира в первую очередь – сама женщина. Обратимся к традиции классического реалистического романа. В. Соболенко в своей работе «Жанр романа-эпопеи» посвятил рассмотрению темы семьи первую главу. В ней он пишет о «мысли семейной» в романах Л. Н. Толстого

«Война и мир» и М. А. Шолохова «Тихий Дон». Исследователь упоминает о новом понимании семьи, представленном на страницах романа М. А. Шолохова это новое заключается в том, что «Наталья равна Григорию, равна в праве определять и строить дальнейшую судьбу своей семьи» [5]. Относительно цикла Л. Улицкой данное понимание не только уже не ново, можно сказать, оно устарело. Мужчина часто теряет функции главы семейства, приобретает черты «мужа-декорации» («Бедная родственница», «Лялин дом»). В произведениях цикла женское начало довлеет над мужским. В центре – женщина. Это проявление дисгармонии современной действительности, одно из проявлений хаотичности современной художественной картины мира.

Подтверждением нового понимания можно считать рассказ «Лялин дом». Красивая, всеми любимая за свой «золотой характер» Ляля – жена и мать двоих взрослых детей. Ключевым моментом в понимании смысла рассказа и в раскрытии образа семьи становится формулировка «тонкой теории брака» Ляли, по которой выходило, что супружеские измены брак только укрепляют. Несостоятельности данной теории и посвящен рассказ. Практика жизни убеждала ее в правоте, пока не появился в доме друг ее любимого сына Казиев.

Связь с ним становится для Ляли неутолимой потребностью, управлять которой она не властна. Прежняя беззаботность и равнодушие к чувствам других заменяется мучительной болью, когда она застаёт с любовником свою невзрачную и нелюбимую дочь. С этого момента героиня впадает в состояние аутизма, которому никто не может найти объяснения. Она целыми днями сидит на кухне перед заложённым кирпичами окном и всматривается в кладку. В правильном чередовании кирпичей ей видится привлекательная простота ее теории брака, в которой измены и чувство вины нежно цементируют любую трещину и щербинку в отношениях. Безуспешные попытки сложить разрушенное в целое она прекращает после того, как понимает ничтожность и пустоту прежней жизни, в которой не видела ничего, кроме себя. Прежняя Ляля сменяется Ольгой Александровной (перемена имени – значимый прием для Улицкой), а ее лицо всегда залито слезами от муки сострадания ко всему живому и неживому.

В противопоставление Ляле, как семейному человеку, можно выделить Казиева как тип «внесемейного» героя. Такой герой характеризуется бессемейным пространством – в данном случае это коммуналка и как воплощение аналогичного локуса – кухня. Такое пространство приобретает значение аксиологической «пустоши», которое ведет к формированию «пустого» человека: без нравственных ориентиров, без духовного содержания [2]. Важнейшим средством создания образа Казиева становится демонологизация персонажа. На протяжении всего повествования Казя сравнивается с фараоновой мумией, положение его во сне, – положение человека в гробу. Казиев исполняет все, что пожелают герои. Он исполняет и желания Ляли. Она заключает своеобразную сделку с Казей. Неизлечимая душевная болезнь Ольги Александровны как один из вариантов платы героя-отступника.

В оппозиции к «внесемейному герою-разрушителю» находится герой-хранитель семейных ценностей. Такими героями в цикле являются Ася («Бедная родственница»), Генеле («Генеле-сумочница»).

Для Л. Улицкой важнейший показатель семейственности – связь не по горизонтали, а по вертикали, т. е. наличие органичных отношений между поколениями, память предков и исторических корней. Настоящая семья осмысливается не только как счастливая жизнь супружеской пары, но – в категориях рода, т. е. исторической «протяженности» семьи [2].

Герои-хранители являются некой скрепой семейных отношений (недаром они являются сквозными персонажами в цикле).

С образом семьи в рассказах цикла неразрывно связана тема детства, которая наиболее полно воплотилась в раскрытии ключевых мотивов особенности ребенка и его особенного появления на свет, болезни и смерти ребенка как восстановление миропорядка.

Ценностным центром семьи становится ребенок, изменяется отношение к любви и долгу.

Так в рассказе «Счастливые», открывающим данный цикл, возникает образ «авраамова» сына. Это произведение исполнено пафосом созидания, космогонической деятельности героев, призванной через ритуалы поправить пошатнувшийся космос. И, несомненно, соподвижником мироустройства должен быть исключительный герой [4]. Таким героем в рассказе выступает сын Вовочка. Пара Матиас и Берта соотносится с первопарой иудаизма Авраамом и Сарой. Также к ветхозаветному тексту нас отсылает ситуация именования ребенка. Среди имен, которые хотели дать Матиас и Берта своему наследнику – Исаак и Яков (Иаков).

«Авраамов» сын – это не только созидатель, это, прежде всего, жертва, необходимая для поддержания и обновления мироустройства [4].

В рассказе «Дочь Бухары» актуализируется мотив особенности ребенка, воплощенной в его болезни. Мила – ребенок, наделенный иным умом и сознанием, в котором все отрицательные, темные человеческие качества стерты, а традиционно христианские ценности (такие как доброта, искренность, сострадание, милосердие) актуализированы. Любовь Милы к земле (как нечто целостное) и отвращение ее к песку (как нечто хаотичное, раздробленное) характеризует ее как стремящуюся к миропорядку и совершенству.

Финал рассказа – это установление нового отсчета времени для нового мира, который создала новая первопара – Милочка и Григорий [4].

Метафора перехода от хаоса к космосу – основополагающая в поэтике цикла «Бедные родственники». Переход от хаоса к космосу происходит не только внутри отдельных рассказов, но и во всем цикле.

Библиографические ссылки

1. Бавильский Д. Небо в алмазах Людмилы Улицкой [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.vzglyad.ru/columns/2005/9/20/7397.html>
2. Лариева Э. В. Концепция семейственности и средства ее художественного воплощения в прозе Л. Улицкой.
3. Лейдерман Н., Липовецкий М. Жизнь после смерти, или Новые сведения о реализме // Новый мир. – 1993. – № 7.
4. Побивайло О. В. Мифопоэтика прозы Л. Улицкой. – Барнаул, 2009.
5. Соболенко В. Жанр романа-эпопеи (опыт сравнительного анализа «Войны и мира» Л. Толстого и «Тихого Дона» М. Шолохова). – М., 1986.
6. Улицкая Л. Е. Бедные родственники. – М.: Эксмо, 2006.

Т. В. Старцева

Кемеровский государственный университет

ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА ОБЪЕКТИВАЦИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО СООТНОШЕНИЯ EMIGRANT – TRAVELLER (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА J. O’CONNOR «STAR OF THE SEA»)

Идея смены пространственного окружения пронизывает всю историю человечества, начиная со времен античности. Данный факт тесно связан с особенностью человеческой природы, стремившейся к познанию нового, обретению благ, более комфортных условий жизни, а также к экспансии на уровне государственных отношений. Как ментальные сущности концепты EMIGRANT и TRAVELLER имеют под собой общий пласт когнитивных моделей – результата рефлексии над обыденным опытом многих поколений.

Если обратиться к фонду мировой литературы, то образы путешествий и путешествующих находят свое выражение в самых различных ипостасях. Путешествие как испытание – часто встречаемая основа сюжета любого национального фольклора: русских народных сказок, былин, ирландских саг и скандинавских песен.

Путешествие несет в себе философский смысл – поиск истины, процесс познания. Согласно А. А. Григорьеву, «в зависимости от различных способов задавания пути следования и понимания того, что скрывается за словом истина, возникают разные варианты не только движения, но и самой цели, которая оказывается неотделимой от своеобразия движения» [2, с. 41]. Так в романе Дж. Свифта «Путешествия Гулливера» герою не только открывается истинная картина человеческих взаимоотношений, но в процессе странствий происходит переосмысление героем собственного места на карте жизни. В современной литературе путешествие стало пониматься также как самопознание, при этом пространственная дислокация отступает на второй план, отдавая приоритеты саморефлексии и погружению во внутренний мир.

Словарь Longman Dictionary Of Contemporary English дает следующее определение слову traveller: someone who is on a journey or someone who travels often. Таким образом, мы можем заметить, что основной характеристикой, отражаемой в дефиниции, становится процессуальность совершаемого субъектом действия, в то время как семантические маркеры цели отсутствуют. Исходя из данного факта, мы можем представить сложную модель действия, производимого субъектом, которое может включать в себя ряд последовательных действий иного рода, их целевые установки и мотивированность, как с точки зрения самого субъекта, так и точки зрения его окружения.

В современной науке понятие «эмиграция» толкуется как: 1) добровольное или принудительное перемещение населения из стран постоянного проживания в другие страны, вызываемое различными причинами (экономическими, политическими, религиозными и др.), 2) совокупность эмигрантов, проживающих в той или иной стране, сохранившая свои этнокультурные и языковые традиции. Словарь Webster's Online Dictionary выделяет следующие значения слова emigration: 1. Migration from a place (especially migration from your native country in order to settle in another). 2. The act of emigrating; removal from one country or state to another, for the purpose of residence, as from Europe to America, or, in America, from the Atlantic States to the Western. 3. A body emigrants; emigrants collectively. В качестве прилагательного у слова появляются дополнительные значения: 1. Being alien or foreign. 2. Being colonial. Американский исследователь Эдвард Сайд понимает явление эмиграции не только как пространственное перемещение – «актуализированное состояние изгнания, ссылки», но и как «метафорическое состояние жизни вне привилегий, соблазнов и влияния определенной культуры» [5, с. 373]. Словарь Webster's Online Dictionary определяет слово emigrant как someone who leaves one country to settle in another. В данном случае в дефиниции обозначены целевые установки, процессуальность отступает на второй план.

Н.Н. Болдырев подчеркивает особую роль концептуальной информации, кодируемой языком, так как «именно концепт определяет семантику языковых единиц, используемых для его выражения» [1, с. 3]. Если сравнить понятийную сторону концептов EMIGRANT (E) и TRAVELLER (T), то можно выделить следующее соотношение признаков:

E	T
Результативность	Процессуальность
Соотнесенность с социальным классом, группой	Социальная несоотнесенность
Наличие конкретных целевых установок	Отсутствие явных целевых установок
Отчужденность	Открытость

1. Соотношения признаков *результативность – процессуальность* и *наличие конкретных целевых установок – отсутствие явных целевых установок* позволяет сделать вывод о том, что концепт TRAVELLER шире по содержанию, чем концепт EMIGRANT, ввиду подвижности своего контента, способного включать в себя новые признаки в зависимости от пространственно-временного континуума и личностно-мотивационного фактора. В то время как концепт EMIGRANT предполагает наличие конкретной целевой установки – *removal from one country or state to another, for the purpose of residence*. Тем не менее, возможными представляются как узкое понимание лексемы *traveler* – человек, находящийся в пути в данный момент, так и широкое – человек, неоднократно перемещающийся с одного места на другое.

2. *Соотнесенность с социальным классом, группой – социальная несоотнесенность*. Эмиграция, будучи, в первую очередь, явлением социальным предполагает априори определение эмигрантов как группы людей (*body emigrants*), выделяющейся в новом обществе на основании общей национальной принадлежности, объединенных социокультурными традициями, существующими в их родной стране. Специфика мировосприятия чаще всего обуславливает появление внутренних барьеров при взаимодействии человека с новой культурной средой, тем самым, предопределяя появление особой социальной группы, членам которой комфортнее взаимодействовать друг с другом, нежели с новым окружением.

По данному аспекту признак социальной соотнесенности с каким-либо классом или группой не актуален для концепта TRAVELLER. Путешествующий может принадлежать к любой общности, оставаться вне какой-либо общности – перемещение в пространстве, являясь основным признаком концепта, не предполагает закрепление в конкретном сегменте социальной иерархии.

3. *Отчужденность – открытость*. Признак чужеродности (*alien, foreign*), относящийся к концепту EMIGRANT говорит о промежуточном положении человека или группы людей в новом социуме и имеет негативный окрас, поскольку речь может идти как о внешних проявлениях отчужденности, ведущей к коммуникационному провалу, так и о внутренних проявлениях, выраженных в эмоциональном состоянии.

Путешествующий, в свою очередь, имеет возможность проникновения в самые различные сферы бытия. Поскольку пространство вокруг него постоянно меняется, а сам он неизменно находится в процессе движения (*being on a journey*), то какие бы то ни было границы – социальные, межличностные теряют для него актуальность. Таким образом, концепт TRAVELLER обладает признаком открытости.

Гендерный аспект рассмотрения концептуального соотношения EMIGRANT – TRAVELLER представляет интерес в виду того, что лексическое воплощение исследуемых концептов не имеет гендерных маркеров. Суффиксы *-ant, -er* содержат сему деятеля, безотносительно родовой принадлежности лица, совершающего действие. Тем не менее гендерная принадлежность обуславливает ряд поведенческих и коммуника-

тивных моделей, социальных ролей. Согласно В. А. Масловой, гендер – это «большой комплекс социальных и психологических процессов, а также культурных установок, порожденных обществом и воздействующих на поведение национальной языковой личности» [3, с. 124]. Культурно-исторический фон в совокупности с мотивационно-личностным и гендерным планом формируют содержание концептуальной пары EMIGRANT – TRAVELLER как ментальных сущностей. При этом учитывается именно узкое понимание лексемы TRAVELLER - being on a journey. Таким образом, выступая в качестве синонима к слову EMIGRANT, данная лексема отражает одну из сторон эмиграции – непосредственно процесс перемещения.

Материалом исследования послужил роман Дж. О’Коннора «Звезда моря». В данном исследовании мы попытались рассмотреть гендерный аспект описания автором эмигрантов в процессе их путешествия. Анализ текста произведения позволил выявить следующие группы признаков, формирующих структуру концепта EMIGRANT: внешние признаки (соматические, признаки физического состояния), внутренние признаки (ментальные, эмотивные, признаки характера), реляционные признаки, социальные признаки, прагматические признаки и духовные признаки.

Внешние признаки. В данную группу вошли лексические единицы, выступающие в качестве соматических характеристик и характеристик физического состояния эмигрантов. Портрет мужчины - эмигранта включил в себя большое число единиц с отрицательной коннотацией – неприятная внешность (*face disfigured with scars, cross-hatched with blemishes, deformity, arms were very long, calloused small hands*). Эмигрант физически слаб, болен, или же имеет какое-то увечье: *his left foot dragging as though hefting an anchor; a distorted foot in a brick of wooden clog; His wan blue eyes had an unhealthy clarity which made the rest of his face seem dark despite its pallor; ... they would hear the clug of his wooden shoe above them., like a featherweight.*

Эмигрант описывается как кукла, марионетка, умирающее существо: *The refugees would hear him opening the hatch, hobbling down the ladder and into the gloom of candles; his hair wild, his clothes sodden, his glazen eyes like those of a half-dead mackerel.* В вышеизложенном примере герой-эмигрант сравнивается с полумертвой рыбой (*half-dead mackerel*), его глаза стеклянные, как у неживого человека (*glazen eyes*). *They watched as he shivered the length of the cabin, as he dragged himself down through the bundles and baskets, flaccid with exhaustion, dripping and coughing, a battered puppet whose strings had been cut.* В приведенном примере автор сравнивает эмигранта с марионеткой (*puppet*) –искусственной моделью человека. Тем самым подчеркивается несостоятельность, зависимость эмигранта, невозможность его самостоятельных действий. *His hair, as a hideously overgrown black dandelion, might once have belonged to a pantomime ghoul.* В данном примере герой сравнивается с существом из потустороннего мира – *ghoul*, при этом его образ не становится зловещим, напротив, сочетание *pantomime ghoul*

представляет собой своеобразную насмешку, метафорическое низвержение зловещего образа до человека, не имеющего слов, человека пантомимы.

Что касается внешних признаков женщин-эмигрантов, то значимыми становятся такие соматические характеристики, как физическая привлекательность (*pretty little thing*) и возраст (*elderly woman*). Внешность женщины может быть карикатурной: *His sister, who looked like a caricature of a cardinal, was systematically breaking the petals off a yellow rose.*

И для мужчин и для женщин признаки физического состояния содержат негативный окрас. Эмигранты больны: *From the heart of the din came the groans of the sick, the sick and the healthy sleeping side by side.* Эмигранты умирают во время путешествия: *Those who had died the night before...*

Внутренние признаки. К внутренним признакам относятся ментальные, эмотивные признаки и признаки характера. Эмигрант представлен как человек одержимый (*a man possessed, half mad*), не способный мыслить адекватно по причине алкогольного опьянения (*drunk*). Но в то же время позитивные характеристики касаются его знаний и памяти - *He knew the names of an astonishing number of species of fish.*

Мужчина-эмигрант обладает способностью предчувствовать события: *the air of anguished expectancy he bore; a look of bewilderment or foreboding.* Ему присуще чувство страха и угнетенности, сравнимые с теми, которые может испытывать ребенок: *perpetually frightened watchfulness of the abused child.* В описаниях эмоциональной стороны жизни преобладают признаки, составляющие картину безрадостного бытия (*mournful face, carry an indescribable burden*) и отчуждения от мира, отсутствия какой-либо реакции на события в нем происходящие: *He had remained imperturbable; ... so cold was his expression.* Эмигрант мужчина обладает такими чертами характера как осторожность и скрытность (*shifting cautiously, furtively, always alone*).

Внутренние признаки, относящиеся к описанию женщин-эмигрантов, также касаются эмоциональной стороны жизни. Героиня испытывает тоску по дому: *Perhaps she is homesick.* Ее характерная черта – противоречивость и упрямство: *When usually she's hale as Connemara pony. And quite as bloody-minded as one too.*

Реляционные признаки. Данная группа признаков относится к сфере взаимоотношений людей и специфики их отношения к миру. Эмигрант-мужчина наделяется таким признаком как отсутствие интереса к окружению, апатия: *Heroes did not interest him as much as sleep. He was immune: a crag in the vastness surrounding him.* Пример содержит метафорическое сравнение героя-эмигранта со скалой – неживой сущностью. Тем самым подчеркивается отсутствие жизненных связей человека с окружением. Эмигранты-мужчины часто пьяны и агрессивны в своем поведении: *The news led to frustrated drinking among the men, which in turn had led to frustrated fights;* ироничны в общении: *He had his countrymen's habit of talking in ironies that do not seem ironic: of turning a question back on the interrogator.*

И женщины и мужчины, переплывающие океан, чтобы поселиться в другой стране, сравниваются с укротителями сил природы: *And the breakers thrashed and battered our shelter; like wind made flash, incarnate and animate, a derision of hubris of those who had dared to invade them.* По данному аспекту выделяется также признак единства эмигрантов – мужчин и женщин в процессе противостояния стихиям: *the angrier the sea, the icier the rain, the more palpable the solidarity among those withstanding them together.*

Социальные признаки. Наибольшее количество лексических единиц, встречаемых в тексте произведения, формируют социальный портрет эмигранта как бедного человека: *“As poor as a pox-doctor’s clerk”, the Mate remarked, watching him shuffle silently away.* Низкое социальное положение, бедность, плохие жизненные условия создают почву для процветания воровства в среде эмигрантов: *theft of food was far from unknown on the Star...* Люди, изначально принадлежавшие к высшему обществу на родине, теряют свой статус, приезжая в другую страну: *How can an Earl be fallen low as a tradesman?* Граф становится торговцем, причем данный статус рассматривается как позорное падение, на что указывает лексема *fallen*.

Признак плохого материального положения является актуальным и для женщин: *the destitute women of steerage; one woman, little more than an agglomeration of rags.* Также значимым фактом оказывается исполнение женщиной определенной социальной роли: *She enjoyed the role of the concerned wife, particularly when she had an audience to appreciate her concern.*

Прагматические признаки. Данная группа признаков включает в себя единицы, значение которых соотносится с целевыми установками человека, способностью реализации их на практике, а также с материальной стороной человеческой жизни. С точки зрения прагматики, мужчины, и женщины предстают обманутыми и ограбленными: *Many had been robbed in that unhappy and violent city, swindled into parting with their few possessions.* Однако если у мужчин эмигрантов прослеживается желание реализовать те или иные свои интенции в будущем (*«Indeed,» he said. «I mean to go into business, Lockwood.»*), то у женщин подобный признак не был выявлен.

Духовные признаки. В эту группу вошли характеристики, связанные с нематериальной сферой бытия. Эмигрант-мужчина наделяется сверхъестественными способностями: *He seemed to bring below the stinging cold of the night; a sense of his presence before seeing him; Materializing with the stars, stealing below with the sunrise.* Наряду с вышеизложенным значимым становится признак принадлежности к религиозной конфессии, как женщин, так и мужчин, и ритуальность поведения мужчин: *But then it occurred to someone that the Ghost might be «a Jewman», or possibly even some kind of Protestant; The sailors sometimes wondered if the Ghost’s nightly ritual was a religious observance or exotic self-punishment, such as the Catholics of Ireland were whispered to favour* признак избранности в религиозной среде – эмигрант наделяется характеристикой святости, предстает как религиозный наставник: *Maybe the Ghost was a holy man: one of their gurus.*

В то же время эмигрант-мужчина описывается как существо сверхъестественное, призрак (*Ghost*), бог (*Prometheus in rags, awaiting the avid birds*), обитатель потустороннего мира из национальных легенд, обладающий особой силой, даром: *His apparent fear of daylight and love of the darkness led some of the imaginative to call him "a cithoge"; a weird supernatural of Irish legend, the child of a faerie and a mortal man, possessed of the power to curse and conjure.*

Женщины в тексте произведения наделены религиозностью, проявляющейся в исступленных песнопениях: *a woman deliriously chanting the Mysteries*. При этом молитвы сравниваются с языческими заклинаниями, колдовством: *Their prayers were like spells or voodoo incantations*. Таким образом, выявляется имплицитный признак – обладание магической силой.

И женщины и мужчины верят в священные артефакты и чудесные явления: *They talked in a non-chalant, matter-of-fact manner about miracles; saintly apparitions; statues that bled*. Ирландцы, эмигрирующие в Америку, в романе соотносятся с израильским народом, совершившим исход из Египта: *The exodus is indeed being undertaken now.*

Признаки концепта EMIGRANT	мужчины	женщины
I. Внешние признаки		
<i>Соматические признаки</i>		
Приятная внешность	-	+
Неприятная внешность	+	-
Карикатурность	-	+
Старость	-	+
<i>Признаки физического состояния</i>		
Здоровье	-	+
Увечье	+	-
Болезнь	+	+
Смерть	+	+
II. Внутренние признаки		
<i>Ментальные признаки</i>		
Знание	+	-
Безумие	+	-
Одержимость	+	-
<i>Эмотивные признаки</i>		
Предчувствие	+	-
Печаль	+	-
Невозмутимость	+	-
Тоска по дому	-	+

<i>Признаки характера</i>		
Своенравие	-	+
Осторожность	+	-
Скрытность	+	-
III. Релятивные признаки		
Апатия	+	-
Пьянство	+	-
Агрессия	+	-
Ирония	+	-
Единство	+	+
Борьба	+	+
IV. Прагматические признаки		
Наличие цели	+	-
Объект мошенничества	+	+
V. Социальные признаки		
Бедность	+	+
Богатство	+	+
Преступление	+	+
Потеря статуса	+	-
Социальная роль	-	+
VI. Духовные признаки		
Сверхъестественные способности	+	+
Принадлежность к религиозной конфессии	+	+
Ритуальность поведения	+	-
Религиозность	+	+
Святость	+	-
Вера	+	+

Данные, указанные в таблице, позволяют говорить о том, что наиболее значимыми в авторском представлении становятся реляционные, социальные и духовные аспекты жизни эмигрантов обоих полов. Признаки, относящиеся к данным сферам, представлены в большинстве. Для женского персонажа внешние признаки оказываются представлены полнее, в то время как для мужского типа героя более полной является картина внутреннего мира человека.

Библиографические ссылки

1. Болдырев Н. Н., Куликов В. Г. О диалектном концепте в когнитивной системе языка // Известия РАН. Серия лит. и яз. – 2006. – № 3. – С. 3–13.
2. Григорьев А. А. Философская тематизация концепта "путешествие" (охота за истиной) // Вопросы философии. – 2009. – № 10. – С. 40–47.

3. Маслова В. А. Лингвокультурология. – М. 2007. – 208 с.
4. O'Connor Joseph. Star of the Sea. – Harcourt, 2004. – 401 p.
5. Said Edward. Intellectual Exile: Expatriates and Marginals. In: The Edward Said Reader. Ed. by Moustafa Bayomi and Andrew Rubin. – New York, 2000. – P. 368–381.
6. Webster's Online Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.websters-online-dictionary.org/>
7. Longman Dictionary of Contemporary English [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ldoceonline.com/>

О. Л. Ермакова

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

ИМЕНА «ИВАН» И «АБРАМ» КАК ЭКЗЕМПЛИФИКАТЫ

Антропони́мы окружают нас постоянно, сопровождая человека с рождения до смерти. Порой индивидуальный антропоним в силу обстоятельств принимает на себя и дополнительные функции, в частности, специфическую экзemplификативную.

Традиционно некоторые из имен выступают в экзemplификативной функции, обозначая человека как представителя определенной национальности.

Так, диминутив «Хачик» (от полного армянского имени Хачатур) превратился в нарицательное пренебрежительное обозначение кавказца вообще, совсем не обязательно армянина [4, с. 494; 7, с. 204]. Встречается и сокращенная форма «хач», чаще во множественном числе (националистический лозунг «Бей хачей!).

По сведениям времен Первой Мировой войны, памятны обозначения немцев как гансов или фрицев (от распространенных уменьшительных от полных имен Иоганн и Фридрих). Известно обозначение американцев «Сэм» или «дядя Сэм» (от имени «Самуил», вовсе не самого частого среди американцев).

Любопытно, что в качестве экзemplификатов используются, как мы видим в приведенных 4 примерах, именно диминутивы, а не полные имена, что создает, на наш взгляд, доверительную интонацию подобных обозначений, подчеркивая их неофициальность.

В той же экзemplификативной функции часто употребляются имена Иван и Абрам как обозначения соответственно типичных русского и еврея.

Нельзя не признать такой выбор исключительно точным по целому ряду приводимых ниже оснований.

Противопоставление одного народа другому путем антитезы Иван-Абрам отметим, например, в строках стихотворения Б.Слущкого «Про евреев»:

Иван воюет в окопе,

Абрам торгует в рабкопе...

Отметим отчетливые коннотации – положительные у имени Иван и отрицательные у имени Абрам. Иваном быть хорошо, а Абрамом – не очень...

Та же антитеза экземпляфикатов обыграна в названии известного кинофильма «Я Иван, ты Абрам» (1993 г., сопроизводство Франция-Беларусь, режиссер И.Зоберман), где драматические события в Польше 1939 г. соединяют русского и еврейского подростков.

Современный анекдот, пародируя традиционную сказочную формулу, гласит: «Не пей, Абрамушка, Иванушкой станешь!» Юмористический эффект выражен как в комичном соединении еврейского имени «Абрам» и русского уменьшительно-ласкательного суффикса «-ушк-» (традиционный еврейский диминутив – «Авремеле» или «Аврумеле»), так и в противопоставлении традиционной русской национальной черты – склонности к пьянству [2, с. 66] типичной еврейской абстиненции. Комизм и в абсурдном предположении, что пьющий еврей может якобы таким простым маневром превратиться в русского, что абсолютно исключено, ведь в соответствии с Торой перестать быть евреем, если ты им родился, невозможно никоим образом ни при каких обстоятельствах.

В талантливой, только что получившей премию ТЭФИ 2010 г. передаче «Прожектор Пэриксилтон» в сентябре нынешнего года остроумный Сергей Светлаков, поддразнивая своего соведущего за еврейское происхождение, назвал его так: «Иван Ургант... Абрам Сидоров, вот он кто!» В этой фразе имена Абрам и Иван выступают как ситуативные антонимы, подчеркивая несовпадение национальности человека и его связанного ассоциацией с другой национальностью имени.

Обратимся вначале в соответствии с алфавитом и хронологией к антропониму Абрам, или, что более соответствует этимологии, Авраам. Закономерно, что обозначением еврея стало имя одного из трех праотцов еврейского народа, «первого еврея», ветхозаветного пророка Авраама [5, с. 23–24]. В имени прозрачен смысл («ав» – отец, «ам» – народ), то есть Авраам – отец многих народов. Глубочайшее уважение к праотцам-патриархам проявляется в том числе и в наличии многочисленных носителей этого имени в различных национальных вариантах (Авраам, Абрам, Абрахам, Ибрагим и т. д.) на протяжении всей истории мировой цивилизации.

Энциклопедия символов отмечает, что «жизненная энергия, заложенная в имени Абрам, колоссальна, однако, к великому сожалению, получая в детстве это имя, Абрам поневоле принимает на себя негативную Карму всего еврейского народа, вечного скитальца и изгнанника. Можно долго спорить о том, справедливо ли это, но главное, что факт негативного отношения к евреям, увы, существует. Давно уже став нарицательным, это имя способно превратить жизнь своего обладателя в трагедию, что может привести либо к подавлению и унижению личности, либо, наоборот, к резкому конфликту с окружающим обществом. Только очень сильный человек способен сохранить равновесие в такой ситуации. В силу негативного влияния общееврейской Кармы многие Абрамы стараются сменить свои имена на более нейтральные; между тем это на-

поминает позицию страуса, прячущего голову в песок, - ведь от себя не убежишь - и только личной работой можно преодолеть негативную Карму» [8, с. 252.].

Показательно, что имя и сегодня является одним из самых популярных среди представителей еврейского народа, поскольку аллюзивный потенциал его чрезвычайно велик и в основном положителен. Евреи верят, что имя дает человеку помощь всех его прежних носителей.

Наряду с серьезным, уважительным отношением отметим и иное использование в русском обиходе имени «Абрам»: «Так иногда пренебрежительно, иногда просто с легкой иронией, а иногда и оскорбительно называют евреев» [6, с. 244] Ср.: «Абрам Абрамович, Абраша – еврей» [1, Т.1. , с. 13].

Иногда для усиления иронии нарицательное «абрам» с помощью уменьшительно-ласкательного суффикса и окончания множественного числа превращается в «абрамчиков», как в песне А.Галича «Городской романс»:

*Я живу теперь в доме – чаша полная,
Даже брюки у меня – и те на молнии...
Я папаше подношу двести граммчиков,
Сообщаю анекдот про абрамчиков!*

Выразительная художественная деталь – «анекдот про абрамчиков» – явственно обозначенный знак времени и места, то есть послевоенного Советского Союза с недекларированным, но весьма ощутимым государственным антисемитизмом, проявившимся в известных событиях 1948 года.

Так, во всемирно знаменитой песне Ш. Секунды «Бай мир бист ду шейн» (оригинальный текст на идиш посвящен воспеванию любимой девушки) именно в это время в популярном в СССР варианте появились глумливые слова:

*Несу я сумочке кусочек булочки, кусочек курочки и пирожок...
Я никому не дам, все скушает Абрам
И станет, как набитый барабан!*

Отметим, что в 60-е годы прошлого века русский писатель А. Д. Синявский совершил в своем роде мужественный поступок, взяв себе псевдоним Абрам Терц, и на скамью подсудимых вместе со своим другом, евреем Ю. Даниэлем (писавшим под русским псевдонимом Н. Аржак) пошел под этим же именем, что было знаком особого безрассудства.

Имя Иван – всемирно известный экземпляр русского человека. Русский Иван, Ваня и просто Ванька – носители «загадочной русской души», неопределимого и неуловимого менталитета.

Имя широко распространено среди русского населения – по-другому не могло быть, ведь с крещения Руси вплоть до 1917 года имена православным христианам давались по Святцам, а там имя Иван встречалось (беспрецедентно!) 106 раз в году, фактически раз в 3–4 дня: 7, 15, 17, 22, 24, 26, 27, 30 и 31 января; 4, 10, 21, 23, 24, 26 и 29

февраля; 5, 9, 11, 16, 20, 27, 29 и 30 марта; 8, 11, 12, 14, 18, 19, 27 и 29 апреля; 6, 7, 8, 12, 14, 19, 20, 22, 23, 24, 25, 26, 27 и 29 мая; 2, 7, 10, 12, 19, 20, 24, 26, 27, 28 и 30 июня; 3, 12, 18, 21, 30 и 31 июля; 2, 3, 4, 9, 18, 25, 29 и 30 августа; 2, 3, 7, 14, 15, 20, 23, 26 и 28 сентября; 1, 2, 3, 12, 15, 19, 21, 22 и 28 октября; 1, 4, 9, 12, 13, 20, 28 и 29 ноября; 2, 3, 4, 7, 10, 11, 17, 20 и 29 декабря [3, с. 53–55]. Даты приводятся по старому стилю.

В рамках нашей темы отметим, что не так редко отмечались дни памяти святых, носивших имя Авраам, – в общей сложности 13 раз в году. Как и большинство имен в Святцах, Иван по происхождению является, как принято говорить, древнееврейским и означает «Милость Божия». Носить такое имя в память какого-либо соименного святого, начиная с Иоанна Крестителя, – честь великая и обязывающая для выходца из любого социального слоя.

Большая распространенность способствовала обилию креативных уменьшительных, зафиксированных, например, в частушках:

*Ой ты, Ваня-Ванюрок, Ваня-Ванюратка,
Заморозил ты меня хуже лихорадки.
Через речку, через мост я кричала перевоз,
Меня душечка-Ванюшечка на ручках перенес.
Я, бывало, называла то Ванюша, то Ванек,
На свиданье поджидала, не тушила огонек.
Полюбила я Ванюшу,
Загубила свою душу.
Подружка моя, нет милее Ванечки,
Он матаня, я матаня, оба мы матанечки.
Ваня-Ваня-Ванчик, какой же ты обманик:
Сам завлек, погубил, сам другую полюбил.
Ой ты, Ваня-Ванюша, в тебе неверная душа,
Сам завлек, теперя бросил – чем же я нехороша?
Ваня, Ваня ванистый, какой Ваня приманистый,
За Ваней девки вяжутся, каждый вечер мажутся.*

Часто встречается имя Иван и в других популярных жанрах русского фольклора: – колыбельных (Мой Ванюша будет спать, будет глазки закрывать); – загадках (Встану я рано, пойду к Ивану – долгому носу, пустой голове. – Отгадка - рукомойник. Черный Ивашка, деревянная рубашка, где носом ведет, там заметку кладет. – Отгадка – карандаш);

– паремиях (Был у меня муж Иван – не приведи Бог и вам. Велика Федора, да дура, а Иван мал, да удал. Добрый Иван и людям, и нам, худой Иван ни людям, ни нам. Иван Марьи не слушается: сам приказывать горазд. Иван кивает на Петра, Петр на Ивана. Иван Васин на все согласен. Крепко Ванька печку склал – аж дым с трубы нейдет. Каждая дрянь из себя Ивана Ивановича корчит. Нашему Ивану нигде нет талану.

Роди сначала няньку, а потом и Ваньку. С именем Иван, без имени болван. Чему Ваня не научился, того Иван не выучит. Щеголь Ивашка, что ни год, то рубашка.);

– в сказках (Иван-царевич, Иван-дурак, Иван-коровий сын);

– в анекдотах (Война. Немцы приходят в деревню. Подошли к старому деду и говорят: – Как зовут тебя, дед? – Иван. – На, Иван, пряник. Покажешь, где партизаны прячутся? – Конечно, покажу, отчего не показать. – А как фамилия у тебя, Иван? – Су-санин. – Отдай пряник, сами найдём...).

Таким образом, мы убеждаемся, что не вполне обоснованным является привычное противопоставление условного Абрама условному Ивану, ибо народы эти имеют очень много общего, что подчеркивается как общим (древнееврейским) происхождением обоих имен, так и общим (русским) языком, который бережно хранит оба имени.

Хотелось бы, чтобы приведенные материалы способствовали осознанию безусловной ценности каждого отдельного человека и каждого этноса, помогали взаимопониманию и уважению каждого народа, вне зависимости от того, как звучат экземплификаты, эти народы определяющие.

Библиографические ссылки

1. Балдаев Д. С. Словарь блатного воровского жаргона. – М.: Кампана, 1997.
2. Гачев Г. Ментальности народов мира. – М.: Эксмо, 2003.
3. День ангела. Справочная книга по именам и именинам. – СПб.: ТРИАЛ, 1992.
4. Никитина Т. Г. Так говорит молодежь. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998.
5. Певзнер К. Еврейские имена. – Тель-Авив: SeferIsraeli, 2002.
6. Раскин И. Энциклопедия хулиганствующего ортодокса. – М.: Книжный клуб 36.6, 2005.
7. Толковый словарь молодежного сленга. – М.: Премьера, 2008.
8. Шейнина Е. Я. Энциклопедия символов. – М.: АСТ, Харьков: Торсинг, 2007.

А. П. Суржукова

Кемеровский государственный университет

ФОРМА ПРЕЗЕНТАЦИИ СЛОВА РАССКАЗЧИКА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

Художественное произведение при каждом прочтении может выдавать новую информацию. Возможность различных интерпретаций одного и того же текста является необходимым и важным признаком художественности. При этом имеет место два пути проявления этого: во-первых, читатель понимает, осознает и принимает только небольшую часть всех смыслов, которые автор поместил в свое произведение, и, во-вторых, читатель формирует гораздо больше смыслов, чем сам автор. Поэтому нельзя говорить о том, что интерпретация художественного текста допустима только в одном правильном варианте, и тем более о том, что интерпретация должна полностью совпадать с замыслом автора, задача которого не только донести до читателя свои мысли,

идеи и чувства по определенному вопросу или проблеме, но также дать основу для дальнейших самостоятельных размышлений читателя.

В настоящее время самой широко распространенной формой повествования в художественном тексте является «внутренняя точка зрения», т. е. все события описываются «изнутри» конкретного персонажа. Автор «перепоручает» повествование своему вымышленному герою, тем самым выражая свою точку зрения, он, тем не менее, снимает с себя часть ответственности и перекладывает ее на персонажа.

Наиболее распространенными формами выражения своих мыслей, чувств, идей и эмоций являются письмо и дневник как наиболее личные и интимные. Именно поэтому современные авторы (Я. Вишневский, С. Ахерн) очень часто выбирают такой способ подачи информации в своих произведениях. При этом произведение может либо быть полностью написано в эпистолярном жанре или в жанре дневниковых записей, либо автор может использовать метод вкрапления писем, выдержек из переписки, части записей из дневников для более точного описания происходящего, тем самым как бы отходя в тень и давая читателю возможность посмотреть на все глазами самого персонажа (Д. Риз). Находясь в такой позиции «не навязывания» своего мнения, автор перестает быть ключевой фигурой произведения, выводя на первый план героев, одним из которых и становится сам читатель.

Данное выведение в рассказчики того или иного персонажа можно обозначить «противонаправленными, но взаимосвязанными процессами – фокусированием и подавлением». Механизмы «подавления информации» очень значимы для освоения мира, они направлены на устранение, выведение из фокуса внимания определенных свойств, объектов и ситуаций. При обработке данных «подавление» играет роль фильтра, который «отсеивает» информационные «помехи». Суть состоит в том, чтобы отодвинуть на задний план (т. е. осознанно подавить) те или иные события и черты. В данном случае возникает аналогия с наведением камеры в кино, когда объекты, не попавшие в фокус, остаются в кадре, хотя и в «размытом», нечетком виде [3].

Таким образом, автор, перепоручая герою повествование, делает главным именно повествование героя, уводя при этом в тень других персонажей, которые в тексте показаны через призму чувств героя-рассказчика. Фокусирование происходит на его точке зрения, в то время как точки зрения других становятся не такими яркими, очевидными, а соответственно, и правильными. Яркими примерами такого построения текста являются «дневниковая запись», «отчет» и «письмо». При этом под «письмом» мы понимаем не деловую переписку, а романтическую и любую другую, подразумевающую ответ.

Эпистолярный жанр – это жанр литературного произведения, который характеризуется тем, что повествование преподносится читателю в форме переписки. Не стоит путать эпистолярный жанр и дневниковые записи, так как первый характеризуется обязательным наличием адресата и получателя письма, а для второго это совсем не характерно.

«Опасные связи» до Лакло стали вершиной эпистолярного романа. «Мартовские иды» Уайлдера и «Письма к незнакомке» Моруа, продолжая традиции эпистолярного романа, появились на свет уже тогда, когда эпоха писем подходила к концу [10].

Попытки возродить эпистолярный жанр, но в современном варианте, воплотились, например, в романе Януша Вишневского «Одиночество в Сети» и Сесилии Ахерн «Там, где заканчиваются радуги».

В настоящее время написание письма сохранило все основные черты. Однако, на наш взгляд, с учетом развития новых технологий, стала нивелироваться возможность не ответить на письмо, т. к. дублировать электронное письмо гораздо легче, чем бумажные варианты, который мог затеряться, быть доставленным не по адресу или просто быть написанным «в стол», для выражения своих чувств, но не представления его другим.

Круг источников по «истории» повседневности весьма разнообразен: среди них выделяются наиболее информативные, а встречаются и специально созданные для описания (фиксации) реалий повседневной жизни. Именно к таким относятся дневниковые записи.

Связь формы текста с жизненным опытом, процесс отражения опыта в дневниковых записях выступает как проблема обусловленности текста переводом невербальных образов памяти в вербальные образы текста. План выражения зависел от способности и возможности облекать свои чувства и мысли в словесную форму, какую дают индивидуальность, профессия, культура.

Содержание дневников как документов личного происхождения часто полифонично: один и тот же автор мог оставить в них свидетельства, существенные для изучения очень разных тем. Поэтому единая общепринятая классификация этого рода текстов не выработана. Наибольшее распространение получила их группировка по двум признакам: преобладанию тематико-хронологического содержания и социально-профессиональной принадлежности автора.

Единое назначение разнообразных по содержанию дневников порождает единую форму их текстов, основной структурной единицей которых является подневная запись. В пределах таких записей повторяющимся элементом выступает календарная дата. Она объединяет самые разные события и организует изложение о них. Чаще всего запись о событии производится в тот день, когда оно произошло. Однако сам по себе принцип хронологически последовательного изложения событий фиксирует их механически: с минимальной внутренней связанностью, без организации по их значимости. В дневниковых же записях имеет место селекция повседневности — текущие события фиксировались выборочно, что определялось свойствами личности их создателя. Дневник выступал средством работы человека с воспоминаниями о происшествии дня, пропущенными через внутреннюю цензуру, в результате которой дискретные события объединялись в цельное повествование. В этом проявля-

лась «собираательная» роль автора по отношению к хаосу фрагментов повседневности прошлого. Частица повседневной жизни, которую доносит дневник, очерчивал сам автор по своему усмотрению.

По сравнению с письмами и воспоминаниями, дневниковые записи представляли собой более непосредственную форму самовыражения личности – в идеале наедине с собой. Поверяя бумаге свои наблюдения, чувства, мысли, автор дневника обычно не предполагает постороннего читателя (автокоммуникация).

Образ автора обуславливает существование некоторого типичного автора, пишущего в том или ином жанре. Тип автора выступает как организующий момент жанра, «изображающее начало». При выделении типа автора важно отделить собственно авторские характеристики (личное начало) от жанровых особенностей, где устанавливаются «образы» для того или иного жанра.

В личном дневнике рассказчик выступает в роли повествователя. Создавая дневник, человек изо дня в день накапливает в нем факты своей жизни, свои чувства и эмоции, реакцию на события, произошедшие непосредственно с ним или услышанные им от других лиц, впечатления от встреч и разговоров с другими людьми, надежды на будущее и анализ прошлого.

Объективный мир автора дневника строится по отношению к ситуации как «объективированный». Автор актуализирует ряд важных событий в высказывании как последовательное перечисление, т. е. «объективное» описание (взгляд со стороны) жизни с комментариями.

Большинство жанров естественной письменной речи характеризуются как эмоциональные жанры, однако среди них можно выделить разных авторов по степени эмоциональности. Автору личного дневника свойственна предельная искренность и открытость. По эмоциональному напряжению автор личного дневника характеризуется как «нейтральный», т. к. большинство записей является констатацией фактов из его собственной жизни.

В репрезентации своего образа автор дневника выступает в роли «героя».

Автор, судя по записям, живет в двух мирах: мир дневника и мир реальный, между которыми возникает противоречие: глубокое внутреннее переживание и эмоции, которые прячутся и стараются не проявляться в жизни. В мире дневника автор предстает как страстная, эмоциональная натура, способная на любые поступки, в реальном мире автор нерешителен, может подчиняться влиянию других. Такова особенность дневниковых записей автора-подростка, который обладает эмоциями, но не может открыто выразить их, и толчком к созданию дневника является какое-либо переживание личного характера [1].

Если основными критериями определения позиции считать такие факторы, как «информация» и «адресат», то приоритеты получаются следующие:

Форма	Важность адресата	Важность информации
дневниковая запись		+
письмо	+	+
отчет	+	

Отчет как одна из форм письменной коммуникации предполагает наличие адресата и определенной информации, предположительно интересной или требуемой для него. Важна так же и подача информации, которая чаще всего носит строгий, точный, деловой характер. В свою очередь для письма характерны такие показатели, как адресат, ответчик и информация, представляющая интерес для обеих сторон. А для дневниковой записи важна только информация, т. к. она носит сугубо личный характер. С учетом расстановки приоритетов форма «письмо», для которого важны оба фактора, находится в промежуточной позиции между «дневниковой записью», для которой важна информация, и «отчетом», для которого важен адресат.

С учетом критерия только фактора «адресата» промежуточной формой является форма отчетов, т. к., с одной стороны, отчет предполагает получения его кем-то, что является сходной чертой с письмом, с другой стороны, не предполагает наличия ответа, что объединяет данную форму с формой «дневниковой записи».

Библиографические ссылки

1. Алмаева К. А. Характеристика автора жанра «личный дневник» // Вестник Кемеровского государственного университета / под ред. Невзорова Б. П. – Кемерово, 2010. – С. 392–393.
2. Безрогов В. Г. Память текста: автобиографии и коллективный опыт коллективной памяти // Сотворение истории. Человек. Память. Текст. – Казань, 2001. – С. 57–59.
3. Кубрякова Е. С., Ирисханова О. К. Языковое абстрагирование в наименованиях категорий // Известия РАН. Серия литературы и языка, 2007, том 66, № 2. – С. 3–12.
4. Лурье С. В. Историческая антропология. – М., 1997. – С. 45.
5. Репина Л. П. Новая историческая наука и социальная история. – М., 1998. – С. 22.
6. Репина Л. П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории // Социальная история. Ежегодник. 1997. – М., 1998. – С. 21, 28.
7. Ревель Ж. Микроанализ и конструирование социального // Современные методы преподавания, – М., 1996. – С. 246, 258.
8. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие // И. А. Стернин. – Воронеж, 2001. – 248 с.
9. Шмелёва Т. В. Модель речевого жанра / Т. В. Шмелёва // Жанры речи. – Саратов, 1997. – С. 88

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ФЕНОМЕН НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ

В современных методических исследованиях по проблемам преподавания русского языка носителям другого языка всё больше внимания уделяется работе над материалом с ярко выраженным экстралингвистическим планом. Этот новый аспект изучения русского языка получил в настоящее время несколько названий: в обучении русскому языку иностранцев используется термин *лингвострановедение*, в национальных школах и вузах бывших советских республик – *краеведение*, *лингвороссиеведение*, *этнокультуроведение*. Но, называя этот аспект по-разному, исследователи имеют в виду то общее, что выделяет его в особое направление методики обучения русскому языку: «через посредство русского языка и в процессе его изучения» [3, с. 3] осуществляется знакомство с основами культуры русского народа.

Нам представляется более приемлемым термин *этнокультуроведение*, введённый Л. А. Шейманом, как наиболее точно отражающий суть и цель названного аспекта – освоение культуры народа через его язык.

Работа с этнокультурным материалом изучаемого языка не только приближает обучаемых к феномену инокультурной личности, делает понятней и ближе культуру народа-изучаемого языка, способствует выработке правильного отношения к ней и языку, её обслуживающему, но и, что не менее важно, эта работа непременно сопровождается обращением к соответствующим формам выражения родного языка, к постоянному их сопоставлению, что обеспечивает более вдумчивое, осмысленное постижение родного языка и родной культуры. Этнокультуроведческая направленность преподавания способствует и развитию познавательной деятельности учащихся и студентов, воспитывает интерес к языку как учебному предмету, а это, в свою очередь, обуславливает его глубокое и прочное усвоение.

Бесспорно и общеизвестно, что усвоение культурологического содержания с активизацией языковых средств на этом материале, т. е. **соизучение** языка и культуры, повышает не только уровень владения языком, но и мотивацию.

Лингвокультурология, в силу своего интереса к пространству культуры и национальной ментальности, воплощённым в языке, приобретает особую актуальность, способствуя взаимопониманию и взаимоуважению в процессе межкультурного общения и осуществлению равноправного диалога современных культур.

Формирование лингвокультурологической компетенции студентов предполагает их максимальное приближение к рецепции и продукции носителей языка. Лингвокультурологическую компетенцию можно считать сформированной, когда студенты:

- 1) имеют необходимые культурологические сведения;
- 2) владеют минимумом общелитературной и безэквивалентной лексики темы (проблемы), имеют рецептивный и продуктивный словарь;
- 3) знают языковые средства (фонетические, лексические, грамматические), необходимые для выражения речевых интенций и позволяющие вступать в процесс общения;
- 4) в достаточной степени владеют инвентарём трансформационных замен при выражении этих интенций;
- 5) знают языковые средства организации связного текста, его построения и развития (особенно в продуктивном монологическом высказывании).

Методический аппарат, которым пользуется преподаватель, должен быть адекватен реализации этих задач.

Важнейшим источником изучения русского языка, а наряду с этим – и исторического прошлого и настоящего России, её культуры был и остаётся текст – и прежде всего художественный, феномен национальной культуры.

Художественный текст представляет собой контекст не только литературного, но и общекультурного характера. Первостепенное значение имеет смысловая многоплановость художественного текста, в самой природе которого заложена возможность его многостороннего прочтения. Задача преподавателя состоит в том, чтобы приблизить студента – носителя другой культуры (в нашем случае – таджикской) к наиболее адекватному прочтению художественного текста на русском языке.

Что же конкретно подразумевается под понятием *этнокультуроведческий материал*? Это языковые единицы, обладающие наибольшим культурным потенциалом: безэквивалентные и коннотативные слова, фразеология и афористика русского языка. Безэквивалентной считается лексика, обозначающая различные реалии быта, духовной жизни народа, свойственные его культуре и нехарактерные для культуры изучающих данный язык. Определяющей чертой безэквивалентных слов является невозможность семантизировать их при помощи однословного эквивалента: здесь необходимо или пространное толкование, или дополнительный комментарий. Например, слова, обозначающие предметы и явления традиционного русского быта (*изба, лучина, лукошко*), общественно-историческая лексика (*боярин, городской, стольник*), лексика, отражающая социально-семейные отношения (*деверь, сват, шурин, свояченица*), фольклоризмы и традиционная метафористическая лексика (*быль, богатырь, красна девица, душа-девица, красно солнышко, русая коса, ворон, орёл*), этноконнотативные слова (*берёза-берёзонька, ивушка, рябинушка, воля-волюшка, грусть-кручина*), слова, связанные с религиозными и мифологическими представлениями (*икона, святые образа, леший, домовой, русалка, вурдалак, упырь, водяной*), а также антропонимы, топонимы, зоонимы, вызывающие у русских людей (и у людей с русской ментальностью) определённые ассоциации. Безэквивалентные слова, не обладая большой частотностью, тем не менее, в

силу их высокого образного потенциала, играют важную роль в совершенствовании культуры владения русской речью – яркой, полифонической и афористичной, экспрессивно насыщенной и эмоционально окрашенной. Как известно, самой безэквивалентной и коннотативной в словарном составе любого языка является фразеологическая и афористическая лексика. Речь без ярких образных сравнений «всё равно, что дистиллированная вода, если сравнить её с родниковой» [4]. Не случайно считается, что человек изучил язык, если он хорошо владеет его фразеологическим фондом.

Обращение к этнокультурному материалу должно предусматриваться на занятиях как по развитию речи (в первую очередь), так и по грамматике и другим разделам современного русского языка. Основные грамматические задания могут сочетаться с переводом предложений и связных текстов (сюжетных, информационно насыщенных, «густых», научно-популярных и пр.) на родной язык, с ответами на вопросы экстралингвистического характера, с различными целенаправленными выписываниями из текстов слов, словосочетаний, предложений и их комментированием в виде т.н. «двучастного дневника», с дополнением незаконченных пословиц и поговорок и пр. То есть виды и формы работы по активизации этнокультуроведческого материала могут быть самыми различными. Лингвокультурологический подход к изучению русского языка предоставляет студентам возможность освоить русский язык как отражение духовной и культурной жизни русского народа, максимально приблизиться к феномену русской ментальности.

Недостаточное знание русского языка, а зачастую и непонимание его, наблюдаемое в последние годы, объясняется снижением в постсоветское время качества подготовки специалистов, обусловленное во многом последствиями гражданской войны в республике (начало 90-х) и массовым выездом высококвалифицированных специалистов-русистов за пределы республики. Отсутствие полноценной среды общения, нехватка учителей русского языка (в настоящее время в Таджикистане насчитывается около 4 тысяч общеобразовательных школ, в которых недостаёт более 50 процентов русистов), особенно в отдалённых районах республики, привели к тому, что уровень знания выпускниками общеобразовательных школ оказывается достаточно низким.

Вместе с тем отраднo, что в последнее время наблюдается повышение интереса к изучению русского языка – языка-выразителя богатой культуры русского народа, действенного средства обогащения духовной культуры многих жителей Таджикистана, и в особенности подрастающего поколения.

В современных условиях необходимо усиление роли государства и общественных организаций, их объединения и консолидации всех здравомыслящих людей в работе с молодёжью, детьми и подростками. Необходимо повышение ответственности и профессиональной культуры педагогов и психологов, широкое использование исторического опыта и традиционных культур в формировании духовно-нравственного здоровья народов России и Таджикистана.

Сегодня только ленивый не говорит о необходимости культурного сотрудничества, диалога культур – т. е. того, что было в прошлом и сегодня остаётся плодотворным полем жизнедеятельности наших стран и народов. На различных ассамблеях и форумах принимаются решения о реализации проектов создания в России и Таджикистане (равно как и в других постсоветских республиках) информационно-культурных центров, благородной и высокой целью которых является укрепление позиций русского языка на постсоветском пространстве, стремление к тому, чтобы представители творческой интеллигенции были настоящими проводниками великой русской культуры и русского языка. Такие встречи, форумы и конференции необходимы, так как они помогают консолидировать все творческие силы и сообща решать проблемы, связанные с ролью русского языка в современном мире и в частности на территории бывших советских республик. Русский язык – не только выразитель великой русской культуры, он выполняет огромную интеграционную роль на всём постсоветском пространстве.

Одной из существенных задач сегодня является интеллектуальный и моральный уровень средств массовой информации и, в первую очередь, телевидения. Сегодня всем ясно: кто владеет микрофоном и экраном, – тот владеет мыслями и чувствами людей. Однако, говоря о необходимости борьбы за чистоту русского языка, следует заметить, что даже на российском телеканале «Культура» русский язык сегодня не всегда безупречен, не всегда являет собой образец чистого литературного языка (так называемого ЛЯ). Разного рода ошибки допускают даже писатели, учёные, очень известные и авторитетные политики, тележурналисты и телеведущие, что, на наш взгляд, недопустимо. Нарушение орфоэпических норм в виде акцентологических сдвигов, настоящая вакханалия произносительных, порой режущих слух, вариантов, типа «спонсор**ов**», «спонсоро**ами**», «принуд**или**», «углубл**енный**» (вместо правильного «углубл**ённый**»), «заворо**женно**» (вместо правильного «заворож**ённо**»), «оп**то**вые», «асим**ет**рия» (вместо правильного «асим**ет**рия»), «обес**пече**ние» (вместо правильного «обес**пече**ние»), разного рода искажения словосочетаний, в том числе фразеологизированных («с друг другом» (вместо правильного «друг с другом»), «на друг дружк**у**», нарушение глагольного управления («понимаю **о том**», «уделить внимание **на то** (вместо: «понимаю то»; «обратить внимание на то», «уделить внимание тому»), грамматические ошибки, связанные с нарушением правил сочетаемости собирательных числительных с существительными (напр., «застрелил **троих школьниц**»), неправильное употребление деепричастных оборотов типа «Выпив стакан чая, мне стало легче» (ср. ставший уже классическим пример «Подъезжая к станции, у меня слетела шляпа») и другие (грамматические, лексико-семантические и т.п.) ошибки типа «о**де**ть (вместо на**де**ть) пальто, очки, халат и т.п. – подрывают авторитет и доверие к СМИ у массового зрителя и, как результат, лишают нас одного из наиболее мощных факторов сохранения и совершенствования языковой культуры, культуры владения русским языком. Не может не тревожить и наметившаяся в последнее время и, к сожалению, всё усиливающаяся тен-

денция злоупотребления иноязычными словами вроде «пиар», «спич», «гламурный», «бренд» и их производными, которые часто воспринимаются как окказионализмы, а иногда и как варваризмы: «распиарить» (вместо *разрекламировать*), «пиариться» и т. д. Можно сказать, что русский язык, на котором многие (зачастую люди творческих профессий, так называемая авангардная часть русскоязычной интеллигенции) говорят сегодня, – это уже не русский язык вовсе, а какая-то «смесь нижегородского с французским».

Язык – неотъемлемая и важнейшая часть национальной культуры. В нём, как в капле воды, запечатлена история народа, его духовное богатство.

Исторически сложилось так, что в огромном федеративном государстве языком межнационального общения стал русский язык. Владение языком союзной республики бывшего СССР и русским языком, их паритетное использование, высокая культура двуязычия необходимы для равноправного общения народов, для дальнейшего развития экономики, взаимовлияния и взаимообогащения духовной и художественной культуры всех республик бывшего Союза, в том числе и Республики Таджикистан.

Русский язык – язык Пушкина, Тургенева, Толстого – является мощнейшим оружием обогащения духовной, эстетической, художественной культуры таджикского народа. Художественную культуру обычно определяют как совокупность художественных ценностей и процесс их создания, освоения и распространения. Основой художественной культуры является искусство, и по этой причине основными её видами принято считать литературу, живопись, скульптуру, музыку и т.п. Всё это формирует не только разум человека, но и его чувства (аффективную сферу), а также передаёт художественные ценности из поколения в поколение. К созданию или освоению художественной культуры как вида духовной культуры причастны все. Трудно переоценить роль русского языка в создании и освоении духовной и художественной культуры не только русского, но и таджикского народа. Неоценим вклад в формирование духовной и художественной культуры Таджикистана сокровищницы русской художественной литературы.

Библиографические ссылки

1. Ушинский К. Д. Избранные педагогические произведения. – М., 1945.
2. Современный русский язык / под ред. В. А. Белошапковой. – М.: Высшая школа, 1990.
3. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – Изд. 3. – М., 1983. – С. 3–4.
4. Шанский Н. М., Быстрова Е. А. 700 фразеологических оборотов русского языка. Фразеологический словарь-минимум. – М., 1975.
5. Латыпова Р. Х. Лингводидактические основы отбора и презентации руссиеведческого материала в практическом курсе русского языка в национальных группах педвузов. АКД. – М., 1986.

**К ВОПРОСУ О СИМВОЛИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ РОССИЕЙ
И СТРАНАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (ЯЗЫКОВОЙ АСПЕКТ)**

Социокультурное взаимодействие представляет собой комплексный феномен, имеющий несколько уровней. Важнейшим из них является символическая среда общества, выступающая в качестве своеобразной системы координат для политических, экономических и т.п. процессов. Поскольку у данной проблемы множество аспектов, в настоящей статье мы остановимся лишь на некоторых теоретических вопросах функционирования социальных символов. С точки зрения анализа общественной практики, объектом исследования станет социокультурное взаимодействие России и остальной части постсоветского пространства, прежде всего - центрально-азиатского региона. Более конкретно речь пойдет о системе социальных символов, возникших и до сих пор существующих в культурно-смысловой сфере русского языка.

Социальные символы неразрывно связаны с процессом идентификации, который наряду с рациональными концептами включает и «неосознаваемые» смысловые конструкторы. К числу последних, как правило, и относятся символы. Также бессознательно чаще всего складывается и восприятие других общностей, в том числе гражданских, то есть государств. Отношение к ним вырабатывается не только на основе чисто прагматической оценки результатов взаимодействия, но в соответствии со сложившимися символическими связями. Ярким тому подтверждением, на наш взгляд, могут служить постсоветские страны и отношения между Россией и центрально-азиатским регионом в частности. Процесс в целом выглядит следующим образом: социальные символы создают социокультурную реальность, превращающуюся в фундамент для политических и экономических контактов. Однако нужно учитывать, что у этой закономерности есть и обратный «вектор», так как символы тоже не возникают на пустом месте, для этого необходимы определенные условия. Правда, в таком случае становится неясно, что же чему может предшествовать. Судя по всему, первичной является геополитическая и ментально-культурная близость, которую применительно к указанному ареалу и можно назвать евразийским пространством в специфическом понимании известной концепции. Здесь также в настоящее время объединяющая роль принадлежит прежде всего символам.

Идентификация в полном, так сказать, «завершенном» виде в качестве одного из главных факторов предполагает (и включает в себя) измерение социальных символов. Они аккумулируют и выводят на иной уровень сходные признаки и тем самым создают, укрепляют новое сообщество [1]. Выражаясь иначе, когда такие признаки становятся

очевидными, начинается их консервация, к примеру, в виде фигур вымышленных и реальных культурных героев, которые самим фактом своего существования свидетельствуют о некоем достаточно гомогенном социокультурном пространстве, от чего его гомогенность только укрепляется. Более того, именно символы зачастую и представляют собой ту грань, за которой сходство перерастает в единство, сообщество. Уже благодаря одной из своих базисных особенностей – быть значимым не только для тех, кому известен его смысл, но и главным образом для тех, кто его «принимает», как бы солидарен с ним [2, с. 200] – символ ведет к выделению и фиксации групповых характеристик. Говоря иначе, он становится идентификационным маркером. Таким образом, мы видим, что именно социальные символы создают отличающиеся друг от друга социокультурные миры. Они определяют внутреннее смысловое пространство последних, его архитектуру. Непосредственно это проявляется в возникновении общего языка в широком семиотическом смысле. «Материя» этого языка выражает общие представления и ценности. Добавим, что основную роль в нем играют собственно символы, а не просто знаки.

В случае проблемы взаимосвязи идентификации и социокультурных контактов различного ранга важно помнить о том, что символы формируют не только макро-, но и микросоциальный уровень, не только социальные институты, к примеру, но и повседневные связи, жизненный мир. Вместе с тем чаще всего при анализе взаимодействия между сообществами большого масштаба акцент делается на тех же институциональных формах и значительно меньше внимания уделяется социальному поведению индивидов, невзирая на то, что его влияние, в частности на симпатии и антипатии к другим группам, очень велико.

Близкое по сути понимание повседневных явлений, скорее всего, является непременным условием социокультурной интеграции. Примечательно, что в мире обыденного мы также найдем много символического. Причем оно имеет место и там, где его выделяют редко. Фактически многие элементы повседневности обладают символическим значением, хотя само обыденное мышление практически никогда, конечно, об этом не задумывается. Тем не менее, например, поведение в таких стандартных ситуациях, как очередь, посещение учреждений общественного питания вполне может сигнализировать о системе социальных ценностей человека, его принадлежности к той или иной группе.

Как известно, символ отличается от простого знака тем, что «соучаствует» в обозначаемом феномене [2, с. 200]. Даже «внешняя», материальная сторона символа особым образом связана с тем значением, к которому он отсылает. Поэтому, в общем-то, в символе практически невозможно выделить внешнее и внутреннее, он всегда конкретен и неповторим. Говоря иначе, в отличие от знака, его заменить нельзя [2, с. 200].

В актуальной и пассивной памяти каждого представителя любой общности всегда содержится огромный массив фрагментов социальной действительности, имеющих

социокультурную специфику и тем самым обладающих символическим значением. На уровне повседневности, по нашему мнению, это можно назвать «диффузной» символикой. Ее сущностная черта состоит в том, что она не вычленяется обыденным сознанием из потока впечатлений и социального опыта. Между тем, являясь частью жизнедеятельности общества, она, разумеется, не остается достоянием только непосредственных контактов, а с помощью культурной коммуникации, масс-медиа транслируется в широких масштабах. Таким образом «диффузная» символика, так сказать, с помощью дополнительных средств начинает циркулировать в пределах определенного социокультурного пространства. Сегодня в число наиболее мощных средств передачи социальных символов входят прежде всего кинематограф и СМИ. Они не только сами представляют собой знаковую систему, то есть язык, но и выступают в качестве главного средства распространения языковых символов в более узком смысле слова – тех понятий и вербальных образов, которые с легкостью «прочитываются» представителям данного социокультурного ареала.

Поскольку предметом нашего анализа является интегрирующая функция русского языка, мы можем говорить о том, что в его лексике есть много единиц, отличающихся особой социальной семантической нагрузкой и адекватно понимаемых практически на всем постсоветском пространстве. Притом подчеркнем, как правило, ими отражаются общественные феномены, специфичные для определенного типа ментальности (условно назовем его «советским»). Возьмем, к примеру, обозначающий одну из форм девиантного поведения жаргонизм «бухать». В подавляющем большинстве случаев его семантика доступна почти всем бывшим гражданам Советского Союза, хотя бы немного знающим русский язык. И, что немаловажно, в их сознании воспроизводится и тот комплекс культурных коннотаций, который делает это слово социальным символом.

В настоящее время русский язык по-прежнему остается основополагающим фактором социокультурной интеграции России и большинства стран СНГ. С ним, прямо или косвенно, связаны все другие объединяющие механизмы. Причем в этом аспекте его необходимо рассматривать не просто как средство хранения и передачи информации, но и как самостоятельную концептуально-символическую систему. Известно, что любой язык заключает в себе некоторую картину мира, «родную», изначальную для его носителей. Русская языковая картина мира по ряду своих ценностных и когнитивных характеристик близка особо интересующим нас тюркским этносам, если учитывать богатую историю лексических заимствований в обоих направлениях. Русский язык также многозначен и образен. А если попытаться представить его как «содержательную форму», то есть сблизить со специфическим стилем мышления, мы опять же увидим, что данный стиль достаточно близок представителям тюркских этносов. Скорее всего, еще больше мы утвердимся в этом убеждении, проведя сопоставление с другими языками (романо-германских, к примеру).

Исторически сложилось так, что русский язык практически всегда нес с собой относительно устойчивую идентификационную матрицу. Конечно, это справедливо главным образом в отношении того геополитического ареала, с границами которого когда-то совпадали Российская империя и Советский Союз. Здесь русский язык обычно выполнял четкую социокультурную и политическую функцию – служил созданию новой общности. Благодаря этому он воспринимался различными этническими группами как необходимый в сложившихся условиях, дополнительный по отношению к родному, как способ расширения социальных и культурных горизонтов. В итоге сформировалась некая, в хорошем смысле слова, инерция функционирования и оценки русского языка. Заметим, чрезвычайно важная для понимания его нынешнего положения в постсоветских государствах. По большому счету в результате этой инерции он приобрел специфический статус – средства межнационального общения. Говоря иначе, бессознательно он как бы не ставится в ряд с другими, а рассматривается по особой модели. Естественно, это никак не может означать, что он «хуже» или «лучше». Просто у него, в том числе и в сознании представителей коренных этносов стран СНГ, особая миссия – сближать различные этнокультуры.

Очевидно, что сегодня в бывших советских республиках русский язык находится в совершенно иной ситуации, нежели до распада Союза. Однако эти изменения относятся прежде всего к институциональному политическому уровню. Почти везде утратив роль государственного языка, он по-прежнему выполняет важную культурно-цивилизационную функцию. На наш взгляд, она заключается в формировании определенного культурно-цивилизационного контекста, или пространства. Фундаментальным, скрепляющим «уровнем» этого пространства и выступает общая социально-символическая система.

Почему же речь идет именно о контексте? Это связано с отмеченной выше «дополнительностью» русского языка. Сейчас для нерусских он редко становится основным идентификатором. На первый план вышли иные, «главные», факторы самосознания – этнокультурные, гражданские, конфессиональные и т. д. Они находятся в центре внимания, являются объектом рефлексии, что во многом относится и к родным языкам. Однако, несмотря на эти процессы, население стран СНГ и Балтии в большей или меньшей степени ощущает себя и, условно говоря, «постсоветской общностью», обладающей сходными установками на уровне менталитета. Выразителем их, как правило, становится русский язык и созданные в его поле символы. Самосознание подобного типа в настоящее время действительно находится на периферии идентификации. Поэтому оно фиксирует наиболее общие и зачастую достаточно размытые характеристики. Это и можно назвать особым культурно-цивилизационным миром, возникшим на территории бывшего СССР.

Воздействие социально-символической системы русского языка на идентификационную ситуацию в постсоветских странах хорошо прослеживается на примере Ка-

захстана, где, будучи феноменом надэтнического уровня, указанная система реализуется в двух плоскостях. В сочетании с социокультурной спецификой страны, а также под влиянием политических изменений и новых исторических реалий она служит важной причиной формирования казахстанской национальной (гражданской) общности. Символы, локализуемые главным образом в сфере культуры, объединяют различные этнические группы на основе намечаемых социальных целей, их понимания, методов их достижения, принципов жизни в обществе в целом.

Тем не менее, и в данном конкретном случае связанные с русским языком единые символы выходят за рамки институционального политического (государственного) оформления. В целом казахстанцы чувствуют себя включенными в «русскоязычный» культурно-цивилизационный контекст, обусловленный памятью о советском и досоветском прошлом, базирующийся на выработанных в то время паттернах.

Как уже отмечалось, русский язык почти всегда вносил серьезные коррективы в идентификационный «набор» народов, входивших в состав Российской империи и ее «территориального преемника». В результате этого процесса постепенно возникало качественно новое, опять же надэтническое образование, по-своему упрочившееся в советский период. Причем, на наш взгляд, сильным влияние русского языка было именно на уровне символической картины мира, то есть ментально-культурном. Об интенсивности этого влияния свидетельствует тот факт, что новые концепты и ценности утверждались в совершенно разнородной этноконфессиональной среде, где были сильны иные культурно-цивилизационные влияния (Дальнего Востока, Арабского мира и т.д.)

Нельзя не остановиться на еще одной особенности бытования русского языка в центрально-азиатском регионе и СНГ в целом, значимость которой практически всегда отмечают, но при этом более или менее тщательному анализу она подвергается редко. Очевидно, что для солидной, возможно, даже большей части населения, к примеру, Казахстана и Кыргызстана (в той или иной степени это справедливо, естественно, и в отношении других государств - членов Содружества), русский по-прежнему остается языком образования. И, безусловно, так дело обстояло в советское время, когда «нормальная» социализация все-таки предполагала владение им.

Эта характеристика – «язык образования» – в первую очередь предполагает некую оценку. Естественно, почти всегда высокую, ведь такой язык становится «престижным», приобретает особую статусную позицию в сознании тех групп, для которых исторически он не является родным. Его изучение выступает в качестве залога социального успеха. Нередко это приводит к перекосам, когда родной язык теряет свое традиционное значение, и в итоге вообще забывается, что, как известно, имело место в ряде союзных республик. Между тем в данном случае нельзя упускать из виду, что любой социокультурный феномен, в том числе и тот или иной язык, всегда может стать «заложником» политических, исторических ошибок или манипуляции, в результате чего окажется противопоставленным тому, с чем изначально не может входить в противоре-

чие (атрибутам, феноменам других культур). Судя по всему, именно так и произошло с русским языком, который в действительности превратился в заложника волюнтаристской политики советского руководства, хотя, по сути, он выполнял чрезвычайно важную интегрирующую роль и должен был быть именно «дополнительным».

Возвращаясь к общим особенностям языка образования, отметим следующую закономерность. Такой язык со временем перестает быть «чужим» и приобретает очень интересный статус «второго родного». Постсоветская действительность свидетельствует об этом самым красноречивым образом. Например, многие казахи, особенно имеющие высокий уровень образования, просто не мыслят себя вне русского языка, говорят и думают на нем. В этом плане очень интересен феномен сегодняшней казахской русскоязычной или билингвальной интеллигенции. Многие ее представители обладают совершенно четкой этнической идентификацией, позиционируют себя именно как казахи. Более того, они достаточно активно занимаются популяризацией родной культуры, содействуют развитию соответствующего самосознания у молодежи. Символический мир этой группы сформировался при сильнейшем влиянии русского языка. Однако это не означает «неполноценности» с точки зрения родной культуры. Скорее, наоборот, здесь имеет место действительно новый уровень самосознания, основывающийся на культурной компетентности современного типа.

Причина особого влияния языка образования состоит в том, что усваивается он специфически. Вся информация потребляется в его «аранжировке», то есть в соответствии с его когнитивным строем. Даже больше того, сам этот когнитивный строй интегрируется, образно говоря, «врастает» в сознание в процессе обучения. Человек постепенно начинает рассматривать окружающую его действительность через русскую языковую картину мира (в данном случае). Причем «реципиентом» принимаются сразу два тесно связанные между собой уровня новой системы миропонимания, которые в рамках нашей проблемы можно назвать психологическим и ценностно-символическим. Притом что последний, коренясь в языке, выходит за рамки его «содержательной формы» и во многом обусловлен смыслом высказываний, специфичным для данной социокультурной среды. В частности, это будет относиться к чтению – изучению практически всех исторических и литературно-художественных текстов. Сама номинация того или иного общественного явления (например, «эпоха застоя») здесь может дополняться его более развернутым, проясняющим особенности, описанием. В итоге в сознание воспринимающего информацию войдет и заложенная в языке оценка-понимание означаемого, и уточненное таким «лексическим» (с помощью элементов дискурса) способом его своеобразие. А это в свою очередь приведет к тому, что социальный символ «застоя» будет понятен «реципиенту» не менее, чем тем, для кого русский язык – родной.

Также не стоит забывать, что «образовательная ценность» русского языка обусловлена и некоторыми другими причинами. Он считается одним из мировых языков,

на нем говорят более 200 миллионов человек. На нем накоплен огромный объем информации, в том числе и научной, которая постоянно увеличивается. С терминологической точки зрения он хорошо приспособлен для исследовательской и аналитической деятельности. И, что тоже принципиально, долгое время он оставался если не единственным, то, во всяком случае, основным средством взаимодействия с другими, в частности западными, культурами, незаменимым «инструментом» усвоения их достижений. В советское время мало кто, в том числе и из представителей центрально-азиатских республик, владел иностранными языками и имел возможность полноценного общения с иностранцами.

И все же не стоит забывать о том, что нынешнее положение русского языка в центрально-азиатских странах и других регионах СНГ основывается не только на его высокой, «просветительской» миссии. Фактически очень важно и то, что он выступает в качестве языка массовой культуры. А интегрирующую, точнее, унифицирующую роль последней в современном обществе трудно переоценить. К примеру, по мнению многих исследователей, массовая культура является одним из основных факторов глобализации.

Поскольку этот вопрос требует отдельного анализа, остановимся лишь на главном. Прежде всего, именно массовая культура формирует модель «нормального» человека, принимаемую в качестве усредненного образца подавляющим большинством членов общества. Такая модель, характерная сегодня для указанных стран, особенно их молодежи, в настоящее время вырабатывается во многом российскими СМИ, кинематографом, эстрадой, рекламой или же ориентированными на них аналогичными местными институтами. Конечно, российская поп-продукция тоже в значительной мере копируется с западных образцов. Однако у постсоветского пространства в этом смысле есть определенные культурно-языковые константы, обусловленные историческим прошлым и общностью транзитных процессов. Осуществляется данное «символическое производство» почти исключительно на русском языке.

Кроме того, как известно, массовая культура в силу своей обыденной приближенности к человеку, понятности, своеобразной «комфортности» бессознательно воспринимается не просто как некая универсальная среда, но и как предельная реальность. Подобной характеристикой соответственно наделяется отчасти и ее язык-носитель, который для определенных социальных групп становится «наиболее продвинутым». Конечно, в первую очередь это относится к молодежи. Например, до сих некоторые молодые представители титульных этносов (особенно кыргызского и казахского) ориентированы главным образом на русский язык, который кажется им более приемлемым в современной социальной ситуации.

Обобщая изложенное выше, можно сделать несколько основных выводов. Единое языковое пространство является фундаментом, на котором возникают различные социокультурные символические системы, скрепляющие общество. К ним можно отне-

сти искусство, особенно массовые его виды типа кино, стереотипы обыденного социального поведения, повседневную религиозную жизнь и т.п. Символическая, концептуальная система языка становится той средой, в которой осуществляется «прочитывание», истолкование социальных смыслов, она задает семантический контекст, рамки, систему координат. Другими словами, можно утверждать, что заложенное в языке символическое (как особо важное для данной общности) оформляется впоследствии в эксплицитные и «развернутые» социальные символы, которые, таким образом, (еще раз это подчеркнем) формируются в ментальном поле определенного языка.

В подобном ракурсе и нужно рассматривать функционирование русского языка на советском и постсоветском пространстве. Говоря же о современном положении дел, необходимо отметить, что связанный с русским языком символический мир, как собственно вербальный, так и выходящий за пределы последнего обладает огромным объединяющим потенциалом. Более того, на наш взгляд, в настоящее время этот фактор интеграции даже более важен, чем политическое и экономическое взаимодействие в чистом виде. Вместе с тем нельзя забывать, что социальные символы теряют свой смысл и значимость с изменением общественной ситуации. Поэтому необходима их постоянная реактуализация. И здесь как раз важную роль могут сыграть политические усилия.

Несомненно, с распадом Советского Союза идентификационная нагрузка русского языка, о которой говорилось выше, стала менее определенной и жесткой, но все же, пусть уже и в несколько ином виде, она сохранилась. Сейчас это уже не столько гражданский и политический, сколько культурно-цивилизационный феномен. Вопрос о том, с каким именно культурно-цивилизационным ареалом связывает нас русский язык, вновь заставляет вернуться к концепции евразийства. Именно она с должным основанием отвечает на вопрос, почему, несмотря на столь масштабные исторические, политические изменения некоторые бывшие советские республики, в первую очередь Россия и центрально-азиатские государства, до сих пор сохраняют социокультурную близость. Ныне именно русский язык концентрирует и транслирует символы той модели освоения мира, которая характеризует евразийские этнокультуры, что в более конкретном плане означает специфический стиль мышления и стереотип социального поведения.

В настоящее время утвердилось зрение, согласно которой сегодняшнее положение русского языка в странах СНГ и Балтии гораздо менее выгодное, нежели в эпоху единого государства. Считается, что некогда универсальное на данной территории средство общения теряет свои позиции, иногда сознательно оттесняется на периферию социальной жизни. Конечно, отчасти это так. Но, с другой стороны, современную ситуацию с русским языком можно считать более естественной и даже, как это ни парадоксально, более благоприятной для него. Дело в том, что именно в постсоветский период русский язык обретает свою подлинную миссию – быть средством диалога в

самом широком смысле слова, инструментом межнационального общения. И принципиально важной его задачей по-прежнему остается сохранение общей социокультурной символической системы.

Библиографические ссылки

1. Бакланов П. А. Социальные символы профессиональной деятельности [Электронный ресурс]. – URL: http://education.rekom.ru/3_2005/4.html
2. Символ // Культурология. XX век. Энциклопедия. Т. 2. – СПб.: Университетская книга, 1998. – С. 199–201.

Е. Л. Барышева

Кемеровский государственный университет

АНТИТЕЗА «СВЕТСКОЕ – РЕЛИГИОЗНОЕ» В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

В настоящее время светская и религиозная культуры образуют достаточно автономные и в то же время пересекающиеся жизненные пространства, которые живут и развиваются в значительной степени параллельно. Отголоски советской секуляризованной контррелигиозной культуры с ее тотальной идеологией атеизма, когда происходило разрушение религиозного начала и вытеснение его из человеческой жизни, слышны по сей день, несмотря на то, что начало XXI в. в России отмечено активизацией процесса переосмысления православных культурных ценностей. В настоящее время наблюдается возрождение Русской Православной Церкви: строятся и восстанавливаются храмы, издаются религиозные газеты, православные журналы («Православная беседа»; «Альфа и омега»; «Школа духовности»; «Церковь и время» и др.), по телевидению транслируются программы «Православное утро», «Новости Епархии». Православная церковь ведет активную просветительскую деятельность среди мирян. Это косвенным образом подтверждает востребованность духовных религиозных ценностей. После снятия конфессиональных запретов интерес к религии значительно возрос. В настоящее время активно формируется сфера религиозной коммуникации, по этой причине возникают проблемы адекватного взаимопонимания между теми, кто является носителем православного мировоззрения, и теми, кто только начинает интересоваться основами христианского мировоззрения. Эта новая сфера массовой коммуникации привлекает внимание ученых.

В своем миссионерском служении Церковь имеет свой собственный богослужебный язык. Язык же современного мира остается за Ее пределами, хотя его отголоски неизбежно проникают в религиозный дискурс, например, в проповедях. Проблема языка, религиозного символа, соотнесения смысла и его выражения становится важной в современном мире. Основная задача церкви заключается в том, чтобы сделать православное вероучение доступным и понятным как церковным людям, так и внецерковному миру, поэтому проблема ком-

муникации «клира и мира» является существенной и актуальной. Для нерелигиозных и мало осведомленных в области православия носителей языка религиозная лексика остается запретной, малопонятной. Это обстоятельство должны учитывать служители церкви, если они хотят чтобы их слово доходило до разума и чувств не только воцерковленных носителей языка, но и всех россиян, прислушивающихся к голосу церкви.

В работах учёных, изучающих религиозный дискурс, для обозначения религиозной терминологии предлагается ряд синонимичных терминов для обозначения данного типа слов: «фидеистическая лексика», «церковно-религиозная лексика», «церковная лексика», «термины конфессионального характера», «религионимы», «конфессиональная лексика», «лексика православной веры», «сакрально-богослужебная лексика», «лексика вероисповедной сферы православной религии». В научной литературе нет единого определения пласта лексики, отражающей религиозную сферу. На наш взгляд, единого термина подобрать и невозможно (свидетельством чему и является неоднозначная терминология в исследованиях), так как это обусловлено, прежде всего, неоднородностью, многозначностью понятия «религиозный», разными подходами к изучению лексики данной сферы.

В настоящей работе используется термин «религиозная лексика», поскольку большинство анализируемых лексем можно охарактеризовать как общерелигиозные (обозначающие понятия, свойственные большинству монотеистических религий: *Бог, богооткровение, молитва* и др.), и как обозначающие понятия, свойственные всем основным христианским конфессиям (*Троица, Мессия, Спаситель* и др.). В этом смысле термин *религиозная лексика* универсален.

Цель настоящей работы состоит в том, чтобы определить, в каких содержательных (интерпретационных) вариантах религиозная лексика функционирует в сознании носителей русского языка. При этом основной аспект рассмотрения воплощен в противопоставлении воцерковленных и невоцерковленных «вариантов» носителей языка.

«Воцерковленные» – наименование православных, прошедших катехизацию, крещённых в Православной Церкви, соблюдающих обрядовую сторону религии, участвующих в Таинствах Церкви, в Евхаристии – регулярно, поддерживающих отношения в пределах церковной общины, разбирающихся не только в обрядовой, но и в вероучительно-догматической стороне православия. Воцерковленным противопоставляют «невоцерковленных» (внецерковных) – не имеющих отношения к религии или «захожан» – крещённых, считающих себя православными, но пренебрегающих ритуальной стороной веры.

Материалом для сравнительного анализа послужили письменные ответы испытуемых. Общее количество текстов, полученных в результате эксперимента, – 40 единиц.

Испытуемым предлагалось определить значение 20 лексем: *Ангел, апостол, Бог, богооткровение, Богоявление, грех, Денница, завет, канон, Литургия, молитва, Мессия, Пантократор, Промыслитель, пост, Пятидесятница, Сретение, Спаситель, Троица. Херувим.*

В качестве испытуемых выступили студенты 1–2 курсов Кемеровского госуниверситета специальностей «Филология» и «Журналистика», назвавшие себя невоцерковленными (20 человек), и воцерковленные прихожане Знаменского Кафедрального Собора г. Кемерово (20 человек).

После того, как испытуемым был предложен перечень лексем религиозной семантики, следовала инструкция, поясняющая условия эксперимента: «*Каково значение данных слов?*». Ответы были получены в письменном варианте.

Происходящее в последнее время изменение отношения к религиозной деятельности и возросший интерес к православию привели к возрождению лексики, относящейся к тематической группе «Религия», однако у не погруженных в православно-христианский дискурс носителей языка религиозная лексика остается на дальней периферии их словарного запаса. Так, лексема **пост** комментируется внецерковными людьми как *период когда нельзя есть мясо; недоедание*. Такое «узкое» толкование значения не отражает всю семантическую структуру указанной лексемы, кроме того, выхолащивает как раз важнейшую часть значения, поскольку главное в посте вовсе не воздержание от скоромной пищи. Воцерковленными носителями языка *пост* толкуется как *усиленное молитвенное обращение к Богу в сочетании с воздержанием от животной пищи, а также от развлечений и увеселений*, что соответствует определению значения данной лексемы в Толковом словаре православных терминов: «*пост* – религиозный обычай, заключающийся в воздержании от пищи, питья, чувственных удовольствий и т. п. в целях очищения тела и возвышения духа».

Воцерковленными людьми лексемы религиозного характера толкуются более подробно и основательно, в ряде случаев толкования сопровождаются культуроведческими комментариями. Показательны в этом отношении названия церковных праздников. Например, **Пятидесятница** толкуется ими как *один из Двенадесярых праздников, отмечаемый на 50-й день после Пасхи; день сошествия Духа Святого на апостолов, после чего ученики Христовы обрели великий дар красноречия и имели возможность благовествовать всему миру о Христе Спасителе на разных языках*. Ср. с толкованиями внецерковных испытуемых: *какой-то обряд или праздник, связанный с числом '50'*. Лексеме **Богоявление** верующие прокомментировали как *Великий Двенадесярый праздник, отмечаемый 19 января. Богоявление и Крещение – разные названия одного праздника. Это явление Бога впервые за всю историю существования рода человеческого во время Крещения Иисуса Христа в водах реки Иордан. Явление Бога в полноте Троицы: Бог-Сын крестился, Бог-Отец говорил с небес, Бог-Святой Дух сходил с небес в виде белого голубя. Накануне праздника происходит великое водосвятие. Христиане имеют возможность трижды окунуться в Иордань*. Внецерковные носители языка при толковании значения данной лексемы были ориентированы на форму слова: **Богоявление** – это *явление Бога*. Лексема **Сретение** православными была прокомментирована как *Двенадесярый праздник, отмечаемый Церковью 15 февраля. Слово «сретение» переводится как «встреча». Сретение – это встреча Ветхого и Нового Заветов, встреча человечества в лице старца Симеона с*

Богом. Симеон-Богоприимец был человек праведный и благочестивый – один из семидесяти двух учёных-переводчиков, которым было поручено перевести Священное Писание на греческий язык. Когда Симеон переводил книгу пророка Исайи и прочитал слова о том, что Дева родит Сына Божьего, он подумал, что это явная описка и вместо «Дева» должно стоять «Жена», и посчитал своим долгом исправить текст. Но Ангел Господень остановил руку Симеона и уверил его, что он не умрёт, пока не увидит все своими глазами. Симеон долго ждал – он жил, по преданию, около 300 лет. Однажды по внушению Духа Святого он пришёл в храм. И когда Мария с Иосифом принесли Младенца Иисуса, Симеон взял Его на руки и сказал: «Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром, ибо видели очи мои спасение Твое, которое Ты уготовал пред лицом всех народов, свет к просвещению язычников и славу народа Твоего Израиля» (Евангелие от Луки). Эти слова стали молитвой, которая получила в дальнейшем название «Песнь Симеона-Богоприимца. Прихожане ЗС иллюстрируют в данном случае знание новозаветного сретенского сюжета, детально и исчерпывающе комментируют события этого дня. Ср. с комментариями внецерковных: если это относится к религии, церкви, значит – что-то очень хорошее, возможно, обряд.

При толковании значения слова **Бог** прихожане ЗС использовали определения догматического характера, указывая апофатические и катафатические признаки Бога: Творец, Всеобщее мировое Начало; Он безгрешен, бестелесен, беспределен, бессмертен, безначален, бесконечен, нематериален. Данные определения имеют отрицательный апофатический характер: они указывают на то, чем Бог не является (от греч. *apofasio* – отрицание). «Он всемогущий, всесильный, всемилостивый, вездесущий, Сущий». Данные определения имеют катафатический характер: катафатический метод (от греч. *catafasio* – положительное) – метод, который, в отличие от апофатического, описывает Бога посредством положительных определений. Многие из воцерковленных испытуемых приводят синонимичные именованья Бога, упоминаемые в Ветхом и Новом Заветах: Господь, Владыка, Властитель, Саваоф, Элогим, Пантократор, Вседержитель, Промыслитель. Далее идут определения Бога посредством так называемой «троичной» догматической терминологии: Бог есть Дух, Бог Един, но троичен в Лицах; Три Лица Святой Троицы составляют Единую Сущность: Бог-Отец, Бог-Сын, Бог-Дух Святой; Лица Святой Троицы (Ипостаси, от греч. – основание, сущность) нераздельны. Наша вера во Святую Троицу основана на Евангелии. Бог-Отец – Вседержитель, Творец мира видимого и невидимого. Акт творения осуществляется через Слово, без Него не начало бы существовать то, что существует. Слово Божие не возникло в акте творения. Оно всегда, изначально было у Бога. Сын Божий именуется Словом (*Logos*). 'В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Всё через Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть' (Евангелие от Иоанна). В данном случае прихожане ЗС указывают на основные функции Бога как Промыслителя о мире, определяемые посредством как естественного, так

и сверхъестественного откровения, демонстрируют знание догматических вопросов, согласно доктрине христианства, а также приводят максимально точные цитаты из Нового Завета. Внецерковные испытуемые комментируют значение слова *Бог* следующим образом: *Бог – это творец всего сущего; высший разум, абсолют, универсум, первопричина*. Лексема с религиозной семантикой в данном случае толкуется посредством нерелигиозных понятий и ставится в один ряд с философскими категориями.

Лексема *богооткровение* была прокомментирована православными испытуемыми следующим образом: *это главный источник богопознания. Сущность его в том, что Бог открывает Себя людям. Бог открывает Себя в душе человека, через молитвенное общение человека с Богом: 'Се стою у двери и стучу' (Евангелие от Иоанна). Бог открывает Себя в этом мире, в его красоте, величии, гармонии: 'о делах рук Его вещает твердь' (псалом). Голос Божий в красоте материальных форм природы. Наиболее полно Бог вещает о Себе в Священном Писании; Священное Писание написано не под диктовку Святого Духа. В нем божественное дано сквозь призму человеческого, через характеры составителей книг Священного Писания*. Ср. с комментариями внецерковных испытуемых: *богооткровение – это когда Бог с кем-то бывает откровенен или человек откровенен с Богом; мысленное обращение к Богу*.

Толкование значения лексемы *молитва* прихожанами ЗС осуществлялось, предположительно, сквозь призму личного молитвенного опыта с указанием основных её функций: *молитва – это обращение к Богу, общение с Ним. Молитва – это не требование (этим она отличается от магического заклинания, заговора). Молитва – это смиренное, с душевной кротостью, обращение к Богу, она выражает духовное устремление к Нему. Молитву называют беседой души с Богом, она выражает душевный порыв ввысь; молитва может содержать просьбу о помощи; посредством молитвы можно прославлять Бога, выражать благодарность Ему или раскаяние в содеянном грехе и просьбу о прощении. Молитва может быть выражена своими словами или готовыми текстами молитв из молитвослова. Молитва может быть и без слов (практика исихастов). Молитва должна быть искренней; молитва без такого устремления, какой бы многословной она ни была, не достигнет Бога*. Внецерковные испытуемые дают такой комментарий: *молитва – это обращение к Богу; средство общения с Богом*. Такое толкование в целом соответствует определению данной лексемы в словарях нерелигиозного характера и отражает общепринятое представление о молитве в языковом сознании современного русского человека. Например, в словаре С. И. Ожегова приводится следующий комментарий: «молитва – это религиозно-мистическое обращение с просьбой о чем-нибудь к Богу».

Слово *Мессия* комментируется прихожанами ЗС как *собственно Господь Иисус Христос – помазанник*. Ср. комментарием внецерковных испытуемых: *Мессия – это миссия Бога на земле*.

Пантократор воцерковленными определяется как *Господь-Вседержитель*. Невоцерковленные же испытуемые не дали комментариев к данной лексеме.

Значение лексемы *Денница* толкуется носителями религиозного сознания как *Диавол, сатана, сын зари, падший ангел*. А носители светского сознания как *что-то связанное со словом 'день'; производное от слова 'день'*.

Подводя итог, отметим, что дистанция между носителями религиозного сознания и носителями сознания светского велика. Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что характер презентации религиозной лексики настолько контрастен, что выделение общих признаков при толковании значения какой-либо лексемы обеими группами испытуемых представляется невозможным. Так, носители религиозного сознания дают определения понятиям религиозного характера достаточно подробно, ёмко, используя в ряде случаев культуроведческие комментарии, являя свою компетентность в полноте и силе кафолического исповедания, в верности духу и смыслу восточного христианского Предания, восходящего к древнему богословию отцов и учителей церкви.

Лексемы общерелигиозного характера имеют место быть в словарном запасе людей нерелигиозных, однако не являются ядерными, центральными категориями светской картины мира. Лексемы данного типа поддаются толкованию посредством мирских нерелигиозных понятий. Слова общеконфессионального характера поддаются толкованию слабо, часто по схеме 'от формы слова к значению' (что в большинстве случаев ошибочно) или совсем не толкуются.

Результаты сравнительного анализа двух типов текстов позволяют сделать следующие выводы: как существует секуляризация общества и культуры, так же существует и секуляризация сознания. Это означает, что современное общество порождает все больше индивидов, которые в своем отношении к миру и к самим себе не пользуются религиозными интерпретациями. По мнению Х. Кокса, «теперь «секуляризация» обозначает исчезновение неременной религиозной обусловленности символов, на которых строится культура». Д. Белл считает, что «в ходе развития и дифференциации современного общества – мы называем этот процесс секуляризацией – социальный мир религии сократился; все больше и больше религия превращалась в личное убеждение, которое допускалось или отвергалось. Религиозный способ миропонимания становится этическим и эстетическим – и неизбежно слабым и анемичным». Современное отечественное религиоведение понимает секуляризацию как социальный и ментальный процесс, вследствие которого важнейшие сферы общественной жизни, культуры и человеческого сознания освобождаются от влияния институтов и символов религии.

Библиографические ссылки

1. D. Bell The return of the sacred // British Journal of Sociology. Vol. 28, №. 4, 1977.
2. Кокс Х. Секулярный город: Урбанизация и секуляризация в теологической перспективе: пер. с англ. // Звезда. – 2005. – № 4. – С. 172–196. – 1. Религия. 2. Теология. 3. Город. 4. Урбанизация.

Раздел 3. МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: РОССИЯ – ФРАНЦИЯ

Глава 3.1. Лингвокультурологический аспект межкультурных коммуникаций

Г. М. Костюшкина, Н. Н. Козлова

Иркутский государственный лингвистический университет

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КАТЕГОРИЗАЦИИ ОПЫТА В ЦВЕТОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Значимыми элементами для категоризации и концептуализации культурно-исторического опыта соответствующей лингвокультурной общности признаны цвето-наименования в различных языках, обладающие выраженной национально-культурной спецификой. В истории языкознания имена цвета служат примерным образцом для доказательства общетеоретических постулатов. Они изучались на материале разных языков в различных аспектах.

Познавая, изучая мир, человек стремится упорядочить его, создает модель окружающей его реальности. Каждый познает мир как может. Те, кто являются высококвалифицированными специалистами в какой-либо области науки, то есть ученые, проводят эксперименты, ставят опыты и создают собственную целостную систему представлений об общих свойствах и закономерностях действительности. Такую систему, модель принято называть «картина мира». Понятие «картина мира» используется представителями разных наук: философии, психологии, культурологии, гносеологии, когнитологии, лингвистики. Научная картина мира строится в результате обобщения и синтеза фундаментальных научных понятий и принципов, основываясь не на чувственном восприятии и субъективной оценке, а на объективных данных и результатах исследований.

У каждого человека сформирована наивная картина мира, его представление о том, каким образом все происходит, в каких взаимоотношениях все находится, как все выглядит. Мы познаем мир чувственно, а также с помощью информации, которую нам сообщают другие люди в процессе устного общения (сообщение новостей, рассказ преподавателя и т. п.) или опосредовано (через учебники, энциклопедии и другие формы систематизации знаний), т. е. язык помогает нам познавать мир. Однако и сам язык влияет на познание: наивная картина мира складывается под действием языка, который отражает те реалии действительности, которые важны для определенной группы лю-

дей. Одну и ту же объективную ситуацию носители разных языков вербализируют и концептуализируют по-разному в соответствии с языковой картиной мира.

Язык отражает различные картины мира, присущие человеку (научную, религиозную, эстетическую, пространственную и др.), которые благодаря лексике приносят в язык особенности самого человека, его культуры. Путь от реального мира к понятию и далее к словесному выражению различен у разных народов, что определяется различиями в истории, географии, особенностями жизни этих народов и, соответственно, различиями развития их общественного сознания.

Лео Вайсгербер, введший понятие «языковая картина мира», пишет, что «словарный запас конкретного языка включает в целом вместе с совокупностью языковых знаков также и совокупность понятийных мыслительных средств, которыми располагает языковое сообщество; и по мере того, как каждый носитель языка изучает этот словарь, все члены языкового сообщества овладевают этими мыслительными средствами; в этом смысле можно сказать, что возможность родного языка состоит в том, что он содержит в своих понятиях определенную картину мира и передает ее всем членам языкового сообщества» [цит. по Радченко, 1997, с. 250].

Различия в окружающей человека действительности, которая дана ему в природе и культуре, отражаются в лексической семантике. Понятия объективной действительности имеют общечеловеческий характер, но они реализуются в словах, имеющих национальную специфику, т. е. значения слов есть национальные категории, а понятия – вненациональные. Кроме того, любое понятие может выражаться через различные признаки. Иногда то или иное слово своей внутренней формой, структурой указывает на признак, легший в основу названия как характерный признак предмета или понятия. Именно в выборе этого признака и проявляется национальное своеобразие того или иного слова или его значения.

Одним из фрагментов наивной картины мира, всегда привлекавшим внимание исследователей, является система цветообозначений в языке. Цветонаименования (колоративы) определенного языка обладают выраженной национально-культурной спецификой и являются значимыми элементами для конструирования фрагмента национальной картины мира соответствующей лингвокультурной общности.

Известно, что цвет составляет важнейшую часть всей зрительной информации. Именно цвет одежды встретившегося вам человека, цвет его лица, волос и т. д. запоминается, прежде всего, как, например, в высказывании: «Я не помню, во что она была одета, но она была в красном, и этот красный жег мне душу и не давал уснуть по ночам».

Цветовой спектр – недискретный континуум, образуемый плавным изменением длины световой волны. Различия в длине световой волны воспринимаются глазом как разные цвета. Признак, по которому цвета отличаются друг от друга и занимают опре-

деленное место в спектре, называют цветовым тоном. Другими важными характеристиками цвета, помимо тона, является яркость и насыщенность, таким образом, «субстанция цвета является трехмерным (физическим или перцептуальным) континуумом» [Лайонз, 1978, с.455].

Цвета, отличающиеся друг от друга только по светлости, называют ахроматическими (бесцветными). К ним относятся: белый, серый, черный. Остальные цвета – хроматические (цветные), которые могут быть разделены на теплые (длинноволновая часть спектра: красный, оранжевый, желтый, желто-зеленый) и холодные (коротковолновая часть спектра: зелено-голубой, голубой, зеленый, синий, фиолетовый). Чистый зеленый цвет находится между холодными и теплыми цветами спектра. С точки зрения физики, цвета также делятся на основные (желтый, синий, красный), из которых теоретически могут быть составлены все остальные цвета, и смешанные (зеленый, фиолетовый, оранжевый, коричневый, голубой) [Алексеев, 1962, с. 65].

В итоге мы получаем цветовую картину мира в языке посредством совокупности всех цветов, отражающихся в цветовом пространстве, которое является чисто психологическим явлением, поскольку в природе существуют только световые волны, длина которых варьирует в определенном диапазоне, а сам цвет является результатом деятельности мозга и глаза. Термины цветообозначения категоризируют языковое цветовое пространство.

Однако существует явная диспропорция между количеством цветов, различаемых глазом, и количеством их названий в цветовом пространстве: количество цветовых тонов, которые способен различить глаз, определяется в среднем как равное полутора-ста, а в ахроматическом ряду отмечается способность глаза различать около тысячи ступеней перехода между крайними белым и черным. Этот дисбаланс позволяет сделать вывод, что количество цветов и «неравномерность распределения названий по областям всей совокупности цветов может теоретически зависеть как от практической заинтересованности людей в различении цветов и в их обозначении, так и от частоты, с которой те или иные цвета встречаются во внешнем мире» [Шемякин, 1960, с. 47]. Так, например, одно из объяснений высокого уровня развития в ненецком языке названий для ахроматических, а также для зеленых и синих цветов по сравнению с русским, английским и французским языками обусловлено практической значимостью различения соответствующих окрасок в условиях жизни на Крайнем Севере.

В языкознании языковое цветовое пространство довольно часто используется для иллюстрации принципа лингвистической относительности, сформулированного американским ученым Б.Уорфом, развившим идеи своего соотечественника, этнолингвиста Э. Сепира. Согласно гипотезе Сепира-Уорфа, «сходные физические явления позволяют создать сходную картину вселенной только при сходстве или, по крайней мере, при соотносительности языковых систем» [Уорф, 1960, с. 175].

Каждый язык сегментирует окружающую действительность по-разному, поэтому у «одних народов различаются, например, три цвета, в то время как у других – семь и т. д.» [Касевич, 1988, с. 7].

Н. С. Трифонова относит к экстралингвистическим факторам, определяющим объем деривационного потенциала цветообозначений, факторы лингвострановедческого характера: историю, традиции, географическое положение (значимое для цветовой гаммы ландшафта, а, следовательно, и для распространения тех или иных цветотерминов), социальный и культурный уровень развития каждого народа. Сюда же включаются лингвистически релевантные черты образа жизни, быта населения, привычный статус и отношения вещей. Формирование цветообозначений, их жизнь в языке тесно увязаны с жизнью общества и людей: с особенностями быта, торговли, с развитием ремесел, техники, сменой верований, обычаев, вкуса и моды [Трифопова, 2005].

При этом цветообозначения являются исключительно нагруженными в коннотативном аспекте, так как являются хранителями оценочной информации, мотивированной социально, идеологически, эстетически [Ермакова, 2007, с. 11].

Сравнительное изучение способов обозначения цвета в разных языках – одна из традиционных тем в лингвистике. На примере названий цвета можно убедиться, что даже такое, казалось бы, объективное, общее для всех людей физическое ощущение, как цвет, в разных языках отражается по-разному или, другими словами, наивная цветовая картина мира в разных языках имеет свои особенности. Хотя природа цвета неизменна, тем не менее, цвета весьма различно отражаются в сознании людей. Наименования цветов составляют в каждом языке сложную систему, и системы разных языков обнаруживают показательные расхождения. Эти расхождения касаются как выделения цветов, так и способов их обозначения.

Языковая группа цветообозначений является объектом пристального внимания лингвистов. Насчитывается более сотни работ, посвященных цветообозначениям в различных языках мира. А. А. Уфимцева объясняет этот интерес так: «Система обозначений цвета настолько закрыта и структурно четко организована в силу относительного характера значений ее членов, что служит ныне классическим примером строгой структурной организации» [Уфимцева, 1968, с. 19]. Такое внимание также обусловлено тем, что лексика этой зоны обладает огромной значимостью для человека и представляет собой легко выделяемую лексико-семантическую группу, в которой отражается объективное разнообразие цветовой гаммы.

В ранних работах цветоименования рассматривались, главным образом, в двух аспектах. В одних исследованиях изучалось поле цветообозначений с точки зрения передачи основных цветов и их оттенков, то есть процессов вербализации цветового пространства, устанавливалась связь между объективным хроматическим спектром и языком. В исследованиях другого направления анализировались отдельные прилагательные

тельные цвета по линии их лексических и грамматических свойств, таких как морфологическая структура, словообразовательные возможности, сочетательные потенции.

В конце 60-х годов XX столетия Б. Берлином и П. Кеем были установлены универсальные понятийные цветовые категории (*colour categories*), максимальное число которых составляет одиннадцать. Любой язык приобретает их в строго определенной последовательности: первая стадия - *black, white*; вторая стадия - *red*; третья стадия - *green, yellow*; четвертая стадия - *blue*; пятая стадия - *brown*; шестая стадия - *purple, pink, orange, gray* [Berlin, Kay, 1969].

Однако дальнейшее рассмотрение приведенных терминов нигерийского языка и языка австралийских аборигенов, как отмечает Э. Г. Соселия [Соселия, 1991], обнаруживает неточность определения основных цветовых категорий. При исследовании наиболее ранних цветообозначений китайского языка найдена оппозиция «белый (или неокрашенный) – цветной». Это не соответствует оппозиции «белый – черный» на первой стадии по Б. Берлину и П. Кею. Кроме того, в указанный период в Китае уже существовали следующие цветообозначения: красный, черный, желтый, темно-красный, красно-желтый (оранжевый), коричневый. Таким образом, китайский язык изначально оказывается на пятой-шестой ступени развития и при этом не имеет названий синего и зеленого цветов [Шевчук, 2005, с. 6 - 7].

Эту неточность чувствовали и сами авторы, и результатом попытки ее устранения можно считать совместную работу П. Кея и Ч.К. Мак-Дэниела [Kay, McDaniel, 1978], где понятие основной цветовой категории определяется более точно как «туманное множество» (*fuzzy set*), то есть система, не имеющая четких границ.

У некоторых авторов, работающих с понятием цветообозначения (прежде всего, в славянских языках), встречается не одиннадцать, а двенадцать основных категорий цвета, так как учитывается еще и голубой отрезок спектра. Дело в том, что, будучи англичанами и мысля по-английски, Б. Берлин и П. Кей не учли того факта, что английской лексемой *blue* обозначаются и синий, и голубой цвета.

В различных работах эти ученые говорят о том, что, основываясь на данных о цветонаименованиях в языке, можно судить об его историко-культурном развитии, если понимать под таким развитием очередность появления в языке тех или иных цветонаименований. Однако представляется очень сложным проследить связь между историко-культурным развитием языка и характером употребления в языке цветонаименований, образованных от названий предметов. Вопрос о том, чтобы судить о стадии развития языка по общему количеству имеющихся в нем цветонаименований определенного типа, является крайне спорным.

Одним из вопросов, связанных с цветонаименованием, является вопрос о том, по какому принципу следует объединять слова, обозначающие цвет, в группы. В своей работе «Цветонаименования как характеристика языка писателя. Лингвистика текста и стилистика», где иллюстрируется достаточно большой объем выборки

и употребления возможностей языка цветонаименований в русской речи, для удобства анализа А. П. Василевич использовал следующую классификацию: 1) простые прилагательные (*красный, бирюзовый*); 2) оттенки (*ярко-красный, ядовито зеленый*); 3) двусоставные слова (*красно-синий, изумрудно-зеленый*); 4) словосочетания (*цвета морской волны, цвета осенних листьев*). При этом автор отмечает, что оттенки, двусоставные слова и словосочетания в словарях практически вообще отсутствуют [Василевич, 1981].

Следует отметить, что четких критериев выделения рассматриваемой лексики в современной науке о языке еще нет. В большинстве случаев авторы полагаются на собственную интуицию, решая, сколько и какие именно слова надо изучить. Например, состав используемой лексики цветообозначений обычно ограничивается очень небольшой группой слов, так называемыми основными цветонаименованиями. Многие лингвисты, как отмечает И. П. Сусов, охотно иллюстрируют отсутствие изоморфизма планов содержания разных языков сопоставлением диаграмм распределения наименований основных цветов, выделяемых, по сути дела, на одной субстанциональной основе – физического спектра цветов [Сусов, 2007, с. 65]. Так, русский язык различает семь основных цветов: фиолетовый, синий, голубой, зеленый, желтый, оранжевый, красный. В английском языке в качестве основных называются только шесть цветов: purple (фиолетовый, пурпурный, багровый), blue (синий, голубой), green (зеленый), yellow (желтый), orange (оранжевый), red (красный). Однако, на наш взгляд, важен учет метафорических переосмыслений не только основных, но и «периферийных» цветонаименований, включающих простые прилагательные.

В стилистике часто обращают внимание на роль цветовых единиц, так как они в художественном произведении любого писателя являются одним из элементов его стиля и мировосприятия. Следует отметить, что материал цветонаименований используется весьма продуктивно при анализе художественных средств языка писателей, поскольку лексика, обозначающая цвет, является одним из существенных компонентов образности в художественной литературе.

У каждого поэта можно обнаружить свою цветовую гамму, сочетания цветов и оттенков. Языковые цветовые единицы выполняют в художественном тексте номинативно-иллюстративную, эстетическую и символическую функции. Так, например, А. Блок очень часто использовал в своем творчестве прилагательные *белый* и *черный*, С. Есенин использует символические значения прилагательных *голубой* и *синий*, К. Паустовский, раскрывая динамику жизни природы, использовал синонимические ряды: *красный – алый, багровый, пурпурный, огненный; желтый – лимонный, рыжий, бронзовый, золотой; серый – седой, пепельный, дымный, сизый, ртутный, серебряный, свинцовый* [Василевич, 1981].

Можно сказать, что лингвистическая проблема цветонаименования развивалась вместе с лингвистикой как наукой. Появляются новые научные парадигмы –

появляется новый взгляд на данную проблему. В работе Т. М. Тяпкиной получила свое комплексное решение проблема развития, расширения семантической структуры прилагательных цветонаименований, проблема функционирования на их основе не цветовых, вторично-номинативных значений [Тяпкина, 2002]. Область исследования цветообозначений распространяется на состав данной лексической группы в каждом конкретном языке, историю возникновения цветонаименования, переносные, символические и фразеологические значения отдельных прилагательных цвета.

Цветообозначения отражают универсальные свойства разноструктурных языков (системная организация) и национальную специфику, связанную с экстралингвистическими (типичность цвета), языковыми (структурные и лексико-грамматические особенности, способы выражения), ассоциативными причинами.

Как видим, высокая частотность употребления лексики цветообозначения, ее явная национально-культурная семантика и значимость для конструирования фрагмента языковой картины мира привлекает внимание различных исследователей.

Однако учеными-лингвистами также ставится еще одна цель: получить исчерпывающий перечень слов-цветообозначений. Так, известно, что в некоторых английских специальных словарях содержится до 5 тысяч цветонаименований, и это число не является конечным. Язык настолько гибок и продуктивен, что непрерывно появляющиеся новые слова и словосочетания «не успевают» попасть в издающиеся словари. Следует признать, что цветонаименования представляют собой открытое множество и, как считает Р. М. Фрумкина, это обстоятельство служит одной из причин невозможности построения системы цветообозначений [Фрумкина, 1984]. Причиной этого является и то, что в состав такой системы входит большое количество редких окказионализмов, которые очень трудно не только учесть, но и просто перечислить.

Таким образом, цветообозначения имеют национально окрашенный характер, где отражается культурно-историческая специфика языкового сознания. В этой связи понятие объективного фактора исключается в силу постоянного состава и универсальности денотатов, а на первый план выступает субъективный фактор, неотделимый от культуры в широком смысле.

Библиографические ссылки

1. Алексеев С. С. О цвете и красках. – М.: Искусство, 1962. – С. 65.
2. Василевич А. П. Цветонаименования как характеристика языка писателя (К методике исследования) [Электронный ресурс] // Ученые записки Тартуского ун-та. Linguistica, 1981. – Вып.585. – С. 134–143. – URL: http://www.teneta.rinet.ru/rus/pe/prokof_belij.html (дата обращения: 25.03.2009).
3. Ермакова О. Б. Концептуализация цвета в русском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – М., 2007. – С.11

4. Касевич В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. – М.: Наука, 1988. – С. 7.
5. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. – М.: Прогресс, 1978. – С. 455.
6. Радченко О. А. Язык как мирозидание. Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. – М.: Мегатекст, 1997. – Т. 1. – С. 250.
7. Соселия Э. Г. Семантические особенности терминов цветообозначения // Историческая лингвистика и типология / ред. К. Г. Красухин. – М.: Наука, 1991. – С. 20–25.
8. Сусов И. П. Введение в языкознание: учебник для студентов лингвист. и филол. специальностей. – М.: АСТ; Восток-Запад, 2007. – С. 65.
9. Трифонова Н. С. Метафора в ранней лирике Анны Ахматовой («Вечер»–«Белая стая»–«Аппо Domini»): дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. – Екатеринбург, 2005. – 220 с.
10. Тяпкина Т. М. Вторично-номинативные функции цветообозначений в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Иваново, 2002. – 19 с.
11. Уорф Б. Л. Наука и языкознание (О двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление) // Новое в лингвистике. – Вып. 1. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. – С. 175.
12. Уфимцева А. А. Слово в лексико-семантической системе языка. – М.: Наука, 1968. – С. 19.
13. Фрумкина Р. М. Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа. – М.: Наука, 1984. – 175 с.
14. Шевчук О. П. Цветообозначения китайского языка, их особенности и национально-культурная специфика: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22. – М.: Институт востоковедения РАН, 2005. – С. 6–7.
15. Шемякин Ф. Н. К вопросу об отношении слова и наглядности образа (цвет и его название) // Мышление и речь. – М.: Наука, 1960. – С. 47.
16. Berlin B. Basic Color Terms: Their Universality and Evolution / B. Berlin, P. Kay. – Berkeley: University of California Press, 1969. – 210 p.
17. Kay P. The linguistic significance of the meanings of basic color terms / P. Kay, Ch. K. McDaniel // Language, 1978. – Vol. 54. – № 3. – P. 610–646.

Irina Kantarbaeva-Bill

University of Toulouse II, (Toulouse, France)

A. S. GRIBOEDOV AND THE EAST

Note on transliterations and usage of names: transliterations from the Cyrillic alphabet adhere to the simplified international norm ISO 9: й (j), ц (c), у (u), е (e), г (g), ш (š), щ (šč), з (z), х (x), ф (f), ы (y), ж (ž), э (e), я (ja), ч (č), с (s), ь (‘), ю (ju). The local names and geographic terms, commonly known in the West, are rendered as in English, e.g. Chechens, Cherkess, Shah, Yerevan, Turkmanchai (the Treaty), Kakhetia, Tsinondali, etc.

*Не ожидай от меня стихов, горцы, персияне, турки, дела управления, огромная переписка нынешнего моего начальства поглощают все мое внимание. Ненадолго, разумеется, кончится кампания, и я откланяюсь. В обыкновенные времена никуда не гожусь, и не моя вина, люди мелки, дела их глупы, душа черствеет, рассудок затмевается и нравственность гибнет без пользы ближнему. Я рожден для другого поприща.*¹

The East played an exceedingly important role in Alexander Griboedov's (1795-1829) short literary career, much of which was spent on diplomatic missions and on battle grounds of the Caucasus and Persia. Of all the Russian writers who wrote about these regions, he was probably the most knowledgeable about the language, history and culture and he forged especially close personal ties with this East by marrying a Georgian woman.

The purpose of the present communication is two-fold: A. Griboedov's life, with its immensely varied backdrops, ranging from St. Petersburg and Moscow literary salons to the snowy peaks of the Caucasus is intrinsically linked with the question of the East. First as a literary construct, particular in its Russian intellectual perception and on the second thought as a geopolitical concept, varying from such notions as *The Eastern Question* as well as *British conspiracy theory*, the nub of which was the allegedly treacherous role played by the British in bringing about Griboedov's death in Teheran. In my modest attempt to analyze these different concepts of the East through Griboedov's experiences I'll strive to re-assess that among all his famous and less famous literary contemporaries and perhaps due to his versatile expertise his East represents a more nuanced, darkened vision of the Russia's distanced "double". In fact, Griboedov's East is composed of several interwoven concepts such as a ready-made, well-formulated and persuasive package of Orientalist attitudes from France, Germany and England where it is constituted as alpine wilderness, cherished for its rejuvenating, inspirational power but also as a new scale of fearsome cultural references to the territory considered as symbolic Allah's mountains hostile to enlightened Orthodox Russia. This Barbarian East represents a newly simplistic Russian invention of the Caucasian and Persian Muslim tribesmen as viscous and lustful excluded from civilization as adamantly as the compliant oriental woman was invited in. Striking about Griboedov's East is that while showing the emerging shift in Russian imaginative geography it still maintains certain encapsulations of cross-cultural ventriloquism allowing to hear contrived voices of tribal enemies due, without doubt, to his perfect knowledge of the geopolitical situation in this area. There was scarcely a major player on the Eastern chessboard with whom he was not familiar: from the Shah of Persia, the Crown Prince Abbas Mirza and his ministers to Sir John Macdonald, Dr. McNeill,

¹ A. S. Griboedov, "A. Griboedov F. Bulgarinu", April 16th, 1827, Tiflis, op.cit. in P. S. Krasnov, S. A. Fomičev, N. A. Tarxova, *A. S. Griboedov. Žizn' i tvorčestvo*, Moskva, Russkaja kniga, 1994, p. 133.

the key figures in the English Mission and Generals A.P. Ermolov and I.F. Paskevič on the Russian side.²

Although no Russian writer remained indifferent to this vast area, it was seldom sought voluntarily, at least at the beginning: exile, expiation and inspiration – what a tragic and at the same time ironical twist for this Russian East, devoid of the affectedness and artificiality of the court life in Moscow and St. Petersburg. Both A. Griboedov and A. Puškin were in diplomatic service,³ whereas M. Lermontov(1799-1837),⁴ W. Küchelbecker (1797-1846), V.Odoevskij (1803-1869), A. Bestužev Marlinskij(1797-1837) and many others involved directly or indirectly in the abortive Decembrist uprising (14 December 1826) were literary exiled to the Caucasus.

A. Puškin had first become acquainted with Griboedov in 1817, when he and the latter, aged 18 and 22, had been among the rising stars of literary and theatrical St. Petersburg. Everything about him, wrote Puškin,

his melancholy character, his caustic wit, his good nature, his very weaknesses and vices, those inevitable companions of mankind – everything in him was unusually appealing. Although born with ambition equal to his talents, he was long trapped in petty needs and obscurity. The abilities of the statesman remained unapplied; the talent of the poet was not recognized; even his cold and brilliant courage were for a time under suspicion. Some friends recognized his value and encountered that distrustful smile of his – every time they would speak of him as an unusual person.⁵

Griboedov was forced to leave the capital two years later, following a duel, to serve in semi-exile as a diplomat in Persia and Georgia. He spent five years first as Chargé in the Per-

² Elena Andreeva, *Russia and Iran in the Great Game: Travelogues and Orientalism*, London, Routledge, 2007.

³ A.Griboedov (1795-1829) in his capacity of a diplomat was posted to the capital of the recently conquered Georgia. A. Puškin (1799-1837) , an undersecretary in the Ministry of Foreign Affairs, was ‘transferred’ to Yekaterinoslav, the headquarters of the southern Russian colonies, I. Gončarov, famous as the author of *Oblomov*, worked in the Department of State Censorship, L. Tolstoj originally had plans to join the diplomatic service, but ended up serving, for a brief period, in the army.

⁴ M. Lermontov’s exile in 1837 was due to his poem “Death of a Poet”, implicating the government in A. Puškin’s untimely death. His second exile to the Caucasus was in 1840. Towards the end of 1826 and early 1827 there were over 2,800 political exiles in the Caucasus. (Source: Eidel’man N. Ya., *Byt’ možet za xrebtom Kavkaza*, Moskva, Nauka, 1990, p. 250-5.)

⁵ “Его меланхолический характер, его озлобленный ум, его добродушие, самые слабости и пороки, неизбежные путники человечества, - всё в нем было необыкновенно привлекательно. Рожденный с честолубием, равным его дарованиям, долго был он опутан сетями мелочных нужд и неизвестности. Способности человека государственного оставались без употребления, талант поэта был не признан, даже его холодная и блестящая храбрость оставалась некоторое время в подозрении. Несколько друзей знали ему цену и видели улыбку недоверчивости,...когда случалось им говорить о нем как о человеке необыкновенном. ” A.S. Puškin, “Putešestvie v Arzum vo vremja poхода 1829 goda”, in *Sočinenija v 3x tomah*, Moskva, Xudožestvennaja Literatura, 1987, p. 391.

sian diplomatic capital of Tabriz, then in Tiflis⁶ as diplomatic adviser to General A.P. Yermolov (1777-1861), a legendary figure in the history of the area, dominating its unruly tribes with his policy of terror and scorched earth. They were years of honing his diplomatic skills, of perfecting his knowledge of the Persian language, of travelling in gruesome conditions in the wild mountains of the Caucasus. From then on he would lead a double existence, on the one hand as a writer of genius whose verse comedy *Gore ot Uma*, variously translated as *Woe from Wit* or *The Misfortune of Being Clever* started to take shape and an increasingly important player in the game of Russo-British-Persian relations on the other.

During the span of his short life, the development of a colonial outlook with expansion into alien lands, the participation in European politics, the recurrent Russo-Turkish wars, the conquest of the Eastern territories including the Caucasus and Central Asia the “virtual epidemic of Orientalia” affected every major poet, essayist and philosopher of the period.⁷ “Oriental” became synonymous with “the exotic, the mysterious, the profound, the seminal”.⁸

But if in Western world the ideological distancing of the “Orient” was an elaborated justification for domination an enemy of other religious origin, Russia has a much more vexed relationship with “the East”. Ariel Cohen, a contemporary American scholar has noted how Russia’s position between East and West has affected the current debate about Orientalism:

[The] stark dichotomy between Orient and Occident around which Said’s analysis hinges, transforms in the Russian context into an awkward triptych: the West, Russia, the East. Russia, after all, was not only the subject of orientalist discourse but also its object.⁹

This double vision of Orient is particularly transcendent in Russian depicting of the Caucasus along with the Crimea. Beauty, mystery and adventure were terms which symbolized the Caucasus in the imagination of early XIXth century Russian intellectuals. The snow-capped peaks and mountain rapids provided a dramatic contrast to the flat Russian landscape and its meandering rivers inspired many a poet, including Deržavin and Žukovskij. These descriptions of the Caucasus often inspired popular and formulaic landscape descriptions, but those distant heights seemed to embody a Romantic flight from society as well and the themes of “noble savage” inspired significant Romantic fiction and narrative poetry. However, Gri-

⁶It is with his help that was founded the magazine *Tiflis News/Tifliskie vedomosti*.

⁷ Orientalism in the arts became an integral part of the Romantic movement in literature. By the beginning of the XIXth century, several Russian translations of Oriental works initially taken from European languages were published. The first exotic “proto-oriental” poems in Russian were written by G. Deržavin (1742-1816) and S. Bobrov (1767-1810). “Oriental” poetry and fiction proper were created in the first half of the XIXth century by such writers as V. Žukovskij (1783-1852), A. Puškin, A. Griboedov, M. Lermontov’s *A Prisoner of the Caucasus*, *Ashik-Kerib*, *A Turkish Tale*, and *A Hero of Our Time (Bela)*, and A. Bestužev-Marlinskij’s *Amalat-Bek*.

⁸ The term « Oriental Renaissance» comes from the title that Edgar Quinet, a scholar of languages, cultures and religions, gave to a chapter in his *Genie des religions* (1841), see Raymond Schwab, *The Oriental Renaissance: Europe’s Rediscovery of India and the East, 1680-1880*, New York, Columbia University Press, 1984, p. 11.

⁹ A. Cohen, *Russian Imperialism: Development and Crisis*, Westport, CT: Praeger, 1996, p. 50.

boedov's Oriental cycle of poems and prose¹⁰ includes surprisingly few works written during his stays in the Caucasus and practically no in Persia. This list includes two non-finished tragedies *Georgian night /Gruzinskaja noč'* (approximately 1826-27), *Rodamist and Zenobia* based on Roman historian Tacitus' *Annals* (approximately 1828), dramas in verse *Hookah Boy/Kal'ianči* inspired by *Childe Harold's Pilgrimage* by G. Byron (1820), *Serčak and Itl'ar* about Polovets tribes (1825) as well as a short poem *Vostok/ The East*, attributed to Griboedov (approximately 1828). But the most representative of his conception of the East and chronologically very significant to understand the evolution of his imaginative mapping of the East, in my opinion, are his two poems, the very first one, *Where curves the river Alazan'/ Tam gde viet'sa Alazan'* written at the beginning of his stay in the Caucasus, notably in Kachetia between 1818-1820, and the last one, *Predators at the Čegem*, known also as *Sharing the Booty/Xiščniki na Čegeme/ Delež dobyči* written in 1826.

Alazan', one of Griboedov's most lyrical poems relating to the area, is structurally divided into two movements where in the first half the poet juxtaposes the free movement of the clouds with the Parnassian virginal vision of the Caucasus. The evolving notion of natural plenitude gave the territory a new pastoral ambience, at odds with the rocky sphere of mountain gloom and glory. In common with Rousseau's writing about the Alps, an eager reader might perceive Georgia's lowlands as an inviting, hospitable terrain. Griboedov freely attributes this unlimited plenitude to the Caucasus's southerly regions in the opening sentence of his proposal for the Russian-Transcaucasian Trading Company in 1828 stating that "nature has prepared everything, but people have not yet taken advantage of nature".¹¹ In verse and in prose he conveys a conception of a realm so richly endowed that man might derive benefits from it with a minimum of work. Early American colonists for example fashioned metaphors of their country as a great mother but also gendered her as a loving maiden whose fertility begged to be exploited. The XIXth century Russian writing about the Caucasus exhibited the same urge to feminization with the spotlight squarely centered on the passive virgin ready to satisfy male desire and indeed just waiting for man to take advantage of her. Personification of the Caucasus as a woman gives voice to a newly heightened perception of the entire Asian territory as "virgin" terrain ripe for Russian exploration.

However, the second part of the poem distorts the tentative to romance the oriental woman, first idealizing her and thus entering into a larger literary gallery of geographically diverse Asian enchantresses like odalisques, harem queens, Arabic, Turk and Persian beauties. For Griboedov Georgia interlaces sexual and national subjugation and this mythology of elective erotic affinities finds a vital point of historical reference in Griboedov's marriage to Nina Čavčavadze. Nevertheless precisely because they knew that the annexation entailed strife and aggression, Griboedov as well as many other Russian writers needed to invent Georgia not merely as an enticing,

¹⁰ A.S. Griboedov, *Sočinenija*, Moskva, Gosudarstvennoje izdatel'stvo xudožestvennoj literatury, 1958.

¹¹ A. Griboedov, "Proekt učreždenija Rossiiskoj Zakavkazskoj Kompanii", in *Sočinenija*, op.cit., p. 490-91.

passive creature but also as a violent woman who could provide justification for the brutalities of empire-building. Another example is set in Griboedov's *Georgian night* which centers on the conflict between a Georgian prince and a servant who was his wet nurse, broaching the legend of Jason and the Golden Fleece. In continuity with the awesome vindictiveness of Greek mythology the heroine of "Georgian night" like Medea is conversant with black magic and in the denouement of the play the all-nurturing mother turns wild to take revenge with the aid of the *ali*, malicious female spirits of Georgian paganism. In consequence, while localizing Asian danger and ferocity specifically in women, instead of utterly powerless, abused heroine, Griboedov offers the much more interesting dualistic image of the oriental woman as a victim with a capacity to kill echoing with Puškin's Zarema in *The Fountain of Baxčisaraj*.

European authors have often portrayed imperial power as male dominance over the feminized colonial realm and Russian writers showed the same rhetorical bent. Although Georgia received such treatment more consistently than other regions of the Caucasus, the whole territory was drawn into stock figures of feminization and erotic interaction. As Susan Layton puts it justly, the Russian word *Kavkaz* has masculine gender, but the territory was perceived as the realm of untamed *priroda* (nature), a feminine noun. Since gender is imbedded in the language, *priroda* to the Russian ear does not automatically conjure a female personage. What is more, Russian poets usually disregarded the feminine gender of *gora* (mountain) to favour tropes of masculinisation for peaks named after tsars, sovereigns, sentries, warriors and giants.¹²

The generously endowed nature of the Caucasus and the economic stakes of the war against the tribes promised Russia even greater wealth than India. Although not necessarily evoking the claims of civilization or even mentioning the Muslim tribes, various other Russian observers writing about minerals, silk production, salt deposits obviously evoked the potential profits for the tsarist empire. Such reports helped to establish an image of the East as the source of phenomenal booty for the Russians in the ongoing war. Where people of the Caucasus were concerned, the focus in the early 1820s was on simplification and reductionism; through a process of elimination the many people of the region were reduced to primarily two – the Circassian (also called Cherkess in Russian) and the Chechens. However, starting from 1820s these bellicose tribes began to substitute the Caucasus as a Parnassian site of spiritual uplift for the civilized traveller. These figures of speech acquired a newly menacing character epitomized in *Predators at the Čegem* poem. The savage braves thus lost their ambivalent romantic aura as free *Naturmenschen* and become unidimensional sons of Allah – "children of darkness", "animals" and fanatics.¹³ Reduced to the oriental Other, the tribesman

¹² Susan Layton, *Russian Literature and Empire: Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoj*, Cambridge, Cambridge University Press, 1994.

¹³ The contemptuous analogy between a human being and an animal when describing the conquered is not confined only to the peoples of the Caucasus. The exiled Decembrist poet W. Kükhelbeker employs similar similies in his description of the Tungus and the Buryats (Source: "Pis'mo A. Puškinu", 12 February 1836, in

proclaimed Russia's Europeanness as a consequent right to subjugate the Caucasus in the name of civilization.¹⁴

In consequence Griboedov juxtaposes the anthropomorphism of the orientalised nature and the organized might of the brigands, where the Caucasus is a fixed decorative sign pregnant with nearly Gothic tension of blood. Elbrus's two peaks are symbolized as Gods from Persian demonology, laden with the emblems of the Islamic East, the mountains radiate hostility to Christendom. But at the dusk of the belief in *noble Caucasian*, flooded by jingoistic extension of cultural monologism, Griboedov's poem strangely sounds like a cross-cultural ventriloquism¹⁵ and can be interpreted as a tribal cry of victory, probably inspired by a recent devastating attack by a force of Kabardinians and Circassians against a Cossack stanitsa. Although exultant tone predominates, Griboedov's native voice asks Russia why it makes war against the Caucasus.

This instance of the provoked victim cast the readership's country as the originator of a cruel conflict. It is hardly possible that the Russian writers were oblivious of the atrocities being committed by the Russian army and civilian officers. There are constant references, not always laudatory, to these in their writings.¹⁶ Yet many of the writers were active participants in the Russian military operations and revelled in them. Griboedov, though a civilian, took part in at least one punitive expedition of the Russian army and pleaded with the General to allow him to take part in others:

...am off to Chechnya. A(lexei) P(etrovich)[Yermolov] did not want me to but I pleaded with him...[...]...Ye(rmolov's) name still arouses fear; [...] To Chechnya! Here the war is of a special kind: the main difficulty lies in tracking down the enemy in the jungles and the ravines; once he is located extermination is no problem.¹⁷

He participated in the Russian military campaign in Yerevan in 1827, playing an important diplomatic role in Russia's annexation of the Khanates of Yerevan and Baku. He combined in himself the creative artist and the administrator, a common feature of the Rus-

Pushkin A.S., *Polnoe sobranie sočinenij v 10 tomov*, tom 8, Moskva, Vagrius, p. 85.) Neither is there any divergence of views in Griboedov's attitudes. The animal and the colonized Orientals are interchangeable entities.

¹⁴ While elaborating his project of the trading company, Griboedov attempts to crystallize his thoughts in a more formal manner: "In the process of clearing the forests, or in the setting up of country estates and arable farming, the predatory creatures disappear and make way for the docile, domesticated animals, which feed the human being. The North American States are the most instructive example", A. Griboedov, "Proekt učreždenija Rossijskoj Zakavkazskoj Kompanii", *Sočinenija*, op.cit., p. 490.

¹⁵ see A. Poležajev's "Erpelj" (1830)

¹⁶ A. Puškin describes the ruins of abandoned settlements and the resentment towards the Russians among the local population in his *Travels to Erzurum*; Russian military advances in the Caucasus are compared to the 'black plague' in the *Prisoner of Caucasus*, references to the Russian atrocities in the region are in M. Lermontov's poem, 'Valerik' and in *Izmail Bey*; Griboedov mentions the high-handedness of Russian officials in a number of works; Tolstoj's indictment of tsarist colonial regime is depicted in *Haji Murad*.

¹⁷ A.S. Griboedov, "Pis'mo S.N. Begičevy", in *Sočinenija*, op. cit., p. 574-5.

sian writer. Both Griboedov and Puškin¹⁸ had plans for the future of the annexed peoples. The author of *Woe from Wit* while working on his play, conceived a grand and ambitious plan for the future of the Caucasus the substance of which was to create a Company along the lines of the British East India Company and the Russians (Russian Transcaucasian Trading company), submitted to the Government in 1828. Griboedov believed that Russian serfs could be transferred to these parts and made to sign a bond for fifty years. At the expiry of this period they could get their freedom.

Puškin and Griboedov were both ideologically close to the Decembrists, whose abortive uprising aimed to abolish autocracy and serfdom and move towards democracy. The most revered poets, they gave back to the alienated Russian elite what it had lost – its language and its sensibility, retrieved from the debris of a rejected culture. In fact, the growth of the Russian imperial might runs parallel to the emergence and rise of Russian consciousness amongst the elite, especially after the Napoleonic war of 1812. To Griboedov, his diplomatic achievements counted little beside his desire to write. “Everything which I have been doing up to now is of secondary importance as far as I am concerned”, he wrote to Begičev, “My vocation is at my desk, my head is full of ideas and I feel the need to write”.¹⁹ But despite their subsequent exile, this Decembrist generation fully supported the tsarist annexation program. Moreover, they were carried out, whether by the idea of forcible conversion to Christianity, deportation, confiscation of land or by its colonization with the help of the influx of Russian settlers. The writers and the state agencies acted in unison, for they had both adopted the already proven European colonial methods of subjugation and the theoretical framework rationalizing racial and cultural superiority where similarly justification could be now sought for the forcible transfer of Russian peasants to the depopulated lands. Linear progression, after all, adhered to the view that the poor were also the ignorant and backward, meant to be led. Thus, Darwinian models applied both to the colonized and the impoverished have-nots of their own society.

By accepting these linear models of progress and racial supremacy to justify annexation, Griboedov and many other intellectuals, turned into a willing accomplice of expansionism.²⁰ He acted as a stark hardliner in reinforcing the Russian power in the Persian Gulf to a great discomfort of the British just establishing themselves in Afghanistan. In October 1827, a Russian offensive led to the capture of Erivan and Tabriz, major fortresses on the road to Teheran. The treaty of Turkmanchai, wrestled out and signed by Griboedov and his collaborators in February 1828, exacted the indemnity of 20 million roubles to pay for the war, con-

¹⁸ For Puškin, the best thing to have happened was the conquest of the eastern coast of the Black Sea. This would effectively cut the Circassians’ trade links with Turkey. The next thing to be done was introduce a samovar and some Christian missionaries to convert and enlighten these people.

¹⁹ Griboedov, “*Pis'mo S.N. Begičevu*”, *Sočinenija*, op.cit., p.574-5.

²⁰ Kalpana Sahni, *Crucifying the Orient : Russian Orientalism and the Colonisation of Caucasus and Central Asia*, White Orchid Press, 1997 ; Anna Zelkina, *In Quest for God and Freedom : the Sufi Response to the Russian Advance in the North Caucasus*, London, 2000.

firmed Russia's naval monopoly of the Caspian Sea and transferred the provinces of Nakhichevan and Erivan to the Russian Empire. A commercial treaty, signed by the same day, tried to create a favourable network within which the Russians could trade in Persia. In addition to the monetary compromise the Shah was to guarantee the free emigration of Persian citizens, Armenian Christians in particular, who wished to settle in the new Russian territories as well as the repatriation of all prisoners-of-war and Russian citizens held against their will in Persia. Besides, Griboedov had to draft the instructions for a future envoy to Persia, who would force the terms of the Treaty of Turkmanchai. He didn't know it yet, but the best qualified candidate was himself. He fought against this appointment as best as he could, besides his feelings of foreboding he already was secretly in love. His new mission included Ivan Mal'tsov, his first secretary, Karl Adelung, the second secretary, son of the historian Friedrich Adelung, Director of the Institute of Eastern languages, a doctor and a numerous staff of Cossacks.

The Tsar was generous with his rewards. I.F. Paskevič as well as having been made Prince Paskevič Erevansky, received a grant of a million roubles. Griboedov, whose mother's financial affairs were in disorder, was given 40 000 roubles, together with promotion to the rank of Counsellor General, equivalent to that of a Brigadier, and the order of St. Anne, second class, with a diamond star.²¹ He was also nominated by Paskevič for the honour of carrying the Treaty to St. Petersburg in March 1828, according to the cumbersome tradition of the day. Up to his tragic death, Griboedov kept his eye on the main issues, insisting on payment of the Treaty convention. Harassed and frustrated on all sides, he found his greatest comfort in his young wife's company. Writing to Paskevič, he declared openly that he had no ambition and could expect little further from the diplomatic carrier, which had ceased to be his dominant passion. Once his mission was over he hoped to retire to Kakhetia, Nina's beautiful estate at Tsinondali. By the December the payment was completed and the money was gone to Russia. With his main task accomplished in Tabriz it was time for Griboedov to present his credentials to the Shah in Tehran. Towards the end of January the final audience with the Shah took place. Everything seemed set fair for the embassy's departure a few days later. But the storm blew up almost out of a clear sky on the evening of Griboedov's farewell audience with the Shah. Till then the question of the repatriation of former Christian prisoners, though unpopular, had caused no major problems. That evening, however, one of the Shah's leading eunuchs, Mirza Yakub, arrived at the Embassy and claimed the Ambassador's protection. An Armenian Christian who had been captured in 1804 and had subsequently converted to Islam, he had risen to be the personal treasurer of the Shah, in charge of his harem's jewelry and accounts. The Persians in the mission quickly realized the dangers of the situation but Griboedov was slower to see them. There was certainly no gain in receiving such a person in the Embassy, and his first reaction when he heard of Mirza Yakub's arrival had been that

²¹ N. Ya. Eidel'man, I., *Na Kavkaz, k Griboedovu*, Moskva, Znanie-Sila, 8, 1987, p. 67.

he would receive no one who came in the night like a thief. However he conceded that if Mirza Yakub were of the same mind next morning he should return to the Embassy and when Mirza Yakub duly appeared the following day, he was bound by the Treaty to receive him. As soon as the news of Mirza Yakub's defection became public, there was a flurry of protests from the Shah's chief ministers at the impropriety of harbouring one his most confidential servants. The next days the plot seemed to thicken and as ill-luck would have it, the slaves with the most justifiable claim to be repatriated were two young Armenian women belonging to Allah Yar Khan. When Allah Yar Khan reluctantly allowed them to go to the Embassy for questioning, both insisted they did not wish to leave Teheran. But Griboedov decided to keep them for a few days to see if they would change their mind. Sensing the growing peril of the situation, Mal'tsov did his best to persuade Griboedov to return the women, but despite all Griboedov was determined to stick to the letter of the Treaty. The final straw came on January 29th, when the two Armenian women were taken to the baths adjoining the embassy. This apparent profanation of their honour was spreading through the city like wildfire: the Russians were holding two Muslim women by force, trying to make them abjure their faith. In the evening the mullahs instructed the people to shut the bazaars and to resort to the mosques on the following day. A huge mob gathered at the chief mosque the next morning where the mullah pronounced the sentence of the court to seize Mirza Yakub and the two women from the Russian quarters. The Shah's nephew rushed to the embassy to persuade Griboedov to hand over the three fugitives. There are various accounts of what happened next: the secretary's first-hand narrative looks the most circumstantial.²² He tells us that a crowd of 4 or 5 hundred people, waving clubs and swords had gathered outside the embassy but Griboedov refused to give up the three in question. The maddened mob rushed at the building killing everybody on the way in spite of the valiant resistance of the staff and the Cossacks. The end came quickly. As the mob burst into the saloon from the door and the windows, yelling and brandishing swords and daggers, the Russians could only resolve to sell their lives as dearly as possible. Griboedov was seen last fighting desperately though there were no witnesses to the moment of his death. The secretary, due to the fact that he was wearing Persian dress, managed to save himself by mingling with the attackers. After an interval, he was pushed back by the crowd into the saloon, where he saw Griboedov's body pierced by repeated knife blows through the breast.

It was "not until the evening that the Shah was able to send a column of infantry to take over the looted embassy. 46 members of the Russian mission had been killed. Mal'tsov's one hope of survival as the sole European witness, was to absolve the Persian government of

²² I. S. Mal'tsov, "Iz donesenij", in C. A. Fomičev (ed.), *A.S. Griboedov v vospominanijax sovremennikov*, Moskva, 1980, p. 292-329.

all blame, putting the responsibility on the fanaticism of the mob and on Griboedov's mistakes.²³

The destruction of the Russian mission and Griboedov's murder can be endlessly examined and discussed but a number of questions remained. In retrospect, it is clear that he had been given an impossible remit by his masters in St. Petersburg or set himself an unrealistic list of aims. The harshness of the terms he had to impose made him a hated figure from the start. He had been given no leeway in negotiating the payment of the indemnity or in dealing with the demands for repatriation of those who claimed to be Russian subjects. Intensely proud of his position as the personal representative of the Tsar, he regarded it as a sacred duty to enforce the terms of the Treaty, however dangerous in practice. Perhaps, too, as a survivor of the Decembrist tragedy, he felt a moral debt to his friends who had been executed or imprisoned, and was determined to make no compromises where his country's honour was at stake. In support to this theory, it is worth considering his refusal to accept any of the rescue options offered by the Persians to be sheltered in a mosque or in a shop next door. Whatever Griboedov's failings, he was a passionate and committed Russian patriot elevated in Puškin's epitaph:

I do not know of anything more enviable than the final years of his stormy life. Even his death which befell him in the midst of a valiant, unequal battle held nothing terrible, nothing astonishing for Griboedov. It was instantaneous and beautiful.²⁴

Puškin's was a poet's judgment. But in the political and diplomatic re-evaluations which took place after the destruction of the mission, it became convenient to cast Griboedov not as a hero but a scapegoat, whose "excess of zeal" in carrying out his duties had helped to trigger the catastrophe. It was in everyone's interest to play down what had happened. The Shah, having achieved his aim in destroying Mirza Yakub, was desperate to avoid the resumption of the war which had already ruined his country. He would do everything to blame the massacre on the mullahs and the religious fanaticism provoked by Griboedov's mistakes. The British, concerned to preserve the Qajar dynasty, and to save Persia from dismemberment, were equally eager to temper the Russian fury and would do the best to act as intermediaries and peacemakers. As for Russians, in the midst of their campaign against the Turks, the last thing they wanted was a war on two fronts. Irony of the fate, it was Sir John Macdonald, the British Envoy to the Persian court and a close friend of Griboedov who expressed the genuine grief at Griboedov's death. In concluding his official report he paid a moving tribute to his qualities:

²³ Laurence Kelly, *Diplomacy and Murder in Tehran : Alexander Griboyedov and Imperial Russia's Mission to the Shah of Persia*, London, 2002.

²⁴ "...Не знаю ничего завиднее последних годов бурной его жизни. Самая смерть, постигшая его посреди смелого, неровного боя, не имела для Грибоедова ничего ужасного, ничего томительного. Она была мгновенна и прекрасна." A.S. Puškin, "Putešestvie v Arzrum vo vremja poxoda 1829 goda", in *Sočinenja*, op. cit., p. 391.

To the generous, mainly, though perhaps somewhat unbending character of the deceased, no one can bear more ample testimony than myself, having long lived with him on the terms of personal intimacy, been connected with him in the transaction of business, as well public, as private, and in short, enjoyed numberless opportunities of duly appreciating the many virtues which adorned his mind, and of perceiving that a high sense of honour, formed on all occasions the rule and guide of his actions²⁵.

On the Russian side the main contemporary suggestions that the British might have been involved in G's murder come from I. Paskevič and N. Muravjev-Karskij (1794-1866). In a letter to Count C. Nesselrode (1780-1862), immediately after hearing the news, Paskevič confirmed that the British had not been in Teheran at the time but added darkly: "One may suppose that the English were not altogether foreign to participation in the disorders that broke out in Teheran.." ²⁶

In the final analysis, the strongest arguments against the conspiracy theory lie in the characters of those supposedly involved. Men such the Duke of Wellington (1769-1852) and the Earl of Ellenborough (1790-1871) were born aristocrats and became honorable and responsible statesmen. To plot the murder of a foreign envoy and his whole staff in a third country was unprecedented in British foreign policy. Had the British been responsible for Griboedov's death, their role would certainly have been discovered in the extensive enquiries which followed the massacre. Nevertheless there is no written evidence of any conspiracy, counter-productive and contrary to all the existing aims of the key policy-makers at the time.

The wheels of diplomacy now began to turn. In the absence of the Russian council A. K. Amburgherr (?-1830), Sir John Macdonald's nephew, Ronald Macdonald, travelled to Teheran to receive apologies and explanations from the Shah and to escort Mal'tzov back to Tabriz. Meanwhile the Shah sent a mission to St. Petersburg, carrying a personal letter of apology to the Tsar and an enormous diamond, the Nadir Shah, which had been looted from Delhi in 1739. On August 13th, after a solemn audience at the Winter Palace, at which the Shah's apology, blaming the "unheard of evil deeds" of the mob was read out, the Tsar Nicholas pronounced "that he consigned the ill-fated affair in Teheran to eternal oblivion".²⁷ Better still, he postponed the remaining payment of Persia's debt for five years. Griboedov, whose life was so bedeviled by the "accursed contribution", might feel his efforts had been in vain.

The first full-length, but still censored, versions of *Woe from Wit* were performed in Moscow and St. Petersburg in 1831. From then on it became part of the repertoire, but it was not until the early 1860s that a complete version, collating the various manuscripts, was able to be published or performed.

²⁵ India Office Records: Persian Gulf-Bushire, L/P & S/9/90; Secret Letters and Enclosures from Persia. 44., 1829, 689-90.

²⁶ I. O. Popova, *A.S. Griboedov v Persii v 1818-1823*, Moskva, 1964.

²⁷ I. O. Popova, *Griboedov-diplomat*, Moskva, 1965.

For the XXth century poet Alexander Block, Griboedov was the most original and talented writer in the history of Russian drama. Fascinated by his character, he sees him as a divided personality, “on the one hand a Petersburg civil servant...an unloveable fellow with a cold expression, a poisonous mocker and skeptic”, on the other a subversive, whose hidden rebelliousness and restlessness forced him into unceasing aesthetic experiments.²⁸

Е. О. Омеличкина

Кемеровский государственный университет

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ «HEROS / ГЕРОЙ»
В РОМАНЕ ALAIN-FOURNIER «LE GRAND MEAULNES»**

Эвристическая ценность семиотики заключается в возможности декодировать символику языкового и мирового пространства в целом как знаковой системы, необходимой для хранения, передачи и переработки информации. Р. Барт, вслед за Ф. де Соссюром, называет знак «взаимным сочетанием означающего (план выражения) с означаемым (план содержания, отсылающий к «понятию»)), связь между которыми конвенциональна. При этом означаемое «является не самим предметом, а представлением о предмете», и, следовательно, благодаря своей «психической природе сближается с понятием ‘концепт’ и ‘образ’» [Barthes, 2007, с. 38-42]. Данный тезис созвучен с ключевой идеей современной лингвистики касательно антропоцентричности языка. В центре всего изображаемого словом стоит человек – он сам и все то, что воспринимается им как его окружение, сфера его бытия.

Языковая, или коммуникативная, личность как предмет лингвистического изучения представляет собой обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций. В структуре языковой личности особое место принадлежит ценностям – наиболее фундаментальным характеристикам культуры, высшим ориентирам поведения [Карасик, 2002, с. 166]. Последние возникают не только на основе знания и информации, но и собственного жизненного опыта человека, они представляют собой личностно окрашенное отношение к миру [Гуревич, 1995, с. 120]. Таким образом, язык неразрывно связан с культурой и этносом, и в языковой личности как носителе различных ценностных доминант сосуществуют различные социально-ситуативные роли, модусы поведения, уровни коммуникативной компетенции, а также индивидуальные особенности. В. И. Карасик выделяет лингвокультурные типы, «узнаваемые образы представителей определенной культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества» [Карасик, 2009, с. 179]. Лингвокультурный типаж может быть положительным и даже выступать в качестве модельной личности, но может рассматриваться и в

²⁸ А. Block, *Sobranie sočinenij v 8-mi tomach*, t.5, Moskva, 1962, p. 168.

негативном ключе. Это абстрактное ментальное образование, представляющее собой «разновидность концепта, содержанием которого является типизируемая личность». Лингвокультурный типаж «строит свое поведение в соответствии с ролевыми предписаниями», является «обобщением и включает стереотипные представления о типизируемом» [Карасик, 2009, с. 182-183], как поведенческие, так и ценностные. При личностном восприятии типаж наделяется эмоционально-оценочным содержанием. В. В. Красных разделяет две ипостаси стереотипа: канон (образец поведения), позволяющий задать стандартную модель поведения стереотипизируемого объекта, и эталон (совокупность ассоциативных связей, признаков), дающий возможность выделить набор ассоциаций, присущих этому объекту, и объяснить его прогнозируемое поведение [Красных, 2003, с. 231-232; Карасик, 2009, с. 182].

Лингвокультурный типаж конкретизируется как персонаж художественного произведения со своими индивидуальными чертами, обладая при этом набором обобщенных характерных черт и стереотипных схем поведения, присущих данному собирательному образу. Герой может рассматриваться не только как главное действующее лицо произведения, но и как выдающаяся личность, наделенная исключительными личными качествами и совершающая героические действия.

Героизм, являясь социокультурным феноменом, представляет собой положительное отклонение от среднестатистического социокультурного типа обычного человека, точнее, такового образа, сложившегося и получившего массовое распространение в общественном сознании. Героический образ личности и личностного поведения органично связан с ценностными ориентирами, нравственными установками, особенностями того или иного общества, и, значит, представляет собой глубоко нравственное явление. Первоначально герои появляются как персонажи древнегреческих мифов. Поступки, поведение, образ жизни мифических героев канонизируются как социальные эталоны. Образцы героического поведения со временем отделяются в общественном сознании от их субъектов и начинают жить самостоятельной жизнью, что ведет к возникновению семантического статуса героизма. Таким образом, герой – это не столько конкретная личность, сколько утвердившийся в данной социокультурной системе личностный статус и роль. Герой как реальная личность должен удовлетворять тому образу героя, который утвердился в общественном сознании в рамках данного культурного и временного пространства [Плахов, 2008, с. 7-19].

Героизм предполагает наличие активной жизненной позиции индивида. Его самоощущение и мироотношение формирует поступки и их результаты, или, наоборот, результаты раскрывают внутренний мир. В любом случае внутреннее и внешнее в героическом и героизме должны быть сопряжены в их единстве [Сапронов, 2005, с. 10].

В концептуальное поле *héros* / *герой* входят следующие составляющие:

- *Путь*. Герой – это человек пути. Трудность пути – его постоянное и неотъемлемое свойство. В пути выделяется начало, исходный пункт, в котором находится герой

в момент начала действия, конец пути (цель движения), кульминационный момент пути и некоторые участники пути. В конце пути находятся высшие сакральные ценности, признаваемые в данной модели мира, или то основное препятствие, опасность, которые, будучи преодолены или устранены, непосредственно открывают доступ к этим сакральным ценностям и связанному с ними изменению статуса. Существуют разные варианты таких путешествий, отнюдь не всегда кончающихся успехом. Мифологема пути выступает не только в форме зримой реальной дороги, но и метафорически – как обозначение линии поведения (особенно часто нравственного, духовного), где целью является не завершение пути, а сам путь, в котором происходит становление героя, переход от одной сферы бытия в другую [Топоров, 1983, с. 227–284]. Герой, стремящийся к неосуществимому, отрывается от наличного и переходит к должному. Самообладание для героя – высшая ценность, в нем весь смысл героического пути – восхождения и самоопределения, когда герой не зависит ни от чего внешнего, когда в нем самом источник любых его действий, тогда наступает для него божественная полнота существования [Сапронов, 2005, с.435, 444].

- **Подвиг.** Им может быть поступок, поведение, способ существования, вся жизнь героя, преодолевающего препятствия ради достижения цели. Непротиворечие с личностно переживаемым долженствованием, основанным на справедливости, его добровольной природой, добродетельностью, выходящей за границы общепринятой, делает подвиг морально-положительным и уникальным социальным явлением. Он всегда конкретен и имеет свою структуру (цели, мотивы, средства реализации). В подвиге органично присутствуют мужество, храбрость, вера в правоту, осознание социальной значимости данного рода действий и поведения, жертвенность, оптимизм, негибкость перед трудностями и тяжестью судьбы [Плахов, 2008, с. 68-70].

- **Судьба.** Герой всегда человек судьбы, которой противостоит. Его воля покрывает своей свободой внешнюю необходимость и неизбежность судьбы. Однако трагична вся жизнь героического индивида, поскольку он вступает в конфликт с судьбой, внешней силой, обрекающей его на страдания и гибель [Сапронов, 2005, с. 483].

- **Награда,** являющаяся мерой человеческих свершений, символом, имеет закрепленный в данной культуре общеизвестный смысл – социального поощрения героического поступка. Важнейшим элементом ореола героя, образно оформленного отношения к нему и его подвигу со стороны общества, выступает слава и известность, авторитет, а также рождение легенды [Плахов, 2008, с. 129-137].

Во французских словарях *Le Trésor de la Langue Française* и *Le Nouveau Petit Robert de la langue française 2007* рассматриваются пять характеристик **héroïsme/героизма**:

1. *Личностные:* Idéal du héros, de l'héroïne; courage, force d'âme exceptionnelle qui fait d'un homme un héros, ou d'une femme une héroïne ;

2. *Поведенческие*: Comportement exemplaire caractérisé par un extrême courage, fermeté exceptionnelle face au danger, la douleur (physique ou morale) et un dévouement total à la cause pour laquelle on combat ;

3. *Поступочные*: Acte(s), occasion(s) d'héroïsme; personne(s) qui manifeste(nt) de l'héroïsme.

4. *Оценочные*: Caractère de ce qui est propre à un héros, à une héroïne, de ce qui relève de l'idéal qu'ils incarnent.

5. *Количественные*: Degré extrême auquel un mérite, une qualité peuvent être portés.

Таким образом, обретение человеком статуса *héros/героя* обусловлено присущими ему героическими качествами (la force d'âme et de caractère, l'élévation morale, toutes les vertus, une grande abnégation, la bravoure, un courage extraordinaire et le sens du sacrifice, le génie, le dévouement total à une cause, une oeuvre); высшей степенью проявления этих качеств (à son plus haut degré); героической деятельностью как образом жизни (un compartement exemplaire); героическими поступками (les exploits), а также положительной оценкой социумом данной деятельности и поступков в рамках устоявшееся ценностной системы (digne de l'estime publique, de la gloire, qui incarne dans un certain système de valeurs un idéal, fait l'objet d'une admiration excessive de la part de quelqu'un).

Эмпирическим материалом для настоящего исследования послужил роман французского писателя XX века Алена-Фурнье «Le Grand Meaulnes», в центре которого стоит романтический герой - в его традиционном конфликте, трагической совместимости и несовместимости с идеалом. Развитию его героического начала способствует путешествие в таинственное заброшенное поместье.

Огюстен Мольн вобрал в себя черты разных героических типов, выделенных В. Д. Плаховым [2008, с. 47-67]. Он предстает перед читателями в образе *романтического героя – авантюриста*, отважного, решительного, беззаветного человека, жаждущего рискованных приключений, которые становятся средством его личностного самовыражения. Будучи *героем-энтузиастом*, Мольн воодушевлен идеей отыскать необычное поместье, не боится риска и опасностей, подстерегающих его на пути. В некоторых своих проявлениях Мольн выступает в качестве *героя-бунтаря*, искателя и новатора, борющегося за свою свободу и независимость. Устремленность Мольна к идеалу, романтическая любовь к Ивонне де Гале позволяют увидеть в нем черты благородного *рыцаря*, человека чести, однако внутренний конфликт героя мешает ему исполнить свой долг до конца и выдержать все испытания, что приводит к трагичному финалу.

Прозвище Огюстена «Le Grand Meaulnes», вынесенное в название, может трактоваться по-разному. Качественное прилагательное *Grand*, написанное с прописной буквы, имеет два значения: 'большой' (указывающее на высокий рост героя и его положение старшего в классе) и 'великий' (свидетельствующее о его значимости для школьников и самого рассказчика). Благодаря своим знаниям и умениям Мольн сразу становится харизматичным *лидером*:

Dès qu'il fut pensionnaire chez nous, c'est-à-dire dès les premiers jours de décembre, l'école cessa d'être déserte le soir, après quatre heures. Malgré le froid de la porte battante, les cris des balayeurs et leurs seaux d'eau, il y avait toujours, après le cours, dans la classe, une vingtaine de grands élèves, tant de la campagne que du bourg, serrés autour de Meaulnes. Et c'était de longues discussions, des disputes interminables, au milieu desquelles je me glissais avec inquiétude et plaisir.

Meaulnes ne disait rien ; mais c'était pour lui qu'à chaque instant l'un des plus bavards s'avancait au milieu du groupe et, prenant à témoin tour à tour chacun de ses compagnons qui l'approuvaient bruyamment, racontait quelque longue histoire de maraude, que tous les autres suivaient, le bec ouvert, en riant silencieusement.

Assis sur un pupitre, en balançant les jambes, Meaulnes réfléchissait. Aux bons moments, il riait aussi, mais doucement, comme s'il eût réservé ses éclats de rire pour quelque meilleure histoire, connue de lui seul. Puis, à la nuit tombante, lorsque la lueur des carreaux de la classe n'éclairait plus le groupe confus des jeunes gens, Meaulnes se levait soudain et, traversant le cercle, pressé:

- Allons, en route! criait-il.

Alors tous le suivaient et l'on entendait leurs cris jusqu'à la nuit noire, dans le haut du bourg (p. 15-16).

В приведенном текстовом фрагменте изменение распорядка в школе после приезда Мольна объективируется посредством персонификации: *l'école cessa d'être déserte le soir*. Огюстен заинтересовал и заинтриговал всех без исключения учеников своим необычным поведением, и те, ради общения с новичком, оставались в классе до позднего вечера, не обращая внимания ни на декабрьский мороз, ни на постоянные окрики дежурных. Новый друг оказал большое влияние и на рассказчика, который, преодолевая смущение и неловкость, начал участвовать в увлекательных разговорах. Сема неуверенности и незначительности его роли в обсуждениях актуализируется в метафоре *me glissais* (проникал).

Образ Большого Мольна противопоставляется образу других школьников. Психологический портрет героя составляют следующие характеристики: молчаливость (*ne disait rien*), погруженность в себя (*réfléchissait*), сдержанность (*riaait doucement*), индивидуализм (*assis sur un pupitre*), загадочность (*comme s'il eût réservé ses éclats de rire pour quelque meilleure histoire, connue de lui seul*), уверенность в себе (*assis sur un pupitre; se levait soudain et, traversant le cercle, pressé, craiait*), порывистость (*soudain*), торопливость (*pressé*). Приведенные описания вступают в отношения антитезы с поведенческими чертами, присущими его одноклассникам: разговорчивость (*l'un des plus bavards s'avancait au milieu du groupe et racontait quelque longue histoire de maraude*), любознательность (*tous les autres suivaient, le bec ouvert*), эмоциональность (*qui l'approuvaient bruyamment*), открытость (*racontait quelque longue histoire de maraude*), коллективизм (*serrés autour de Meaulnes; tous les autres suivaient; tous le suivaient; au milieu du groupe*), зависимость от мнения окружающих (*prenant à témoin tour à tour chacun de ses compagnons*), неспеш-

ность (*quelque longue histoire*). Мольн также выделяется естественностью, с которой он исполняет роль лидера (*serrés autour de Meaulnes; c'était pour lui que; tous le suivaient*), не требующей дополнительных усилий с его стороны. Вокруг новичка создается своеобразный ореол таинственности, непостижимости и величия. Большой Мольн возвышается над группой разговаривающих, сидя на парте (*assis sur un pupitre*). Парт в данном контексте становится аллегорией на королевский трон, символ единоличной власти. Другие ученики берут на себя лидерские функции поочередно и на короткое время (*à chaque instant l'un des plus bavards s'avance au milieu du groupe*) и при этом не выходят из круга. Подобно свите, они единодушно следуют за Мольном, как только тот поднимается с места.

По утверждению П. А. Сапронова, «навстречу героизму романтического героя толкают несбывшиеся ожидания, неосуществленные намерения и неудовлетворенные требования к жизни» [Сапронов, 2005, с. 430].

Je reconnais alors, dans cette forme noire qui tient les guides, un coude nonchalamment appuyé sur le côté de la voiture, à la façon paysanne, mon compagnon Augustin Meaulnes. <...>

Mais alors, dans la voiture qui est lentement arrivée sur la route de la gare <...>, Meaulnes change soudain d'attitude. Un pied sur le devant, dressé comme un conducteur de char romain, secouant à deux mains les guides, il lance sa bête à fond de train et disparaît en un instant de l'autre côté de la montée (p. 23-24).

В данном отрезке текста Мольн, отправляющийся в тайное путешествие, чтобы успеть встретить на вокзале бабушку и дедушку рассказчика, номинируется посредством следующих лексем и словосочетаний: *forme noire* (черная фигура), *mon compagnon* (мой товарищ), *un conducteur de char romain* (погонщик в римской колеснице). Аллюзивное сравнение с римским воином, пускающим лошадь галопом, чтобы оторваться от преследователей, а также кинетические характеристики (*un pied sur le devant, dressé*), создают образ победителя. Данная репрезентация противопоставляется эпитету *paysanne* (крестьянская), что свидетельствует о несоответствии социальной роли Мольна (школьника, живущего на пансионе, сына вдовы) его героической сущности. К личностным характеристикам персонажа можно отнести самообладание, граничащее с некоторой небрежностью (*un coude nonchalamment appuyé sur le côté de la voiture*) и хитрость. Сев в повозку, он старается не привлекать к себе внимание людей, находящихся на ферме, но, едва скрывшись за поворотом, устремляется вперед (*la voiture qui est lentement arrivée sur la route de la gare - il lance sa bête à fond de train*).

Tout autre que Meaulnes eût immédiatement rebroussé chemin. C'était le seul moyen de ne pas s'égarer davantage. Mais il réfléchit qu'il devait être maintenant fort loin de La Motte. <...> Ajoutez à toutes ces raisons que le grand gars, en remontant sur le marchepied, tandis que la bête impatiente tirait déjà sur les guides, sentait grandir en lui le désir exaspéré d'aboutir à quelque chose et d'arriver quelque part, en dépit de tous les obstacles (p. 43).

Мифологема пути сопряжена с физическими и духовными испытаниями, выпавшими на долю Большого Мольна, номинированного в данном фрагменте текста как *grand gars* (высокий, большой парень). Несмотря на голод, усталость, приближение ночи и хромую лошадь, Мольн принимает решение продолжить путь. Автор с помощью бинарной оппозиции, сравнения с другими людьми, которые могли бы оказаться на месте героя, имплицитно указывает на храбрость и сильный характер Огюстена (*tout autre que Meaulnes*). Центральное звучание обретает фраза *le désir exaspéré d'aboutir à quelque chose et d'arriver quelque part, en dépit de tous les obstacles* (отчаянное желание к чему-либо прийти, куда-то добраться, вопреки всем препятствиям), актуализирующая мысль о главенстве чувств и душевных порывов для Мольна как романтического героя-путешественника. Эпитет *exaspéré* свидетельствует о горячности его натуры. Ему свойственна нацеленность на преодоление препятствий, достижение цели и конечной точки пути.

Таким образом, лингвокультурный типаж «héros» в проанализированных контекстах романа Алена-Фурнье «Большой Мольн» вбирает в себя следующие концептуальные характеристики: таинственность, молчаливость, погруженность в себя, сдержанность, индивидуализм, загадочность, уверенность в себе, порывистость, торопливость, величественность, самообладание, небрежность, хитрость, храбрость, горячность, целеустремленность, романтичность.

Библиографические ссылки

1. Гуревич П. С. Философия культуры: учеб. пособие для студентов гуманитарных вузов. – Изд. 2-е, доп. – М.: Аспект Пресс, 1995. – 288 с.
2. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – С. 166–205.
3. Карасик В. И. Языковые ключи. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с.
4. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.
5. Плахов В. Д. Герои и героизм. Опыт современного осмысления вековой проблемы: Монография. – СПб.: КАРО, 2008. – 240 с.
6. Сапронов П. А. Феномен героизма. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2005. – 512 с.
7. Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. – М., 1983. – С. 227–284.
8. Alain-Fournier, Le Grand Meaulnes. – Lausanne : La guilde du livre, 1980. – 238 p.
9. Barthes R. L'aventure sémiologique. – Paris: Éditions du Seuil, 2007. – 359 p.
10. Le nouveau Petit Robert de la langue française 2007 / Paul Robert., Paris, Le Robert, 2006.
11. Le Trésor de la Langue Française Informatisé [Ressource électronique], 2009. <http://www.cnrtl.fr/>. – Заглавие с экрана.

ГЛАСНОСТЬ И ТРАНСПАРЕНТНОСТЬ В РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

С середины прошлого века начинает подниматься вопрос о межкультурной коммуникации, которая начала развиваться как практическая сфера деятельности, связанная с количественным ростом миграции и необходимостью создания адаптационно-ассимиляционных инструментов. Страны Западной Европы и Северной Америки нуждались в определении основных ориентиров управления миграционной политикой не только в экономическом, но и в культурном смысле. Понадобились также и специалисты в этой области. Таким образом, создались предпосылки для развития новой междисциплинарной парадигмы исследований, которая включила в себя многие отрасли научного знания: психологию, антропологию, философию, прикладную и фундаментальную лингвистику, в частности, проблемы дискурса, герменевтики и т. п.

Лингвистические рамки изучения культур и межкультурной коммуникации выразились в двух дополняющих друг друга подходах: первый основывается на принципах или ограничениях в речи (они могут быть различными в зависимости от культурных групп), второй – на анализе типов и стилей речи, а также их компонентов (это связано с различной частотностью смыслов в разных культурах) [Spenser-Oatey, 2009, р. 29-31]. Одним из основных представителей первого направления является Дж. Лич с его «Принципом вежливости (Politeness Principle)» [1983, 2005 et al.]. Второе направление развивается в основном в рамках теории речевых актов, а также в рамках традиционного подхода, в частности, анализа семантической дистрибуции.

Настоящая статья посвящена изучению семантической интерференции русской и французской культур и межкультурного взаимодействия на примере понятия «гласность». Представляется оправданным рассмотреть эти процессы при помощи контрастивного анализа функционирования лексических единиц, репрезентирующих это понятие в двух языках. Также в данном исследовании реализован культуроведческий подход к изучению лексики, который в условиях национальной культуры реализуется в диалоге русской и французской культур.

Выбор материала обусловлен следующими факторами:

- а) необходимостью осветить историко-культурный контекст эпохи;
- б) стремлением представить лексические единицы, в которых нашло отражение социально-культурное многообразие России;
- в) контакты русских с представителями других народов, роль русских в освоении новых реалий;

г) необходимостью отразить национальное своеобразие русской лексической системы, основы русской культуры.

Поскольку язык является неотрывной частью культуры, его элементы, его составляющие нельзя изучать вне целостного контекста культуры [Бахтин, 1986, с. 347-354]. Такой подход помогает уяснить, как слово, являясь само по себе фактом культуры народа, аккумулирует и в отраженном виде представляет факты иных культурных сфер - философии, истории, политической системы и т. д. Оно может способствовать восприятию и пониманию самых разнообразных реалий и фактов жизни народа – носителя языка; освещать факты его истории, знакомить с его социальными представлениями. Культуроведческая информация не носит здесь чисто иллюстративный характер, лексическая единица не становится лишь материалом для этнокультурного анализа, а сохраняет свою значимость именно как явление национальной культуры, поскольку культурные реалии, включенные в лексическую систему, рассматриваются не сами по себе, а в соотнесенности со всей языковой системой, являются органической частью этой системы.

Для исследователей представляется важной мысль о том, что один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур. При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет свое единство, самобытность и открытую целостность, но они взаимно обогащаются. Такое осмысление взаимодействия разных культур, «диалог культур», по определению М. М. Бахтина, с одной стороны, исключает абсолютизацию национального момента, что ведет к изоляции национальной культуры, с другой - позволяет любой культуре сохранять свое национальное своеобразие [Бахтин, 1986]. Он помогает также подчеркнуть значительность каждой культуры вне зависимости от наличия или отсутствия государственности у народа - носителя данной культуры, от его сосредоточенности на одной территории или рассеянности по разным местам. Он предполагает взгляд на родную культуру со стороны. Сам этнос зачастую создает определенные мифы о себе. Взгляд со стороны помогает разрушить такие мифы. С другой стороны, такой подход позволяет посмотреть на неродную культуру не как на «чужую», а как на «иную» и разрушить бытующие мифы о чужой культуре. Диалог культур не оценивает высоту сопоставляемых культур, а определяет своеобразие каждой из них путем их сопоставления. При этом выявляются, с одной стороны, наднациональное содержание каждой национальной культуры, с другой - характерные для каждой культуры национальные картины мира. В итоге происходит требуемое расширение духовного, нравственного, эстетического опыта носителя определенной национальной культуры при знакомстве с иной культурой.

Термин «диалог культур» в том значении, которое употребляет М. М. Бахтин, представляется удачным, также как и часто встречающийся в работах термин «интер-

культурный подход» [Там же]. Этимология слова *inter* показывает, что имеется в виду взаимодействие языков и культур. В термине диалог (греч. *dia*) - раз, врозь - подчеркивается различие, самостоятельность каждой культуры, вступающей в контакт с другой.

Чтобы приобщение к другой культуре не отчуждало человека от родной, не ослабляло национального чувства, оно должно базироваться на твердой основе родной национальной культуры. Только опираясь на эту основу, можно сделать следующий шаг - заставить пережить другое как свое. Тогда возникает эффект идентификации, при котором сопереживание другому делает это другое своим.

Хорошо иллюстрирует высказанные ранее теоретические положения взаимодействие ЛЕ двух языков «гласность, *glasnost*, *transparence*», широко распространившихся в СМИ в период перестройки и после неё. По сути, исследуемые нами ЛЕ являются единицами, насыщенными культуроведческой информацией, они вводят русских и французов в контекст русской и французской социокультуры, отражают своеобразие представлений двух народов, особенности национального менталитета, духовные основы культуры. Значительное место занимают в культуре их культурные взаимосвязи, диалог политических реалий, характеризующих идиоэтническую диверсификацию.

Понятия, репрезентируемые рассматриваемыми лексическими единицами, составляют особую группу представлений о характере распространения информации.

Для определения особенностей, объёма и соотношения семантики данных ЛЕ, авторы предприняли анализ словарных дефиниций в каждом языке. Для анализа были взяты не только общеязыковые словари, но и специальные (в основном юридические). Далее приведём в качестве примера две из проанализированных словарных дефиниций в русском языке:

1. **Гласность**, и, *мн.* нет, жен. (право, книжн.). Доступность общественному обсуждению, контролю; публичность. *Г. суда. Принцип гласности. Предать гласности что-н.* (сделать известным обществу, опубликовать)

2. *гласность*, открытость, доступность информации для общественного ознакомления, обсуждения, для контроля деятельности учреждений, организаций и должностных лиц [Толковый..., 1996, с. 570].

ГЛА́СНОСТЬ, правовой термин (*см. право* (система норм)), означающий максимальную открытость общественно значимых процедур и процессов: деятельности органов представительной и исполнительной власти, судов, органов местного самоуправления, порядка избрания или формирования властных органов, обсуждения законопроектов, разрешения различных споров, функционирования общественных объединений и широкое информирование о них жителей» [Энциклопедический...].

В проанализированных определениях из общих и юридических словарей основными семами являются:

- открытость,
- публичность,

- доступность (для ознакомления, обсуждения и контроля),
- свобода слова и мнений,
- распространение информации (оглашение, предание гласности).

Кроме того, корень *глас-* и суффикс *-ность* несут в себе значение совокупности признаков, присущих голосу.

Семантика изучаемых слов двух языков раскрывают историко-культурную атмосферу эпохи, что выявляется при сопоставлении контекстов употребления рассматриваемых ЛЕ в диахронии.

Теперь рассмотрим временные срезы эволюции понятия гласность в 1986-1991, 1996 и 2010 годах. В первый период в основном говорится о самом понятии «гласность» как о сути эпохи, наряду с «перестройкой», например, в одной из работ, описывающих ту эпоху, сказано: «К числу «ключевых слов» времени перестройки можно отнести следующие: «перестройка», «гласность», «подвижка», «демократизация» и другие» [Анохина, 1999]. Также в тот период происходит художественное освоение понятия «гласность», проводятся выставки произведений художников, фотографов и т. д. [Немкова].

В 1992 году появляется отношение к гласности как к причине появления в жизни нового, чаще положительного, более прогрессивного и реже отрицательного. Например, «затем длительное время Латвия входила в состав Советского Союза, но, воодушевившись перестройкой и гласностью в 1990 году, объявила о своей независимости» [Город Рига...].

Или «1990, август - организована таможенная служба, первый пост в аэропорту; 1990, февраль - первый городской митинг в поддержку перестройки и гласности; 1990, ноябрь - введен режим продажи товаров населению только по паспортам, по установленным нормам...» [История Павлодара]. Здесь с гласностью и перестройкой ассоциируются различные события.

В 2010 году ЛЕ «гласность» входит в контексты, подводящие итог и оценивающие результаты политики «гласности». Так, например, мы встречаем: «Гласность – это черепаха, ползущая к свободе слова» (А. К. Симонов) [Лимперт]; «Конференция "Уроки гласности" проходит в ЦДЖ» [Союз...]; «гласность, свобода слова привели к таким переменам, которые уже необратимы. Люди стали другими: они избавились от страха, и это – реальный и прочный результат перестройки, который продолжает работать сегодня» (М. С. Горбачёв) [Союз...] или «Гласность охрипла» [Павлов]. Таким образом, мы видим, что ЛЕ «гласность» оценивается как пройденный этап, она утрачивает, по мнению говорящего, семантический компонент «открытость».

Кроме того, слово «гласность» начинает получать метонимическое толкование, так оно входит в сферу религиозной жизни: «Божья гласность. С содержания переговоров о воссоединении Русской церкви с зарубежным православием вскоре может быть снята секретность» [Божья...].

Во французскую культуру также вошло понятие гласность: «**Glasnost** (гласность: *публичность [дебатов]*, традиционно переводится *transparence*) - политика свободы слова и опубликования информации, введённая М. С. Горбачёвым в СССР в 1985 году [Glasnost].

Приведём ещё одно определение: glasnost - ж.р., ед. ч., русское слово, обозначающее прозрачность, которым М. С. Горбачёв назвал свою политику [Définition].

Таким образом, основными семами французской ЛЕ «glasnost» будут:

- прозрачность,
- свобода слова, выражения и печати.

Понятие гласность ассоциируется в основном с Россией и М. С. Горбачёвым, но не только. Так, в известной энциклопедии Лярусс слово glasnost встречается в статьях: «Кавказ», «коммунизм», «Грузия», «Горбачёв», «холодная война», «перестройка», «Россия», «Солженицын», «СССР», «Вьетнам». Мы видим, что ЛЕ «гласность» в основном не выходит за рамки определённой исторической эпохи и связывается с определённым государством (СССР) и его сателлитами.

Авторами были проанализированы контексты из французских СМИ. Ниже приведём наиболее типичные из них. Эти контексты были разделены на три группы:

- первая группа рассказывает о России, например: «IDÉOLOGUE de la perestroïka, Alexandre Iakovlev est mort, mardi 18 octobre, à Moscou. Il était âgé de 81 ans. Figure du mouvement réformateur de la fin des années 1980, il était resté un infatigable défenseur de la démocratie et de la glasnost» [Vatel];

- вторая группа – контексты о международном распространении понятия «гласность», например: «Avec la glasnost et la perestroïka, M. Gorbatchev est le fossoyeur du socialisme et du marxisme-léninisme. Telle est, au fond, l'opinion des communistes, qui constituent en Inde une forte minorité : lors des élections générales de novembre 1989, les forces de gauche, essentiellement communistes» [Zecchini];

- и третья – «гласность» во французской жизни, например: «En confiant à une commission d'historiens le soin de faire une enquête sur la protection dont a pu bénéficier un ancien milicien, Mgr Decourtray a apporté une dimension nouvelle à la vie démocratique dans notre pays» [Ferro].

Подавляющее большинство контекстов принадлежит первой группе, контексты второй и третьей группы крайне редки.

Авторам также удалось найти явления французской жизни, которые стали называться «гласностью». Эта ЛЕ выступила в качестве имени собственного для компьютерной программы, позволяющей управлять содержанием сайтов и организовывать его, а также в качестве названия рок-группы, которая известна и даёт концерты в Западной Европе.

Примеры свидетельствуют о том, как эволюционировала семантическая структура изучаемых лексических единиц в сторону расширения значения и дистрибуции ЛЕ

(публичность и открытость). Они позволяют соотнести ЛЕ с их общественной интерпретацией и историко-культурным контекстом эпохи.

Если сравнивать объём значения ЛЕ гласность и его эквивалента во французском языке, то мы видим, исходя из анализа словарных дефиниций и контекстов, что объём этого значения в русском языке гораздо больший, чем во французском. Частотность этой ЛЕ довольно низка во французском языке, и ЛЕ *glasnost* функционирует в основном как отражение специфики русской жизни во французском языке.

Анализ данной ЛЕ и её эквивалента во французском языке помогает раскрыть историко-культурный контекст эпохи, главные проблемы времени, в которое в семантической структуре появились новые значения, необходимые для отражения реалий перестроечного времени, таким образом, носители французского языка смогли получить дополнительную историко-культурную информацию о России и русских.

Русские примеры помогают ярче осветить время, будучи представленными в более широком круге социальных сфер. Однако в РЯ материал дается более полно и развернуто, так как явление более характерно для российской политической и общественной жизни того времени. Несимметричность объёма и сфер употребления ЛЕ в русском и французском языках показывает, что это эта единица вошла во французский язык на правах иностранной реалии.

Библиографические ссылки

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
2. Spenser-Oatey, H. Intercultural Interaction: a Multidisciplinary Approach to Intercultural Communication / Helen Spenser-Oatey, Peter Franklin. – L.: Palgrave MacMillan, 2009. – xv, 367 p.
3. Leech G. Principles of Pragmatics. – L.: Longman, 1983. – 250 p.
4. Leech G. Politeness: Is there an East–West divide? // Journal of Foreign Languages. – 2005. – № 6. – P. 1–30.
5. Leech G. Politeness: Is there an East–West divide? // Journal of Politeness Research: Language, Behaviour, Culture. – 2007. – № 3 (2). – P. 167–206.

Источники примеров

6. Анохина С. В. Активные процессы современного словопроизводства. Дипломная работа / С. В. Анохина – Белгород, 1999 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zacheta.net.ua/referat-41980.html>
7. Божья гласность [Электронный ресурс] // Агентство И-Коммуникаций. – [2002-2010] [Сайт]. – Режим доступа: <http://5-05.mysob.ru/news/culture/33771.html>
8. Город Рига: Описание. Латвия. Отдых в Латвии. Путеводитель по городам и курортам Латвии. Отзывы туристов об отдыхе, об отелях и гостиницах страны Дестинейшнс.ру – портал о туризме и путешествиях. Отзывы туристов об отдыхе, отзывы об отелях [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://latvia.destinations.ru/riga/>

9. История Павлодара [Электронный ресурс] // Первый региональный портал Павлодар.РУ / Pavlodar first regional portal. [Сайт]. – Режим доступа: <http://pavlodar.ru/dates.shtml>
10. Лимперт П. Алексей Симонов прозой жизни дописывает стихи отца. Интервью [Электронный ресурс] / Полина Лимперт // Media International Group. – [2000-2010]. [Сайт] – Режим доступа: http://mignews.com/news/interview/cis/091204_140229_39392.html
11. Немкова Т. М. (Tatiana Nemkova). Участие в выставках [Электронный ресурс] // Московский союз художников. Актуальные темы. Новости МСХ: живопись, скульптура, дизайн [Сайт] – Режим доступа: <http://artanum.ru/pla/db/invention.php?id=15>
12. Павлов А. Гласность охрипла [Электронный ресурс] / А. Павлов // Самарская газета. – 2010. – 28 апр. – Режим доступа: <http://sgpress.ru/novosti/sluzhba-informatsii/glasnost-ochripla>
13. Союз журналистов России. Новости. Конференция «Уроки гласности» проходит в ЦДЖ [Электронный ресурс] // Веб-сайт Союза журналистов России [Сайт] – Режим доступа: <http://www.ruj.ru/2010/100616-1.htm>
14. Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 / под ред. проф. Д. Ушакова. – М.: ТЕРРА, 1996. – 824 с.
15. Энциклопедический словарь. Гласность [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на Академике [Сайт]. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/es/15886/гласность>.
16. Définition glasnost [Ressource électronique] // Le Dictionnaire [Site]. – URL: <http://www.le-dictionnaire.com/definition.php?mot=glasnost>
17. Ferro M. Glasnost à la française / Marc Ferro // Le Monde. – 1992. – 11 jan. - Заглавие с экрана.
18. Glasnost [Ressource électronique] // Wikipédia. L'encyclopédie libre [Site]. – URL: <http://fr.wikipedia.org/wiki/Glasnost>
19. Vatel M. Idéologue de la perestroïka et défenseur de la démocratie en Russie / Madeleine Vatel // Le Monde. – 2005. – 20 oct.
20. Zecchini L. INDE. Les communistes et les changements en URSS Haro sur la glasnost ! / Laurent Zecchini // Le Monde. – 1990. – 20 juin.

М. Г. Ильина, А. В. Чаурова

Кемеровский государственный университет

ФРАНЦУЗСКИЕ ЭПОНИМЫ В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ

Нет такого человека в мире, который не задумывался бы над тем, почему какой-либо предмет называется так или иначе, и как возникло это слово. А между тем даже недолгие «поисковые работы» и несложный анализ позволяют получить любопытную информацию, а порой даже неожиданную.

Значительный пласт французской лексики составляют имена собственные, перешедшие в группу имен нарицательных. Такие существительные называются в лингвистической науке эпонимами (от греч. *εponυμος* из *ερι* из *опута* – имя) – дающий (давший) чему-либо свое имя. Слова-эпонимы теряют индивидуализацию и приобретают функцию обобщения.

Цель настоящего исследования выявить ассоциации, возникающие у франкофонов при предъявлении им эпонимов.

Для проведения исследования было отобрано 80 эпонимов французского языка из словаря Р. Germa «Du nom propre au nom commun, dictionnaire des éponymes» - Р. 1993. Данные эпонимы представляют реалии повседневной жизни носителей французского языка, например: agnagnas, n. m. – арманьяк (спиртной напиток); brie, n. m. – бри (сорт сыра); hamburger, n. m. – булочка с рубленым бифштексом; poubelle, n. f. – урна, мусорный ящик, мусорное ведро; и др. В ходе исследования было опрошено 20 человек французской национальности и 11 человек бельгийской национальности разных возрастных категорий и уровня образованности от 20 до 45 лет в 2008-2009 годах.

Полученные в ходе эксперимента результаты можно представить в виде диаграммы (Рисунок №1), основываясь на следующие пункты:

1. Верные ассоциации (т. е. респонденты правильно определили и слова-эпонимы, и имена собственные, от которых они были образованы);
2. Верные ассоциации только с имена собственными (т. е. респонденты назвали только имена собственные, от которых были образованы слова-эпонимы);
3. Верные ассоциации только со словами-эпонимами (т. е. респонденты назвали только слова - эпонимы, исключая имена собственные от которых они образованны);
4. Отсутствие ассоциаций (т. е. респонденты не назвали ни слова - эпонимы, ни слова собственные, от которых они образованны);
5. Ложные ассоциации (т. е. респонденты дали неверные толкования).

Рисунок 1

Представленная диаграмма показывает, что из 80 эпонимов для 30 эпонимов респонденты дали правильное толкование слова; 21 эпоним респонденты связали только с именем нарицательным; 17 эпонимов не были определены респондентами; 8 эпонимов респонденты соотнесли только с именем собственным и 4 эпонима получили неверное объяснение.

Весь отобранный языковой материал был разделен на несколько групп:

11. Имена, восходящие к греко-латинским корням (12 единиц);
12. Имена, произошедшие от имен собственных известных людей-первооткрывателей (26 единиц);
13. Имена существительные, образованные от литературных персонажей, героев фильмов (14 единиц);
14. Имена, восходящие к географическим названиям (28 единиц).

Мифология Древней Греции и Древнего Рима - один из наиболее известных и хорошо изученных разделов культурного наследия античности. Мифические времена – это времена, когда великие боги управляли с Олимпа судьбами человечества, мудрые и благородные; жадные и злые цари восседали на тронах своих государств, окруженные богатством и роскошью. Именно тогда по земле ходили Герои, совершая великие подвиги, прославившие их в веках. В нашем исследовании одну из групп составили 12 слов-эпонимов, а именно: *adonis*, п. м. (слово вошло в разряд эпонимов в эпоху Ренессанса), *apollon*, п. м. (1892), *catin*, п. f. (XVI в.), *cupidon*, п. м. (со времен появления мифа), *cyclope* п. м. (со времен появления мифа), *serbère* п. м. (со времен появления мифа), *hermès* п. м. (со времен появления мифа), *hercule* п. м. (со времен появления мифа), *faune* п. f. (1746), *machaon* п. м. (1907), *minotaure* п. м. (со времен появления мифа), *janvier* п. м. (715-672 гг. до н. э.). Так как изучение раздела античной мифологии входит в программу предмета истории в школьных учебных заведениях франкоязычных стран, для них данные эпонимы не составили труда. Все респонденты связывают, например, эпоним «*cupidon*», п. м. с любовью, музыкой, ангелом, с праздником; эпоним «*apollon*», п. м. - с символом красивого мужчины и греческим богом, «*serbère*» п. м. - с мифологическим персонажем (собакой), адом, ночным стражем. Ни у кого из опрошенных не возникло никаких ассоциаций со словом-эпонимом «*machaon*» п. м. – махаон (бабочка). В греческой мифологии *Machaon* - *Thessalien* *Machaon* - сын Асклепия, участник Троянской войны.

У некоторых респондентов возникают мнимые ассоциации со словом-эпонимом, например, в случае со словом «*hermès*», п. м. Словарь дает следующее определение: *Hermès*, в древнегреческой мифологии и религии бог пастухов; *hermès*, п. м. – герма, *buste en hermès* бюст на четырёхгранном цоколе. В то время как респонденты связывают данный эпоним с маркой одежды и аксессуаров высокого качества *Hermes International*, основанной в 1837 году Тьерри Гермесом (*Thierry Hermes*), фирма получила известность как производитель необычных шорных изделий для европейской зна-

ти. В настоящее время это одна из самых известных компаний в мире, которая надёжно утвердилась на глобальных рынках готовой одежды, изделий из шёлка и парфюмерии.

Вторая группа эпонимов восходит к именам собственным известных людей-первооткрывателей (26 слов-эпонимов). В данной группе можно выделить несколько подгрупп:

1. Эпонимы, обозначающие средства передвижения (citroën, n. m. (1919), renault, n. m. (1898), cadillac, n. m. (1802), ford, n. m. (1900). При опросе франкофоны указывали и концерн, производящий данные автомобили, и марку самого автомобиля, и имя его создателя. Важно отметить, что английская машина «cadillac», n. m. ассоциируется с «роскошью», данная машина у французов вызывает ассоциацию с демонстрацией на показ своего финансового благополучия. А при упоминании машины французской марки «Citroën» респонденты вспоминают лозунг телевизионной рекламы данной машины «Tout ce que Citroën peut faire pour vous», что свидетельствует об их демократичности.

2. Эпонимы, обозначающие единицы измерения и химические элементы. Например: baud, n. m. (XIX в.), watt, n. m. (1889), siemens, n. m. (1860), gallium, n. m. (1875) и др. Легко объяснить, что при предъявлении таких слов, как baud, n. m. – бод, внесистемная единица скорости телеграфирования; siemens, n. m. – сименс, единица измерения электрической проводимости; columbium, n. m. – колумбий (1801) или ниобий (1844), химический элемент периодической таблицы Д. И. Менделеева, и др., правильные ассоциации возникнут у людей, чья жизнь или профессия связаны с научной сферой (с физикой, с химией). В ходе анкетирования некоторые слова-эпонимы из данной подгруппы были отмечены пропусками. Интересно заметить, что эпоним siemens, n. m. респонденты ассоциируют со всеми возможными электробытовыми приборами. Как известно, крупный международный концерн, работающий в области электротехники, электроники, энергетического оборудования, транспорта и т. д. (Siemens) появились благодаря одному человеку, немецкому инженеру, изобретателю и ученому Вернеру Сименсу. Его имя также носит единица измерения электрической проводимости (siemens, n. m.). Единица измерения мощности ватт (watt, n. m.) вызывает у франкофонов разные ассоциации. В частности, бельгийцы указывают имя человека, в честь которого была названа единица измерения мощности (watt, n. m.), - шотландский изобретатель Джеймс Ватт. Тогда как французы воспринимают данное слово с предупреждающей надписью «Attention, dangeureux» на трансформаторных будках с высоким напряжением.

3. Эпонимы, обозначающие средства всеобщего пользования. В состав этой подгруппы мы включили также слова-эпонимы, обозначающие продукты питания: béchamel, n. f. (XVII в.), sandwich n. m. (1762), grog n. m. (1740). Следует отметить, что большинство франкофонов не чувствуют связи между эпонимами и первичным значением слова. Например, в холодную зиму человеку помогает согреться горячий

алкогольный напиток грог (grog, n. m.). Для приготовления блюд люди используют базовый соус на основе ру (термически обработанная смесь муки и жира, обычно растопленного сливочного масла) и молока, бешамель (béchamel, n. f.), а для быстрого и удобного перекуса им помогает сэндвич (sandwich n. m.). А ведь появлению данных эпонимов способствовали известные люди! «Олд Грог», прозвище британского вице-адмирала Эдварда Вернона (1684–1757), именно он 21 августа 1740 года приказал разбавлять подаваемый матросам ром водой. Этот напиток особой популярностью пользовался в холодное время года. Изобретение соуса приписывается Луи де Бешамелю (Béchamel), гофмейстеру при дворе Людовика XIV. Сэндвич был назван по имени Джона Монтегю, 4-го графа Сандвичского (1718–1792), лондонского министра и игрока, который, по легенде, изобрёл его в 1762 г. Во время игры в криббедж, которая длилась уже несколько часов, министр не нашёл времени поесть. Джон Монтегю приказал слуге подать ему еду между двумя ломтиками хлеба. К данной группе также мы относим слова-эпонимы, которые являются неотъемлемой частью французской жизни: *poubelle*, n. f. (1884), *condom* n. m. (XVII в.), *larousse*, n. m. (1850), *jaqueline*, n. f. (XV в.) и др.

Интересна история французского слова *poubelle*, n. f. (урна, мусорное ведро). Появился данный эпоним благодаря префекту Eugène-René Poubelle, который подписал указ о появлении урн для борьбы с мусором на городских улицах.

Для всех франкофонов слово *poubelle*, n. f. в первую очередь ассоциируется с емкостью, размещенной на улице для сбора мусора, т. е. с экологией, с чистотой, для некоторых - с зеленым цветом (во Франции урны зеленого цвета), с понедельником (в этот день недели специальные машины проезжают по улицам и опустошают урны граждан, живущих в частных домах). Образованная часть населения Бельгии и Франции, среди которого были опрошены преподаватели школ и высших учебных заведений, работники банка, указывает имя создателя урны – E.-R. Poubelle.

Респонденты знают также о том, что появлению средству мужской контрацепции (презерватив или кондом) способствовал англичанин John Condom, придворный врач короля Карла II, еще в XVII веке, и сразу слово перешло в разряд имен нарицательных. Напротив, что касается эпонима *larousse*, n. m – словарь, энциклопедия, который можно найти на книжной полке в каждой французской семье, франкофоны не соотнесли его с издателем и лингвистом Пьером Ларуссом.

В ходе нашего исследования были опрошены франкофоны, проживающие в парижском регионе и в городе Брюссель (Бельгия). Вероятно, поэтому со словом-эпонимом *jaqueline* n. f. у респондентов не возникло никаких ассоциаций. *Jaqueline* n. f. (глиняный кувшин) используется в основном на севере Франции и Фландрии, его изобретение приписывается графине *Jacqueline de Bavière*.

4. Эпонимы, называющие растения (в основном цветы): *bégonia* n. f. (1690), *cattleya*, n. f. (1821), *goethéa*, n. f. (XIX в.), *magnolia*, n. f. (1703). Интересно отметить,

что все эпонимы, обозначающие растения, образуется по общей грамматической схеме. В *корне* слова-эпонима сохраняется либо имя открывателя, либо имя человека, в честь которого было названо растение, + суффикс *-a*. Из данных эпонимов особое внимание привлекает эпоним *magnolia*, n. f. – магнолия, род растений семейства магнолиевых, назван в честь французского ботаника Пьера Маньоля (1638-1715). При упоминании данного эпонима у респондентов возникают ассоциации не только с весной (время пышного цветения данного вида цветов) и с ароматом, но также с французским певцом Клодом Франсуа, популярным в 60-х и особенно в 70-х годах на волне успеха волны диско, вернее, с его песней «*Magnolias for ever*» («Магнолии навсегда»).

5. Эпонимы – термины или номенклатурные слова. Здесь заставляет обратить на себя внимание различия в представленных ассоциациях бельгийских и французских народов при предъявлении слова-эпонима *axel* n. m. (1882). Французы ассоциируют эпоним «*axel*» с именем молодой певицы *Axel Red*, тогда как для бельгийцев – это вид прыжка в фигурном катании, т. е. они соотносят спортивный термин с именем норвежского конькобежца-фигуриста *Axel Paulsen*, который первым выполнил этот прыжок. Но в то же время никто из франкофонов не называют имени Чарльз Бойкота, управляющего и эконома богатого лорда в Ирландии. С именем этого человека однозначно связано появление термина *boycotte*, n. m. (1880). Респонденты связывают данный эпоним с забастовками, торможением рабочего процесса каким-либо препятствием.

В третьей группе располагаются слова-эпонимы, образованные от имен вымышленных литературных персонажей, героев фильмов и театральных постановок, а именно: *bovary*, n. f. (1892); *bond*, n. m. (1952); *calinotade*, n. m. (1859); *casanova*, n. m. (XVII в.); *don quichotte*, n. m. (XVII в.); *don juan*, n. m. (1665); *dulcinée*, n. f. (XVII в.); *giton*, n. m.; *jeep*, n. m. (1936); *méphistophelès*, n. m. (1587); *nana*, n. f. (1880); *tarzan*, n. m. (1974); *tartuffe*, n. m. (1664). Казанова, Дон Кихот, Дон Жуан, Тартюф, Тарзан, Мефистофель – самые популярные литературные персонажи всех времен и народов. Их образы вдохновили не только многих классиков мировой литературы, но и известных режиссеров. В этот раздел можно включить имя секретного агента Джеймса Бонда. Во время опроса носители французского языка указали как название произведения, фильма или театральной пьесы, где главными героями были соответствующие актеры или литературные персонажи, так и значение слов-эпонимов. Интересно заметить, что молодое поколение определяет значение слова-эпонима «*casanova*», n. m., используя современные понятия, такие как «плейбой», «соблазнитель», «бабник». Тогда как при упоминании слова-эпонима *bovary* n. f. (боваризм) молодые респонденты называют только имя главной героини романа Г. Флобера – Мадам Бовари, затрудняясь дать значение данного эпонима. А ведь и действительно это не так просто. «Боваризм» – термин, обозначающий клиническое состояние, которое характеризуется потерей способности проводить четкую грань между действительностью и фантазией, когда факты реального мира

подменяется воображаемыми. Название этого состояния было дано Жюлем де Готье по имени главной героини романа Г. Флобера.

В некоторых случаях, наоборот, респонденты указывают значение эпонима, но не называют его происхождения. Например, *papa*, n. f (женщина, любовница) и *dulcinée*, n. f. (возлюбленная), *jeep*, n. m. (джип, марка машины). Нана – главная героиня одноименного романа Э. Золя. Дульцинея – действующее лицо романа Сервантеса: она была служанкой в трактире; Дон Кихот назвал ее своей дамой сердца.

Для нас так же, как и для всех респондентов, было большим открытием, что, по одной из версий, своим происхождением слово «джип» обязано персонажу американских комиксов Юджину Джипу, существу, напоминающему нашего Чебурашку.

Анализ показал, что респонденты ни с чем не ассоциируют слова-эпонимы *calinotade*, n. m. (1856); *giton* n. m. При предъявлении эпонима *giton*, n. m. (женственный молодой человек) у респондентов возникли такие ассоциации, как: люди, проводящие жизнь в путешествии, цыгане, прицепной домик (для туристов). В данном случае сыграла свою роль звуковая ассоциация: *giton* – *gitan*. Во французском языке существует слово-эпоним *gitan*, n. m., *agj* (цыган), которое восходит к географическому названию *Egypte*. Однако данное слово не имеет никаких связей с собственным именем *Giton*, именем персонажа сатирического романа латинского писателя Петрона.

В четвертую группу включены слова-эпонимы, которые восходят к географическим объектам (28 единиц). В этой группе мы также выделили несколько подгрупп:

➤ Слова-эпонимы, обозначающие название различных тканей (*astrakhan*, n. m. (год не указан); *cachemire*, n. m. (год не указан, но в XIX веке эта ткань уже использовалась); *damas*, n. m. (год не указан); *oxford*, n. m. (1685). Во-первых, все франкофоны называют одноименные города (Астрахань, Кашемир, Дамас и Оксфорд) и описывают свои ассоциации, которые с ними связаны. Так, город Астрахань ассоциируется с Россией, историей; город Кашемир – с Индией; город Дамас – с Ливией, со страной, где проходили войны и где вечная жара; город Оксфорд с Англией и путешествием. Но здесь важно отметить, что молодое поколение эпоним *oxford*, n. m. связывает также с высшей школой (*la grande école*), университетом, который находится в этом городе.

Во-вторых, все франкофоны соотносят эпоним *cachemire*, n. m. с разновидностью ткани.

В-третьих, только бельгийцы с уверенностью указывают на то, что эпонимы *astrakhan*, n. m.; *damas*, n. m. также являются разновидностью тканей.

В-четвертых, никто из опрошенных респондентов не связал эпоним *oxford*, n. m. с соответствующей тканью.

➤ Слова-эпонимы, обозначающие продукты питания. В частности, к данной подгруппе мы отнесли различные виды сыров, которые производят во Франции, в Италии и в Швейцарии (*brie*, n. m. (1793); самый старый сыр во Франции – *cantal* n. m.

(1298); camembert, n. m. (1790); gruyere, n. m. (1762); roquefort, n. m. (1666); parmesan, n. m. (около 1200); gorgonzola, n. m. (дата не указана)). Легко объяснить, почему франкофоны хорошо разбираются в названиях различных сыров, - ведь эта отрасль сельского хозяйства на протяжении веков была и остается одной из ведущих в экономике Франции, Италии и Швейцарии. Интересно заметить, что бельгийцы при опросе были намного лаконичней французов. Они указывают как сорт сыра, так и название местности, где он производится. Например, camembert, n. m. – пикантный французский сыр и французская деревушка в Нормандии; gruyere, n. m. – твердый швейцарский сыр и регион Грюйер в Швейцарии; parmesan, n. m. – итальянский сыр и город в Италии; gorgonzola, n. m. – голубой итальянский сыр и регион в Италии и т. д.

Респонденты французской национальности во время опроса стремились рассказать о своих эмоциях и ощущениях. Например: gruyere, n. m. – «любимый сыр», «сыр с дырками»; parmesan, n. m. – спагетти карбонара (так как обычно французы добавляют сыр пармезан в блюдо со спагетти); gorgonzola, n. m. – Италия, при упоминании этого сыра возникает рвотный рефлекс; roquefort, n. m. – плохой сыр, рекламный лозунг «Tout est fort dans le roquefort». В этом лозунге не случайно сыграла свою роль игра слов «fort – roquefort». Рокфор, со своим пикантным вкусом и тонким ароматом, является истинным патриархом французских сыров.

➤ Слова-эпонимы, обозначающие спиртные напитки (в частности вина). В данную подгруппу мы отнесли вина, которые производят в основном во Франции (armagnac, n. m. (XII в.); bordeaux, n. m. (дата не указана); bourbon, n. m. (дата не указана); champagne, n. m. (XVII в.); cognac, n. m. (XVII в.), а также в Португалии (madère, n. m. (1660) и в США (manhattan, n. m. (1894)). Франция всегда славилась своими винами. Названия винам чаще всего даются по местности, где они производятся. Практически каждый французский город является своего рода столицей виноделия и виноградарства. Опыт возделывания виноградной лозы во Франции восходит к античной эпохе, когда эллины, кельты, римляне осваивали регион, принося с собой технологии выращивания винограда и изготовления отличного вина. В настоящее время французы стремятся сохранить и усовершенствовать винные традиции. Поэтому вполне очевидно, что при опросе франкофоны указывают и местность, и соответствующий спиртной напиток. Но помимо этого они выражают свое отношение к тому или иному напитку (bordeaux, n. m. – хорошее французское вино; cognac, n. m. – «обожаю»; champagne, n. m. – праздник, «пузырьки»). Респонденты обращают особое внимание на цвет французского вина: цвет красного вина из Бордо вызывает ассоциацию с цветом бордо (один из оттенков красного, темнее и глуше алого). Вместе с тем, такие слова-эпонимы, как madère, n. m. и manhattan, n. m. ни у французов, ни бельгийцев не вызвали никаких ассоциаций. Мадера – это крепкое вино, изначально изготавливавшееся на лесистом острове Мадейра (Португалия), а манхеттен – коктейль, впервые появился в одноименном нью-йоркском клубе. Можно

лишь предположить, что данные спиртные напитки не пользуются такой популярностью во Франции, как исконно французские вина.

➤ Слова-эпонимы, связанные с повседневной жизнью. Данную подгруппу составляют слова-эпонимы, называющие игры (badminton, n. m. (1873), танцы (flomenco, n. m. (XIX в.), charleston, n. m. (1918), boston n. m. (1880), породы собаки (epagneul, n. m. (XIV в.), одежду (bikini, n. m. (1946), еду (hamburger, n. m. (1885). Большинство респондентов не чувствуют связи между эпонимами и первичным значением слова, но тем не менее указывают верное происхождение слова. Так, указывают, что бадминтон – вид спорта, заключающийся в перекидывании через сетку игрового снаряда волана с помощью ракеток и это слово английского происхождения. Фламенко – испанский танец «Baila, Baila», костюмы девушек украшают красные розы, французы ассоциируют данный танец со страстью и привлекательностью. Слово «гамбургер» американского происхождения вызывает у франкофонов представление о булочке с рубленым бифштексом и помидорами. Но при упоминании слова-эпонима epagneul, n. m (спаниель) респонденты указывают только на соответствующую породу собаки, а не на ее испанское происхождение. В данной подгруппе наше внимание привлек эпоним bikini, n. m. Только один респондент из всех опрошенных респондентов указывает, что данное слово получило свое название благодаря коралловому острову в Тихом океане. Для всех остальных bikini, n. m. ассоциировалось с морем, солнцем, купальным костюмом, девушками. В данном случае мы можем предположить, что либо данный человек изучал историю данного слова, либо занимается подобной темой (что маловероятно, так как в его ответах не все примеры имели верный ответ), либо он отдыхал на этом острове.

Проведенный анализ позволяет сделать выводы:

1. Большинство носителей французского языка не чувствует связи между эпонимами и первичным значением слова.
2. Значительное влияние на возникновение ассоциаций влияют такие факторы, как образованность, реклама, личное отношение, возраст.
3. Существуют различия в представленных ассоциациях бельгийских и французских народов.

В данном исследовании была предпринята попытка проанализировать отношения индивида и языка, индивида и мира, причем отношение сознательное и бессознательное, что дает возможность выявить скрытые намерения и желания индивида. Эти отношения выражаются языковыми средствами и отражают понимание мира, его концептуализацию, а также стратегии общения и речевого существования индивида.

Библиографические ссылки

1. Germa P. Du nom propre au nom commun, dictionnaire des éponymes (более 1000 единиц). – Paris, 1993.
2. Denys P. Messieurs Poubelle, Sandwich and Ge / P. Denys, N. Claveloux. – P., 2002.

ТИПЫ НЕКОНТРОЛИРУЕМЫХ ЗНАЧЕНИЙ И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

Как показывает анализ имеющихся в науке мнений относительно общего значения контролируемости / неконтролируемости, наиболее изученной и охарактеризованной является субкатегориальная семантическая область *контролируемости*. И, несмотря на то, что оба компонента бинарной семантической оппозиции обычно рассматриваются в комплексе, *неконтролируемость* всё же в плане исследовательского интереса остается обделенной вниманием лингвистов. Неконтролируемые значения подробно освещались в немногих работах, и на данный момент четкой типологии неконтролируемых значений не выявлено. Тем не менее, эти значения классифицировались с большой или меньшей долей тщательности, причем на материале разных языков.

Например, Л. Н. Иорданская и И. А. Мельчук, объясняя свое понимание контролируемости / неконтролируемости, замечают: «Мы употребляем характеристику ‘контролируемое’, чтобы выразить ОСОЗНАННОСТЬ действия, т. е. контроль со стороны сознания. Отрицание этой характеристики используется, чтобы противопоставлять нормальные (=‘контролируемые’) действия действиям неосознанным (=‘неконтролируемым’). Неосознанные действия бывают трех основных типов: машинальные, или автоматические; импульсивные, т. е. совершаемые в состоянии аффекта; и рефлекторные, т. е. физиологические реакции (строго говоря, рефлекторное действие – оно только напоминает таковое)» [Иорданская, Мельчук, 2007, с. 517]. Свою типологию неконтролируемых значений они иллюстрируют на примере французских предлогов, говоря, в частности, о существовании определенной корреляции между семантикой предлога, причиной каузируемого действия и характером этого действия. Эта корреляция имеет прогностический характер: появление контролируемого или неконтролируемого действия «предсказывается» причиной, «требующей» того или иного предлога. Например, рефлекторное действие часто выступает как эмоция-антиципация, т. е. как эмоциональное состояние, возникающее в ожидании чего-либо, именно в предложных сочетаниях типа *crainte / peur* ‘боязнь / страх (неудачи)’; или физическое явление, у которого не усматривается актанта-агенса. Ср. с предлогом *SOUS L’EFFET DE*: *Sous l’effet de la peur Pierre a commencé à bégayer* – *От страха Пьер стал заикаться*; *Sous l’effet de la chaleur Pierre s’est assoupi* – *От жары Пьера разморило* [Там же. - С. 573, с. 583]. Во многих случаях рефлекторное действие может «заменяться» на импульсивное (= абсолютно неконтролируемое), т. е. такое, которое характеризуется большой долей непроизвольности. Это мы наблюдаем в сочетаниях с *DE*, где семантическая причина – «это либо эмоция-реакция, либо физическое состояние», ср.: *De douleur / De panique, il s’est*

mis à hurler – От боли / От ужаса он завопил [рефлекторное действие] – *De panique, il a spontanément tiré la porte – От ужаса он непроизвольно захлопнул дверь* [импульсивное действие] [Там же. - С. 583-584].

Если Л. Н. Иорданская и И. А. Мельчук в качестве одного из основных критериев разграничения контролируемых / неконтролируемых действий вводят понятие *осознанности*, то И. Б. Левонтина одним из таких критериев считает *отсутствие цели в действиях человека*. Она говорит о том, что можно выделить несколько типов выражаемых в языке смыслов, в основе которых лежит идея отсутствия цели в действиях человека. «Во-первых, цель, присутствующая в его действиях, может быть вырожденной, то есть совпадающей с осуществлением самих этих действий. Здесь возможны два варианта: эта деятельность может при этом представлять для человека самодостаточную ценность – тогда можно говорить о *самоцели*. Если же деятельность сама по себе не представляет для человека особой ценности, то она называется *бесцельной*» [Левонтина, 2006, с. 195]. Во-вторых, по мнению исследователя, человек может *вынужденно* действовать, т. е. его к деятельности побуждают обстоятельства. «Осознав отсутствие выбора, человек может начать действовать как бы целенаправленно, но цель эта неполноценная, поскольку она навязана извне (реально говоря, у человека есть при этом цель избежать неприемлемых для него последствий отказа от данных действий). Ср. такие слова, как *вынужденно, волей-неволей, против воли, поневоле*: все они применимы к описанию только целесообразной деятельности, которая предполагает желание, а смысл их состоит в указании на отсутствие желания» [Там же. - С. 196]. «В-третьих, – указывает И. Б. Левонтина, – действия человека могут быть внешне похожими на целенаправленные, тогда как в действительности он не ставил перед собой цели, а действовал, например, в силу привычки. Тогда мы характеризуем его поведение при помощи слов *машинально* или *автоматически*. Наконец, человек может совершить нечто, что он не хотел и не собирался совершать, потому, что временно утратил контроль над собой или над ситуацией. Этот случай обслуживается в русском языке большой группой слов: *невольно, нечаянно, неумышленно, непреднамеренно, случайно 2, ненароком, невзначай, непроизвольно* (ср. также соответствующие многим из этих наречий прилагательные). Последнее наречие уже ближе к характеристике происшествий, чем действий» [Там же].

Бесцельная деятельность, по мнению И. Б. Левонтиной, не является в смысловом отношении однородной областью. Под круг ее значений подпадает как минимум две группы действий: *бесцельные-моторные*, когда субъект не имеет плана действия, но совершает свои действия *осознанно*; *бесцельно-«бессмысленные»*, или бесцельно «экзистенциальные» действия, употребляемые «применительно к природе для указания на то, что человек не понимает смысла, общей идеи мироздания» [Там же. - С. 201]. Итак, в случае бесцельной деятельности действие воспринимается «как хаотичное, бессмысленное или, по крайней мере, непонятное, а вся картина утрачивает цельность»

[Там же]. Заметим, что о неконтролируемости в данном случае вряд ли можно говорить: в таких ситуациях субъект всё равно действует по собственной инициативе.

Вынужденность является особым типом действий человека, таким, когда возникшее у него намерение совершить что-либо, конечно же, является его намерением, «но суррогатным, потому что человек лишен в этом случае свободы выбора. И ответственность, которую несет человек за совершенное в результате действие, будет неполной» [Там же. - С. 205]. Здесь можно говорить о том, что человек вынужденно поступает так потому, что он большой прагматик: намерение совершить действие возникает как результат оценки возможностей сопротивления обстоятельствам – «сопротивление невозможно или бесполезно» – и оценки последствий отказа совершить действие – «последствия непереносимы».

Машинальность и автоматизм. А. Зализняк отмечает, что в разного рода «машинальных» действиях «вместо намерения в функции инициатора движения выступает некоторая внутренняя программа (стереотип), реализация которой не требует непосредственного участия сознания (именно так человек осуществляет большинство несложных, но привычных, часто совершаемых действий)» [Зализняк, 1992, с. 139-140]. И. Б. Левонтина эти типы деятельности трактует так: «В современном языке есть три наречия, основанных на одной и той же метафоре – человек как механизм. Два из них тесно связаны с идеей отсутствия полноценного намерения. Это более старое, характерное еще для языка XIX в., слово *машинально* и более новое и имеющее несколько более широкое значение слово *автоматически*. Третье наречие, *механически*, несмотря на то, что в основе его лежит та же метафора, что и у двух других слов, имеет несколько иное значение, которое гораздо менее связано с идеей целеполагания. Человек может действовать помимо своей воли, повинаясь внутренней программе: он может просто повторять что-то вслед за кем-то; он может действовать так, а не иначе потому, что наличествует типовая ситуация, требующая типовых действий. В этом случае следует говорить о машинальных действиях. Другой случай представляют те действия, когда неучастие сознания связано с «гиперконтролируемостью» ситуации: когда действия или их последовательность в данной области отработаны настолько хорошо, что не требуют ни волевых его или осознанных усилий, ни каких-либо еще. Это автоматические действия» [Левонтина, 2006, с. 205-206]. Рассматривая возможность корреляции между наречиями, номинализирующими названные типы действий, И. Б. Левонтина отмечает следующее: «Практически во всех случаях, когда употребляется *машинально*, можно употребить и *автоматически*. Различие между высказываниями с двумя этими словами будет в этом случае в том, что в *машинально* делается акцент на специфическом, несколько аномальном психологическом состоянии человека и характерных для такого состояния внешних проявлениях. *Автоматически* же фиксирует просто некоторый способ совершения действий» [Там же. - С. 209].

Анализируя особенности отображения средствами языка *механической* деятельности, И. Б. Левонтина пишет: «В основе значения слова *механически* лежит не идея отсутствия у человека намерения, а идея отсутствия заинтересованности, полноценной вовлеченности человека в деятельность, которой он занят. Однако есть тип контекстов, в которых *механически* сближается со словами *машинально* и *автоматически*. Это те контексты, которые описывают совершение человеком несложных, привычных действий в состоянии, когда его сознание отвлечено какой-то мыслью или сильным эмоциональным потрясением. Полное отсутствие осознания человеком того, что он делает, является здесь для *механически* частным случаем отсутствия вовлеченности в действие» [Там же. - С. 210].

По мнению И. Б. Левонтиной, если возможность потери человеком контроля над ситуацией в случае машинальных и автоматических действий является следствием запрограммированного, стереотипного поведения, то для группы **невольных и нечаянных действий** «идея потери контроля составляет самую суть значения» [Там же]. Невольные действия – это яркая демонстрация зависимости деятельности человека от обстоятельств, полагает И. Б. Левонтина. И эти действия не являются однородной группой, а подразделяются на ряд типов. «Первый тип составляют ситуации, когда субъект не мог не совершить какого-то действия или скрыть свою реакцию, потому что слишком велико было воздействие на него – например, сильная боль, неожиданность, толчок, чувство или впечатление; в результате он мог *невольно вскрикнуть (отступить, залюбоваться, задуматься)*. Ср. *Ветер уперся ей в плечи, в спину, она невольно засеменила, пытаясь уйти от него, но ветер сразу настиг ее и погнал перед собой, как сухую былинку* (Ю. Нагибин, «Дети лепят из снега»). *Ничего не было видно, как в подземелье, и Маргарита невольно уцепилась за плащ Азazelло, опасаясь споткнуться* (М. Булгаков, «Мастер и Маргарита»). *Увидав себя в зеркале, я невольно улыбалась. И, кажется, все мне было к лицу, хотя одевалась я очень просто* (И. Бунин, «Заря всю ночь»). Источником действия может быть и желание, соблазн, когда человек не может удержаться от совершения действия, особенно если оно очень простое; ср. *Поднимаясь от Ангaры с водой, Настена невольно всякий раз поsmатривала на дым из трубы: его черный от березы, прямой столб уходил без ветра высоко и был виден издалека* (В. Распутин, «Живи и помни») [Там же. - С. 211].

Второй тип – это, полагает И. Б. Левонтина, случаи, когда субъект поступает вполне сознательно, однако поскольку он не владеет ситуацией в полной мере или не может оценить всех последствий, результат отличается от его намерения, и, что очень важно, результат выходит из-под контроля субъекта. Ср. *Как легионеры снимают с него веревки, невольно причиняя ему жгущую боль в вывихнутых на допросе руках* (М. Булгаков, «Мастер и Маргарита»). [Легионеры не хотели причинять боль, но должны были снять веревки, то есть они делали то, что делали, намеренно и ненамеренно одновременно] [Пример И. Б. Левонтиной].

Третий тип невольных действий, по мнению И. Б. Левонтиной, составляют те, которые указывают, что человек в данном случае не властен над обстоятельствами, он не владеет ими и оказывается в том или ином положении в силу этих, неконтролируемых, обстоятельств, ср.: *Я невольно стал свидетелем ...*

Интересно отметить, что неконтролируемость действий человека, который может быть рассмотрен как целесообразный субъект, часто фиксируется в языке именно глаголами определенных ЛСГ. Свойства ситуации в таких случаях не столь важны: глаголы класса происшествий, составляющие группы физиологических реакций (*вздрыгнуть, вскрикнуть*), поведенческих провалов (*оступиться, уронить*) независимо от ситуативной «аранжировки» будут своим лексико-грамматическим значением указывать на отступление от целесообразной деятельности, отсутствие цели и потерю контроля субъектом над своими действиями. Это значение глагольной лексемы подчеркивается и «высвечивается» наречиями типа *нечаянно, невольно, произвольно* или *вдруг*, что свидетельствует о нарушении и незапланированности номинируемого происходящего. Т. И. Стексова, в отличие от довольно распространенного мнения, что наиболее частотны для выражения неконтролируемых и невольных действий в русском языке синтаксические – безличные и дативные – конструкции, считает совершенно объективным факт наличия, по крайней мере, именно в русском языке целого класса глаголов с *инкорпорированной семантикой*. Иными словами, она полагает, что в русском языке не менее распространены личные конструкции, где «и само сообщение, и невольный характер его осуществления названы одной лексемой: **вздрагивать, ляпнуть, натекаться, обознаться, поскальзываться, проговариваться, промахиваться, прошляпить, уронить** и под.» [Стеклова, 2002, с. 15]. Невольность, которая рассматривается Т. И. Стекловой в качестве особой семантической области, даже скрытой семантической категории, является субкатегориальным значением более широкой семантической категории неконтролируемости. Отличие *невольности* от *неконтролируемости* заключается в следующем: невольность охватывает те положения вещей, которые обязательно в качестве Участника имеют субъект-лицо, неконтролируемость же такого не предполагает – неконтролируемым может быть и стихийное природное явление. Ср. *Лодку унесло* [Стеклова, 2002, с. 12]. Иначе говоря, выявляется такое соответствие: невольное – это всегда неконтролируемое действие, но ограниченное только, так сказать, агентивной сферой; неконтролируемое же может быть, а может и не быть невольным, потому что оно машинальное, автоматическое, стихийное и т. д., и т. п.

Если акцентировать внимание на тех неконтролируемых ситуациях, где субъектом действия является лицо, то, полагает Т. И. Стеклова, мы должны отметить, что «русскому человеку действительно свойственно воспринимать некоторые события как произошедшие независимо или против его воли» [Там же: с. 19]. Причиной невольных действий может быть внутренний конфликт или грубая внешняя сила. Иногда, правда, в качестве производителя подобного действия выступают партитивы, обозначающие

какую-либо часть человеческого тела, начавшую «самостоятельную жизнь», не подвластную разуму и воле человека. Наиболее «частотен» в этой роли язык. Причем, как отмечает В. З. Демьянков, в высказываниях с предикатами группы типа *сорвалось / слетело (слово) с языка* со значением ‘невольно сказать то, о чем иногда лучше бы и помолчать’ виновником признается не человек и даже не его язык, и не «оно» (нечистая сила), а высказываемая мысль, которая самопроизвольно является [Демьянков, 2000, с. 219]. Аналогичные явления есть и в других языках – описанный факт не свойственен только русскому языку. В немецком и датском слово ‘лежит на языке’, соотв.: *etwas liegt* (или даже *schwebt* – ‘витает’) *mir auf der Zunge*; *ordet ligger mig på tungen*; по-фински *pyöriä kielellä* ‘вертеться, ходить кругами на языке’ [Там же]. В. З. Демьянков подчеркивает, что образ висевшего на кончике языка и сорвавшегося слова или слова, случайно слетевшего с языка, снимает ответственность с говорящего: действует уже не он, его сознание в акте действия не участвовало. Таким образом, возникает еще одно значение, весьма характерное для человека – **стихийность как неконтролируемость и псевдоагентивность**.

Псевдоагентивность – это особая субкатегория в рамках более широкой категории агентивности / неагентивности [Устинова, 2007]. Под псевдоагентом в данном случае понимается «неагентивный актанта, семантическая роль которого выявляется в таком положении дел, где событие (действие) осуществляется силой, оторванной от своего создателя (и поэтому она представлена как бы ни имеющей создателя вообще или создатель по разным причинам не обозначен). Это может быть неконтролируемая стихия; энергия (существующая в природе или произведенная при помощи естественных / искусственных устройств); судьба – факт того, что «ход и исход нашей жизни зависит кроме нас самих от чего-то, от какой-то преобладающей необходимости, которой мы волей-неволей должны подчиниться»; неволевитивность, когда агенс переходит в позицию не-агенса, так как он не прикладывает никаких – ни сознательных, ни бессознательных – усилий к реализации действия, не контролирует ни один из этапов его осуществления, снимая с себя ответственность и перекладывая ее на непознанную, необъяснимую (внутреннюю или внешнюю) силу. Эта «сила» способна «зарядить» энергией для реализации действия некий объект-посредник (орудие), имеющий значение творительного стихийного воздействия» [Устинова, 2007, с. 16-17]. В качестве иллюстрации псевдоагентивных конструкций Е. В. Устинова приводит, в частности, следующие примеры: *А какие были рои себя мысливших мыслей; и мыслил не он, но...себя мысли мыслили...: мыслилось, рисовалось, вставало; и прыгало в сердце, сверлило в мозгу; Шарахнулось в мозгу* (А. Белый), отмечая при этом, что в данном случае действительно следует говорить о проявлении стихийного бессознательного: вся ментальная и внутренняя эмоциональная жизнь человека при подобной языковой передаче мыслится как самостоятельная, не зависящая ни от воли

того человека, о котором речь, ни от чего-либо еще. Данные конструкции – это свидетельство особого русского восприятия мира, полагает Е. В. Устинова: агент потому не может контролировать все, что происходит в его сознании и душе, что существование самого агенса – под вопросом [Устинова, 2007, с. 18].

Заметим, что псевдоагентивность – категория, охватывающая явления более широкого порядка, чем те, которые приведены нами выше. Сюда должны быть включены и конструкции с дативами типа *Ему не спалось*, *Мнится мне*, и полностью безличные конструкции типа: *Тошнило*. В любом случае общим свойством всех подобных конструкций является особый характер «субъекта действия»: из активного контролера событий он превращается в пассивного экспериенсера или прямого пациента. Субъекта действительно как будто нет: вся деятельность протекает при минимальном его участии как «вместилища» этой деятельности.

В связи с псевдоагентивностью требует объяснения другое неконтролируемое значение, часто выделяемое исследователями – **непроизвольность** как проявление **стихийности**. Так, Н. Д. Арутюнова говорит о том, что существуют целые разряды подобных действий, и рассматриваться они должны, собственно, как псевдодействия [Арутюнова, 1999, с. 799]. Это, по ее мнению, действия-реакции – физические, психические и психофизические (*кашлять, икать, чихать, дрожать, вздрагивать, поперхнуться, задохнуться, закашляться, расчихаться* и др.); действия-девиации – промахи или ошибки (*ошибиться, осечься, срезаться, промахнуться*), действия-капитуляции, действия-порывы и некоторые другие. Одним из основных признаков всех этих «действий», считает Н. Д. Арутюнова, является отсутствие цели. Речь в данном случае, пишет она, идет «об отклонениях от нормы, ненамеренных, нецелеустремленных и нежелательных для действующего лица» действиях, а «непроизвольные акции имеют причину (мотив, стимул), но не цель» [Арутюнова, 1999]. В основе непроизвольной акции лежит чисто человеческое свойство, такое, как *неловкость, невнимательность, рассеянность, глупость, неумелость, медлительность, нерасчетливость, несосредоточенность, непрактичность*. «Все глаголы, входящие в перечисленные группы, – подчеркивает Н. Д. Арутюнова, – образуют активные конструкции. В большинстве своем они непереходны. Непереходность маркируется возвратной формой, не имеющей невозвратного коррелята. Значение неуправляемости не выражено синтаксически. Оно либо присутствует в семантике глагола, либо составляет прагматическую импликацию, продиктованную логикой здравого смысла. В норме неуправляемые действия не целенаправленны, но имеют причину, локализуемую либо во внешней ситуации, либо в самом человеке» [Там же. - С. 801].

Иная картина наблюдается в случаях с т. н. **проксимативами**. Данный термин В. А. Плунгян предлагает использовать для специфичных антирезультативных значений [Плунгян, 2001], которые соотносятся «с неконтролируемыми предельными процессами и описывает ситуацию (непредвиденной) остановки процесса в непосред-

венной близости к финалу» [Плунгян, 2001, с. 4]. В русском языке, отмечает В. А. Плунгян, наиболее характерными проксимативными показателями являются сочетания *чуть не* и *чуть было не*; в английском (по крайней мере, в части своих употреблений) – *almost*. Во французском языке имеется специальный грамматикализованный показатель проксимативности – глагол *faillir* в прошедшем времени в сочетании с инфинитивом (*il a failli tomber* ‘он чуть не упал’). «Интересной особенностью проксимативов, – пишет В. А. Плунгян, – является то, что они часто выражают дополнительную идею неожиданности и/или нежелательности финала, что, безусловно, является следствием неконтролируемого характера ситуации; стандартный пример на это значение в тех описаниях, которые его фиксируют – “он чуть не умер”» [Там же: 5]. Т. Кутева [Kuteva, 1998] предложила для этого значения, как нам кажется, более точный и удачный термин – **авертив**.

Авертивы – это неконтролируемые действия, в максимальной степени, зависящие именно от ситуации. Инкорпорированного в семантику глагола авертивного значения, по-видимому, в принципе быть не может, так как само обозначаемое событие – «непредвиденная остановка неконтролируемого процесса» – регулируется ситуативными факторами, независимо от того, указаны они в контексте или нет. Специфика подобных значений с точки зрения проявления неконтролируемости заключается в следующем: в основе разворачивающегося события находится уже изначально неконтролируемое действие (*упасть, умереть*), но помимо этой неконтролируемости с помощью специальных показателей в высказывании будет еще дополнительно «промаркировано» и неконтролируемый, незапланированный, результат, наступивший как нарушение. Потому гораздо интереснее в плане собственно лексематического выражения неконтролируемых значений оказываются другие антирезультативные значения – **конативные**, т. е. значения **действия-попытки**.

Здесь следует сразу уточнить, что в случаях с конативами мы имеем дело с двумя типами ситуаций. В одном случае это будет именно ситуативное нарушение обыкновенного контролируемого действия на срединной фазе и не достижение ожидаемого финала, что и будет продемонстрировано синтаксической развернутой структурой: *Ловили, да не поймали*; в другом случае это же, собственно, значение будет выражаться пробационным глаголом, т. е. таким глаголом, который сам по себе обозначает контролируемое действие, к осуществлению которого субъект прилагает сознательные усилия, но результат субъектом не контролируется – *сильиться, пытаться* и т. п. А. В. Леонова говорит о том, что подобные глаголы интересно рассматривать в комплексе с глаголами достижения, обозначающими действие, не вполне определяемое намерением субъекта типа *удаваться / удался, успевать / успеть* [Леонова, 2007, с. 147]. Нам представляется, что в плане выявления корпуса глагольных лексем, в семантику которых инкорпорировано значе-

ние неконтролируемости, *достижения* как раз и интереснее: структура их лексического значения такова, что сама по себе свидетельствует о неконтролируемом характере достигнутого результата. Другое дело, что такие достижения *были ожидаемы, планировались*, но свои шансы на благоприятный исход дела субъект действия оценивал как невысокие.

Итак, мы можем подвести некоторые итоги анализа мнений по поводу классификации неконтролируемых значений. В общем виде типы неконтролируемых значений можно представить следующим образом: машинальность, механичность, автоматизм, рефлекторность, импульсивность, бесцельность, вынужденность, невольность, произвольность, нечаянность, стихийность как неуправляемость, псевдоагентивность, антирезультативность в виде авертивности и конативности. В качестве критериев выделения этих значений практически все исследователи выделяют такие семантические параметры, как *неосознанность*, «*неволевитивность*», *отсутствие цели и ненамеренность*.

Библиографические ссылки

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – I–XV, 896 с.
2. Демьянков В. З. Семантические роли и образы языка / В. З. Демьянков [и др.]; под общим рук. и редакцией Н. Д. Арутюновой // Язык о языке. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 193–270.
3. Зализняк Анна А. Контролируемость в языке и в жизни / Анна А. Зализняк [и др.]; РАН. Ин-т языкознания; отв. ред. Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Модели действия. – М.: Наука, 1992. – С. 138–145.
4. Иорданская Л. Н. Причинные предлоги / Л. Н. Иорданская, И. А. Мельчук; под общ. ред. Е. Н. Саввиной // Смысл и сочетаемость в словаре. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 672 с.
5. Левонтина И. Б. Отсутствие цели в действиях человека / И. Б. Левонтина [и др.]; отв. ред. Ю. Д. Апресян // Языковая картина мира и системная лексикография. – М.: Языки славянских культур, 2006. – С. 195–217.
6. Стеклова Т. И. Семантика невольности в русском языке: значение, выражение, функции. – Новосибирск, 2002. – 200 с.
7. Устинова Е. В. Функционально-семантическое поле агентивности / неагентивности в современном русском литературном языке XX – нач. XXI вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов н/Д, 2007. – 26 с.
8. Плунгян В. А. Антирезультатив: до и после результата [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.philol.msu.ru/~otipl/new/main/articles/plungian/vap-2001-antires.rtf>. – Заглавие с экрана.
9. Kuteva T. 1998. On identifying an evasive gram: Action narrowly averted // Studies in Language, 22.1, 113 - 160.

НЕВЕРБАЛЬНЫЙ ЖЕСТ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Специалистами по общению подсчитано, что современный человек произносит за день около 30 тысяч слов или примерно 3 тысячи слов в час. Речевое общение, как правило, сопровождается несловесными действиями, помогающими понять и осмыслить речевой текст. Психологи считают, что в процессе взаимодействия людей 60-80% коммуникаций осуществляется за счет невербальных средств и только 20-40% - за счет вербальных. Поэтому языком невербального общения необходимо научиться владеть профессионально. Даже дистанция, которую выдерживают люди при общении, уже о многом говорит. Вот основные невербальные элементы, которые сопровождают речевое общение и оказывают влияние на его эффективность.

Мимика. Выражение лица нередко является главным показателем чувств говорящего.

Поднятые брови, широко раскрытые глаза, опущенные вниз кончики губ, приоткрытый рот свидетельствуют об удивлении. Опущенные вниз брови, прищуренные глаза, сомкнутые губы, сжатые зубы выражают гнев.

Признаки печали – сведенные брови, потухшие глаза, слегка опущенные уголки губ, а счастья – спокойные глаза, приподнятые внешние уголки губ.

Поза. Умение принимать правильную позу в той или иной ситуации общения, особенно при публичном выступлении, свидетельствует о профессионализме. Конечно, не имеет особого значения, если в беседе с друзьями вы сидите, развалившись на стуле, наваливаетесь всем телом на стол или подпираете дверной косяк. Но при публичном выступлении умение держаться придает уверенность. Упражнения по выработке манеры правильно стоять приводит П. Сопер в книге «Основы искусства речи»:

«ноги расставлены на пять - шесть дюймов в зависимости от роста; одна нога выставлена чуть вперед; упор неодинаков на обе ноги и, по крайней мере, в наиболее выразительных местах речи, делается более на носок, чем на пятку; колени гибки и податливы; в плечах и руках нет напряжения; руки не притиснуты плотно к грудной клетке; голова и шея несколько выдвинуты вперед по отношению к грудной клетке; грудь выставлена, живот подтянут, но не настолько, чтобы это мешало свободе дыхания» [Сопер, 1995, с. 106].

Жесты. Чтобы быть понятным, человек должен соединить свои слова в предложения. То же и с жестами. Понимание согласованности жестов позволяет более точно видеть позицию собеседника. Читая жесты, мы осуществляем обратную связь, которая играет главную роль в целостном процессе взаимодействия. Можно понять, как встре-

чено то, что мы говорим, - с одобрением или враждебно, открыты слушатели или замкнуты, заняты самоконтролем или скучают.

«Бессловесная» обратная связь может предупредить о том, что нужно изменить свое поведение, прервать контакт или сделать что-то другое, чтобы достичь нужного результата. Вот некоторые конкретные примеры.

1. Готовность выслушать собеседника. Чтобы своим поведением показать интерес к тому, что говорит собеседник, нужно внимательно слушать его: руки, сложенные у рта, легкий наклон тела вперед – все это располагает собеседника к обстоятельному диалогу.

2. Защита. Жест руки – руки, скрещенные на груди. Позиция со скрещенными руками встречается в повседневной жизни довольно часто. Этот жест может влиять и на поведение других. Так, если в группе из четырех человек или более кто-то скрестил руки в защитной позе, то вскоре и другие члены группы, вероятнее всего, последуют его примеру. Если собеседник скрестил руки, значит, он хотел бы уйти от обсуждения.

Однако следует учитывать, что этот жест иногда может означать просто спокойствие или уверенность.

3. Попытка скрыть что-либо. Человек часто сам не замечает, как машинально прикрывает лицо руками, потирает лоб, виски, отводит глаза. Такое поведение воспринимается как проявление неискренности, неоткровенности. Естественно, оно сразу же вызывает недоверие.

4. Проявление агрессивности. Слишком оживленные, экспансивные жесты, направленные в сторону собеседника, часто воспринимаются им как проявление агрессивности. «Указующий перст», кулак, втянутая в плечи голова, нахмуренные брови – демонстрация враждебности.

5. Отступление. Сдвинутые колени, тело, откинутае назад, словно в испуге, руки, сложенные на животе, - свидетельство того, что человек не уверен в себе, готов отступить.

Таким образом, то, что человек говорит, заслуживает ровно столько уважения и доверия, сколько он сам вызывает своим внешним видом.

Следует особо подчеркнуть, что все одобрителные жесты должны выглядеть спонтанными, естественными. В противном случае тот, кто эти жесты воспроизводит, будет похож на неудавшегося актера.

В процессе речевой коммуникации порой важнее не то, что говорят, а то, как проявляются при этом эмоции, манеры, жесты партнеров. Особенно важны невербальные средства в таком важном деле, как воспитание, обучение, образование. Основными участниками институционального дискурса являются представители института (агенты) и люди, обращающиеся к ним (клиенты). Например, это учитель и ученик. Участники институционального дискурса весьма отличаются по своим качествам и предписаниям поведения: отношения между учителем и учеником имеют множество принципиальных отличий. Для каждого вида институционального дискурса характерна своя мера соотношения между статусным и личностным компонентами. В педагогиче-

ском дискурсе доля личностного компонента достаточно велика (она различается и в лингвокультурном отношении, например, в российских и французских школах приняты разные режимы общения учителя и ученика, в нашей стране традиционно отношения между школьниками и учителями являются более близкими, чем во Франции).

Признаки институциональности фиксируют ролевые характеристики агентов и клиентов институтов, типичные хронотопы, символические действия, трафаретные жанры и речевые клише. Институциональное общение – это коммуникация в своеобразных масках. Именно трафаретность общения принципиально отличает институциональный дискурс от персонального. Специфика институционального дискурса связывается с определенными функциями людей, поведенческими стереотипами, а также текстами, производимыми в этом социальном образовании [Карасик, 1992].

Участники педагогического дискурса – учитель и ученик. Учитель наделен правом передавать ученику знания и нормы поведения общества и оценивать успехи ученика. Учитель персонифицирует мудрость поколений, поэтому априорно обладает высоким авторитетом в обществе. Технологическая схема педагогического процесса выглядит примерно так. Прежде всего, педагог убеждает воспитуемого (учащегося) в важности и целесообразности решения конкретной задачи, затем он должен научить учащегося, т. е. добиться усвоения им определенной суммы знаний, необходимых для решения поставленной задачи. На следующем этапе необходимо сформулировать у учащегося умения и навыки. На всех этих этапах полезно постоянно стимулировать прилежание обучаемых, контролировать и оценивать этапы и итоги работы [Видяпина, 1999].

Приемы, с помощью которых могут формироваться и изменяться убеждения, чрезвычайно разнообразны и разнородны. Они зависят от конкретной области знания или деятельности, от аудитории, от социальных групп и общества в целом, от своеобразия той культуры или цивилизации, в рамках которой они складываются и применяются [Александров, 2000]. Язык выступает как инструмент координации совместной деятельности людей. Любой речевой акт, тем самым, оказывается особой формой оказания воздействия на его адресата – воздействия, осуществляемого путем передачи последнему некоторой информации, существенной для того, чтобы он в дальнейшем занял какое-то место в деятельности говорящего. В процессе педагогического воздействия особую роль играют невербальные средства.

В учебном процессе важное место занимают разнообразные наглядные пособия (плакаты, схемы, карты), подробные описания военных действий в учебнике по истории сопровождаются подробной картой или планом военных действий, иллюстрацией, картиной, схемой. В учебниках по математике, физике такое описание сопровождается чертежами, диаграммами и моделями, подкрепляющими устное изложение. Такая наглядность позволяет привлечь внимание читателя (школьника или студента), наглядно – «на пальцах»- объяснить материал. Наглядные пособия играют важную роль в дидак-

тических целях, наиболее сильно воздействуя на восприятие, сознание учащихся. Именно наглядность придает убедительность эпизоду, заставляя читателя, во-первых, поверить в его реальность и, во-вторых, представить это событие и стать его участником, воспринимая происходящее своими глазами. Главной практической и коммуникативной целью педагогического воздействия авторов научно-учебных текстов является интеллектуальное, психофизическое и духовное развитие личности и ее социализация в обществе, поэтому составители учебных пособий должны организовать подачу материала таким образом, чтобы учащиеся постоянно стремились к своему интеллектуальному, психическому и духовному совершенству.

Педагогическое общение – это профессиональное взаимодействие, обладающее педагогическими функциями, главными из которых является создание положительного психологического климата в учебном коллективе, способствующего оптимизации учебно-воспитательного процесса и нравственного совершенствования личности. Характер педагогического общения определяется коммуникативной ситуацией, складывающейся в учебном коллективе и во многом личностью руководителя этого коллектива, в частности, его профессионально - этическим уровнем.

«В основе педагогической деятельности лежит коммуникативная деятельность, с помощью которой учитель передает знания, организует обмен информацией, управляет познавательной – практической деятельностью учащихся, регулирует взаимоотношения между обучаемыми. Особенность профессионально - педагогического общения в том, что оно носит интенсивно - преобразующий характер» [Ладыженская, 1986, с. 30]. В своей книге «Живое слово» Т. А. Ладыженская выделяет следующие основные стили общения педагогического характера, суть которых отражается в их наименованиях: общение дружеского расположения (когда между учителем и учениками устанавливаются дружеские отношения), общение – заигрывание (при котором учитель стремится понравиться, «снимая» между собой и детьми необходимую дистанцию), общение с четко выраженной дистанцией (в этом случае дети отдаляются от учителя, не раскрывают себя, что отрицательным образом отражается в их высказываниях на свободные темы), общение – совместная увлеченность познавательной деятельностью, общение – устрашение (когда авторитет учителя держится на страхе, который он внушает учащимся), общение – наказание.

Рассматривая урок как педагогический дискурс особого типа и определенной композиции, прежде всего, выделяем в его структуре ритуализированные формы начала, обусловленные спецификой социальных условий и национальных традиций. Выделим основные стратегии педагогического общения.

Стратегия приветствия.

Приветствие – обязательный элемент коммуникативного события, так же, как и ввод в урок, необходимый методически обусловленный этап урока. Приветствие несет информацию о подтверждении факта знакомства, сотрудничества или добро-

желательного отношения к адресату. В официальном стиле приветствие несет информацию о коллегиальности, конвенциональности прогнозируемых отношений. Н. И. Формановская отмечает, что приветствие может также означать возможность установления делового/бытового контакта для последующего диалога [Формановская, 2009].

В тексте урока от заполнения ситуации приветствия и введения соответствующего этикетного знака зависит реализация целеполагания. Если объявление темы урока является информативным жанром и направлено на достижение знаниевого уровня в педагогическом движении дискурса, то речевой жанр приветствия, будучи фатическим, направлен на установление контакта между коммуникантами, обуславливающего обратную связь и эмоциональную динамику дискурса. Например:

- *Bonjour à tous! Je suis contente de vous voir. Le sujet de notre leçon est ...* (Здравствуйте! Я очень рада вас видеть. Тема нашего урока...) - приветствие и переход к тематической части урока нередко находится в непосредственном контакте. Приветствие задает тональность и обуславливает характер последующего дискурсивного развертывания.

Манера входить в класс, жест, которым учитель приветствует учащихся, улыбка имеют важное значение для начала урока. Рассмотрим пример:

- *Ils reconnaissent le caractère d'un professeur à sa façon d'ouvrir une porte. Si j'ouvrais doucement ils me croiraient sournois: «C'est un flic». Si j'ouvrais brutalement: «C'est une vache». J'ouvris donc naturellement. Mais il me foudrait quarante ans de carrière pour savoir ouvrir une porte* [Paul Guth, «Le Naïf aux quarante enfants», 1968, p. 27].

Данный отрывок является примером того, как ученики даже по первому открыванию двери учителем могут определить его характер, настроение. Как от одного, на первый взгляд незначительного движения, могут сложиться определенные отношения между учителем и учениками.

Приветствие как регулярно реализуемый жанр педагогического общения является звеном в цепи учебно-речевых ситуаций, реализующих коммуникативную задачу организации учебно-речевой деятельности.

Стратегия прощания.

Ритуализированным жанром педагогического общения является жанр прощания, который вместе с приветствием составляет коммуникативную рамку урока. Прощание – это финальная ситуация общения, следовательно, имеет большое значение для выхода из контакта и прогнозирования будущих взаимоотношений [Черник, 2002]. Стереотипами невербального ритуала прощания являются тождественные приветствию знаки: ученики встают, учитель обращается к классу со словами прощания. Нейтральными репликами жанра прощания являются широко распространенные стереотипы: *Au revoir!*

Нередко учителя пользуются стереотипами, включающими семантику конца, завершения учебной деятельности, ориентации на предстоящий контакт.

- *Notre leçon va tomber* (Урок подходит к концу).

- *Notre leçon est finis* (Урок окончен).

- *Vous êtes libres* (Все свободны. Можете быть свободны).

Все вышеперечисленные формулы учитель, как правило, сопровождает прощальным движением рукой, взглядом, указывающим на дверь, улыбкой.

Стратегия привлечения внимания.

В ходе урока нередко учитель вынужден привлечь внимание учеников к объясняемому материалу, вернуть к уроку тех ребят, которые отвлекаются, пояснить сложное правило. В данной ситуации не обойтись без различных приемов: указка, ручка, с помощью которых учитель может продемонстрировать, пояснить, выделить. В самый шумный момент педагог прибегает к постукиванию ручкой или рукой по столу учителя или по парте ученика, который отвлекается, не прерывая объяснение. Многие учителя вырабатывают свои невербальные способы привлечения внимания: можно хлопнуть в ладоши, поднять одну или обе руки вверх; суровый взгляд, нахмуренные брови и т.п. помогают успокоить учащихся. Часто прибегают к применению физического воздействия на ученика: учитель может положить руку на плечо ребенку, чтобы его успокоить; погладить по голове, чтобы подбодрить или успокоить. Следующий пример демонстрирует, как учитель смог сочетать приемы доверия, пробуждения гуманных чувств, а также убеждения. Однажды учитель Симон увидел, как его пятый класс играет в школьном дворе в «войнушку». Дети стреляют друг в друга, имитируют ранения. Учитель, увидев все это, сразу же прервал их игру, попросил всех срочно войти в класс и начал разговор:

- *Ecoutez-moi, dit-il, écoutez-moi bien. Alphonse a frappé Jean-Marie. Je veux bien croire qu'il ne l'a pas fait exprès. Pour cette fois, je ne le punirai pas. Je veux vous parler d'autre chose. Alphonse m'a dit: «On jouait à la guerre» ... C'est de cela que je veux vous parler. Il ne faut pas jouer à la guerre. La guerre est une chose horrible. Ce n'est pas un jeu. ...*

Il parla de longues marches et de la vie dans la boue. Un de ses meilleurs camarades, un jeune maître d'école. Il l'avait vu mourir à côté de lui, il l'avait pris dans ses bras, il l'avait porté sous le bombardement ...

La voix du maître était maintenant basse, sourde. Il murmura: «Les villages entiers viennent de mourir, une grande fille au premier rang se mit à pleurer à son tour. Simon fit un pas vers la fille, posa la main sur ses cheveux. Puis Simon reprit la parole:

- Il ne faut pas jouer à la guerre, ni au soldat, ni jouer avec des armes. C'est horrible. Les hommes ne doivent pas se battre. Ce ne sont des bêtes sauvages, les loups qui se battent. Les hommes qui se battent deviennent pareils à des bêtes ...

Il s'avança vers le garçon qui pleurait et caressa sa tête.

- *Vous ne pouvez pas savoir tout ce que cette guerre a coûté. Tant d'hommes morts ! Tant de ruines. Et les blessés, et les mutilés ...*

Il répéta: «Non, non, il ne faut pas jouer à la guerre, ce n'est pas un jeu»

[P. Gamarra, *Le maître d'école*, 2009, p. 54].

Как правило, при этом учитель улыбается. Улыбка, сопровождаемая киванием головой, может побудить к продолжению ответа, если ученик отвечает верно.

Стратегия обращения.

Речевой жанр обращения направлен на контакт с собеседником и отражает фатическую функцию речи, назначение которой в данном случае – установить контакт, привлечь внимание. Имея возможность следить, как воспринимается его речь, изменяется отношение к ней и реагировать на эти изменения, учитель все время контролирует взаимопонимание. Это также усугубляется спецификой сиюминутности дискурса, ситуативной сменой ролей слушающий/говорящий, специфическим адресатом: класс как единый субъект и, одновременно, множественность индивидуальностей слушающих. Речевой жанр обращения обеспечивает адресованность речи. Синтагматическая позиция жанра обращения в соответствии с нормой замещается существительным, называющим адресата.

Выбор формы обращения к ученику показателен. Обращение к ученику выражает отношение к коммуниканту, маркирует статус адресанта. Так, в следующем примере директор школы, войдя в класс, вызвал ученика только жестом. Не назвав ученика по имени, директор показал свое недовольство поступком ребенка и настроил последнего на суровый разговор:

- *Le directeur me fit signe de me lever. J'avais l'air penaud. On n'est jamais très fier d'avoir raté quelque chose* [A. Jardin «Bille en tête», 1993, p. 30].

Не вызывает сомнений, что с помощью слов мы получаем самую разнообразную информацию, в том числе и ту, которая свидетельствует о культуре собеседника. В то же время информацию о том, какой это человек, что он собой представляет, мы получаем через мимику, жесты, интонации. С помощью мимики, жестов, поз выражаются душевная энергия человека, движения, симптомы (например, побледнение или покраснение лица). Тот, кто хочет правильно понимать своих партнеров по общению, должен, прежде всего, изучить различные средства выражения и уметь их корректно и адекватно интерпретировать [Горелов, 1980, с.159].

Характер и формы выражения различных средств общения позволяют нам говорить о существенных отличиях вербальной и невербальной коммуникации. Невербальные сообщения всегда ситуативны, по ним можно понять нынешнее состояние участников коммуникации, но нельзя получить информацию об отсутствующих предметах или произошедших в другом месте явлениях, что можно сделать в вербальном сообщении.

Невербальные сообщения обычно произвольны и спонтанны. Даже если люди хотят скрыть свои намерения, они могут хорошо контролировать свою речь, но невербальное поведение контролю практически не поддается. Учителя же, как хорошие актеры, нередко

пользуются невербальными жестами, оттачивая свое педагогическое мастерство. Жестовая коммуникация используется в целях налаживания контакта с учениками, привлечения внимания к предмету и экономии времени на ненужные выяснения отношений на уроке.

Повторим, что целью педагогического дискурса является социализация нового члена общества (объяснение устройства мира, норм и правил поведения, организация деятельности нового члена общества в плане его приобщения к ценностям и видам поведения, ожидаемым от ученика, проверка понимания и усвоения информации, оценка результатов), а также превратить человека в члена общества, разделяющего систему ценностей, знаний и мнений, норм и правил поведения этого общества. Учитель должен стать примером для молодого поколения.

Библиографические ссылки

1. Александров Д. Н. Риторика: учебное пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2000.
2. Видяпина С. В. Личность как предмет психологической науки // Вопросы психологии. – 1999. – № 1. – С. 36–37.
3. Горелов И. Н. Невербальные компоненты коммуникации. – М.: Лабиринт, 1998.
4. Карасик В. И. Язык социального статуса. – М.: Ин-т языкознания РАН; Волгоградский гос. пед. ин-т, 1992.
5. Ладыженская Т. А. Живое слово: Устная речь как средство и предмет обучения. – М.: Просвещение, 1986.
6. Сопер П. Основы искусства речи: пер. с англ. – М.: Изд-во Агентства «Яхтсмен», 1995.
7. Формановская Н. И. Русский речевой этикет: Практикум вежливого речевого общения / Н. И. Формановская, А. А. Акишина. – М., 2009.
8. Черник В. Б. Фатические речевые жанры в педагогическом дискурсе и тексте урока: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01. – Екатеринбург, 2002. – 196 с.

Л. Ф. Серова

Кемеровский государственный университет

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ СТАЖИРОВКА БЕЛЬГИЙСКИХ СТУДЕНТОВ В КЕМЕРОВСКОМ ГОСУНИВЕРСИТЕТЕ

В данной статье речь пойдет о работе студентов-пятикурсников из Свободного Института Мари-Апс (г. Брюссель, Бельгия) во время их переводческой стажировки при Кемеровском государственном университете.

В настоящий момент, в рамках двустороннего сотрудничества «Валлония-Брюссель и Российская Федерация 2008-2010», ГОУ ВПО «Кемеровский государ-

ственный университет» (г. Кемерово) и Институтом Мари-Гапс, членом Высшей школы Леонардо да Винчи (г. Брюссель), реализуется проект «Повышение компетентности в области международных отношений и, в частности, отношений между Россией и Европейским Союзом». Проект предусматривает работу наших студентов по переводу европейских документов и осмыслению трудных случаев передачи тех или иных европейских реалий и клише, работу преподавателей кафедры французской филологии КемГУ в Институте Мари-Апс, командировки бельгийских и российских преподавателей, соответственно, в КемГУ и Институт Мари-Апс, а также работу бельгийских стажеров в КемГУ с конкретным заданием по переводу. Так, Сандрин Журдан (Sandrine Jurdan) весной 2009 г. за три месяца стажировки выполнила перевод сайта КемГУ на французский язык. Эванжелос Папавассилиу (Evangelos Papavassiliou) весной 2010 г. за такой же срок перевел на французский язык материалы из Музея археологии, этнографии и экологии Южной Сибири, существующего при КемГУ.

Относительно перевода сайта КемГУ сразу отметим, что он выполнен в рамках скопос-теории («скопос» – с греч. - цель). Суть этой концепции, бытующей в современной теории перевода, в том, что переводчик – это, в первую очередь, создатель текстов, с помощью которых предполагается достичь некоторых прагматических целей. Успех перевода, как всякой практической деятельности, зависит от степени достижения поставленной цели. В каких-то случаях цель перевода может быть достигнута при максимальном приближении к оригиналу, в других случаях текст перевода создается для того, чтобы сообщить получателю определенную информацию, убедить его в чем-то, добиться заключения сделки, ввести его в заблуждение и т. д. При этом переводчик выступает не в качестве простого посредника, а как языковой консультант, специалист, хорошо знающий язык, культуру, экономику соответствующей страны и способный создать текст, который нужен для успешных контактов с представителями этой страны [Комиссаров, 1999].

В нашем случае администрация университета поставила перед переводчицей следующую цель – представить учебное заведение в выгодном свете для франкофонов западноевропейской ментальности. Поэтому Сандрин дали *carte blanche*: ей было разрешено что-то менять или даже убирать несущественные, ничего не говорящие иностранцам детали, то есть она не должна была переводить все 100 % информации, а должна была отобрать и перевести то, что будет принято европейцами позитивно, подчеркнет в их глазах значимость и важную роль нашего учебного заведения в Сибири и в России.

Перед тем, как начать переводить, Сандрин ознакомилась с полным текстом сайта – от начала до конца, чтобы иметь общее представление о том, что от нее требуется, какие трудности ее ожидают, каков характер текста и какова терминология, какие модификации потребуются в ходе перевода.

Затем Сандрин проделала определенную работу по компрессии (отбору и соответствующему представлению) существующей на сайте информации. В основном из оригинального текста Интернет-сайта КемГУ в перевод не перешла информация, которая, являясь существенной на местном уровне, не является таковой для европейцев: например, названия районных городов, где расположены филиалы университета, детальный перечень имен и фамилий всех заведующих кафедрами в течение развития и реформирования вуза, повестки дня заседаний Совета университета и т.п. Кроме того, переводчицей опущена информация о политической принадлежности членов администрации КемГУ, т. к. подобные сведения в западной культуре были бы восприняты негативно.

Следующим этапом работы Сандрин стал собственно перевод. Учитывая, что сайт университета включает информацию о самых разнообразных сферах деятельности (наука, юриспруденция, экономика и т. п.), а значит, и разнообразную терминологию (например, в той части, где речь идет об учебных программах факультетов), переводчица столкнулась с большим количеством сложностей, из которых осветим те, что касаются реалий, т. е. понятий, принадлежащих иной культуре.

Вначале остановимся на переводе названий медалей и почетных званий. Будучи носителем западноевропейской ментальности, Сандрин усмотрела в таких номинациях, как «За особый вклад в развитие Кузбасса», «Золотой знак Кузбасса», «Почетный работник высшей школы» и им подобных «советскую высокопарность». Учитывая тот факт, что такие награды, в определенной мере, покажутся странными для европейцев, необходимо было решить, переводить ли вообще эти наименования. Однако принималось во внимание и то обстоятельство, что они несут в себе культурную составляющую, характеризуют нашу систему поощрения работников, в том числе и на областном уровне, что вполне логично в такой большой стране, как Российская Федерация. Ввиду последнего соображения Сандрин решила сохранить названия медалей и перевести их как можно ближе к русскому языку: «*Médaille d'or du Kouzbass*», «*Médaille pour contribution exceptionnelle au développement du Kouzbass*», «*Médaille du travailleur d'honneur dans l'enseignement supérieur*».

Следующей трудностью для переводчицы стали научные звания и дипломы, что также связано с различием культур. Как перевести на французский язык «кандидат наук» и «доктор наук», если во франкоязычной западной культуре нет самих концептов? Понятие «кандидат наук», например, располагается где-то между «*la maîtrise*», ученой степенью, позволяющей участвовать в служебном конкурсе на замещение должности преподавателя средней школы, и «*le doctorat*». Не ища для этих номинаций эквиваленты в своей собственной культуре (тем более, что их там нет), Сандрин обратилась к иным источникам, к Интернету и на сайте МГУ увидела подходящие варианты: просто «*docteur*» для понятия «кандидат наук» и «*docteur d'état*» для понятия «доктор наук».

Еще одной сложностью в работе над переводом Интернет-сайта КемГУ оказались многочисленные сокращения. Надо отметить, что далеко не всегда рядом стоят пояснения, как в следующих случаях: информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), Федеральная целевая программа развития образования (ФЦПРО). Поэтому переводчице пришлось обращаться к работникам университета для прояснения понятий, скрытых за такими аббревиациями, как, например, МРЦПК.

Что касается работы Эвана Папавассилиу, то в его задачу, как уже говорилось, входил перевод материалов из Музея археологии, этнографии и экологии Южной Сибири, существующего при КемГУ. Материалы эти отражают научную работу, которая осуществляется работниками университета, а также описывают экспонаты, находящиеся в музее. По своей тематике они соответствуют двум большим отделам музея: археологии и этнографии Южной Сибири; природы и экологии Сибири. Оригиналы материалов, то есть тексты на русском языке, необходимо было полностью перевести на французский язык. Планируется их использование на сайте музея, для публикации брошюры о музее и на карточках, развешанных около экспонатов в самом музее.

Эван также встретил определенные сложности в своей работе. Первой из них можно назвать тот факт, что сам он специализировался на переводе юридических и экономических текстов и не является знатоком истории, зоологии, географии. Это естественно, т. к. в европейских переводческих школах традиционно готовят специалистов для институтов Европейского Союза, на переводческом рынке которого около 70% текстов - это тексты по экономике и юриспруденции. В связи с этим обстоятельством Эвану пришлось посвятить достаточно много времени знакомству с текстами по зоологии, истории, географии на родном языке, чтобы проникнуться их духом, познакомиться со способом выражения в них мысли, с их синтактикой и стилистикой.

Кроме знакомства с существующей на французском языке литературой по тематике материалов и соответствующей информацией в Интернете, Эван также обращался к специалистам, что необходимо в таких случаях. Удачным был тот факт, что Музей археологии, этнографии и экологии Южной Сибири и корпус факультета романо-германской филологии КемГУ, где находилось рабочее место Эвана, находятся рядом. Поэтому при возникновении вопросов, когда он не понимал в русском тексте те или иные выражения, например, в описании быта (специфических предметов одежды, обуви, утвари) шорцев, телеутов и т. д., он шел к работникам музея и выяснял с ними все, что ему было необходимо. К сожалению, рядом не было подобных специалистов-французов, так как порой он улавливал по контексту или из объяснений суть какого-либо понятия, концепта, местной реалии, но не знал, как это называют французские специалисты. Все это приходилось искать ему самому.

Что же касается трудностей перевода лексики, то, в основном, это связано также с реалиями. Существуют различные приемы в передаче реалий, к которым и прибегал переводчик.

Так, если эти реалии уже зафиксированы во французских словарях в виде заимствований, то к ним не даются какие-либо комментарии, описания, например: казачий атаман - l'ataman cosaque, юрты - les yourtes, православные иконы - des icônes orthodoxes.

Если же это совершенно незнакомые понятия для франкофонов, переводчик тут же кратко и точно поясняет их, как это, впрочем, порой сделано и в русском оригинале:

- Неподалеку от кровати помещена детская деревянная люлька *пебей*. Non loin du lit se trouve également un berceau en bois appelé *pebey*.

- Жилище таежных охотников-собирателей иллюстрирует в этнографической экспозиции *сенек* шорцев к. XIX – нач. XX вв. Dans l'exposition ethnographique, un *senek* chor du XIXème et du début du XXème siècle illustre l'habitat des chasseurs-cueilleurs de la taïga.

- Орудия собирательства: корнекопалка *озуп*, вальки для растирания кедровых шишек *набрык*, ступа *сак* с пестом. Instruments servant à la cueillette: un *ozoup*, outil servant à arracher les racines; un *pabryk*, instrument utilisé pour broyer les pommes de pin et un *sak*, mortier accompagné d'un pilon.

- Такие женские занятия, как ткачество, пошив одежды и ее декорирование отражает представленный в диораме кендырный халат. Ткань *кендырь*, изготовленная вручную из волокон крапивы или дикорастущей конопли, использовалась для пошива рубах, штанов, халатов, шитья голенищ сапог. Les occupations féminines telles que la broderie ou la couture et la décoration de vêtements sont représentées dans l'exposition par les *khalat* (robe traditionnelle longue et large, souvent décorée de motifs) en *kendyr*. Le *kendyr* est un tissu préparé à la main à partir de fibres d'ortie ou de chanvre sauvage et était utilisé pour confectionner des chemises, des pantalons, des *khalat* ou les tiges des bottes.

Особо отметим слово «халат», для которого во французском языке есть готовая лексема (*robe, robe de chambre*), но она обозначает тип современной одежды, а не национальную одежду шорцев. Поэтому переводчик использовал заимствование *khalat*, снабдив его кратким пояснением.

В других случаях Эван передает понятие-реалию через описательный перевод:

Воеводский двор состоит из срубного дома... - la demeure du *chef de la ville* est composée d'une maison en rondin de bois.

На подиуме размещен манекен охотника-шорца на *камусных лыжах*- Dans la vitrine est également exposé le mannequin d'un chasseur chor sur *des skis couverts de fourrure animale*.

Порой Эван передает слово, выражающее реалии жизни автохтонов, с помощью гиперонима:

орудие лучкового боя – *черкан* для ловли мелких пушных зверьков - *pièges* destinés aux petites bêtes à fourrure.

В редких случаях слова-реалии вообще опущены в переводе:

Женские занятия переселенцев представлены прядением, ткачеством и вышивкой через подлинные музейные предметы: самопрялку, гребень для чесания льна, веретено, *образец кудели, холст*, тканые вышитые полотенца и вышитые рубахи из домо-тканого полотна. - Les activités des femmes des colonies russes telles que le filage, le tissage et la broderie, sont représentées par des objets authentiques rassemblés par le musée : un rouet, un démêloir pour peigner le lin, une quenouille, des serviettes tissés et brodées, ainsi que des chemises brodées en toile de ménage.

О трудности для Эвана текстов, наполненных реалиями из жизни хакасов, телеутов и шорцев, свидетельствует тот факт, что некоторые слова и пассажи были истолкованы и переведены на французский язык неправильно, что после совместного прочтения текста с куратором практики было исправлено:

Расположенные в витрине миниатюрные *бубны* чалулар свидетельствуют о формировании на основе родовых верований шаманизма. - *Les poupées* miniatures appelées tchaloular et présentes dans la vitrine montrent que le shamanisme fondé sur les croyances des différents peuples était pratiqué. → *Les tambours* miniatures...

Помощник разбрызгивает *жертвенный напиток* на *четыре стороны света* и ведет за собой жертвенного барана. - Son disciple répand *un liquide mortel* aux quatre coins d'un terrain et amène avec lui un mouton pour le sacrifice. → Son disciple répand *une potion* aux quatre points cardinaux et amène avec lui un mouton pour le sacrifice.

Бескровное жертвоприношение показано с помощью устроенного рядом с диорамой жертвенника сомо из молодых березок с привязанными синими и красными лентами. - Près de la vitrine, un somo, autel construit à partir de bouleau jeune et décoré de bandes bleues et rouges, permet de d'illustrer *les sacrifices*. → Près de la vitrine, un somo, autel construit à partir de bouleau jeune et décoré de bandes bleues et rouges, permet d'illustrer *les sacrifices qui n'exigeaient pas la mort d'un animal*.

Поселение автохтонного населения Сибири представлено макетом средневекового городища тюркоязычных *притомских* тюльберов нач. II тыс. н. э. - Les populations autochtones de Sibérie sont représentées par une maquette d'une ville moyenâgeuse peuplée de Toubalars, peuple turc vivant au bord de la rivière Tomsk, datant du début du 2ème millénaire. → ...vivant au bord de la rivière Tom.

В заключение надо сказать, что переводческая стажировка бельгийских студентов оказалась полезной как принимающей их стороне, Кемеровскому госуниверситету, располагающему теперь текстами Интернет-сайта и материалами Музея археологии, этнографии и экологии Южной Сибири на французском языке, так и самим молодым переводчикам, получившим много полезной информации лингвокультурологического плана о Сибири.

Библиографические ссылки

1. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение: Курс лекций. – М.: ЭТС, 1999. – 192 с.

С. В. Бирюков

Кемеровский государственный университет

**МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЫБОР:
ПРИМЕР РОССИИ И ФРАНЦИИ**

Не являются большим откровением утверждения о глубоком сходстве траекторий политического развития России и Франции. Данная общность распространяется на характер и содержание модернизационного процесса в обеих странах, для которого традиционно были свойственны известная запоздалость, ставка на проведение его силами государства, неравномерность и непоследовательность, а также неизбежно сопровождающий его раскол общества.

Именно поэтому, осознавая условность всех возможных сопоставлений, мы можем провести некоторое сравнение между модернизационным проектом, заявленным президентом России Д. Медведевым и преобразованиями, уже реализуемыми во Франции президентом Республики Н. Саркози.

Прежде всего, бросается в глаза амбициозность как российского, так и французского проекта «национальной модернизации». Так, «План 2020», проводником которого уже заявил себя Дмитрий Медведев, предполагает, что объем российской экономики к указанному году должен вырасти в почти четыре раза – до 5 триллионов долларов, вследствие чего Россия должна войти в пятерку крупнейших экономических держав мира по целому ряду важнейших показателей (наравне с Китаем, США, Индией и Японией) и выйти на передовые позиции в Европе. Планируется также в несколько раз увеличить ВВП, значительно повысить производительность труда и эффективность использования природных и финансовых ресурсов вследствие смены нынешнего экспортносырьевого на инновационный.

Согласно инновационному сценарию, к 2020 году доля высокотехнологических отраслей в ВВП вдвое превысит долю нефтегазового сектора, а Россия станет инновационной державой, одним из лидеров глобальной экономики. Как предполагается, к 2020 году ВВП на душу населения вырастет до \$30000, а реальные доходы населения вырастут на 140 %. Более половины россиян станет средним классом и будет зарабатывать \$1100-1400 в месяц, средняя зарплата вырастет в 2,5 раза до \$1000.

Для этого российская экономика, согласно расчетам, должна прибавлять по 6,6 % в год даже на фоне снижения численности трудоспособного населения: с 89,8 млн. в 2007 г. до 77,2 млн. в 2020 году. Таковы российские планы. Посмотрим, каковы французские.

Николя Саркози, баллотируясь на пост президента Республики, одновременно выступил как политический наследник политики Ширака и – как своего рода «полити-

ческий мессия», призванный вывести Францию из многолетнего политического и социально-экономического тупика.

Однако если в России новая модернизационная стратегия Д. Медведева рассматривается как естественное продолжение «плана Путина», а его имидж – как более либеральный и ориентированный на партнерское взаимодействие с Западом, то формирование идеологии «нового модернизационного курса» во Франции протекает куда более проблемно и неоднозначно.

Так, достаточно спонтанные попытки президента Саркози обновить Францию с помощью серии «прорывных инициатив», среди которых наиболее заметными стали объявление «политики цивилизации», ставка на повышение «покупательной способности», идея «морализации финансового капитализма», вкуче с шокировавшими партнеров Франции по ЕС геополитическими инициативами не создавали образа «целостной картины преобразований». Однако вскоре подобная картина появилась.

Но наиболее ощутимым шоком для политических и интеллектуальных сообществ Франции стала публикация «300 предложений по изменению Франции», представленных как результат долгой и кропотливой работы так называемой «комиссии по стимулированию экономического роста» под руководством известного апологета глобализма («мондиализации») Жака Аттали, которая работала над своим итоговым продуктом в течение шести месяцев, начиная с 30 августа 2007 года.

Представленная ею разработка стала одним из наиболее глубоких аналитических документов, появившихся в течение тридцати лет – начиная с классического труда Малинво-Карре-Дюбуа «Экономический рост во Франции» (1972) до знаменитого доклада Мишеля Камdessus в 2004 году.

Для подготовки столь масштабного аналитического доклада старый приятель президента Митеррана, известный своей приверженностью глобализму, Ж. Аттали окружил себя 42 персонами, представляющими интеллектуальную, политическую и экономическую элиту Франции и Европы, среди которых президент Французской Ассоциации крупных предприятий Анн Ловержон (Areva), вице-президент Мирового банка испанка Ана Паласио, президент Миланского университета Бокони Марио Монти, профессор экономики Гарвардского университета Филипп Ажион, видный британский экономист Теодор Зелдин, журналист «Монд» Эрик Буше и другие видные интеллектуалы.

Подобный широкий круг экспертов из разных областей позволил, по мнению самого Аттали, охватить в аналитическом докладе все ключевые аспекты социально-экономической и политической жизни современной Франции.

Диагноз для весьма амбициозных французов получился весьма неутешительным.

Так, вводная часть к докладу «комиссии Аттали» признает значительное отставание Франции от других стран-членов ЕС в деле контроля за публичными расходами, модернизации системы управления и создании современной инфраструктуры.

По мнению авторов доклада, Франция все еще остается обществом привилегий, а публичные расходы в ней выше, чем в любой другой из развитых стран. Французская система образования, по заключению комиссии, давно понизила свое качество и перестала быть эталонной в мировом масштабе.

Вследствие указанных причин, по мнению Аттали и его коллег, французское общество утратило необходимую для современных условий социальную динамику, а годовые темпы экономического роста упали за последние 40 лет с 5 до 1,7 %. Средний француз, производя в час все еще на 5 % больше, чем средний американец, в течение своей активной жизни в конечном счете производит на 35 % меньше. Будучи ограниченным в своей жизни разнообразными корпоративными перегородками и бюрократическими ограничениями и имея гарантированную государством 35-часовую рабочую неделю в увязке с весомым социальным пакетом, рядовой француз явно не склонен к инновациям и мобильности, что приводит к упадку все основные сферы жизни Франции.

Все это, по мнению членов комиссии, требует проведения либеральных реформ, преследующих «восемь амбициозных целей».

1. Подготовить молодежь к экономике, основанной на современных знаниях и готовности к риску.
2. Стать активным субъектом «мирового экономического роста» и стать «чемпионом» «нового роста».
3. Повысить конкурентоспособность французских предприятий, и прежде всего предприятий высокотехнологичного сектора.
4. Построить общество «полной занятости».
5. Отказаться от психологии рантье, уменьшить привилегии и всемерно способствовать повышению общественной мобильности.
6. Создать новую систему государственной и общественной безопасности в условиях нарастающих угроз.
7. Создать качественно новую систему управления, всемерно способствующую целям роста.
8. Не жертвовать интересами будущих поколений ради поддержания современного уровня благосостояния.

Будучи либеральным по своей сути документом, доклад комиссии Аттали заимствует ряд положений из идейной платформы и политической практики скандинавской социал-демократии, как, например, создание агентств по оказанию публичных услуг (из опыта Швеции) или использование практики персонального вознаграждения потенциального работника на период поиска «рабочего места» (из датского опыта).

Наряду с этим, предвосхищая неизбежно жесткий характер трансформации существующей во Франции системы «государственного социализма», комиссия Аттали делает ряд реверансов в сторону слоев, являющихся жертвами «современного консер-

ватизма» и «наиболее нуждающихся в росте» – малоимущих, безработных, молодежь, всех бедных и исключенных из рынка труда, и в более широкой перспективе – французский «средний класс», живущий сегодня только на свои «трудовые доходы».

При этом, обращаясь к французским властям как к потенциальным заказчикам вышеописанной программы, члены комиссии Аттали заранее обуславливают, что представленная ими разработка не представляет собой «ни простой перечень мер, часть которых правительство могло бы использовать в своей деятельности, ни конкурс оригинальных идей, обреченных остаться на периферии политики», но, напротив, является собой «взаимосвязанный ансамбль, где каждая часть артикулирована с другой и каждый элемент имеет ключевое значение для успеха всего предприятия».

Квинтэссенцией программных разработок Аттали и коллег является уменьшение стоимости труда; открытие для механизмов рыночной конкуренции прежде закрытых профессий; налогообложение части расходов, направляемых на социальные цели; снижение публичных расходов со снижением финансового участия государства; уменьшение финансирования публичных коллективов.

Среди других, более частных мер пристальное внимание на себя обращают такие инициативы комиссии, как переоценка знаний учеников с учетом факторов рынка и глобализации; новые формы контроля уровня подготовки преподавателей учебных заведений; упразднение «школьной карты» (что позволит родителям учащихся «свободно выбрать место обучения для ребенка»); введение новых механизмов аттестации университетов; развитие частного сектора в образовании; новый порядок аттестации публичных служб; упразднение коммерческих судов и ниш в налоговом законодательстве.

Французская система «государственного социализма» и «публично-корпоративная модель» еще ни разу не сталкивались с таким мощным идеологическим и политическим вызовами. Ибо никогда за весь указанный период времени французское общество не востребовало так явно умеренно-консервативную программу, и никогда еще не были так слабы в идейном и политическом смысле ее главные оппоненты – французские социалисты.

Однако как мощные традиции «левого мышления», так и глубокие «укорененность» и инерционность французских политической и социально-экономической систем создают ощутимые препятствия для реализации столь глубоких и масштабных преобразований.

Отнюдь не случайно, что предложения комиссии Аттали были обнародованы в тот момент, когда во Франции достаточно явно проявились сомнения в эффективности первой части мер правительства, направленных на перевод на рыночные «рельсы» системы образования и сокращение числа занятых в публичных службах, а президент Саркози захотел бы как можно быстрее перейти к осуществлению второй фазы преобразований, для чего ему было необходимо мощное «идеологическое подспорье».

Тем более что уже целый ряд мер, предпринятых правительством Фийона вполне выдержаны в духе экономического либерализма «а ля Аттали» и означают фактиче-

ский конец существующей модели «французского социализма». Среди них - либерализация системы распределения; дерегулирование экономической деятельности муниципалитетов; перевод на «рыночные рельсы» системы образования (законодательство об университетской автономии, фактически лишаящее университеты финансовой опеки государства, а их преподавателей – статуса государственных служащих); запланированное сокращение публичных расходов.

Вместе с тем, реализация ряда других мер, заложенных в программе комиссии Аттали, неизбежно поставит Саркози перед неизбежностью политического противодействия со стороны различных групп общества.

В числе этих «небесспорных» положений – тезисы Аттали и его коллег о необходимости демонтажа французской модели корпоративизма, упразднении департаментов и облегчении процесса иммиграции во Францию (при уже существующих в этой сфере проблемах!).

В конечном счете, итоговый выбор курса и судьба программных наработок Аттали и его коллег остается в руках французских президента и правительства, которые могут использовать программу Аттали не только и не столько как практическое руководство, сколько как идеологическое прикрытие реализуемых мер.

В этой связи возникает вопрос, готовы ли французское общество и французская политическая элита воспринять модернизационные импульсы и осуществить весьма амбициозные, но при этом и весьма болезненные реформы? И возможны ли здесь аналогии с современным состоянием России как страны, готовящейся к собственному «модернизационному рывку»? Какие условия, по мнению автора, необходимы для этого?

Во-первых, высокий уровень эффективности государства как ключевого инструмента проводимых преобразований.

Во-вторых, консолидация элиты как «авангардного» политического класса, способного стать генератором реформ.

В-третьих, высокий уровень консолидации нации на ценностно-идеологической основе, что будет обеспечивать проводимость реализуемых автором политических и социально-экономических инноваций.

В-четвертых, наличие у власти действительно масштабного плана преобразований, затрагивающего все основные сферы жизни общества и главное – отвечающего насущным социальным интересам самых разных слоев и пользующегося поддержкой общества.

На взгляд автора, все вышеназванные условия как таковые отсутствуют как во Франции, так и в России.

Если во Франции кризис государства и в целом политической системы Пятой республики, построенной на принципах «неделимой республики» и «административного централизма», проявляется публично и все более явно, то в России внешняя консолидация и укрепление на «вертикальных» принципах государственной власти не со-

проводятся повышением ее общей эффективности и устойчивости перед лицом потенциальных кризисов, что способно создать проблемы в будущем.

В свою очередь, если во Франции раскол правящей элиты очевиден как по идеологической линии «правые-левые», так и внутри партии Саркози, то в России внешняя консолидация политического класса сопровождается отсутствием реального идеологического консенсуса и наличием глубоких скрытых противоречий «внутрикорпоративного характера» (внутри «партии власти» по «группам интересов» и по линии «центр - регионы»).

Наряду с этим, Франция переживает сегодня острейший со времен де Голля кризис общенациональной политической идентичности, связанный не только с противостоянием, но и с исчерпанностью традиционных версий «правой» и «левой» идеологий.

Невероятное для Франции политическое «торжество» «правых» с их намерением в корне изменить сам образ жизни страны чреват расколами, по сравнению с которыми выступления студенчества и обитателей «цветных пригородов» могут показаться «легкой разминкой» перед основными «социальными битвами». Россия, с ее видимым общественно-политическим единством, так и не преодолела сегодня социально-политического раскола и атомизации 1990-х годов, что грозит ей, в случае сколь угодно масштабного политического и экономического кризиса, масштабными потрясениями, не уступающими французским.

Итак, констатируем. Франция и Россия имеют масштабные и амбициозные планы развития на обозримый политический период. В то же время реалистичность этих проектов и их реализуемость как таковая остаются под большим вопросом - в силу непроработанности либо практического отсутствия механизмов их реализации, а также в связи с отсутствием у элит обеих стран ясного образа будущего.

Таким образом, сравнение политической ситуации во Франции и России накануне модернизационного рывка, от которого зависит судьба самих этих государств и наций, показывает, как трудны реформы в расколотом обществе, в условиях «несолидарного» характера элиты и раскола в обществе, где сложилась устойчивая традиция преобразований «сверху» при слабых традициях «гражданской самоорганизации» и низкой активности граждан.

Наконец, неизбежно ставится под сомнение сама «проводимость в жизнь» либеральной стратегии в странах, имеющих глубокие государственнические и левые политические традиции.

Так или иначе, Франция начала масштабную политическую и социально-экономическую модернизацию несколько раньше России, благодаря чему российская элита имеет возможность анализировать французский опыт, дабы не преумножать собственные ошибки.

Однако итоговые решения неизбежно будут приниматься исходя из собственной политической традиции и интуиции, ибо процесс национальной модернизации, как из-

вестно, всегда уникален по своему содержанию и не допускает механического заимствования чужого опыта.

Российская модернизация: через тернии к возрождению страны?

Все перечисленные французские проблемы, разумеется, не идут ни в какое сравнение с современными проблемами России, переживающей сегодня многочисленные порождения 1990-х в виде «летальной демографии», деиндустриализации, разрушения социальной сферы и подрыва «социального капитала»; если Франция пытается выйти из-под тенет «государственного социализма» и «административного централизма», то современная Россия с трудом и в основном «по наитию» преодолевает последствия поспешного «ухода государства» и «стихийной децентрализации» предшествующего десятилетия. Россия на сегодняшний день исчерпала все возможности для «половинчатой» и «верхушечной» модернизации. Ибо модернизация – процесс создания и воспроизводства современных форм экономической, социальной и политической жизни, что предполагает создание механизма воспроизводства инноваций и распространение последних на все социальные страты и сферы жизни общества. Поэтому особенно важно разобраться, в чем же состоит специфика модернизационного процесса применительно к России.

Россия – страна незавершенной буржуазной революции (ибо нельзя считать таковой вульгарную имитацию февраля 1917 года), благодаря чему не произошло эмансипации гражданского общества от государства, вследствие чего именно последнее является главным инициатором и проводником модернизации в России. Это, в свою очередь, породило еще ряд важных следствий:

1. Российская модернизация традиционно осуществлялась «сверху», развертываясь от Центра к периферии, что предполагало насилие и принуждение со стороны «реформаторского и революционного авангарда» в отношении консервативного большинства общества.

2. Российская модернизация предполагала ломку и одновременно эксплуатацию государством традиционного уклада и ресурсов – трудовой этики, лояльности к власти и коллективистского сознания русского крестьянства, которое нередко выступало объектом «экспроприации» со стороны государства, вынося на себе основную тяжесть процесса преобразований.

3. Данное обстоятельство, в свою очередь, предопределило фрагментированный и непоследовательный характер многих попыток российской модернизации, не создававших механизмов воспроизводства модерна и распространения его достижений на все сферы жизни общества.

На взгляд автора, Россия на сегодняшний день исчерпала все возможности для «половинчатой» и «верхушечной» модернизации, которая может обернуться лишь нарастанием хаоса и процессов деградации. Едва ли возможна традиционная для России модернизация «коллективистско-мобилизационного типа», ибо разрушен ключевой соци-

альный и культурный ресурс, необходимый для модернизаций подобного вида, – русский патриархальный уклад, традиционно отождествляемый с деревней и крестьянством.

Советский вариант модерна, продемонстрировав целый ряд достижений и претендующий на охват всей совокупности общественных отношений, в то же время обнаружил свою известную ограниченность (дефицит гибкости и ограниченную способность к эволюционному развитию вследствие ставки на мобилизационные механизмы в первые советские десятилетия) и был в итоге отвергнут. В то же время в рамках «советской модернизации» были созданы человеческие, организационные и материальные ресурсы, позволявшие (в чем автор полностью согласен с С.Кургиняном) реализовать проект «постсоветской модернизации», использующей достижения советского периода для качественного рывка с существенным повышением эффективности политической и социально-экономической систем.

«Перестройка», перечеркнувшая надежды на осуществление постсоветской модернизации, обернулась «имитационным симулякром», имеющим своей целью передел власти и собственности ценой демонтажа власти и самого Советского Союза руками прежнего «правлящего номенклатурного класса» и связанных с ним общими интересами «антисистемных групп». «Либеральный модерн», связанный с реформами 90-х годов, оказался очевидной химерой, опрокинувшей страну в криминальную архаику и демодернизацию. В этой связи возникает вопрос: возможно ли осуществление проекта комплексной модернизации в современных условиях? Существует ли для этого необходимые условия и ресурсы?

По глубокому убеждению автора, единственной конструктивной альтернативой процессам нарастания хаоса или распада может являться только национальная модернизация – то есть процесс создания социальных, политических, экономических и идеологических форм, позволяющих русским обрести форму политической нации и дать достойный ответ на современные «вызовы истории». Все остальные «промежуточные» и «умозрительные» варианты модернизационного проекта означают упадок, угасание и итоговый распад исторической России.

На мой взгляд, национальная модернизация применительно к условиям России предполагает решение следующих основных задач.

Во-первых, превращение России в полноценное национальное государство – то есть в консолидированный властно-политический субъект, в институт, отождествляющий себя с российской политической нацией, с ее историей, культурой, интересами и долгосрочными целями развития.

Во-вторых, консолидация русских (и шире – россиян) как политической нации – то есть гражданско-публичного актора и субъекта, способного к историческому развитию и политическому самоопределению в рамках национально-государственного проекта.

В-третьих, формирование и консолидация национальной элиты – то есть политического слоя (класса), способного сформулировать и добиться реализации стратегических целей национального развития.

В-четвертых, создание национальной модели гражданского общества – то есть общности публичного характера, способной стать консолидированным субъектом национального развития на основе механизмов мобилизации и самоорганизации.

В-пятых, последовательная модернизация экономической, политической и правовой систем, делающих их способными к саморазвитию и дальнейшему обновлению.

В-шестых, превращение России в геоэкономического и геополитического актора глобального масштаба, повышение ее конкурентноспособности и общего статуса в системе международных отношений. В свою очередь, возникает вопрос о том, какие условия необходимы для успешной реализации модернизационного проекта в России?

Во-первых, для этого необходима общенациональная идеология (основанная на фундаментальной национальной идее), выражающая долгосрочные национальные интересы и цели.

Во-вторых, тесно связанный с последней, политический проект – совокупность стратегических целей и задач, сформулированных властью и доведенных до общества через механизмы публичной политики.

В-третьих, наличие легитимной общегосударственной власти и национального лидера.

В-четвертых, ориентированный на цели развития политический класс («элита развития»), который способен консолидироваться и обновиться в процессе реализации модернизационного проекта.

В-пятых, наличие эффективного властно-политического механизма, способного стать инструментом проведения модернизационного проекта в жизнь.

В-шестых, наличие гибкого и адаптивного механизма «обратных связей» между властью и обществом, создающего благоприятную социальную среду для осуществления задуманных преобразований.

Наряду с этим, для успешной реализации модернизационного проекта любой из стран необходимо преодолеть ряд кризисов, периодически возникающих в рамках политической системы, среди которых наиболее значимыми являются кризис управления, кризис легитимности, кризис проникновения (проводимость принятых политических решений) и кризис системы обратных связей.

Присутствуют ли в современной России все вышеперечисленные предпосылки для модернизации? Ответ автора на этот вопрос будет скорее отрицательным.

Идеология как ключевая предпосылка модернизации отсутствует по причине отсутствия конструктивного ценностного консенсуса в обществе и в элите (ибо «идеология выживания и воспроизводства» правящей элиты, которая называется «консерватизмом» – плохой фундамент для модернизационных начинаний).

Политический проект как системная совокупность стратегических целей и задач на сегодняшний день отсутствует, в то время как некоторая условная идея «стабильности» вкупе с официальными патриотическими лозунгами таким проектом считаться не может.

Легитимность государственной власти имеет по преимуществу персонализированный характер, весьма слабо распространяющийся на отдельные институты и политическую элиту в целом. Легитимность Путина как национального лидера не вызывает сомнений, однако его персональный политический потенциал сдерживается многочисленными скрытыми «блокировками» и «противовесами» внутри политической системы.

Современная российская политическая элита выступает сегодня не как «сообщество развития» с определенной стратегией и миссией, но как «сообщество выживания», ориентированное на сугубо конъюнктурные интересы и цели, а не на задачи модернизации.

Властно-политический механизм в виде единой вертикали власти внешне выглядит монолитным и неограниченно-эффективным, однако его способность успешно решать существующие проблемы в условиях назревающего «системного кризиса» выглядит достаточно спорной.

Механизм обратной связи между обществом и властью сегодня ослаблен и недостаточно эффективен из-за «корпоративной замкнутости» российской элиты, а также из-за многочисленных явных и скрытых «блокировок» на разных уровнях власти и управления.

Что же касается проявления в современной России «кризисов развития», препятствующих успешному осуществлению модернизационного проекта, то и в этом отношении современная ситуация выглядит не лучшим образом.

Так, в России на сегодняшний день нет явного кризиса управления, но уже видны «пороги управляемости» многих ключевых подсистем и процессов, что грозит вылиться в уже упоминавшийся «системный кризис».

Кризис легитимности также явно не проявляет себя, однако при всей внешней устойчивости имиджа российской власти происходит его постепенное «размывание» в связи с ее «ограниченной способностью» решать проблемы в условиях развертывающегося кризиса.

В то же время имеет место быть кризис проникновения, поскольку при внешнем консенсусе в элите и обществе управленческие импульсы и инициативы, генерируемые государственной властью, не становятся «руководством к действию» для различных сегментов правящего класса и не доходят до различных слоев и групп российского общества.

Наряду с этим присутствует в современной России и кризис системы обратных связей, проявлением которого является нарастающий «абсентеизм» на выборах и общее снижение масштабов политического участия.

Какой же может быть в складывающихся условиях роль научного сообщества? Отвечая на призыв российской власти к модернизации, научное сообщество не должно позволить «заболтать» эту сложную и комплексную проблему, осмыслить предпосылки и возможные пути реализации модернизационных инициатив, обозначить препятствия, возникающие на пути их реализации. И главное – донести эти знания до общества и власти, в руках которых находится сегодня возможность стратегического выбора и право на принятие поистине судьбоносных решений, которые сделают модернизацию возможной либо

лишат ее всякой перспективы. И по максимуму, в идеале – сформулировать и предложить комплексный модернизационный проект, принимающий во внимание как современное состояние, так и долгосрочные интересы современного российского общества. Ибо альтернативой модернизации в современных условиях может быть только углубляющийся системный кризис, грозящий обрушить многовековое здание российской государственности, что, безусловно, станет трагедией для всех населяющих Россию народов.

А. М. Барсуков

Кемеровский государственный университет

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ КАК ФАКТОР РЕГИОНАЛИЗАЦИИ БЕЛЬГИИ

Бельгия – сравнительно молодое государство, особенно с учетом недавно утвердившейся в ней федеративной модели государственного устройства. Она возникла в 1830 году как независимая парламентская монархия, пережив за недолгий период своей истории ряд глубоких трансформаций. Тем не менее, исторически Бельгия как государство формировалось на основе полиэтничности. А. С. Намазова, исследуя эволюцию государства и образование народностей, приводит следующее объяснение истоков формирования двух народностей – валлонской и фламандской. Белгами (лат. *Belgae*) они называли группу племен северо-восточных галльских кельтов, которые населяли Северную Галлию на просторах между Сеной, Северным морем и Рейном, а также часть западного побережья Британии. К основным племенам белгов принадлежали амбианы, белловаки, свессиины, ремы, атребаты, виромандуи, морины, менапии, нервии, секваны, велиокасы, адуатуки, токсандры, эбуроны и треверы. По мнению К. Жюлиана, первые племена белгов осели на означенных территориях около 300 г. до н.э. Эбуроны и их соседи чисто германского происхождения появились здесь около 150 г. до н.э. Белги оказали ожесточенное сопротивление легионерам Гая Юлия Цезаря. После десяти лет войны Цезарь создал римскую провинцию Белгику. Современная Бельгия составляет лишь часть территории древней Белгики. Многие этносы потеряли свою самобытность в результате смешения с другими племенами. Такие племена северных белгов, как эбуроны (Лимбург и Льеж), кондрузы (Кондроз), церозы (область Прюм), пэманы (Фамен), сегны (верхняя часть долины Урт) и адуатуки (Намюр), восприняли немало германских элементов. Бассейны рек Шельда и Маас были заселены только народами кельтской группы – нервиями (юг Брабанта и Эно), менапиями (Фландрия и Северный Брабант), морины (область Теруаня) и атребатами. После завоевания Белгики германскими племенами франков и упадка Римской империи в V веке племена подверглись сильной романизации на юге. В результате утраты первоначального языка и кельтских традиций образуется валлонская народность. Север же Белгики дольше со-

хранял свою кельтскую самобытность, которая усилилась после завоевания страны в V веке франками, фризами и саксами. Смешавшись с северокельтскими, частично романизированными племенами, германоязычные франки, фризы и саксы положили начало второй народности Бельгии – фламандцам. Необходимо отметить, что этнолингвистические границы от Кельна до Булонь-сюр-Мер сохранились до наших дней практически без изменений [1, с. 15-17].

Вместе с тем Бельгия обычно описывается в политической литературе как характерный пример консенсусной демократии. Бельгийское общество сегментировано по трем линиям разрыва, первоначально по религиозной, и после этого – социально-экономической и лингвистической, на основе которых формируются политические партии и складывается трехпартийная система, дополненная с начала 1960-х годов этнорегиональными партиями и общественно-политическими организациями. Страна имеет парламентарное устройство. Пропорциональное представительство было введено в 1899 году. Как отмечалось ранее, лингвистическое разделение было подчеркнуто переходом экономического преобладания от Валлонии к Фландрии, приведшего к масштабным институциональным трансформациям.

На протяжении всего существования Бельгии как независимого государства (то есть с первой трети XIX века) противоречия между фламандской и валлонской ее частями являлись серьезным дестабилизирующим фактором в политической жизни страны, конфликты между ними достигали порой чрезвычайно высокого накала вплоть до начала 80-х годов прошлого века. Конфликтность питала и первая Конституция Бельгии 1831 года, которая законодательно закрепила ее унитарную государственную структуру и объявила французский язык единственным общегосударственным. В XIX и в самом начале XX века главную роль в поддержке этнолингвистической и политической стабильности в стране играли королевская власть, католическая церковь, вокруг которых объединялись национально-политические элиты. Культурно-лингвистические интересы фламандской аристократии и буржуазии полностью совпадали с интересами валлонской знати и были ориентированы на общеевропейские стандарты в этой сфере. Этнолингвистические, социально-экономические, идейно-политические различия между Валлонией и Фландрией определили достаточно глубоко «биполяризацию» бельгийского общества. В достижении национального консенсуса в обществе, наряду с королевской властью и церковью, самую активную роль стала играть сформировавшаяся на тот момент в стране трехпартийная система. Ее образовали католическая, социалистическая и либеральная партии.

Будучи унитарным государством с момента основания, Бельгия начала трансформироваться в направлении федерализма с 1970 годов. Ее сегодняшняя модель государственного устройства имеет биполярный и асимметричный характер, который базируется на двух различных видах федеерируемых единиц: три региона (Фландрия, Валлония и столица Брюссель), которые наделены собственной компетенцией в эконо-

мической области, три языковых общины (нидерландская, франкофонная и германоязычная), которые наделены компетенцией в социально-гуманитарных вопросах (культура, социальная политика и образование). Регионы были формально созданы в 1970 году, и с 1980 года (с 1989 года также в отношении Брюсселя) были созданы автономные регионы Фландрия и Валлония, получившие собственные органы исполнительной и законодательной власти. Последующая передача властных компетенций от Центра к регионам произошла в 1988 году. В 1993 году Бельгия стала первым федеративным государством, что было ознаменовано первыми автономными выборами в регионах. Регионы и общины были добавлены к уже существующим уровням административного управления и заняли свое место в сложной иерархии между федерацией, провинциями (10 провинций начиная с 1993 года) и коммунами (589) [2, с. 3-6]. Регионы несут полноту ответственности за экономическое и в целом региональное развитие, защиту окружающей среды и жилищ. Их компетенция расширилась в 1988 году, включив в себя проблемы общественного транспорта, общественные работы и защиту лиц наемного труда [3, с. 139-152].

Помимо этого, надо помнить, что Бельгия – одна из стран-основательниц ЕС. Ее активное участие в процессах евроинтеграции базируется на идеологии федерализма и национальном консенсусе, приверженность которым публично никогда не ставилась под вопрос. Бельгия являет собой модель «плюралистического общества», которое, согласно определению, включает в себя значительные этнические группы, живущие в рамках единой социальной, экономической и политической системы, сохраняя при этом существенные культурные различия. При этом одним из ключевых факторов бельгийской политики является прогрессирующий фламандский национализм, которому противостоит сравнительно медленно набирающее силу движение франкофонов – явление, имеющее глубинные истоки и сложную, комплексную природу. Для его более глубокого понимания следует рассмотреть современные научные подходы к таким явлениям, как этничность и национализм.

Первый из них – так называемый примордиалистский (от итальянского *primordiale* - изначальный) – рассматривает национальную принадлежность как изначальное свойство любого человека. С точки зрения сторонников этого подхода, этнические общности (народы) существуют объективно, независимо от желания и сознания отдельных людей и представляют собой устойчивые образования с общей территорией, языком, самосознанием и типом психологии. К этому подходу соответственно тяготеют расовая теория и разно-образные биологические толкования природы этнического, а также (с известными оговорками) – психологические теории природы этноса.

Второй распространенный среди современных этнологов подход - социологизаторский - рассматривает национальность и сознание принадлежности человека к определенному народу как результат социализации. В процессе такого воспитания, как считают приверженцы этого подхода (Э. Геллнер, П. Брасс, Дж. Андерсон, В. А. Тишков и

др.), человеку внушают миф об общем происхождении и тесной кровной, культурной и исторической связи (общая судьба) всех представителей того народа, к которому он принадлежит. На самом же деле, как считают сторонники данного подхода, народ - это «воображаемая общность» (т. е. никаких постоянных и устойчивых скреп у него нет), а национальность – «идеологическая конструкция» («национализм изобретет нации там, где они не существуют»). Поэтому человек современного общества может свободно определить свою национальную принадлежность в зависимости от культурных предпочтений либо не выбирать никакой.

При этом виртуальное конструирование этносов отнюдь не безобидно, а скрывает корыстные цели национальных элит и заинтересованных групп, как об этом написал П. Брасс в своей книге «Этничность и национализм»: «Этничность и национализм – это не данность. Они представляют собой социальные и политические конструкции... Это создания тех групп, которые извлекают, искажают и иногда даже фабрикуют материалы из культур тех групп, которые данные элиты стремятся представлять, чтобы защитить свое благосостояние или существование, добиться политических и экономических преимуществ для соответствующих групп, а также для самих себя».

Понимаемый сегодня не в качестве социальной дисфункции, но в качестве особой политической и пропагандистской технологии, «сконструированный» лидерами национальных движений национализм способен выполнять ряд значимых общественно-политических функций:

1) **интеграционную** – последний способствует интеграции этнических общностей в ситуации угрозы, кризиса и масштабного «исторического вызова»;

2) **стабилизирующую** – на время способствует стабилизации политических систем благодаря консолидации вокруг национальной идеи;

3) **идентификационную** – позволяет индивиду определить свою национальную идентичность посредством соотнесения с националистической (национальной) идеологией, содержащимися в ней идеями и ценностями;

4) **мобилизационную** – осуществляет этнополитическую мобилизацию благодаря выдвижению этнополитических программ;

5) **программирование этнических действий** – формулирует программы и повестку дня для национальных движений;

6) **патерналистская (защиты национальных интересов)** – активно претендует на защиту ущемленных интересов этнических групп, мобилизует для этих целей общественное мнение, людей и ресурсы.

В силу комплексной и неоднозначной природы национального самосознания имеет смысл провести четкое различие между формальной принадлежностью к нации с конституционно закрепленными правами, и индивидуально избираемой индивидом этничностью – с другой. Это налагает как на сами социальные науки, так и получаемые ими результаты обязательство рассматривать в дальнейшем этничность не как

непосредственно установленную и объективную величину, но социально сконструированный феномен, то есть как продукт исторически изменчивого процесса социального развития [4].

В силу сказанного выше изучение фламандского национального движения ставит вопрос о формировании общего подхода к изучению такого распространенного в XX веке феномена, как политизация этничности. Как справедливо отмечает уже цитированная нами С. Ридель, с того момента, как понятие «этничности» стало утверждаться в европейской науке начиная с 19 века, последняя была уже тесно связана с политикой [5].

Как показывают результаты многочисленных исследований в гуманитарных и общественных науках в течение прошедшего столетия, этническое самосознание в каждом отдельном случае является результатом современных общественно-политических процессов. Формирование национального самосознания главным образом зависит от факторов религии и языка, что подтверждают практики легитимации политического дискурса во многих из кризисных регионов Европы [6].

И то, что может быть понято на основе субъективного взгляда на феномен «культурной нации» (Kultur-Nation) как процесс осознания последней своей общей судьбы, одновременно может быть описано в рамках научного подхода как процесс политизации этничности. Понимание же Kultur-Nation как основывающейся в каждом конкретном случае на общих культурных корнях ведет к изменению существующих государственных структур и к перераспределению политической власти в рамках многонациональных государств. Реализация этой цели не способствует мирному сосуществованию народов и узаконивает использование насилия как легитимного средства, содействующего реализации целей национального самоопределения и созданию «образа врага».

Понятие «культурной нации» при этом рассматривалось как опирающееся на три ключевых элемента – общий язык, общую культуру и общую историческую судьбу [7, с. 27].

Приверженцы модели «культурной нации» рассматривали процесс изменения государственных структур через создание однородных в этническом отношении национальных государств, учреждение территориальных автономий или признание коллективных прав меньшинств с признанием объективного характера их этничности.

Наиболее типичными функциями национальных движений на современном этапе, вытекающими из феномена политизации этничности, являются:

Функция этнизации – национальное движение, выступает как движение за сохранение и возрождение (обновление) народа, развитие национальной культуры, языка, других этнических компонентов. Такие движения наиболее характерны для народов, которые в результате ассимилятивных процессов утратили многие элементы своей культуры, испытывают опасение за ее окончательное исчезновение.

Функция политизации – она проявляет себя как движение за политическую независимость и самостоятельность, за суверенитет, за выход из состава страны, за предоставление большего объема власти и расширение прав народа.

Функция деидеологизации (переидеологизации) – национальное движение, выступает как движение за смену идеологических ориентиров общества.

Функция демократизации – оно неизбежно трансформируется в движение за внедрение в жизнь общества демократических начал, перераспределение власти, активное участие граждан в жизни государства и общества, расширение прав и свобод граждан.

Функция плюрализации – национальное движение, заявляет о себе как движение за культурный плюрализм, за создание системы власти, основанной на взаимодействиях и «противовесах» основных партий и организаций. В качестве основных в таких движениях могут быть требования создания кабинета народного доверия, изменения избирательной системы, гарантий представительства в органах власти в соответствии с процентным соотношением в общей численности населения и др.

Что побуждает национальные движения бросать вызовы устоявшейся наднациональной идентичности в рамках государства? В современной этнополитологии существуют различные подходы к объяснению причин возникновения этнических движений. Так, например, концепция «внутреннего колониализма» (М. Хетхер, Т. Нэйрн) объясняет его асимметричным и несправедливым характером многих существующих сегодня этнополитических и этногосударственных движений, превращающим «периферийные» этносы в объект односторонней эксплуатации со стороны доминирующих этносов (например, отношения тутси и хуту в Руанде и Бурунди). Некоторые исследователи (Дж. Ротшильд, А. Турен) видят истоки многих современных национальных движений в отставании некоторых этносов в составе государства от других в процессе модернизации, что вызывает у первых ощущение ущемленности. Некоторые другие (Н. Джха), в свою очередь, связывают возникновение этнических движений с конфликтом этнических групп, мобилизующих этнические общности для реализации своих собственных интересов.

Помимо выделяемых в теории, существуют как объективные, так и субъективные предпосылки возникновения национальных движений. Среди объективных причин следует прежде всего назвать экономические – связанные с падением темпов экономического роста и снижением уровня жизни населения в национальных республиках, исторические – связанные с идеей восстановления некогда утраченной национальной государственности, недобровольным характером вхождения в состав другого государства, угрозой утраты национальной идентичности.

Все перечисленные выше факторы сыграли свою роль в складывании фламандского и - в меньшей степени – валлонского национального движения. Как и в других странах Европы, установленный на фундаменте примордиалистски истолкованного понятия Kultur-Nation статус фламандской этнической общности изначально содержал в

себе значительный конфликтный потенциал, угрожавший мирному сосуществованию народов Бельгии, и неизбежно должен был проявить себя тем или иным образом [8, с. 128-148]. Подобный потенциал традиционно проявляется в условиях модерна, которые заметно усиливают осознание индивидом своей национальной идентичности вопреки протекающим процессам ассимиляции, что само по себе содержало в себе конфликт: «Именно развитие транспорта и коммуникаций, являющееся ключевым элементом модернизации, усилило осознание различными группами-меньшинств своей отличной культурной либо этнической идентичности и угрозы ее сохранению, которую представляет собой дальнейшая интеграция в рамках единого государства» [9, с.88].

Фламандское национальное движение, стремившееся к созданию фламандской «культурной нации» на базе общих этнических корней и языка, изначально бросало вызов как общепольской «наднациональной» идентичности с преобладанием элементов франкофонной культуры, так и валлонской идентичности, которая изначально находилась в двойственном положении, поскольку была тесно связана с якобинской идеей «государства-нации» и не мыслило себя в отрыве от концепции «бельгитюда». Политизация этничности, последовательно осуществляемая идеологами фламандского движения в процессе осуществления вышеперечисленных функций, неизбежно вела к ослаблению Бельгии и ее институтов [10].

Таким образом, Бельгия превратилась в политическую лабораторию европейского федерализма, реализовав на практике модель децентрализованного и «регионализованного» государства, основанного на принципе этнического и лингвистического плюрализма. Бельгийский опыт территориального реформирования выглядел достаточно привлекательно и перспективно – пока идея регионализма, подкрепленная идеологией национализма, не поставила под сомнение само существование национального государства Бельгия. Малое «конфетное королевство» на перепутье исторических и политических путей Европы лихорадит уже который год, пытаясь в одиночку мучиться над «динамизацией» своего многострадального федерализма. Практически никто в Европе не верит, что бельгийцы dosporyтся до окончательного политического развода. В то же время бельгийский «развод» по своему геополитическому масштабу и символической значимости для Евросоюза окажется самым настоящим «ножом в спину» единой Европе. На протяжении долгих лет Бельгия олицетворяла европейскую идею, а потому разлом государства окажется крахом «федеративной Европы», «Европы регионов» и всех прочих Европ – кроме Европы национальных государств [11, с. 175-195].

Таким образом, опыт поиска компромисса в этническом разнообразии Бельгии и построения диалога в федеративном государстве является уроком для современных полиэтнических государств. Специфика эволюции этнорегиональных партий в ракурсе национальных противоречий в Бельгии оставляет открытым вопрос будущего национальных государств в системе европейских политических институтов.

Библиографические ссылки

1. Намазова А. С. Бельгия: эволюция государственности в XVIII-XX веках. – М.: Наука, 2008.
2. Deprez K., Vos L. (eds.). Nationalism in Belgium. Shifting identities, 1780-1995. – London, 1998.
3. Kesteloot C. The growth of the Walloon movement, in: Deprez K., Vos L. (eds.). Nationalism.
4. Dittrich E. – J., Radtke F.-O. (Hrsg.) Ethnizitaet. Wissenschaft und Minderheiten. – Oplanden, 1990.
5. Ridel S. Politisierung von Ethnizitaet in Transformationsgesellschaften // Welt Trends. – 2003. – № 11.
6. Seewann G.(Hrsg). Minderheiten als Konfliktpotential in Ostmittel- und Suedosteuropa. – Muenchen, 1995.
7. Blumenwitz D. Minderheiten- und Volksgruppenrecht. Aktuelle Entwicklung. – Bonn, 1992.
8. Vos L. Shifting nationalism: Belgians, Flemings and Wallons // The national question in Europe in historical context. – Cambridge, 1993.
9. Stone J. Racial Conflict in Contemporary Society. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985.
10. Witte E., Craeybeckx J., Meynen A. Political history of Belgium from 1830 onwards. – Brussels, 2010.
11. Погорельская С. В. Бельгия и Европа. Бельгийский федерализм – лаборатория европейского единства // Актуальные проблемы Европы. – М.: ИНИОН, 2009. – № 3.

К. С. Пузырев

Кемеровский государственный университет

КОРСИКАНСКАЯ ПРОБЛЕМА В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ ФРАНЦИИ

«Единая и неделимая» республика - это понятие, рожденное революцией 1789 года и до сих пор определяющее административное, территориальное и до известной степени национальное устройство Франции. Такой «якобинский» подход к государству означает: полную централизацию управления с максимальным сосредоточением власти в Париже; отсутствие административно-территориального деления по национальному признаку; соединение понятия подданства с понятием национальности. Любой гражданин Франции считается по национальности французом, а не представителем того или иного этноса.

Долгие усилия жестко централизованного государства привели к повальной «франкизации» национальных меньшинств, самобытность и культурно-лингвистические особенности которых никогда не признавались. Повсеместно – в администрации, школе, церкви, военных структурах – господствует французский язык. Молодежь (за исключением сельской), как правило, не знает языка предков. Навязывание французского языка и культуры достигалось во многом силой. Так, в школах (особенно это стало широко практиковаться после Второй мировой войны) учителя, присылавшиеся из других департаментов, запрещали ученикам пользоваться местным диалектом даже между собой. Жертвой подобной ассимиляционной политики стал и французский департамент Корсика.

Значит ли все это, что проблемы национальных меньшинств во Франции исчезли? Отнюдь нет. Особенно остро эти проблемы в наши дни проявились на Корсике, что объясняется совокупностью многих факторов: географических, историко-культурных, этнических, демографических и, конечно, экономических. Достаточно сказать, что указанный регион оставался самым бедным во Франции, доход на душу населения в послевоенные годы был здесь примерно на треть ниже среднего по стране.

Террористические акты в начале 1991 года (взрывы принадлежащей «чужакам» собственности) возродили, особенно в Париже, забытые кошмары и страх, что корсиканский знак «R» станет таким же зловещим символом насилия, как ИРА в Ольстере и «ЭТА» в Стране Басков, что развитие событий на острове пойдет по сицилийскому образцу. Именно по такому образцу, ибо на Корсике активизация сепаратистского движения отнюдь не отменила старого закона кланов, по которому продолжают жить мафиозные структуры. Хотя, конечно, Корсика весьма далека от промышленно-финансового уровня, достигнутого Сицилией. Здесь законы клана действуют в таких вопросах, как землепользование, крестьянская жизнь, собственность, кровная месть за нанесенное оскорбление. На Корсике правовое государство – это «скорее цель, чем реальность», признал генеральный прокурор Бастии. Клановое мышление, «нормальная» преступность, насилие как метод борьбы за свои права слились воедино на Корсике, создав в итоге «горючую смесь».

Правда, в последнее время французская элита готова к определенным подвижкам в государственном устройстве с целью смягчения остроты «корсиканского вопроса». 14 апреля 2007 года в интервью телеканалу France 3 участник президентской кампании Оливье Безансено заявил о том, что «благоприятно настроен к возможности проведения институциональной реформы, которая окончательно гарантирует корсиканскому народу право на самоопределение». Такого настроения, преобладающего с некоторых пор в политической элите Франции: дистанцировать либо вообще оставить Корсику, разорвав неделимое единство республики.

В свою очередь, в 1996 году Раймон Барр, выступая по радио, заявил решительным тоном: «Если корсиканцы хотят независимости, они ее получат!». Однако сколько-нибудь серьезного значения своему заявлению бывший премьер-министр решительно не придавал, оставив в стороне тридцатилетние проблемы, связанные с деятельностью корсиканских индипендантистов.

Между тем, корсиканская проблема продолжала сохранять сугубо маргинальные позиции в рамках французского политического дискурса. Но достаточно единственного «всплеска» корсиканской проблематики, и корсиканский вопрос снова станет центральной темой широких общественных дискуссий. Деятельность террористов, предвыборные манипуляции, уходящие на остров из Парижа

масштабные финансовые потоки снова окажутся в центре общефранцузской повестки дня.

Характерно, что после очередной актуализации вопроса о «независимости» Корсики «остров Красоты» снова приобретает во французском общественном мнении искаженный и невыносимый облик территории, яростно сопротивляющейся республиканскому порядку. Территории, жизнь которой пронизана массой диких обычаев, соединяющих воедино вендетту и омерту, а также немыслимые типы социального порядка, который следует решительно разрушить.

Сколь рано вопрос о независимости Корсики был поставлен в повестку дня, он стал «запасной площадкой» для демагогов и популистов от политики, издателей, производящих дешевые сценарии, либо безответственных ведущих телевизионных передач. Однако ничего, кроме параксизмов абсурда и недоверия представители французских СМИ, действующие подобным образом, не достигают.

Обобщенно позиция французской республиканской и централистской элиты по «корсиканскому вопросу» может быть сформулирована следующим образом: «Если корсиканцы хотят сохранить их страну под сенью Республики, они должны внести свой вклад в установление на острове подлинной законности. То есть восстановить на Корсике правовое государство, не ограничиваясь одними только аплодисментами и речами в честь Конституции и нации. Корсиканцы не имеют другого выхода из существующего положения помимо интеграции во французское общество» [1].

Однако остается вопрос о том, являются ли корсиканцы французами? Вопрос не праздный, он во Франции и особенно на Корсике всегда стоял довольно остро. Напомним, что географически от Франции остров удален больше, чем от Италии (170 км и 83 км).

С античных времен остров входил в сферу влияния различных средиземноморских держав: Этрурии, Великой Греции, Карфагена, Ромы, Пизы, Арагона, Генуи и, наконец, Франции. Его судьба, определившаяся к концу 18 века, складывалась достаточно долго. В 1769 году остров оказался под властью Старого режима на пятнадцать лет. Аплодисменты со стороны «просвещенного» общественного мнения в отношении Корсики были вызваны тем, что корсиканские города постепенно изменяли свои названия на европейский манер (Корсика вместо Корсикана), а родившиеся в этих краях герои проявляли себя на полях сражений за независимость будущих Соединенных Штатов (Паскаль Паоли).

В 18 веке на острове началась война за независимость. Была провозглашена монархия, затем - республика. Национальный лидер Паскаль Паоли считал, что Корсика слишком мала, чтобы оставаться независимой. Поэтому, когда Франция выкупила остров у Генуи (1768 год), а затем дала корсиканцам те же права, что и жителям континентальной Франции (1789 год), Паоли отступил.

Однако уже в 1794 году остров восстал против режима монтаньяров и предался Англии. В 1796 году, после крушения конституционной монархии в Париже и при активном участии итальянской армии, руководимой, между прочим, самим Бонапартом, Корсика была завоевана и снова стала французской. Между тем, осуждение этого присоединения не прекратилось до сих пор – и неслучайно, что еще в 1870 году Клемансо требовал, чтобы республиканское правительство Франции вернуло Корсику Италии.

После крушения конституционной монархии во Франции Паоли подарил Корсику Британской империи, в состав которой она недолго входила. Окончательно Корсика была присоединена к Франции в 1796 году.

Если считать всех родившихся на острове (или тех, у кого там родился отец), общее число корсиканцев составит 400 тыс. человек. Две трети из них живут вне Корсики. Лишь 72% жителей острова являются его коренными жителями, остальные – иммигранты из Алжира и других бывших французских колоний или иностранные рабочие (на Корсике насчитывается 13% иностранцев – самая высокая цифра во Франции). Корсиканцы постепенно утрачивают свою «чистокровность», 82% из них заключают браки с жителями континентальной части страны. Карьеру они делают во Франции беспрепятственно и в самых различных сферах, особенно на государственной службе [2].

В то же время, существует огромное количество фактов, подтверждающих коренное отличие Корсики от остальной Франции. В целом можно охарактеризовать отношения между континентальной Францией и островом как «интеграцию без ассимиляции». Так, еще в 2002 году манеры, особенности поведения и сама логика островитян-корсиканцев заметно отличались от образа жизни, утвердившегося в континентальной Франции. В сравнении с Лотарингией и Франш-Конте (и еще раньше – Савойей), которые стали французскими в том же 18 веке, Корсика сохранила практически все характерные для нее отличия. Следует ли искать причины подобных отличий в особенностях «островной» идентичности или сложившегося на острове клиентарного типа власти? Безусловно, свое влияние на этот феномен оказали оба вышеназванных фактора, но их влияние оказалось более чем сложным.

Действительно, присутствие французского государства на Корсике характеризуется явным бессилием перед местными обычаями, которые видятся экзотическими многочисленным путешественникам или функционерам. В начале 19 века, в период Реставрации, комиссар Констан подтверждал: «Иностранец, попавший сюда, неизменно спрашивал, где он находится – во Франции или в Африке, и могут ли законы, активно применяемые одной из наиболее цивилизованных наций, подойти к агрессивным нравам народа, живущего в горах в соответствии со своими обычаями».

Французская администрация нередко ставила под сомнение свою способность управлять такими сложными территориальными сообществами, как Корсика. Она ока-

залась неспособной остановить насилие и произвол со стороны кланов, обеспечить полноценное действие на острове французских законов.

Как следствие, у центральной французской прессы Корсика вызывает вполне определенные эмоции. Весьма яркую характеристику нравам корсиканского общества дала газета «Экспресс»: «На Корсике преступность всегда была сильнее закона. Ее жители живут в ожидании момента, когда Республика потеряет терпение в отношении событий, происходящих на острове. У Парижа в этом случае не останется иного выбора, помимо возвращения к публичному порядку, без проявлений слабости, подобных компромиссу в духе Клемансо или проведению референдума по модели Барра. В обоих случаях остров станет тем, чем он является де-факто: рассадником беззакония» [3].

«Так или иначе, решение «корсиканского вопроса», каким бы оно не было, предполагает изменение общественных устоев Корсики. И тогда можно будет сказать, что Корсика реально обновилась, отбросит оружие, вложенное в руки бандитов, отбросит свой фольклор и модернизирует свою торговлю» [4].

Среди аргументов, наиболее часто выдвигаемых с целью обоснования необходимости разрыва между Корсикой и континентальной Францией, фигурирует утверждение о «неподъемности» для национального бюджета финансовых средств, выделяемых на поддержку острову.

Как об очевидно наблюдаемом факте писал островной экономист Шарль Веллутини: «В 19 веке развернулись весьма живые дебаты о «цене» острова – тема, которая и сегодня еще полностью не ушла с современной политической сцены». Еще в начале XX века «тигр Клемансо» предлагал продать Корсику «любому желающему» за один «символический» франк. Как резюмировал в выпуске от июня 2006 году эти клише журнал «Капитал», озаглавив свое выступление словами: «Весомые подарки нашим корсиканским друзьям», «они платят меньшие подати, меньше налогов и получают бюджетные субвенции в изобилии» [5].

Подобные суждения выливаются в догму о 1,5 миллиардах помощи, ежегодно направляемых государством «острову Красоты». Периодически появляющиеся в СМИ с целью обоснования «чрезвычайно высокой» цены Корсики, эти цифры, однако, не подкрепляются никаким реальным анализом. Так, в 2003 году совокупная цифра финансовой помощи Республики острову составила 1,525 миллиарда евро. Однако данная сумма представляла собой совокупные публичные расходы островной провинции, которую составили также европейские субвенции, расходы государства и другие статьи. Субвенции же собственно Республики составил лишь 402 миллионов евро – не более четверти от суммы публичных расходов.

Аналогичная судьба была уготована «Специальной инвестиционной программе», вписанной в качестве статьи 53 в закон от 22 января 2002 года. Данная статья предполагала направление 2,15 миллиардов евро на Корсику в течение пятнадцати лет

с целью устранения ее отсталости в области развития инфраструктуры и логистики. Эта сумма неоднократно цитировалась во французской печати с целью подчеркнуть «непомерную цену» острова для налогоплательщиков, забывавшей при этом упомянуть, что треть итоговой суммы (700 миллионов евро) формируется за счет бюджетов территориальных коллективов Корсики – наиболее скромных по своим возможностям среди соответствующих коллективов Франции.

Так ли тяжела и неподъемна «корсиканская ноша» для Республики? В период с 1993 по 1996 годы остров действительно пережил четыре года длительного экономического спада, который стал следствием его чрезмерной зависимости от индустрии туризма, усугубленной девальвацией итальянской лиры. Социальные последствия этого кризиса были действительно очень тяжелыми. Упали доходы домохозяйств, безработица увеличилась с 9 до 16%, превысив на 5% общенациональный показатель. Но главная проблема, связанная с Корсикой, лежала все же в политической плоскости.

В результате долговременной нерешенности ключевых проблем развития острова на Корсике развилось в наши дни одно из самых активных движений за автономию, использующее насильственные методы. Из каждых 100 корсиканцев в начале 1980-х годов десять высказывались за автономию, двое - требовали полной независимости. В значительной степени основой для недовольства являлись социально-экономические причины.

Корсиканский сепаратизм является по своей сути контрмодернизационным и традиционалистским явлением, порожденным тем, что Франция, вместо распространения на остров своих ценностей и установок, продолжала эксплуатировать его как колонию, сохранив к своей выгоде традиционные клиентарные структуры власти и отношения. При этом очевидно, что, в отличие от многих современных регионов Европы, Корсика не в состоянии модернизировать свою экономику и интегрироваться в европейское пространство, минуя Францию.

Решение «корсиканской проблемы» видится в нахождении механизмов реинтеграции Корсики в единое политическое, правовое и экономическое пространство Франции. То есть необходим модернизационный проект, нацеленный на развитии Корсики в разных областях, полноценно и эволюционно интегрирующий ее в правовое, политическое, социально-экономическое и культурное пространства Французской республики.

Библиографические ссылки

1. Albertini A. Faut-il abandonner la Corse? – Paris: Larousse, 2008. – P. 11.
2. Цит. по: "Panorama". 20.01.1992.
3. См.: Express. 2003. 19 decembre.
4. См.: Le point. 2001. 9 novembre.
5. Цит. по.: Albertini A. Faut-il abandonner la Corse? – P. 14.

Раздел 4. МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: РОССИЯ – КИТАЙ

Лю Хун

Даляньский университет иностранных языков (КНР)

ИССЛЕДОВАНИЯ КИТАЙСКИХ РУСИСТОВ-МЕТОДИСТОВ ПО ПРОБЛЕМАМ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ: НОВЫЙ ЭТАП, ПРОБЛЕМЫ И ЗАДАЧИ

Проблемы языка и культуры постоянно привлекают внимание китайских русистов-методистов. С середины 80-х годов XX века ученые начали активно исследовать эти проблемы, встречающиеся в процессе обучения китайских студентов-филологов.

Новый этап исследовательской деятельности китайских русистов-методистов по проблемам языка и культуры

С возникновением новых направлений и идей в конце XX века китайские ученые начали заниматься такими вопросами, как логоэпистема, национальный социокультурный стереотип, языковая личность, языковое сознание, языковая картина мира, концептосфера, лингвокультурологическое поле, прецедентные феномены и т. п. Выявлены главные направления, методология и аппарат терминов в проблемах языка и культуры на основе научных работ ведущих российских ученых в этой сфере. Новые идеи и работы по направлениям лингвострановедения, лингвокультурологии и межкультурной коммуникации открыли новый этап в исследовательской деятельности китайских русистов-методистов. **Знаковыми событиями этого нового этапа** служат следующие:

1. Опубликованы монографии по лингвокультурологии в теоретическом и прикладном аспектах. Известным автором этих монографий является профессор Сучжоуского университета Чжао Эго. В монографии «Введение в прикладную лингвокультурологию» (Чжао Эго, 2003) автором разработан ряд теоретических понятий прикладной лингвокультурологии, выявлены главные направления внедрения культурных элементов в процесс обучения русскому языку по фонетике, грамматике, лексике и речевому общению, сделана попытка создать лингвокультурологическую систему обучения русскому языку в китайской аудитории. А в его другой монографии «Главные проблемы в лингвокультурологии» определена теоретическая система прикладной лингвокультурологии. В последние годы ученик известного профессора У Гохуа Пэн Вэнчжао много работает в рамках проблем лингвокультурологии. Его монография «Главные направления и проблемы в лингвокультурологии» знакомит с результатами исследований таких российских ученых, как В. В. Воробьев, Ю. Е. Прохоров, В. Г. Костомаров, В. В. Крас-

ных, Д. Б. Гудков и др. Мы считаем, что эти монографии станут незаменимым подспорьем для китайских методистов в их дальнейшей исследовательской деятельности.

2. Проанализированы характерные черты и тенденции развития таких наук, как лингвострановедение, лингвокультурология и межкультурная коммуникация. В ведущих китайских научных журналах по языкознанию опубликованы статьи «Лингвострановедение в Китае» (Ян Шичжан, 2003), «Две тенденции в поисках нового пути развития лингвострановедения» (Лю Хун, 2005), «Анализ новых характерных черт в исследовании по лингвострановедческим проблемам на современном этапе» (Ян Щичан, Ли Линь, 2007). Статья «Лингвострановедение в Китае» имеет фундаментальный характер. В ней подведены итоги изучения четырех аспектов лингвострановедения: главные идеи и понятия, отражение национально-культурной семантики в лексике, в грамматике и тексте, в некоммуникативном общении. В статье «Две тенденции в поисках нового пути развития лингвострановедения» описано то, что основоположники лингвострановедения Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров развивают данную теорию по двум направлениям: лингвокультурология и межкультурная коммуникация. Два термина – «логоэпистема» и «речеповеденческая тактика» – этих авторов стали общепринятыми среди российских и китайских ученых. Другой ученик профессора У Гохуа, Ян Щичан, в 3 номере 2007г. года научного журнала «Русский язык в Китае» при КАПРЯЛ назвал шесть главных направлений в исследованиях по лингвострановедческим проблемам на современном этапе: от лингвистического описания к культурной интерпретации, от единого понятия к аппарату терминов, от лексического фона к концепту, от материального аспекта к духовному миру, от лексических лакун к культурному диалогу, от одноаспектной единицы (лексемы) к двухаспектной единице (логоэпистеме, лингвокультуре, лингвоспецифичным концептам). Мы считаем, что эти научные статьи помогают китайским преподавателям хорошо ориентироваться в научных работах по проблемам языка и культуры и способствуют применению новых идей и терминов в методике обучения русскому языку в китайской аудитории.

3. Призыв к открытию нового направления «Россиеведение». Формирование понятия межкультурного диалога в китайской русистике.

В статье «Россиеведение формирует необходимость взаимодействия между китайскими и русскими культурами» известного профессора Пекинского университета иностранных языков Вэй Чжунжен выдвинута идея подготовки китайских специалистов по россиеведению и предложены главные направления научной работы китайских преподавателей-методистов в этом процессе: в ходе подготовки китайских русистов-бакалавров нужно знакомить их как можно с большим количеством русских культурных шедевров, а для подготовки магистров необходимо помогать им сформировать осознание необходимости культурного диалога.

Вышеизложенные идеи показывают, что исследовательская работа китайских ученых достигла более высокого уровня. Осознание того, что необходимо принимать участие в китайско-русском межкультурном диалоге, заставляет китайских методистов больше

работать в рамках методики обучения русскому языку китайских студентов. Активная работа в этом направлении будет, во-первых, способствовать успешной подготовке специалистов-русистов, осуществляя «интегрированную идею руссификации», во-вторых, помогать китайским коллегам успешно осуществлять китайско-русский межкультурный диалог, сохраняя и развивая дух китайской национальной культуры, в-третьих, демонстрировать преподавателям новые способы презентации культурного учебного материала и помогать китайским студентам-русистам с большим интересом и внутренней мотивацией развивать свои интеллектуальные и познавательные способности в процессе изучения русского языка.

Главные проблемы в методике обучения русскому языку в китайской аудитории

В данный момент в аспекте прикладной лингвокультурологии китайским русистам-методистам предстоит решить ряд проблем. Главные проблемы проявляются в следующем:

1. Количество преподавателей, разбирающихся в новых идеях лингвокультурологии и межкультурной коммуникации, ничтожно мало. По данным статистики Министерства образования, в Китае более чем в 90 университетах открыта специальность «Русский язык», а преподавателей, занимающихся проблемами языка и культуры, не больше 100.

2. Квалификация преподавателей в методике обучения русскому языку еще сравнительно невысокая. Методическим исследованиям уделяется мало внимания в китайской русистике в рамках научной работы вузов. И в результате этого лингводидактические аспекты лингвокультурологии остаются мало разработанными. Китайские преподаватели предпочитают использовать учебники и пособия, составленные российскими коллегами и ориентированные на учащихся других стран, так что методические принципы, использованные в китайской аудитории, часто изолированы от психологических особенностей восприятия текста русского языка китайскими студентами и их национального характера, в связи с чем эффект обучения остается низким.

3. Большинство научных работ носит теоретический характер, практических пособий и учебников недостаточно. Хотя лингвострановедение в самом начале своего возникновения и носило методический характер, но лингводидактическое исследование по проблемам языка и культуры остается слабым звеном в китайской русистике. Составлены некоторые лингвострановедческие словари и учебники по чтению для китайских преподавателей и студентов, но все-таки учебных пособий и упражнений с презентацией учебного материала по русской культуре с учетом формирования лингвокультурологической компетенции китайских студентов очень мало. Особенно не хватает учебников русского языка с учетом китайских культурных особенностей с ориентацией на выполнение коммуникативных задач. Это с одной стороны. А с другой стороны, те учебники, в которых содержатся све-

дения о русской культуре, составлены не по принципам системности и сопоставления. Использование знаний русской культуры для формирования коммуникативной компетенции китайских студентов не носит систематического характера. В этой ситуации невозможно говорить о воссоздании русской языковой картины мира, формировании базового языкового сознания и русской языковой личности в процессе четырехлетнего обучения русскому языку.

Задачи китайских русистов-методистов в аспекте прикладной лингвокультурологии

Разрешение существующих вопросов в исследовательской работе в рамках прикладной лингвокультурологии оказывается весьма актуальным. Выполнение поставленных целей будет способствовать развитию прикладной лингвокультурологии в китайской русистике:

1. Общими силами создать систему проведения практических конференций для китайских и российских лингвокультурологов-методистов. Мы считаем, что эта система будет привлекать большое количество преподавателей-методистов к проблемам прикладной лингвокультурологии. В процессе культурного диалога китайские и российские ученые будут иметь возможность совместно составлять учебники, пособия для китайских студентов-русистов, решать общие лингводидактические проблемы. Для достижения данной цели мы предлагаем опираться на поддержку КАПРЯЛ и центра обмена между российскими и китайскими студентами при Даляньском университете иностранных языков.

2. Определить основное содержание русской языковой картины мира для подготовки китайских специалистов-русистов. С учетом этого основного содержания можно составить учебные программы, в соответствии с которыми будут разработаны разные учебники и пособия. Эта задача обязательно будет решена по принципу диахроничности и синхроничности. По принципу диахроничности будут определены основные исторические фрагменты русской языковой картины мира, а в соответствии с принципом синхроничности можно будет знакомить учащихся с современным обществом России и новыми тенденциями и изменениями в современном русском языке. Мы думаем, что выполнить эту задачу будет очень трудно, ведь требуются высокий уровень профессиональной квалификации преподавателей-методистов, совместная работа китайских и российских коллег, тщательная разработка собранного учебного материала и т.д.

3. Активно и разумно использовать современные педагогические технологии в учебном процессе. В настоящее время все больше и больше методистов, педагогов, психологов и преподавателей приходят к выводу о том, что традиционное обучение не соответствует тем требованиям, которые выдвигаются жизнью в современном обществе. Компьютеризация учебного процесса позволит преподавателям обратить пристальное внимание на то, как вводить инновационные технологии обучения в существующее традиционное, как сочетать введение новых техноло-

гий с содержанием культурного учебного материала и с учетом особенностей национального характера китайских учащихся, как подготовить преподавателя к работе с новыми технологиями с тем, чтобы максимально использовать интеллектуальные, познавательные и профессиональные умения и навыки как преподавателя, так и учащегося в процессе обучения / овладения русскоязычной речевой деятельностью. Но, к сожалению, в китайских вузах пока еще мало внимания уделяется внедрению современных технологий и методов обучения, направленных на изучение стратегий овладения русским языком, в недостаточной степени используются психологические и возрастные особенности учащихся, их интересы и эмоциональное восприятие культурологического фактора русского языка. Мы считаем, что использование современных технологий в процессе внедрения учебного культурного содержания станет одним из важнейших направлений исследовательской работы в методике обучения русскому языку в Китае.

4. Организовать курсы, семинары и публичные лекции (занятия) для повышения квалификации преподавателей. В последние годы в Китае много высококвалифицированных и опытных преподавателей уходит на пенсию. Заменяя их, молодые преподаватели должны много трудиться, чтобы достичь профессионального уровня своих предшественников. Курсы, семинары и публичные лекции по методике обучения русскому языку смогут помочь молодым преподавателям хорошо овладеть необходимыми методами и способами введения культурного учебного материала и выработать навыки составлять упражнения для развития лингвокультурологической и коммуникативной компетенции при работе с текстом любого жанра. Мы считаем, что высокий эффект обучения русскому языку в китайской аудитории во многом зависит именно от профессионального уровня преподавателей-методистов.

Выполнить поставленные задачи – долг и обязанности каждого китайского преподавателя-методиста.

Ван Чаньцзюань

Даляньский университет иностранных языков (КНР)

О РОЛИ КОННОТАЦИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КИТАЙСКИМИ СТУДЕНТАМИ-РУСИСТАМИ

Термин «коннотация», принятый в современном языкознании, переводится с латинского «connotatio» как «созначение». Во всех без исключения языках встречается большое количество таких слов, которые помимо прямого, предметно-понятийного значения, имеют и ассоциативное, символическое или метафорическое значение. В лингвострановедении такие значения называются коннотацией (коннотативными).

Как известно, любой язык носит специфику того народа, который его употребляет. Это объясняется тем, что коннотативное значение отражает жизнь, традиции, культуру его носителей. Не учитывать этого иностранцам нельзя. Так, например, слово «берёза» в русском языке – это дерево, символизирующее родную землю и Россию. С берёзкой в русской поэзии часто сравнивают молодую стройную девушку, а в китайском языке это слово не вызывает никаких ассоциаций.

Ассоциативное значение, которое приобретает то или иное слово в определённой культуре и языке, называется в лингвострановедении национально-культурной семантической долей. Знание коннотативного значения слов очень важно для правильного употребления их в речи. Для китайских студентов при изучении русского языка необходимо знать не только лексическое значение слов, но и их культурную коннотацию. При обучении русскому языку китайские студенты должны обратить внимание на следующие моменты:

1. Предметно-понятийное и коннотативное значение некоторых слов совпадают в обоих языках. Так, русское слово «лиса» и китайское слово «хули» (狐狸) метафорически обозначают хитрого, лукавого человека как в русском, так и в китайском языке. Русское слово «осёл» и в китайском языке (驴) имеет одинаковое метафорическое значение: «упрямый человек».

2. Слова с одним и тем же предметно-понятийным значением существуют в двух языках, но коннотативное значение имеется только в одном. У русских «подкова» символизирует богатство, счастье и удачу, её даже дарят как сувенир «на счастье». В национальной культуре Китая это символическое значение не закреплено. Приведу другой пример, иллюстрирующий несовпадение коннотативных значений одного и того же слова. Для китайцев болотные птицы «утки-мандаринки» – это символ супружеской верности и семейного счастья, тогда как в русском языке слово «утка» коннотативно не окрашено, оно обозначает исключительно болотных птиц. Еще один пример, не менее показательный: так, слово «бамбук» в одном случае русским представляется как что-то хрупкое и непрочное, в другом – это слово обладает отрицательным смысловым оттенком при характеристике глупого человека («дурак»). Для китайцев бамбук – символ негибкости, стойкости характера. В китайской культуре бамбук так же, как и сосна, считается символом долголетия. Русское слово рябина, ничего не говорящее китайцам, коннотативно окрашено в русском языке. «Растет рябина и в других странах, но из 80 видов рябин, встречаемых на всем земном шаре, 34 вида произрастает в советской стране» [1, С.6]. Вот почему русские о рябине говорят, что она живет с ними от рождения до старости, тоскует, радуется, поет и т. д. У русских рябина нередко ассоциируется с Россией, ее природой, а также с образом девушки, например:

*Я красивых таких не видел,
Только знаешь, в душе затаю
Не в плохой, а в хорошей обиде –
Повторяешь ты юность мою.
...Запоешь ты, а мне любимо,
Исцеляй меня детским сном.
Отгорела ли наша рябина,
Осыпаясь под белым окном?*

С. Есенин. Я красивых таких не видел

3. В русском и китайском языках есть слова, которые синонимичны в их прямых значениях, но различны в коннотативных. Так, согласно китайской мифологии, «сова» приносит людям несчастье и смерть, но для русских она является символом ума и мудрости. В китайской культуре слово «медведь» символизирует сильного и глупого человека. Оно обладает отрицательным оттенком. Это значение, например, присутствует в китайской пословице: «宁养一条龙, 不养十个熊» («Лучше кормить одного дракона, а не держать 10 медведей». – *Перевод мой.* – В. Ч.). Смысл приводимой пословицы таков: лучше обучить способных людей, но меньшим числом, чем собирать большое количество заурядных и глупых. Одним словом, в китайской культуре самое типичное символическое значение медведя – глупость, неумение и обида. Медведь высокий, но неловкий, и поэтому люди часто сравнивают косолапого медведя с глупым человеком. Противоположное ассоциативное значение слово «медведь» имеет в России. Медведь – это самое любимое животное, у него много красивых названий: «хозяин русского леса», «лакомка». Также он символизирует мужество, силу, выносливость, храбрость. В русском фольклоре медведь – это еще и герой свадебного обряда, друг жениха. Приведу всего лишь одну русскую примету, в которой отчетливо видно это значение: «Видеть медведя во сне – значит быть свадьбе».

4. В русском и китайском языках некоторые слова могут иметь несколько коннотаций. Некоторые могут совпадать. Так, слово «черепаха» в русском языке и «wugu» (乌龟) в китайском употребляются в переносном значении тогда, когда говорят о слишком медленном движении. Однако китайское слово «wugu» имеет ещё и отрицательную коннотацию: оно употребляется как ругательное выражение и обозначает рогоносца, т. е. мужчину, которому изменяет жена. В русском языке эта коннотация отсутствует.

Из вышесказанного следует, что главной задачей в изучении русского языка для китайских студентов является не запоминание, а знание коннотативного значения слов. Без этих знаний невозможно точно понять русскую речь.

Библиографические ссылки

1. Успенский Б. А. Язык и культура // Избранные труды. – М., 1994. – Т. 2

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПИСЬМЕННОГО ТЕКСТА

Анализируя любой текст с позиций функциональной стилистики, исследователь может ставить перед собой несколько целей: определить стилистическую принадлежность рассматриваемого текста; уточнить, соответствует ли заявленный жанр текста соответствующим стилистическим нормам (например, очерк должен быть написан в публицистическом стиле, а фельетон – в художественном); определить «стилистическую целостность» текста (то есть выяснить, насколько однородна стилистическая оформленность данного текста).

Собственно функционально-стилистический анализ является двухступенчатым процессом. На первом этапе он представляет собой выявление в тексте определенных языковых особенностей, характеризующих тот или иной функциональный стиль. На втором этапе выявленные особенности сопоставляются в количественном отношении и делается вывод о стилистической принадлежности и стилистической целостности анализируемого текста.

При анализе письменного текста исследователю приходится сравнивать и сопоставлять тексты официально-делового, научного, художественного и публицистического стилей (т. е. книжных стилей). Разговорно-обиходный и разговорно-просторечный пласты речи, как правило, реализуются в письменной форме только в качестве элементов художественного и публицистического стилей.

Следует обратить особое внимание на то, что всякий функциональный стиль русского языка характеризуется, с одной стороны, экстралингвистическими особенностями, а с другой стороны, собственно лингвистическими. Экстралингвистические показатели функционального стиля организованы в бинарные оппозиции: объективность – субъективность, абстрактность – конкретность, логичность – нелогичность, точность – образность. Указанные особенности достаточно точно характеризуют тот или иной функциональный стиль, однако их выявление затруднено, ибо в конкретном тексте они не реализуются непосредственно, но проявляются опосредованно через детерминируемые ими языковые особенности.

Необходимо также отметить, что стилистическая принадлежность того или иного текста может быть реализована на нескольких уровнях. Главным образом, при анализе выделяют три уровня: лексический, морфологический и синтаксический. Для устной речи немалой важностью обладает и фонетический уровень. Данное разделение на уровни выполнено в соответствии с понятием «стилистические ресурсы», используемым, в частности, А.Н. Кожиним. По его мнению, функциональная стилистика изучает

экспрессивные синтагматические особенности языковых единиц на разных уровнях, в отличие от фонетики, лексики, синтаксиса, которые замкнуты на одном уровне исследования языка. Таким образом, функционально-стилистический анализ текста на первом уровне сводится к поиску лексических, морфологических и синтаксических особенностей письменной речи, характеризующих тот или иной стиль.

Рассмотрим каждый из вышеуказанных уровней более подробно.

Основными стилистическими ресурсами на лексическом уровне являются:

1) Наличие в тексте специальной лексики (терминов). Большое количество терминов указывает на принадлежность текста к научному или официально-деловому стилю. Следует отметить, что в публицистическом и художественном стилях возможно окказиональное употребление терминов, однако они в большинстве случаев сопровождаются популярным объяснением. В официально-деловом стиле употребляется особый пласт лексики, относящийся к сфере употребления нормативных документов (так называемые «клише официальной письменной речи», например: *законодательство, ведение, акт полномочия, взимание, юридическое лицо, отозвать отзыв*).

2) Этимологический характер лексики. Большое количество заимствованных языковых единиц (особенно с малой степенью ассимиляции) может указывать на принадлежность текста к любому книжному стилю (публицистическому, официально-деловому и, особенно, научному). Еще в большей степени на книжный характер текста указывает употребление заимствованных морфем, например: *супер-, экстра-, гипер-, мета-* и др. (некоторые приставки более характерны для публицистического стиля, например, *анти-, квази-, псевдо-, ультра-, нео-*).

3) Наличие уменьшительных суффиксов (*работка, работничек, ясенько*) – показатель разговорно-обиходной речи. Использование таких единиц в качестве элементов художественной или публицистической речи всегда воспринимается как нечто неестественное и иногда используется как экспрессивное явление, своеобразная «игра на снижение». Некоторые суффиксы носят ярко разговорный характер, например, *-ша* (*касси́ша, билете́рша*). Суффикс *-к-* может придавать разговорную окраску нейтральным словам, не изменяя их значения: *столо́вка*. То же относится к ряду других суффиксов, указывающих на разговорную маркировку текста: *-нье, -тье, -ня, -ож-* (*спанье, нытье, резня, грабеж*).

4) Наличие архаизмов *сей, оный, таковой* указывает на официально-деловой стиль текста. Более широкий пласт архаизмов может использоваться в художественном стиле, особенно в поэтических текстах.

5) Наличие лексики с оценочными или эмоционально-экспрессивными коннотациями запрещено правилами научного и официально-делового стиля. Однако такая лексика может употребляться в художественном и разговорном стилях. Для публицистического стиля характерно частое употребление лексических единиц с оценочными коннотациями, например: *пособник* вместо *помощник*.

6) Преобладание абстрактных существительных и глаголов над конкретными указывает на принадлежность текста к научному (или, с меньшей степенью вероятности, к официально-деловому стилю). Для научного стиля речи в значительной степени характерны существительные, заканчивающиеся на *–ание, –ение, –ость* (суффиксы со значением абстрактности). Для официально-делового стиля – отглагольные существительные на *–ние*, особенно с приставкой *не-*: «*несоблюдение, неповиновение*». Для публицистического стиля характерно употребление субстантивированных прилагательных среднего рода с абстрактным значением, например, *новое, интересное, удивительное*.

7) Использование часто употребляемых лексических единиц в иных, периферийных, значениях – яркий показатель научного стиля речи (например, глагол *видеть* в значении *понимать*, существительное *тело* в значении *объект* и др.). Для публицистического стиля характерно употребление некоторых таких единиц в переносном значении (например, *почва, платформа* и др.). Для разговорно-обиходного стиля характерно наличие специфических значений, маркированных в словарях пометой *разг.* (*брать* в значении *покупать, снять* в значении *уволить*).

8) Соотношение количества лексических единиц и их употреблений – важный показатель стилистического анализа. Другими словами, определенные стили в большей степени характеризуются разнообразием лексических единиц, развернутой синонимией (художественный, публицистический стили), а другие – большим количеством повторений одних и тех же единиц (научный и официально-деловой стили).

9) Денотативный компонент значения слова тоже может быть носителем стилистической маркировки. Так, часто употребляемые инфинитивы «*разрешить, запретить, воспрещается, обязать, постановить, указать, назначить*», носящие общую сему «указание, приказ, предписание», могут указывать на принадлежность текста к официально-деловому стилю.

На уровне морфологии важнейшими стилистическими ресурсами являются:

1) Преобладающая личная форма глагола может указывать на субъективность-объективность текста и, соответственно, на его стилистическую принадлежность. Для научного и особенно официально-делового текста характерна предельно безличная форма 3-го лица. Форма второго лица в вышеуказанных стилях не употребляется никогда. Форма первого лица в научном стиле может существовать только во множественном числе. Высокая частота употреблений инфинитива указывает на официально-деловой стиль (формы инфинитива встречаются в 5 раз чаще личных форм).

2) Преобладающая видо-временная форма глагола также может указывать на стилистическую маркировку текста. В научном стиле употребимость настоящего времени превышает употребимость других временных форм в 3 раза, а в официально-деловом стиле отмечается абсолютное преобладание формы настоящего времени. Для остальных стилей характерно употребление всех форм в равной степени.

3) Использование нарицательных существительных мужского рода с собственными существительными женского рода – показатель официально-делового стиля, например: *работник милиции Петрова, истец Иванова*.

Важнейшими стилистическими ресурсами на уровне синтаксиса являются:

1) Соотношение конструкций действительного и страдательного залогов. Для книжных стилей, в особенности для научного, характерно преобладание пассивных конструкций.

2) Использование модальных конструкций, например, *необходимо, следует* и др. указывает на безличный характер текста и его принадлежность к научному (главным образом) или официально-деловому стилю. Употребление модальной конструкции с инфинитивом – важная особенность научного стиля (например, *необходимо отметить, следует сказать, нужно возразить* и др.)

3) Использование логического глагола-связки «быть» в форме *есть* или *суть* является особенностью научного или официально-делового стиля. В научном стиле достаточно часто встречается конструкция «подлежащее-существительное – глагол-связка – сказуемое-предикатив», получившая название «конструкция определения», например: *«Система суть структурно организованная совокупность элементов...»*.

4) Наличие большого количества вводных слов и выражений, служащих логическим аппаратом текста (*во-первых, во-вторых, главным образом, следовательно*) – показатель научного стиля (в меньшей степени, публицистического).

5) Наличие сложных отыменных предлогов, например, *в части, по линии, на предмет, во избежание, по возвращении, по достижении* – показатель официально-делового стиля.

6) Конструкция сложного предложения. Важной синтаксической особенностью научного стиля является так называемая «информативная несамостоятельность» главной части сложноподчиненного предложения при выражении основного содержания в придаточной части, например: *«Известно, что стилистические особенности текста реализуются на трех уровнях»*. Для официально-делового стиля, в частности, характерно частое употребление придаточных предложений условия.

7) Важнейшим синтаксическим показателем стилистической принадлежности письменного текста является порядок слов, точнее, его ригидность или лабильность. Для разговорного, публицистического и художественного стилей характерен (в разной степени) относительно свободный порядок слов, в то время как для научного и официально-делового стиля используется, главным образом, устойчивый, так называемый объективный порядок слов (характеризуемый следующими правилами: тема предшествует реме, при согласовании определение предшествует определяемому слову, наречие на -о предшествует глаголу).

8) Использование большого количества однородных членов предложения может указывать на принадлежность текста к официально-деловому стилю (иногда число их

достигает 8–10). Для остальных стилей наличие однородных членов предложения не является столь показательным.

9) Для научного и официально-делового стиля характерно так называемое «наизывание родительного падежа», то есть последовательная связь существительных в родительном падеже (до 4–5 элементов), например: *особенности организации работы аппарата правительства*.

10) Для художественного и публицистического стилей характерны так называемые «экспрессивные» синтаксические конструкции: риторические вопросы, вопросы с обращением, восклицательные предложения разнообразных типов, расчлененные конструкции.

11) Наличие повторов разного типа – показатель разговорного текста, но для таких явлений также проникаемы и публицистический, и художественный стили (*жил, жил, да и умер; я ходил, ходил, думал, думал...; а она – такая красивая, красивая, значит, такая...*).

12) Для разговорно-обиходного текста существует целый ряд специфичных лексико-синтаксических конструкций, например: *дай, знай, знай себе, смотри, того и гляди, глядь и, было, вот, вот так, вот и, так-таки, и так, куда, туда же, где, как, вот-, чуть было (не), нет-нет (да) и, что, что же, что ли, что это, без того, это, себе*.

Представленные выше языковые особенности в основном выявляют специфику стилей письменной речи русского языка. Однако качественный анализ приведенных особенностей необходимо дополнять количественным анализом для определения стилистической целостности текста.

С точки зрения стилистической целостности все письменные тексты можно разделить на однородные и композиторные, то есть включающие в себя элементы нескольких стилей. Следует отметить, что художественные произведения обладают наибольшей композиторностью и могут включать себя большинство из описанных выше элементов. Наименьшей композиторностью обладает официально-деловой стиль. Некоторые жанры письменной речи традиционно объединяют особенности нескольких стилей, например:

1) Научно-популярный текст: научный и публицистический стили при преобладании публицистического.

2) Научно-учебный текст (для гуманитарных наук) – научный и публицистический стили при преобладании научного.

3) Эссе – публицистический и художественный стили (соотношение может меняться в зависимости от вида эссе).

4) Рецензия – публицистический, художественный (иногда и с элементами научного стиля) при преобладании публицистического.

5) Юмористический фельетон – публицистический и художественный стили, нередко с элементами обиходно-разговорного стиля (при преобладании художественного стиля).

6) Юмористический очерк – публицистический и художественный стили (при преобладании публицистического).

7) Проблемно-публицистическая статья – публицистический стиль с элементами научного и художественного стилей (при преобладании публицистического стиля и низкой доле художественного).

8) Агитационный текст (например, листовка) – публицистический и художественный стили (при преобладании художественного).

9) Текст-пародия – может совмещать элементы самых разных, зачастую несовместимых стилей (например, научный и художественный).

Применение приведенной схемы функционально-стилистического анализа к конкретным письменным текстам на русском языке, как нам думается, предоставляет исследователю достаточный инструментарий для решения широкого спектра задач в области функциональной стилистики и стилистики текста. Указанные методы могут быть применены для разнообразных видов работы по развитию умений чтения и письменной речи на русском языке. Остановимся на конкретных примерах.

ПРАКТИЧЕСКИЕ ОБРАЗЦЫ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПИСЬМЕННОГО ТЕКСТА

На примере отрывка из монографии

Л. С. Бархударова «Место теории перевода среди других дисциплин»

Анализируемый текст заявлен в жанре монографии, следовательно, должен быть выполнен в научном стиле. Следует отметить, что жанр монографии допускает определенные отклонения от строгого следования правилам стилистического оформления научного текста (в отличие от более строгих жанров диссертации и особенно автореферата). Цель анализа в указанном случае – выявить лингвистические особенности научного стиля на разных уровнях, а также показать, что текст стилистически целостен (то есть в нем отсутствуют элементы других стилей).

1) На уровне лексики:

а) в тексте присутствуют специальные лексические единицы: лингвистические термины («план содержания», «текст», «переводческие приемы», «сопоставительное языкознание»);

б) в тексте присутствуют логические связки и клише письменной речи, характерные для научного и официально-делового стиля: «по своему существу», «не может быть ничем иным, как», «с нашей точки зрения»;

в) текст изобилует заимствованными словами, имеющими нейтральные синонимы русского происхождения: «идентичные», «лингвистической», «мотивировка», «иерархия», «аспект», что указывает его на принадлежность к одному из книжных стилей.

Следует отметить, что автор не злоупотребляет словами нерусского происхождения, употребляет их умеренно и справедливо;

г) в тексте совершенно отсутствует лексика с коннотациями эмоциональности и оценки, что обусловлено требованиями объективности и безличности научного текста;

д) в тексте абстрактные существительные преобладают по отношению к конкретным. Такое соотношение видов существительных является типичным показателем научного текста в области гуманитарного знания (особенно в философии, лингвистике, психологии);

е) с точки зрения словообразования, в тексте присутствует большое количество морфем, характерных для научного текста, особенно абстрагирующих суффиксов «-ние», «-ость»: «преобразование», «сохранение», «расхождение», «закономерность», «совокупность», что является специфической чертой научного стиля.

2) На уровне морфологии:

а) в тексте отсутствуют глагольные формы второго лица и первого лица единственного числа, что обусловлено требованиями обезличенности научного текста;

б) в тексте абсолютно преобладают глаголы настоящего времени, почти отсутствуют глаголы в других временных формах;

в) в тексте наблюдается предельно частое употребление форм инфинитива (важнейший показатель научного стиля).

3) На уровне синтаксиса:

а) часто употребляемой синтаксической моделью анализируемого текста является конструкции с модальными словами, особенно конструкции с инфинитивом, например, «должна установить и на этой основе выявить», «нужно установить», «мы далеки от того, чтобы утверждать», «необходимо обладание», характерные для научных и официально-деловых текстов;

б) пассивные конструкции в анализируемом тексте встречаются значительно чаще активных (важная черта научного текста), например, «осуществляется», «относится», «связана», «преодолевается» и др.;

в) еще одна распространенная синтаксическая модель научного текста – сложные предложения с сокращенным главным – в анализируемом тексте присутствует, но не является распространенной («следует отметить», «следует, однако, отметить», «из этого не следует»);

г) порядок слов в исследуемом тексте отличается значительной ригидностью. В подавляющем большинстве предложений порядок слов объективный; инверсии полностью отсутствуют;

д) характерная черта научных и официально-деловых текстов, известная как «нанизывание родительного падежа», ярко представлена и в анализируемом тексте, например: «сохранение плана содержания», «совпадения в способах выражения идентичных значений», «способы преодоления этих расхождений» и т. д.

Анализ отрывка из монографии Л.С. Бархударова «Язык и перевод» с точки зрения функциональной стилистики позволяет сделать следующие выводы.

Текст является стилистически однородным, непрерывная ткань научного стиля представлена в чистом виде. Все основные языковые особенности научного стиля на уровне лексики, морфологии и синтаксиса представлены в тексте и выражены достаточно ярко. Нарушений функционально-стилистических правил русского языка в тексте не обнаружено. Заявленная функционально-стилистическая модель «научный стиль» соответствует всем правилам на протяжении всего текста.

Библиографические ссылки

1. Кожин А. Н. и др. Функциональные типы русской речи. – М.: Высшая школа, 1982.
2. Кожина М. Н. Стилистика русского языка. – М., 1983.
3. Костомаров В. Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. – М.: Гардарики, 2005. – 287 с.
4. Фу Лин. Методический аспект комплексного анализа художественного текста // «Вестник факультета русского языка и литературы университета китайской культуры». – 2007. – Вып. 10.

Лю Чунь

Китайский государственный северо-восточный университет

ПРОБЛЕМА ЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ФОНЕТИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В КИТАЙСКОЙ АУДИТОРИИ

**(сопоставление гласных и согласных звуков русского языка
с гласными и согласными китайского языка)**

Сопоставительный метод изучения языков – разновидность сравнительного изучения языков, состоящая в сравнении систем двух языков с целью выявления расхождений, - имеет определенное значение при изучении языков.

На основе результатов сопоставительного анализа выявляется характер межъязыковых соотношений сходства, различия, частичного несовпадения. В соответствии с имеющимися межъязыковыми соответствиями определяется характер влияния системы исходного языка – положительный или отрицательный – и дается лингвистически обоснованное объяснение специфики восприятия и усвоения явлений русского языка *китайскофонами*, приводятся и анализируются типичные ошибки, вызванные интерференцией.

В момент восприятия и репродуцирования нового звука учащиеся уподобляют его близкому звуку звуковой системы исходного языка. В случаях имеющегося сходства такое уподобление является положительным фактором, способствующим усвоению звуков русского языка. Учитывая характер соотношения корреспондирующих звуков обоих языков, преподаватель в случаях сходства должен опираться на языко-

вой опыт учащихся, указывая на имеющееся сходство; в случаях различия обращать на него внимание учащихся и объяснять, в чем оно заключается.

В русском языке имеются 6 гласных и 37 согласных (ф ф' в в' с с' з з' ш ш' ж х х' л л' п п' б б' т т' г г' к к' г' ц ч' м м' н н' р р' и j). В китайском языке – 6 гласных и 29 согласных (b c d f g h j k l m n p q r s t w y z zh ch sh), кроме того, ещё семь двугласных(ai ao ei ui iu ou uo) и восемь гласно-согласных(an, tn, in, un, ang, eng, ing, ong).

Сопоставляя русские и китайские гласные и согласные, отмечаем, что некоторые из них совпадают друг с другом, а некоторые - нет.

Гласные

1. [a] [u] – указываем на сходство произношения русских ударных гласных [a] [u] и китайских гласных [a] [i], отмечаем различие: русские гласные [a] [u] короче.

2. [a] [y] – отмечаем сходство ударных гласных [a] [y] с китайскими гласными [o] [u], выявляем имеющиеся различия: при произнесении русских гласных[a] [y] губы больше округлены, напряжены и вытянуты вперёд, чем при произнесении соответствующих китайских гласных.

3. [э] – устанавливаем сходное произношение русского ударного гласного [э] и китайского двугласного [ai], отмечаем различие: русский гласный [э] короче, а при произнесении китайского двугласного [ai] губы менее растянуты, чем при произнесении [э].

4. [ы] Поскольку в китайском языке нет гласного, похожего на русский гласный [ы], именно произношение этого гласного вызывает у китайцев затруднения. Мы обычно предлагаем учащимся произнести звук [y], а потом произнести [и], меняя только положение губ: у...---и...ы.

Согласные

1. В русском языке есть твёрдые и мягкие **корреляты** для большинства согласных звуков, а в китайском языке нет соответствия этих мягких согласных. Непривычным и трудным для китайцев является произношение русских мягких согласных во всех позициях.

2. Твёрдые согласные в этих двух языках имеют некоторые сходство в произнесении и звучании, но они не совсем одинаковы.

[n]→[p], [к]→[к], [г]→[d], [м]→[t], [н]→[n], [л]→[l], [ж]→[r], [ш]→[sh], [м]→[m], [ф]→[f], [ц]→[c] [с]→[s], [х]→[h], [б]→[b], [г]→[g], [ч]→[c], [ц]→[q], [щ]→[x].

Например, о твердых согласных [n], [к], [б] [г] сообщаем, что, в отличие от соответствующих китайских согласных [p] [к], [b] [г], они произносятся без придыхания.

Твердые согласные [g], [m], [n] похожи на китайские согласные [d], [t], [p], но произносятся твёрже. Артикуляция отличается от артикуляции китайских согласных тем, что кончик языка упирается сзади в верхние резцы, а не в альвеолы.

Артикуляция русского согласного “л” отличается от артикуляции китайского [l] тем, что кончик языка с силой прижимается к задней стороне. Произношение звука [л] отрабатывается сначала в позиции после гласных (ал, ло, лу). Произношение звука [л] вызывает у китайскоговорящих затруднения, поскольку аналогичный звук отсутствует в китайском языке.

Остальные твердые согласные в двух языках в основном совпадают.

3. Русский сонорный согласный [р] вообще не имеет соответствия в китайской звуковой системе. Можно сказать, что это самый трудный согласный для китайцев. Перед тем как произнести звук [р], рекомендуется коснуться кончиком языка альвеол. Для того чтобы вызвать вибрацию, следует поместить кончик языка у альвеол и направить в образовавшуюся щель сильную струю воздуха. Важно следить за тем, чтобы кончик языка был напряжён и слегка загнут. В качестве звуков-помощников можно использовать звуки [т] и [д]. Сначала следует отработать произношение [р] в сочетаниях *дра...дра...дра...тра...тра...тра...* и лишь затем перейти к тренировке этого звука в интервокальном положении и в конце слова. При *коррекции* произношения мягкого [р'] можно использовать сочетания со звуками-помощниками: *ти, ди, ири, тири*. Для отработки произношения звука [р] предлагаем сначала позицию перед гласной (ра, ро, ру), в которой в китайском языке произносится определенный согласный звук, хотя и неэквивалентный, а потом позицию после гласного (ар, ор, ур, эр, ыр, ир).

4. Твёрдые согласные [в], [з] почти не встречаются в китайских словах.

5. Поскольку некоторые китайские гласные [е], [у], согласные [j], [z], китайские двугласные и гласно-согласные вообще не имеют соответствия в русской звуковой системе, для русских эти звуки произносятся тоже с трудом. Русский язык – язык консонантного типа. Он характеризуется большим разнообразием сочетаний согласных. Двучленные сочетания допускают наибольшее количество возможных вариантов в начале, середине и конце слова (работа над наиболее распространёнными из них велась на протяжении всего курса). В данной части большее внимание уделяется работе над произношением трёх- и четырёхчленных сочетаний согласных, встречающихся в словах, которые изучаются на начальном этапе.

Произношение групп согласных вызывает у китайских учащихся большие трудности (в китайском языке консонантные сочетания недопустимы). Наиболее типичные ошибки – выпадение сложных для усвоения согласных и вставка гласного между согласными или в конце слова после согласного. Чаще всего вставка гласного происходит между смычными глухими согласными, быстрее усваиваются сочетания согласных с сонорными. Работу над произношением сочетаний согласных можно начать с простых односложных слов, постепенно добавляя по одному согласному: CV-CCV-CCCV (то – сто –стой- строй). Следующий шаг-упражнение на сопоставление слов, в которых содержатся или отсутствуют группы согласных: задание-здание. Также им нелегко овладеть китайской интонацией, у которой имеется четыре тона. Например: а а а а та <ма-ма>, та, <луб>, та<лошадь>, та<ругать>.

При постановке произношения русских гласных и согласных используем все три способа: имитационный, сопоставительный и артикуляционный.

Конечная цель работы над фонетикой – научить учащихся понимать высказывания на иностранном языке и правильно их продуцировать.

Библиографические ссылки

1. Белошапкина В. А. Современный русский язык. – М., 2003.
2. Вагнер В. Н. Методика преподавания русского языка англоговорящим и франкоговорящим. – М., 2001.
3. Короткова О. Н. Корректировочный курс русской фонетики и интонации: Для говорящих на китайском языке. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – 151 с.
4. Розенталь Д. Э. Современный русский язык. – М., 2001.

Лу СУ

Даляньский университет иностранных языков

ОБУЧЕНИЕ КУРСУ ПРЕССЫ (НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ) НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ПОТРЕБНОСТЕЙ ОБЩЕСТВА

Потребности общества и, в частности, студентов представляют собой основной фактор мотивации при обучении русскому языку как иностранному. Обучение в вузах должно адаптировать потребности общества. И поэтому можно сказать, что анализ потребностей является основой в проектировании учебного курса для обучения русскому языку как иностранному в Китае. Анализ потребностей помогает решить следующие проблемы в обучении русскому языку как иностранному:

- 1) Какие специалисты по русскому языку требуются в Китае?
- 2) Какие потребности имеются у различных студентов, занимающихся русским языком как иностранным?
- 3) В какой степени соотносятся проектированные курсы по обучению русскому языку с потребностями студентов, занимающихся данным языком как иностранным?
- 4) Как надо адаптировать потребности общества и потребности студентов в обучении русскому языку как иностранному?

Анализ потребностей был применен в обучении иностранным языкам в 70-х годах прошлого века в западных странах. И теперь этот способ уже распространён в общем обучении иностранным языкам. С помощью анализа потребностей преподаватель имеет возможность узнать требования студентов к обучению иностранным языкам, замечать слабые звена в преподавании и обучении. [3, 390].

По итогам анализа потребностей в обучении иностранным языкам можно прийти к следующим выводам:

- 1) потребности студентов в обучении иностранным языкам представляют собой требование к учёбе и к будущей работе;
- 2) потребности студентов в обучении иностранным языкам представляют собой их подготовку к изучению иностранным языкам [5, 2];
- 3) потребности студентов в обучении иностранным языкам представляют собой умения, которыми им необходимо овладеть в соответствующих социальных группах.

Потребности общества состоят из объективных и субъективных разновидностей. В объективные потребности включаются навыки, которые будут необходимы студентам в обществе. Субъективные – знания и навыки студентов после окончания вузов. Общественные, или, иначе говоря, объективные потребности в языках, то есть социальный заказ по отношению к конкретным языкам, формируются под влиянием внутренних и внешних политических и экономических предпосылок [1, 24].

Китай относится к быстроразвивающимся странам. Ввиду того, что студенты поступают на работу только после определенного срока обучения, трудно точно предвидеть все ситуации и будущие потребности общества во время обучения студентов в вузах. И поэтому одним из подходящих вариантов для анализа потребностей будущего общества является действующий спрос профессиональностей, связывающийся со специальностями иностранного языка в вузах с учетом остальных факторов. С помощью этого варианта можно сделать предположение о потребностях общества в будущем, когда студенты закончат вуз. Этот метод эффективен и для преподавания курса прессы русского языка.

По мнению некоторых ученых, для анализа потребностей студентов нужно учесть несколько аспектов:

- 1) основные черты речи, которые будут употреблять студенты в своей будущей коммуникативной деятельности;
- 2) ситуация, в которой студенты будут проводить коммуникацию;
- 3) социальная и психологическая роль, которую будут играть студенты;
- 4) речевые темы, которые будут встречаться студентам.

Некоторые ученые предполагают, что в ближайшие пять лет в мире будет большой спрос на специалистов, которые хорошо знают иностранный язык и обладают научно-техническими знаниями. А по предположению Министерства кадров Китая, в ближайшие годы Китай будет нуждаться в большом количестве специалистов по технике, биологической инженерии, космической технике и освоению океанских и других новых ресурсов. Также требуется большое количество специалистов по сельскому хозяйству, охране окружающей среды, международной торговле и адвокатуре. Однако все эти специалисты должны овладеть иностранным языком в совершенстве. Анализ потребностей общества имеет большое значение для подбора материалов к чтению курса прессы на русском языке. Данный курс не только представляет собой лингвостилистический предмет на продвинутом этапе обучения русскому языку, но и выполняет функцию расширения кругозора знаний и повышения разных способностей у студентов. Таким образом, для курса прессы на русском языке нужно учитывать как тренировку общего лингвистического умения студентов, так и усовершенствование структуры их знаний, оказывая помощь в подготовке смешанных специалистов русского языка с профессиональными знаниями.

Знания, навыки и умения студентов должны соответствовать их реальными интересам и потребностям. Потребности студентов различны, так, их можно разделить на долгосрочные и кратковременные. Долгосрочные потребности студентов означают, что студенты изучают дисциплины в соответствии с требованиями своей будущей работы. А кратковременные – для усовершенствования своих знаний. На основе анализа потребностей общества и студентов, изучающих русский язык, можно определить цель и предмет для курса прессы на русском языке.

Курс прессы на русском языке представляет собой комплексный объект для тренировки навыков чтения материалов на русском языке, увеличения запаса слов и углубления знаний о России у студентов. В публицистические материалы включаются темы экономики, политики, культуры, спорта, международных связей, также военные темы и научно-технические темы. Обучение студентов технике чтения газеты и журнала на русском языке, освоение речевой структуры жанров прессы с точки зрения прагматики – это основная задача разработки данного курса.

Предмет обучения курса прессы на русском языке состоит из двух частей: тренировка техники чтения и усовершенствование знаний студентов. В тренировке техники обычно применяются разные способы, как то способ быстрого чтения и способ исследовательского чтения. Способ быстрого чтения занимает особое место в тренировке. Чтобы научиться читать быстро на русском языке, необходимо постоянно и с большим усердием формировать устойчивые навыки и избавляться от вредных привычек [2, 104]. Для чтения курса на русском языке необходимо, чтобы студенты овладели основными речевыми структурами текстов в газетах и журналах, в частности, навыками рассмотрения речевых структур текстов прессы с точки зрения социолингвистики. С целью анализа потребностей общества и студентов можно периодически проводить опрос у студентов и выпускников. Опросы считаются важными для определения темы материалов, которые будут предложены в рамках этого курса. В настоящее время экономическая, политическая и научно-техническая тема считается самыми главными предметами для преподавания данного курса.

Библиографические ссылки

1. Гальскова Н. Д. Современная методика обучения иностранным языкам. – М.: АРКТИ-ГЛОССА, 2000.
2. Ли Кларк Техника быстрого чтения. – М.: Парадокс, 1999.
3. Cohen L., Mansion L. and Morrison K. 2000. Research methods in Education. – London: Routledge.
4. Robinson P. 1991. ESP Today: A Ptactitioner's Guide. – New York: Prentice Hall.
5. Widdowson H. G. 1981. English for specific purposes: Criteria for course design[A]. In L. Selinker, E. Tarone, and V. Hanzedi (eds.). English for Academic and Technical Purposes: Studies in Honor of Louis Trimble. – New York: Newsbury House.

О МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Общеизвестно, что цель преподавания литературы в вузах – дать учащимся необходимые знания о культуре и литературе, дать им возможность приобрести навыки художественного восприятия текста, воспитать культуру эстетических и нравственных чувств, влияющих на поведение во всех сферах жизни молодых людей, подарить им духовное наслаждение, сформировать моральные, эстетические понятия. Таким образом, преподавание литературы – это обучение учащихся особому способу мировосприятия и познания высшего духовного мира. Это обеспечит студентам гармоничное развитие морали, чувств, идеалов и ума, поможет им стать всесторонне развитыми, более откровенными, активными и трудолюбивыми. В дальнейшем, какой работой студент бы ни занимался, он всегда будет любить свою работу, трудиться упорно и добросовестно. Поэтому преподавание литературы в вузах имеет исключительно важное значение. Но нынешнее положение преподавания литературы в китайских вузах не столь радостно.

Современное состояние преподавания русской литературы в Китае

История русской литературы в Китае является обязательным предметом для студентов по специальности «Русский язык». В процессе чтения и изучения произведений студенты знакомятся со всем ходом развития истории русской литературы, с классическими работами русских писателей и поэтов разных времён, осваивают знания по истории России, знания по страноведению и традиционной культуре, что в значительной степени помогает студентам овладеть необходимым объёмом знаний для повышения уровня владения русским языком. Тем не менее, реальное положение дел таково: в последние годы с развитием рыночной экономики и с постоянным изменением требований к специалистам в вузах начата реформа образования, при которой учебные предметы стали более прагматичными. За этим прагматизмом стоит такая гипотеза: цель обучения русскому языку – только в приобретении информации, практических знаний, умений и навыков. Таким образом, небывалый серьёзный вызов брошен преподаванию литературы, так как оно не предоставляет никаких практических умений и навыков. А вытеснение истории литературы предметами, добавленными по сиюминутной нужде, наблюдается все чаще и чаще. В некоторых институтах история русской литературы уже превратилась в факультативный предмет. Раз предмет факультативный, значит, часть студентов может не посещать занятия. Нравственное, морально-эстетическое и этическое воспитание, получаемое в процессе знакомства с литературой, уже в значительной степени потеряно.

Модель обучения русской литературе в режиме диалога

Преподавание русской литературы в китайских вузах далеко от идеала. Его проблема заключается в неизменной традиционной методике преподавания. В китайских вузах в обучении русской литературе главным образом использована традиционная методика преподавания: преподаватель рассказывает, а студенты слушают. Хотя преподаватели литературы прибегают к различным приёмам и средствам, но результата мало. К тому же, при обучении мы в какой-то степени упускаем из виду права студента как субъекта, способ восприятия материала студентом, отношение между преподавателем и студентом. Преподавание раскрывается с точки зрения преподавателя как субъекта, а студент в этом плане предстаёт как объект. Иначе говоря, в ходе обучения решающую роль играют вертикальные диалоги преподавателя и студента, где преподаватель несет высшее начало, а студент являет стихию природы. Значит, горизонтальных диалогов, в которых студент и преподаватель были бы равны, далеко недостаточно. Несомненно, преподаватель при этом не сможет уделять должное внимание вопросу развития аналитических и творческих способностей, мало или совсем не сможет заниматься исследованием проблемы повышения личностных (гуманитарных) качеств и нравственно-эстетических ценностей студента, в результате чего гуманитарные и ценностные представления учащихся ослабевают.

В связи с этим я хотела бы представить вашему вниманию модель преподавания русской литературы – модель «чтение, рассказ, анализ и выступление» в режиме диалога. Такая модель получена в результате нашего многолетнего преподавания и исследования, она является практичной и результативной. Модель «чтение, рассказ, анализ и выступление» в режиме диалога построена на основании эстетического сознания, рецептивной эстетики и диалогической теории педагогов. Эта теория признаёт центральное место субъекта (учащихся) и утверждает, что отношения между преподавателем и учащимися должно быть равными, диалогическими и взаимозаботливыми. С учётом языковых особенностей учащихся, изучающих иностранные языки, эта модель способна развивать творческое сознание и способности к творческому мышлению путём чтения русских подлинников, литературной критики, дискуссии о них. Эта модель предоставляет учащимся возможность развить творческое воображение, органично сочетать специальные знания, нравственные ценности, эстетические вкусы и практические умения.

Конкретно говоря, задача преподавателя состоит в том, чтобы в самом начале семестра раздать студентам список русских писателей и их произведений. Задача студентов – ознакомиться с жизненным и творческим путём писателя, читать его произведения по плану. Когда на занятиях проходят конкретного писателя и его произведения, студенты должны знать и уметь рассказывать о произведениях, делать короткий анализ, потом группами исполнять фрагменты. Анализ и критике уделено большое внимание, потому что на занятии один студент выражает своё мнение, другой может возражать,

при этом возникает дискуссия. Благодаря этому у студентов постепенно формируется привычка думать самостоятельно, творчески, по-новому. Одновременно они повышают уровень устной речи и эстетического сознания. Под конец семестра от них уже можно услышать такие вопросы, как: «Почему жизнь многих поэтов оборвалась трагически рано?», «Почему почти каждый из русских писателей обращается к нравственным проблемам?» и др. Студенты пробуют изложить свой взгляд в исторических, культурных, национальных, политических аспектах. И ответ на эти вопросы показывает, что студенты уже овладели умениями и способностями ставить и решать конкретные вопросы.

Необходимо сказать ещё несколько слов об исполнении произведений. Исполнение состоит из двух частей: чтение стихотворений и исполнение произведений. Изучая творчество А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, мы обычно устраиваем чтение стихотворений поэтов. Мы знакомим студентов также с пьесами драматургов: А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. Н. Островского, А. Вампилова и др. Мы стараемся организовать студентов для постановки отрывков из пьесы. Хотя это у нас не всегда получалось из-за нехватки времени, всё-таки в этом отношении мы кое-что сделали. Помню, как однажды студенты одной группы показали спектакль о свадебных обрядах русского народа. На примере рассказали о свадьбе одной семьи трёх поколений – золотая свадьба у бабушки и дедушки, серебряная свадьба у родителей и свадьба у молодожёнов. Действие спектакля охватывает 50 лет: с 40-х по 90-е годы XX столетия, что отражает изменения в развитии общественной жизни, традиции и обычаев. Студенты инсценировали небольшой рассказ для большой пьесы. Спектакль длился около часа. И, самое главное, все 19 студентов без исключения участвовали: у каждого была своя роль – жениха, невесты, тамады, журналиста, парня с гитарой, прохожих и др. Даже неожиданно пригласили меня выступить как мать молодой невесты. Хотя я была не очень довольна своим поздравлением и пожеланием, спектакль мне очень понравился. Такое выступление не только повышает уровень владения русским языком у студентов, но и заставляет их овладеть многими знаниями по страноведению России, такими, как свадебные обряды, песни под гитару, значение тамады и др.

Из-за нехватки времени на занятиях можно представить спектакль и во внеурочное время. Например, история любви Онегина с Татьяной из «Евгения Онегина» является фрагментом любимых студентами произведений. Они в разных ситуациях исполняли этот эпизод. Я ещё рекомендовала им пьесы А. Вампилова, особенно его «Прощание в июне». Почти все произведения А. Вампилова посвящены жизни молодёжи, особенно их студенческой жизни, так что эти жизненные ситуации студентам будут близки.

Вообще говоря, модель преподавания «чтение, рассказ, анализ и выступление» в режиме диалога сделала большой шаг на пути реформы системы «преподавание-учение» как традиционной дидактической методики, учитывая гуманитарное начало как нравственное представление, эстетическое сознание и идейное воспитание.

Преподавание русской литературы в мультимедийном режиме

Занятия по истории русской литературы мы проводим в аудитории с мультимедийным оборудованием. Интерактивное мультимедийное обучение в китайских вузах на сегодняшний день пользуется большой популярностью. О преимуществах этих средств уже не надо рассказывать. Из нашего опыта следует, что, хотя студенты уже потеряли исходный интерес к мультимедийному показу, он всё же представляет собой эффективное средство обучения. Достоинства его звука, текста и изображения сделали многоканальный, высокоэффективный (экономия времени писать на доске, повышения интереса студентов) и языковой ввод информации возможным, намного улучшили эффективность обучения, потому что информация, представленная в мультимедийном виде, обладает существенно иными свойствами, чем информация из учебников, книг и пр., более наглядна и предметна.

Остановимся на конкретных примерах изучения творчества А. С. Пушкина. Мы здесь продемонстрируем, как мы проводим занятия по истории русской литературы.

Мы делим изучение творчества А. С. Пушкина на два блока: биографию и его значение в истории русской литературы. Его биография состоит из периодов лицейского (1811–1817), петербургского (1817–1820), южной ссылки (1820–1824), михайловского (1824–1826) и последних лет (1826–1837). Мы рассказываем и показываем картинки, связанные с жизнью и творчеством поэта. Так, когда рассказываем о годах в Михайловском, мы показываем кабинет поэта, домик его няни, аллею Керн и др. Когда речь идёт о романе в стихах «Евгений Онегин», представлены афиши премьеры спектакля по этому произведению, поставленного в Петербурге, остров уединения, стул Онегина, упомянутого в стихах и находящегося в Михайловском. Таким образом, сделанное нами в известной степени гарантирует привлечение внимания студентов, улучшает овладение культурными фоновыми знаниями, повышает интерес студентов к занятиям. Нам иногда трудно знакомить студентов с одним произведением полностью в ограниченное время, при этом мы показываем отрывки фильма, снятого по таким произведениям, как «Станционный смотритель», «Барышня-крестьянка», «Пиковая дама» и др. Главная цель показа состоит в том, чтобы студенты получили более наглядное и чувственное представление о произведении на основе чтения подлинника.

Разумеется, восприятие литературы в конечном счёте принадлежит рациональному познанию. Преподавание в мультимедийном виде посредством показа текста, картинок и видеозаписи стремится достичь такой цели, чтобы чувственное познание учащимися литературных знаний поднималось бы на уровень рационального восприятия, следовательно, мы стремимся достичь постепенного сочетания цели преподавания и личностного эстетического направления.

На основе вышеизложенного можно сделать вывод, что сегодняшнее состояние методики преподавания диктует необходимость новых подходов, обусловленных особенностями социально-экономического развития в текущий момент и позволяющих

заинтересовать студента, выявить его личное отношение. Повышаются требования к преподавателям: одного профессионализма, серьёзного отношения к организации или любви к своему предмету далеко недостаточно. Лишь непрерывно и постоянно впитывая в себя новейшие способы исследований и средства обучения, мы сможем выйти на новый современный уровень преподавания литературы.

Лижуйлян

Далянский институт иностранных языков

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ ОБРАЗА ЧАЙКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЬЕСЫ А.П.ЧЕХОВА «ЧАЙКА»)

Особой заслугой Чехова-драматурга можно считать создание такого нового для драматургии явления, как образы-символы. Именно они помогают читателю и зрителю наиболее точно и полно понять внутреннее состояние героев, их взаимоотношения и драматические конфликты, которые порой не так заметны в пьесах Чехова. Одним из ярких примеров, иллюстрирующих такое явление, является пьеса «Чайка».

«Чайка» – бесценное наследие чеховской драматургии, классика мировой сцены. Образ-символ чайки всегда вызывает интерес у читателей и критиков. Чаще всего его понимают таким образом: образ чайки уже в момент его зарождения принадлежит Нине и связан с темой полёта, победы, подвига. Однако этот образ неоднозначный, он движется, изменяется на протяжении всей пьесы, наполняется новыми значениями в процессе жизни пьесы на сцене, в сознании читателя и зрителя. Как бы ни толковался этот образ-символ, исчерпать его содержание едва ли возможно. Поэтому вполне актуально исследование образа чайки с разных аспектов.

Образ чайки и тема безответной любви и неудовлетворённости жизнью

Образ чайки прежде всего – символ неразделённого чувства, взаимного непонимания героев и неудовлетворённости жизнью. Каждый существует сам по себе, в одиночку, и не способен к пониманию другого. Поэтому так особенно безнадежно здесь чувство любви: все любят, но все нелюбимы и все несчастны. Каждый ищет смысл жизни, стремится к лучшему будущему, но все страдают от неустроенности жизни.

1.1. Любовь Нины и образ чайки

Нина Заречная любила молодого писателя Треплева. У них была чистая, как белая чайка, любовь. Но приехал заурядный писатель Тригорин и от нечего делать погубил эту любовь. «Сюжет для небольшого рассказа: на берегу озера с детства живёт молодая девушка, такая, как вы, любит озеро, как **чайка**, и счастлива, и свободна, как **чайка**. Но случайно пришел человек, увидел и от нечего делать погубил её, как вот эту **чайку**» [1, 467]. Образ чайки в данный момент принадлежит Нине, неопытной мечтательнице, которая влюбилась, скорее, в свою мечту, чем в Тригорина. Этот образ сим-

волизирует первую, чистую, но беззащитную любовь Нины, погибшую от рук подлого писателя, который бросил её, записав в блокнот сюжет для небольшого рассказа. Любовь к Тригориному была продолжением её грёз, её мечтаний, её идеализирования юности. Нина впала в отчаяние. Она была глубоко несчастна. Треплеву она сказала: «Хорошо тому, кто в такие ночи сидит под кровом дома, у кого есть тёплый угол! Я – чайка... Нет, не то» [1, 493]. Здесь образ чайки – символ скитальца, лишённого домашнего тепла, уюта, семейного счастья, которые героиня искала, но не нашла. Она была грубо обманута, разочарована жестокостью жизни, но не захотела примириться со своей тяжёлой участью.

1.2. Любовь Треплева и образ чайки

Чайка – это в какой-то мере и Треплев, который был так страстно и искренно влюблён в Нину. Но она отказалась от него, бросилась вслед за Тригориным. «Я имел подлость убить сегодня эту чайку. Кладу у ваших ног» [1, 462]. Этот поступок Треплева объясняется его душевным потрясением, потерей душевного равновесия, вызванного предательством любимой девушкой. Убитая чайка – безнадёжная, мучительная любовь Треплева. Но в глубине его души не погасла надежда на возвращение к нему Нины. Он терпеливо её ждал: «Куда я ни смотрел, всюду мне представляется ваше лицо, это ласковая улыбка, которая светила меня в лучшие годы моей жизни» [1, 492]. Но его любовь по-прежнему не получала ответа. Нина призналась Треплеву, что их прежние чувства были похожи на нежные, тонкие цветы. Но любить его, как раньше, она уже не могла, потому что полюбила Тригорина. Последний огонёк надежды у Треплева погас. Ему ничего не осталось делать, кроме как убить себя. Другого выхода нет для его чуткой, тревожной души. И, значит, в данной ситуации «чайка» связана с образом Треплевым, с его страстной, самоотверженной, в то же время ревностной, безнадёжной любовью.

1.3. Связь образа чайки с жизнью других персонажей.

Образ чайки не лишён связи и с другими персонажами пьесы, которые на первый взгляд не имели непосредственного отношения с этим образом. Маша до отчаяния любит Треплева. Аркадина последним усилием воли удерживает Тригорина возле себя. Полина Андреевна постоянно страдает от равнодушия Дорна, учитель – от чёрствости Маши. Как шутил сам Чехов, «мало действия, пять пудов любви». Каждый из героев тревожно ищет, как чайка, большую любовь, настоящего смысла жизни, но все страдают от несложившейся судьбы. Вся пьеса проникнута томлением духа, тревогами взаимного непонимания, неразделённого чувства, всеобщей неудовлетворённостью.

Любовь, охватившая почти всех героев, составляет главное действие «Чайки». Но сильнее любви оказывается преданность искусству. Это пьеса о людях искусства: старом поколении, считающем самоцелью подражание природе, и о молодых художниках, ищущих новых форм искусства.

Образ чайки и тема искусства

1.1. Образ чайки и представители старого искусства

Предстателями старшего поколения в пьесе являются Аркадина и Тригорин. Аркадина – самодовольная, средняя актриса, имевшая успех в молодости. Она живёт воспоминаниями о бывшей славе, не признаёт ничего нового в искусстве, называет искусство сына «декадентским бредом». Внутренний мир Тригорина так же беден, как у Аркадиной. Он пишет пустые, бессодержательные романы, которые противны даже ему самому: «Я умею писать только пейзаж, а во всём остальном я фальшив, и фальшив до мозга костей» [1, 466]. Неслучайно образ чайки возникает в конце пьесы: «Вот вещь, о которой я давеча говорил... (Достаёт из шкафа **чучело чайки**.) Ваш заказ» [1, 494]. Чучело чайки – это чайка, потерявшая жизненную силу, лишённая души и чувств. Оно представляет собой поколение людей старого искусства, которое уже разладилось, потеряло значение своего существования, и которое непременно заменит новое искусство.

1.2. Образ чайки и новое поколение искусства

Константин Треплев и Нина Заречная представляют новую силу искусства. Оба они стремятся попасть в чудный мир искусства. Они начинают вместе: девушка играет в пьесе, которую написал влюблённый в неё талантливый юноша. Но они идут по разным, не пересекающимся путям.

Треплев хорошо понимает все изъяны старого искусства, которое его душит, давит. Он мечтает о новых формах. В разговоре с Сориным о театре мы находим его рассуждение об искусстве: «...а, по-моему, современный театр – это рутина, предрассудок. Когда поднимается занавес и при вечернем освещении, в комнате с тремя стенами, эти великие таланты, жрецы святого искусства изображают, как люди едят, пьют, любят, ходят, носят свои пиджаки...» «Нужны новые формы. Новые формы нужны, а если их нет, то лучше ничего не нужно» [1, 443].

Треплев принадлежит к новому поколению и в своих взглядах на искусство выступает как антипод и Тригорина, и своей матери: «Я талантливее вас всех, коли на то пошло! Вы, рутинёры, захватили первенство в искусстве и считаете законным и настоящим лишь то, что делаете вы сами, а остальные вы гнёте и душите! Не признаю я вас! Не признаю ни тебя, ни его» [1, 473]. Эти слова являются протестом Треплева по отношению к старому искусству. Он стремится к новому искусству, применяет в своей пьесе новые формы, благодаря которым, по его мнению, искусство возродится, приобретёт новое дыхание. Однако его новые формы остались никем не понятными, не признанными, даже игравшая в его пьесе Нина говорит: «В вашей пьесе трудно играть. В ней нет живых лиц» [1, 493]. Убитая во втором акте «чайка» как образ-символ приобретает новый смысл: это не только погубленная любовь Треплева, но и гибель его новых форм искусства, к чему герой так стремится. Эти новаторские формы Треплева слишком далеки от жизни, они не способны воспроизвести реалии и поэтому лишены возможности дальнейшего существования.

Среди всех персонажей пьесы ярко выделяется образ Нины. Она достойна внимания не только как любящая женщина, мать, но и как актриса, преданная театру. Образ чайки углубляется вместе с развитием личности Нины. Нина была наивная мечтательница, которая жаждала встречи с людьми искусства. Дом Сорина на другом берегу озера притягивает её как магнит: «А меня тянет сюда к озеру, как **чайку**». В лице Аркадиной и Трегорина она видит своих кумиров, пытается подражать им, стать такой же, как они. Нине хочется, чтобы вокруг неё всегда был шум, веселье, всеобщее обожание: «...но зато бы уж я потребовала славы, настоящей, шумной славы... (закрывает лицо руками) Голова кружится... Уф!...» [1, 466].

Девушка с таким наивно-романтическим представлением о действительности может легко быть обманутой. Её надежда на шумную славу и на вступление в чудесный мир большого искусства не оправдана: «Бралась она всё за большие роли, но играла грубо, безвкусно, с завыванием, с резкими жестами. Бывали моменты, когда она талантливо вскрикивала, талантливо умирала, но это были только моменты» [1, 484]. Нина Заречная переживает самый тяжёлый момент жизни. Прежние мечты, надежды, как туман, исчезли. Её личная жизнь не удалась, а сцена оказалась ещё хуже. Про её письма Треплев сказал: «Письма умные, интересные, она не жаловалась, но я чувствовал, что она глубоко несчастна; что ни строчка, то больной, натянутый нерв. И воображение немного расстроено. Она подписывалась **Чайкой**» [1, 485].

Неужели Нина примирилась со своей тяжёлой участью? Неужели она уже согласна с тем, что она – та погубленная чайка, сюжет для небольшого рассказа? Ответ на этот вопрос может быть найден в последнем диалоге Заречной и Треплева: «Я **чайка**. Нет, не то... Помните, вы подстрелили **чайку**? Случайно пришёл человек, увидел и от нечего делать погубил... Сюжет для небольшого рассказа. Это не то... (Трёт себе лоб) О чём я?.. Я говорю о сцене. Теперь уж я не так...» [1, 493]. В этих словах две «чайки». Они не одно и то же, их сопоставление имеет глубокий символический смысл: Нина анализирует прежнее понимание сцены, призвание артиста с её теперешним представлением. От первой «чайки» до второй она прошла длительный, нелёгкий путь. Через все страдания она поняла настоящее признание артиста: «Я уже настоящая актриса... Я теперь знаю, понимаю, Костя, что в нашем деле – все равно, играем мы на сцене или пишем – главное не слава, не блеск, не то, о чём я мечтала, а умение терпеть. Умение нести свой крест и вера» [1, 494].

Призыв к мужественному терпению открывает трагическому образу чайки воздушную перспективу – полёт в будущее. Героиня вырастает на наших глазах, возрождается через испытания, как феникс из пепла.

Образ чайки в композиции пьесы

В чеховской пьесе «Чайка» наблюдается тенденция к децентрализации, что проявляется, во-первых, в принципе отсутствия единодержавия героя. У Чехова нет един-

ственного главного героя, на главное место выходит то один, то другой герой; во-вторых, в сюжете, который дробится на микросюжеты; в-третьих, в чеховском диалоге, который тяготеет к монологизации (он выступает не как словесный массив, не как одна обсуждаемая тема, скорее, это разговор персонажа с самим собой). Всё это, однако, не значит, что Чехов ограничился лишь тем, что раздробил действие, «распустил» диалогические связи и контакты персонажей. Всё дело в том, что у Чехова на месте отрицаемого возникала новая система выразительных средств. Ослабляя непосредственную событийную динамику сюжета, Чехов вместе с тем вводит в сюжет новое измерение. Речь идёт о сквозном образе-мотиве, пронизывающем всё повествование.

Образ чайки в пьесе напоминает о себе многочисленными деталями, повторами, переключками, которые скрепляют пьесу, лишённую господствующего главного героя. Приводим в пример те детали, совокупность которых раскрывают нам жизненный и актёрский путь Нины.

Во втором акте, увидев убитую Треплевым чайку, Нина сказала: «И вот эта **чайка** тоже, по-видимому, символ, но, простите, я не понимаю...» [1, 462]. Нина была счастлива, свободна, её сердце полно мечтаний о большом будущем. Она ещё никак не могла сравнивать себя с этой несчастной птицей.

В третьем акте при прощании с Тригориным происходит такой разговор:

Тригорин: Я буду вспоминать. Я буду вспоминать вас, какую вы были в тот ясный день – помните? – неделю назад, когда вы были в светлом платье... Мы разговаривали... ещё тогда на скамье лежала белая **чайка**.

Нина (задумывает): Да, **чайка** [1, 469].

Нина видит в Тригорине кумира. Ей хочется пользоваться такой же популярностью, как он. Убитая чайка вроде бы напоминает ей о нелёгкой жизни, которая ей предстоит на пути к славе. Она перенесла бы всё (нелюбовь близких, нужду, разочарование), лишь бы добиться славы, шумной славы.

Потом в письмах Треплеву Нина подписалась **чайкой**, всё повторяла, что она **чайка**. В это время Нина выступала в театре, но свои роли она играла плохо. Она не стала такой актрисой, какой хотела бы. На своём опыте она узнала, как жизнь груба, и всё думает, что она несчастная чайка, которая лежала на скамье.

Вспомним ещё раз разговор Нины и Треплева в финале: «Я – **чайка**... Не то. Я актриса. Ну да!.. Я – **чайка**. Нет, не то... Помните, вы подстрелили **чайку**?» [1, 493] Повторение реплики «Я чайка... Не то» позволяет читателям проникнуть во внутренний мир героини. Претерпев неудачи, потеряв многое в жизни, героиня не побеждена жестокой реальностью. Она нашла себе место в жизни, на сцене, и как мужественная чайка, расправив крылья, готова к новым испытаниям.

Отсюда видно, как велика роль центрального образа-символа. С каждым появлением образа чайки усиливается динамика сюжета, повышается драматическая на-

пряжённость. Он словно заново скрепляет пьесу, раздробленную на микросюжеты, лишённую главного героя.

Композицию пьесы можно назвать кольцевой. Действия начинаются в доме Сориных, у озера, и заканчиваются здесь же. В рамке общего кольца пересекаются маленькие круги:

1. С точки зрения пространства:

- Тригорин и Аркадина вновь приехали к Сориным, погостили и уехали, потом вновь вернулись.

- Нина вернулась в родной город спустя 2 года.

- Маша приехала к родителям, не желая вернуться с мужем домой.

2. С точки зрения событийности:

- Нина встречается с Треплевым в конце пьесы, как и в начале. В конце пьесы она повторяет слова роли, написанной Треплевым.

- Треплев застрелился после того, как убил чайку, и пытался покончить с собой.

- Тригорин возвращается к Аркадиной, разлюбив Нину.

Смысловая нагруженность композиции пьесы выявляется благодаря сквозному образу чайки. Для Нины круг обозначает не глухое смыкание, не возвращение к исходному пункту, а начало новой, полной смысла жизни. Для Треплева замкнутое кольцо является символом безвыходности, тупика. А что касается остальных персонажей пьесы, то оно приобретает иной смысл – это серый, унылый круговорот дней, бессмысленное усыпляющее повторение одного и того же, полнейшая бессобытийность и безвременность. Итак, сквозной образ чайки постепенно выводит нас на глубинный содержательный уровень произведения. Мы не могли бы целиком постичь смысловую ёмкость образа чайки, не учитывая взаимоотношений между этим символом и композицией пьесы.

Таким образом, проведённое нами исследование подтверждает, что смысловая ёмкость образа – символа чайки очень велика. Символ чайки расшифровывается как мотив тревожного полёта, страдания от потери ориентира в жизни, боль, вызванная непониманием друг друга, порой самого себя, безответная любовь. Этот образ также значит борьбу с тяжёлыми обстоятельствами жизни, стойкий поиск истинного смысла жизни, верного пути в искусстве, готовность терпеть, достойно принимать удары в жизни. И, в конце концов, он символизирует потребность полёта, порыва, стремление к человеческому счастью. Всё это ещё далеко не полный перечень всех символических смыслов данного образа, так как его смысловое поле постоянно расширяется, взаимодействуя с другими деталями разных уровней языка.

Роль кольцевой композиции пьесы в усилении драматической напряжённости не отделима от функционирования в пьесе образа чайки. Взаимосвязь между этим образом и композицией произведения приводит читателей к более полному и точному раскрытию художественной идеи пьесы «Чайки».

Библиографические ссылки

1. Чехов А. П. Чайка: Пьесы 1880–1904. – Харьков, 1999.
2. Голубков В. В. Мастерство А.П. Чехова. – М., 1958.
3. Громов М. Книга о Чехове. – М.: Современник, 1989.
4. Добин Е. Сюжет и действительность. Искусство детали. – М.: Сов. писатель, 1981.
5. Огнос Ю. А. В мире драмы. – М., 1971.
6. Паперный З. С. «Чайка» А. П. Чехова. – М., 1980.
7. Чудаков А. П. Антон Павлович Чехов. – М.: Просвещение, 1987.

Ван Йешу

Чанчуньский университет технических и естественных наук

Су Шилинь

Чанчуньский педагогический университет

ПРОБЛЕМА АССИМИЛЯЦИИ РУССКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В современном мире нет языков, словарный состав которых не обогащался бы за счет иноязычных слов. Не существует генетически «чистых», «беспримесных» языков, которые бы в течение тысячелетий развивались без всякого влияния окружающей языковой среды, в полной обособленности от соседей. [1]

Русский язык связан с английским языком издревле, и хотя заимствованные слова русского происхождения занимают маленькую часть в современном английском языке, нет оснований не уделять этому особого внимания.

В этой статье исследуется проблема ассимиляции русских заимствованных слов в английском языке, в том числе фонетическая, грамматическая и семантическая ассимиляции.

1. Понятие ассимиляции

Ассимиляцией заимствованных слов называется их приспособление в фонетическом, грамматическом и семантическом отношении к системе принимающего их языка. Степень ассимиляции может быть весьма различной и зависит от того, насколько давно произошло заимствование, произошло ли оно устным путем или через книгу, насколько употребительно слово и т. д. Ассимиляция заимствований заслуживает быть изученной в плане как формы, так и значения. Раньше слово входило в язык только устным путём и быстро ассимилировалось фонетически. В наше время большая часть слов передаётся с помощью книг и СМИ.

2. Фонетическая ассимиляция

Часть заимствованных слов из русского языка в процессе своего функционирования в английском языке полностью фонетически ассимилировались. Фонетическая ассимиляция представляет собой изменения в звуковой и акцентной структуре слова.

Фонетическое усвоение русских заимствований приводит к подчинению их нормам английского словесного ударения. Фонемы, чуждые для звукового строя английского языка, заменяются наиболее близкими английскими фонемами и их вариантами.

Русские заимствованные слова, проникшие в словарный состав английского языка, как и всякие другие заимствованные слова, преобразуются в своем звуковом облике, подчиняясь внутренним законам развития английского языка. Это хорошо можно проследить на примере таких слов, как *korsek* (копейка), *knout* (кнут), *samovar* (самовар), *morse* (морс) и другие, звуковой облик которых преобразован по законам английского произношения. Конечно, некоторые русские заимствованные слова в процессе вхождения в английский язык сохранили свой бывший звуковой облик, например, *kvass* (квас), *blin* (блин), *vodka* (водка) и т.д.

Русские мягкие согласные в заимствованных словах не отличаются от твердых, так как английскому языку не свойственна палатализация согласных. Можно увидеть изменения в аспекте фонетики в таких примерах: *rouble* (рубль), *steppe* (степь).

Одно явление привлекло внимание многих лингвистов в результате фонетической ассимиляции: это перенос ударения в русских заимствованных словах в английском языке. Перенос ударения наблюдается во многих заимствованных словах, например, *копейка-korsek*, *казак-Cossack*, *шашлык-shashlik*, *кумыс-koumiss*, *большевик - Bolshevik*.

Автор настоящей статьи также уделяет внимание другому явлению – отпаданию конечного гласного у русских заимствованных слов. Например, *верста-verst*, *копейка-korsek*, *юрта-yurt*.

3. Грамматическая ассимиляция

Грамматическая ассимиляция заключается в полном изменении бывшей парадигмы заимствованного слова, а также в словообразовательной активности слова. Словообразование может осуществляться различными путями: конверсия, аффиксация, словосложение, усечение.

Английский язык заимствовал из русского языка в основном имена существительные. Одним из признаков грамматической ассимиляции существительных является образование множественного числа по модели языка-реципиента. Наиболее употребительные в английском языке заимствования образуют множественное число с английским суффиксом *s* или *es*, например, *sable* (соболь) – *sables*, *mammoth* (мамонт) – *mammoths*, *steppe* (степь) – *steppes*, *ukase* (указ) – *ukases* и т.п.

Входя в систему чужого языка, многие слова легко присоединяют аффиксы этого языка. Особенно для производных русских заимствованных слов нередко присоединяются английские суффиксы, образующие существительные:

-ism: *Bolshevik* (большевик) – *Bolshevism*

Menshevik (меньшевик) – *Menshevism*

-ist: *Bolshevik* (большевик) – *Bolshevist*

Menshevik (меньшевик) – Menshevist

Pogrom (погром) – pogromist

Для английского языка характерен особый способ словообразования – без присоединения аффиксальных элементов. Мы сравним различные способы употребления русских заимствованных слов в русском языке и в английском языке. Мамонтова пещера или пещера мамонта – «Mammoth Cave», в английском языке это словосочетание образуется без присоединения аффиксальных элементов, по способу «имя существительное + имя существительное».

Иногда некоторые русские заимствованные слова в английском языке обладают особенностями другой части речи, объем которой шире, чем в русском языке. Например, «кнут» – является именем существительным в русском языке, но заимствовано английским языком и как имя существительное knout, и как глагол to knout. «Соболь» в русском языке – имя существительное, а в английском языке – и имя существительное sable, и прилагательное sable («черный»).

4. Семантическая ассимиляция

Не менее интересна ассимиляция значений. Прежде всего, здесь нужно особо выделить новые значения слов, возникшие под влиянием иностранных эквивалентов. В заимствованиях наиболее важное семантическое явление – это специализация значения. Лексико-семантическая ассимиляция подразумевает вхождение в систему новых значений, преобразования в семантической структуре слова, сочетаемость со словами языка-реципиента. Редко случается, чтобы иностранное слово вошло в заимствующий язык со всеми своими значениями, хотя бы их было и очень много. Слово заимствуется другим языком только с одним, редко с двумя или тремя значениями. Практически все заимствования из русского языка имеют всего одно значение. Небольшая группа слов заимствована с двумя значениями, которые часто близко связаны друг с другом.

При сравнении значений заимствованного слова с тем, какое оно имело в языке, откуда оно пришло, обычно обнаруживается, что в заимствовавшем языке оно сохраняет лишь часть своих значений, часто одно, и притом не основное, а производное, и нередко становится термином. Яркими примерами тому являются заимствованные из русского «sputnik» и «soviet». Слово «спутник» в современном русском языке имеет несколько значений, связанных друг с другом:

1) человек, который вместе с кем-нибудь совершает путь:

Мои спутники оказались приятными собеседниками;

2) то, что сопутствует чему-нибудь:

Каменная соль – спутник нефти;

3) небесное тело, обращающееся вокруг планеты:

Луна – спутник Земли;

4) космический аппарат, запускаемый на орбиту с помощью ракетных устройств.

Последнее значение слова «спутник» – самое молодое. День рождения его известен – 4 октября 1957 года, когда в СССР был произведён запуск первого искусственного спутника Земли. Это значение слова «спутник» возникло на основе третьего значения. Именно в этом новом значении слово «спутник» вошло во многие языки мира, в том числе и в английский язык.

Слово «совет» в русском языке тоже имеет несколько значений:

- 1) мнение, высказанное кому-нибудь по поводу того, как ему поступить, что сделать; наставление, указание;
- 2) совместное обсуждение чего-нибудь, совещание для такого обсуждения;
- 3) согласие, дружба;
- 4) различный коллегиальный орган;
- 5) представительный орган государственной власти в СССР, одна из форм политической организации социалистического общества.

Последнее значение слова «совет» вошло в английский язык как термин о форме советской политической организации. На основе этого значения возникло много производных слов, например, *sovietist* – член организации, сторонник страны Советов; (*sovietism*) – Советская власть, система управления посредством Советов; *sovietisation* – делать советским, советизировать; *sovietic* – советский. В течение же 1920–1931 годов, как свидетельствуют английские словари, был создан на основе русского слова «совет» целый ряд английских словообразований: *the Soviet* – Советская республика, Советский Союз, Советская власть, ныне частотны словосочетания *Soviet Russia*, *Soviet Union* (*Soviet Government*) *Soviets* и т.д.

Вследствие семантической ассимиляции русские слова приобретают в английском языке общенародную употребительность, в ряде случаев вытесняют исконные слова в категорию малоупотребительных синонимов, став главными выразителями определенных понятий.

Степень общенародной распространенности заимствований определяет в значительной мере их словообразовательную продуктивность и способность сочетаться со словами исконной лексики. Характерной чертой семантической ассимиляции заимствований является вхождение их в устойчивые словосочетания в английском языке, а также звуковое и смысловое сближение их со словами исконной лексики.

5. Степень ассимиляции

Степень ассимиляции зависит от исторических условий развития каждого конкретного слова, т. е. от времени заимствования, характера заимствования, коммуникативной значимости слова и т. д.

По степени ассимиляции русских заимствованных слов в английском языке их можно подразделить на:

- 1) полностью ассимилированные, т. е. соответствующие всем морфологическим, фонетическим и орфографическим нормам заимствовавшего их языка и воспринимаемые говорящими как английские, а не иностранные слова, например, *mead* (мед), *sable* (соболь), *morse* (морс) и пр.;

2) частично ассимилированные, т. е. оставшиеся иностранными по своему произношению, написанию или грамматическим формам. В отличие от полностью ассимилировавшихся, частично ассимилировавшиеся русские заимствованные слова сохраняют следы своего иностранного происхождения в виде фонетических, грамматических и семантических особенностей, например, *taiga* (тайга), *tundra* (тундра), *shashlik* (шашлык) и другие заимствования, обозначающие чуждые англичанам реалии и понятия.

3) частично ассимилированные понятия, связанные с Россией и не имеющие английского эквивалента. Например, из русского *steppe* (степь), *rouble* (рубль), *verst* (верста).

Процесс ассимиляции может быть настолько глубоким, что иноязычное происхождение таких слов не ощущается носителями английского языка и обнаруживается лишь с помощью этимологического анализа. С целью адекватного их описания в толковых словарях английского языка лексикографами широко используется энциклопедическая информация, сообщающая о местах распространения, формах существования, способах применения и т.д. обозначаемых объектов и явлений. Так, при толковании слов «*taiga*», «*tundra*» наряду с указанием родовой характеристики и отличительных признаков, позволяющих увидеть специфику и отличие данных реалий по сравнению с наиболее близкими и известными носителям английского языка реалиями, даются указания климатической зоны, географического ареала:

taiga – swampy coniferous forest of Siberia, beginning where the tundra ends;

tundra – treeless plain characteristic of arctic and subarctic regions.

Описание заимствованных в английский язык названий денежных единиц типа «*rouble*» также предполагает указание как на то, что это денежная единица, занимающая определенное место в общей системе денежных единиц, так и на страну, в которой она находится в обращении:

rouble – see money table, 100 kopecks, Russia.

Рассмотрение явлений, связанных с ассимиляцией русских заимствованных слов в английском языке, убеждает нас в том, что ассимиляция заимствованных слов – это объективный закономерный процесс фонетического, грамматического и семантического преобразования их по внутренним законам развития данного языка. Эти три вида ассимиляции (фонетический, грамматический и семантический) тесно связаны между собой и находятся в постоянном взаимодействии. Таким образом, результатом ассимиляции является осмысление морфологической структуры заимствованной лексики.

Библиографические ссылки

1. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика: Пособие для студентов гуманитарных вузов и учащихся лицеев. – М.: Аспект Пресс, 2000. – С. 169.
2. Аракин В. Д. История английского языка. – М., 2003.
3. Фадеев В. И. Русские слова в английском языке // Русская речь. – 1969. – С. 3.
4. Багия М. Б. Заимствования в современном английском языке. Дипломатическая академия МИД России. – М., 2003.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алтухова Татьяна Владимировна, соискатель Кемеровского государственного университета;

Алексютина Валерия Александровна, соискатель, кафедры журналистики и русской литературы XX века Кемеровского государственного университета;

Андреева Раиса Федоровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры французской филологии Кемеровского государственного университета;

Аникеева Екатерина Сергеевна, ассистент кафедры английской филологии № 2 Кемеровского государственного университета;

Анисимова Людмила Геннадьевна, доцент кафедры истории и теории журналистики Ставропольского государственного университета;

Антипов Александр Геннадьевич, доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики и риторики Кемеровского государственного университета.

Барсуков Александр Михайлович, аспирант Кемеровского государственного университета;

Барышева Евгения Леонидовна, аспирантка кафедры русского языка Кемеровского государственного университета;

Баснина Анна Павловна, аспирантка Кемеровского государственного университета культуры и искусств;

Бец Мария Владимировна, преподаватель кафедры литературы и русского языка Кемеровского государственного университета культуры и искусств;

Бирюков Сергей Владимирович, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук Кемеровского государственного университета.

Бондарева Евгения Петровна, кандидат филологических наук, доцент Кемеровского института (филиал) Российского государственного торгово-экономического университета;

Ван Йешу, преподаватель Чанчуньского университета технических и естественных наук;

Ван Лидань, доцент факультета русского языка Даляньского университета иностранных языков (г. Далянь);

Ван Чаньцзюань, доцент факультета русского языка Даляньского университета иностранных языков (г. Далянь);

Гаврилов Евгений Олегович, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры конституционного и административного права Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний России, г. Новокузнецк;

Галышев Сергей Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры французской филологии Кемеровского государственного университета;

Дашкова Светлана Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры французской филологии Кемеровского государственного университета;

Денисенко Марина Валерьевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков Кемеровского государственного университета культуры и искусств;

Дроздов Роман Константинович, кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры журналистики Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина;

Дудко Любовь Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и сопоставительной типологии языков Таджикского государственного института языков им. Сотима Улугзода (г. Душанбе, Таджикистан);

Ермакова Ольга Львовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры кинофотовидеотворчества Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского;

Завьялова Галина Александровна, ассистент кафедры иностранных языков Кемеровского государственного сельскохозяйственного института;

Зауэрвайн Лариса Теодоровна, кандидат философских наук, доцент Кемеровского государственного университета культуры и искусств, начальник департамента культуры и национальной политики Кемеровской области;

Золотарева Светлана Александровна, кандидат культурологии, доцент кафедры иностранных языков Кемеровского государственного университета культуры и искусств;

Ильина Маргарита Георгиевна, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой французской филологии Кемеровского государственного университета культуры и искусств;

Кантарбаева-Билл Ирина, преподаватель Университета Тулузы II (Франция);

Карпинец Татьяна Анатольевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории, теории и истории культуры Кузбасского государственного технического университета;

Киселев Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры музейного дела Кемеровского государственного университета культуры и искусств;

Костюшкина Галина Михайловна, доктор филологических наук, профессор Иркутского лингвистического университета;

Красиков Владимир Иванович, доктор философских наук, профессор Кемеровского государственного университета;

Лижуйлянь, старший преподаватель факультета русского языка Даляньского университета иностранных языков (г. Далянь);

Лу Су, доцент факультета русского языка Даляньского университета иностранных языков (г. Далянь);

Лушникова Галина Игоревна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английской филологии № 2 Кемеровского государственного университета;

Лю Хун, профессор факультета русского языка Даляньского университета иностранных языков (г. Далянь);

Лю Чунь, преподаватель Китайского государственного северо-восточного университета (г. Шэянь);

Маджидова Н. Х., Таджикский государственный институт языков им. Сотима Улугзода (г. Душанбе, Таджикистан);

Межова Марина Вячеславовна, кандидат культурологии, доцент, и. о. заведующего кафедрой иностранных языков Кемеровского государственного университета культуры и искусств;

Мельников Дмитрий Николаевич, старший преподаватель историко-филологического факультета Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева (г. Астана, Казахстан);

Омеличкина Елена Олеговна, ассистент кафедры французской филологии факультета романо-германской филологии Кемеровского государственного университета, Университет Верхнего Эльзаса (г. Мюлуз, Франция);

Письмак Татьяна Геннадьевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры французской филологии Кемеровского государственного университета

Прохорова Лариса Петровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии № 2 Кемеровского государственного университета.

Пузырев Константин Сергеевич, аспирант Кемеровского государственного университета;

Пятаева Наталья Вячеславовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и журналистики Стерлитамакской государственной педагогической академии им. Зайнаб Биишевой (г. Стерлитамак, Республика Башкортостан);

Рабенко Татьяна Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков Кемеровского государственного университета;

Романова Наталья Ивановна, кандидат культурологии, доцент кафедры философии, права и социально-политических дисциплин Кемеровского государственного университета культуры и искусств;

Рыбникова Елена Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка и славяно-русского языкознания Кемеровского государственного университета;

Секулич Николь, президент культурной ассоциации русскоговорящих «Березка-бетулла» (г. Верона, Италия);

Сергеева Елена Фаритовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры музейного дела Кемеровского государственного университета культуры и искусств;

Сермягина Светлана Семеновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка и славяно-русского языкознания Кемеровского государственного университета;

Серова Любовь Федоровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры французской филологии Кемеровского государственного университета;

Старцева Татьяна Валерьевна, аспирантка, ассистент кафедры английской филологии Кемеровского государственного университета;

Су Шилинь, преподаватель Чанчуньского педагогического университета (г. Чанчунь);

Суржукова Анна Павловна, ассистент кафедры английской филологии № 2 факультета романо-германской филологии Кемеровского государственного университета;

Фу Лин, профессор факультета русского языка Даляньского университета иностранных языков (г. Далянь);

Чаурова Анастасия Валерьевна, студентка 5-го курса французского отделения факультета романо-германской филологии Кемеровского государственного университета.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1. СЛОВО В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИКАХ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

<i>Красиков В. И.</i> Литературные кружки и первые философские «кристаллизации» в России (10 – 30-е гг. XIX в.).....	3
<i>Зауэрвайн Л. Т.</i> Становление и развитие социокультурных функций русской риторики	10
<i>Анисимова Л. Г.</i> Полковые истории русской армии последней четверти XIX – начала XX в.....	17
<i>Киселев А. В.</i> Край как микротип российской цивилизации (опыт терминологического анализа и философско-культурологического осмысления).....	22
<i>Гаврилов Е. О.</i> Проблема дефиниции феномена нетрадиционной религиозности в современной России	26
<i>Дроздов Р. К.</i> Об активных процессах в языке современных российских средств массовой информации.....	34
<i>Баснина А. П.</i> «Слово произнесенное» в детских магических практиках (на примере детских «вызываний»).....	41
<i>Романова Н. И.</i> Социально-культурный проект «Чистое Слово» в Кемеровском государственном университете культуры и искусств	47
<i>Сергеева Е. Ф.</i> Институциональный аспект современной организации книжной культуры в Сибири	54

Раздел 2. РУССКОЕ СЛОВО: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

<i>Лушникова Г. И.</i> Слово в литературной пародии	59
<i>Аникеева Е. С., Прохорова Л. П.</i> Фигурная поэзия: особенности перевода	65
<i>Межова М. В.</i> Лингвокультурологические особенности перевода (на примере непереводимых элементов художественного текста).....	69
<i>Бец М. В.</i> Концептуализация «богатства» в немецких и русских поговорках	74
<i>Алтухова Т. В.</i> Влияние повседневности на естественную письменную русскую речь.....	80
<i>Бондарева Е. П.</i> Концепт <i>мысль</i> в русской лингвокультуре: признак движения.....	88
<i>Антипов А. Г.</i> Морфонологическая типология производного слова (на материале русских говоров).....	93
<i>Золотарева С. А.</i> Философские основания интерпретации имени в межкультурной коммуникации	97

<i>Денисенко М. В.</i> Адекватность перевода на русский язык английского прилагательного grey в «Саге о Форсайтах» Джона Голсуорси.....	103
<i>Рыбникова Е. Е.</i> Локативные предлоги как фрагмент русской языковой картины мира.....	107
<i>Николь Секулич.</i> Проблемы билингвизма в мультикультурном аспекте: (использование театральных тренингов в работе с детьми из двуязычных семей)	111
<i>Карпинец Т. А.</i> Социальный слой знаний концепта «метель» (на материале повести А. С. Пушкина)	117
<i>Пятаева Н. В.</i> К этимологии и истории слова <i>изящный</i> в русском языке.....	125
<i>Маджидова Н. Х.</i> Текст как основной источник лексики с национально-культурным компонентом семантики.....	130
<i>Завьялова Г. А.</i> Прецедентные имена в классическом детективе и особенности перевода.....	133
<i>Рабенко Т. Г.</i> Клятва: к фидеистическим основам жанра	139
<i>Сермягина С. С.</i> Художественный текст как особо организованное смысловое пространство.....	147
<i>Алексютина В. А.</i> Слово женщины в современном литературном процессе (на материале рассказов Л. Улицкой).....	150
<i>Старцева Т. В.</i> Гендерная специфика объективации концептуального соотношения emigrant – traveller (на материале романа J. O'Connor «Star of the sea»)	155
<i>Ермакова О. Л.</i> Имена «Иван» и «Абрам» как экземплификаты.....	163
<i>Суржукова А. П.</i> Форма презентации слова рассказчика в художественном произведении	167
<i>Дудко Л. Н.</i> Художественный текст как феномен национальной культуры и проблемы культуры речи	172
<i>Мельников Д. Н.</i> К вопросу о символической организации социокультурных связей между Россией и странами Центральной Азии (языковой аспект).....	177
<i>Барышева Е. Л.</i> Антитеза «светское–религиозное» в лингвистическом освещении	185

Раздел 3. МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: РОССИЯ – ФРАНЦИЯ

Глава 3. 1. Лингвокультурологический аспект межкультурных коммуникаций

<i>Костюшкина Г. М., Козлова Н. Н.</i> Культурно-исторический аспект категоризации опыта в цветовой картине мира.....	191
<i>Kantarbaeva-Bill Irina A. S.</i> Griboedov and the East	198
<i>Омеличкина Е. О.</i> Лингвокультурный типаж «heros / герой» в романе Alain-Fournier «Le grand meaulnes».....	210

<i>Андреева Р. Ф., Галышев С. В.</i> Гласность и транспарентность в русском и французском языках	217
<i>Ильина М. Г., Чаурова А. В.</i> Французские эпонимы в историко-культурном аспекте	223
<i>Письмак Т. Г.</i> Типы неконтролируемых значений и языковая картина мира	232
<i>Дашкова С. Ю.</i> Невербальный жест в педагогическом дискурсе	241
<i>Серова Л. Ф.</i> Переводческая стажировка бельгийских студентов в Кемеровском госуниверситете	248

Глава 3.2. Этнополитический аспект межкультурных коммуникаций

<i>Бирюков С. В.</i> Модернизация как социально-исторический выбор: пример России и Франции	254
<i>Барсуков А. М.</i> Национальные противоречия как фактор регионализации Бельгии	264
<i>Пузырев К. С.</i> Корсиканская проблема в современной политике Франции	271

Раздел 4. МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: РОССИЯ – КИТАЙ

<i>Лю Хун.</i> Исследования китайских русистов-методистов по проблемам языка и культуры: новый этап, проблемы и задачи	277
<i>Ван Чаньцзюань.</i> О роли коннотации при изучении русского языка китайскими студентами-русистами	281
<i>Фу Лин.</i> Функционально-стилистический анализ письменного текста	284
<i>Лю Чунь.</i> Проблема языковой интерференции при обучении фонетике русского языка в китайской аудитории	291
<i>Лу Су.</i> Обучение курсу прессы (на русском языке) на основе анализа потребностей общества	294
<i>Ван Лидань.</i> О методике преподавания русской литературы	297
<i>Лижуйлянь.</i> Символические значения образа чайки (на материале пьесы А. П. Чехова «Чайка»)	301
<i>Ван Йешу, Су Шилинь.</i> Проблема ассимиляции русских заимствований в английском языке	307

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	312

Научное издание

РУССКОЕ СЛОВО В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ И СОЦИАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

Сборник статей

по материалам Российской научно-практической конференции
с международным участием
«Русское Слово в культурно-историческом контексте»
(Кемерово – Далянь, 22 октября 2010 года)

Том II

Редакторы:

*А. А. Лушпей, Н. Ю. Мальцева
Т. В. Сафарова, Ю. А. Сивушкина
М. В. Чупина*

Дизайнер

К. А. Боряк, М. А. Иноземцев

Компьютерная верстка

В. А. Попкова

Подписано к печати 30.11.2010. Формат 60х84^{1/8}. Бумага офсетная.

Гарнитура «Таймс». Уч.-изд. л. 21,5. Усл. печ. л. 37,2.

Тираж 100 экз. Заказ № 226

Издательство КемГУКИ: 650029, г. Кемерово,
ул. Ворошилова, 19. Тел. 73-45-83.
E-mail: izdat@kemguki.ru